СССР
1988
Молодая гвардия
Мир,
молодежь,
солидарность!
4

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТАМЪ!
МИРЪ НАРОДАМЪ!
МИРЪ НАРОДАМЪ
МИРЪ НАРОДА
ЗЕМЛЯ
КРЕСТЬЯНА
ЗАВОДЫ РАБОЧИМЪ
ФАБРИКИ РАБОЧИМЪ
МИРЪ НАРОДАМЪ!
ЗЕМЛЯ
КРЕСТЬЯНАМЪ!
МИР
ВЛАСТЬ СОВѢТАМЪ
ВЛАСТЬ СОВѢТАМЪ
МИРЪ
НАРОДАМЪ
ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ
ЗАВОДЫ РАБОЧИМЪ
ФАБРИКИ
РАБОЧИМЪ
МИРЪ НАРОДАМЪ!
НАРОДАМЪ!
ТРУДА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

● СТИХИ МОЛОДЫХ

Валерий ЛАТЫНИН. **Согласие** 3

● ПРОЗА

Виктор ВЕРЕТЕННИКОВ. **Беркуты.** Повесть 7

● ПОЭЗИЯ

Геннадий ЩУРОВ. **У памятника Ленину. Дети войны. Военное фото.** Стихи 84

Татьяна ГЛУШКОВА. **Путь в Михайловское.** Стихи 86

● ПРОЗА

Лариса ЗАХАРОВА, Владимир СИРЕНКО. **Петля для полковника.** Роман. Окончание 91

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «ТОВАРИЩ» 129

● ПОЭЗИЯ

Сергей МАРКОВ. **Дружба сильных. Зверобой. Пересвет.** Стихи. Публикация Г. П. Марковой. Предисловие Станислава Золотцева 199

Стихи лауреатов премии Ленинского комсомола
Валентин СОРОКИН. **Всегда с тобой** 202

● ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛКСМ: страницы славных дел
Виталий ПАРФЕНОВ. **Право на долг.** Продолжение 208

● ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ. **Сверяясь с Лениным** 250

● ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

М. И. МАЛАХОВ. **Смысл нашей жизни.** Письмо ветерана КПСС 257
«Хочу высказать свое мнение...» Из писем в редакцию 276

● НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Н. МУРАДЫМОВ. **Возвращаясь к истокам.**
А. УКРАИНСКАЯ. **Останется ли человечество на Земле?** 279

Первая страница обложки журнала: Заседание молодежного интернационального клуба в Москве. Фото Б. Раскина

«Молодая гвардия», 1988, № 4, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года

© «Молодая гвардия», 1988 г.

СТИХИ МОЛОДЫХ

Валерий ЛАТЫНИН

СОГЛАСИЕ

ШУШЕНСКОЕ

Кто знал тебя,
Сибирское село,
До той поры,
Когда дорогой дальней
К твоим печальным избам
Привело
Великого
из бывших здесь
опальных?
Ни кустика в селе,
Ни деревца,
Лишь тощий бор
За сопкою песчаной,
А дальше степь
Без края и конца
И зыбкий вид далекого Саяна.
Погрязло ты
В навозе и пыли,
Служило и заимкой
И острогом:

От русла жизни яростной вдали,
Забытое монархами и богом.
Отцы села:
Купцы с тугой мошной —
Избранники
Продажной сытой доли,
Старательно удавкой долговой
Державшие сельчан своих
В неволе.
«Науки цвет» —
Учитель, писарь, поп —
Большие знатоки
По части «змия»,
Следившие,
Не баловалась чтоб
Запретным чтивом
Темная Россия.
И вот сюда
Вечернею порой,
Жандармскою опекой
Скручен рьяно,
К Зыряновым
На временный постой
Препровожден был
Враг царя Ульянов.
Насторожились
Местные столпы,
Крамолы ожидая
От смутьяна.
А он ходил с лукошком
По грибы,
Спешил с ружьишком
На озера рано.
С мальчишками
Бросался в Енисей,
Порой рыбачил
На его протоках.
И простотой непоказной своеи
Не раз сбивал
Фискалов здешних с толка.
Как было их умишками понять,
Что по свободе
Он не правил тризну
И не хранил

Угрюмости печать,
А жил с народом
Неразрывной жизнью?
Он жил, как все,
И, может, потому,
Не ожидая обстановки лучшей,
Венчался здесь
С приехавшей к нему
Невестой и соратницей
Надюшей...
Царь думал
Охладить бунтовщика,
Смирить
Его характер норовистый,
А ссыльный
Высекал в черновиках
Те мысли,
Что подхватят коммунисты.
Они летели в письмах
Сквозь страну,
Они сердца рабочим бередили,
И звали
На священную войну,
И строй клейменных рабством
Единили.
Хакасским ветром
Не задуло жар,
Что в сердце нес
Грядущий вождь Советов.
Да, здесь он видел
Стачечный пожар
И «Искру» —
Пролетарскую газету...
Но знать не знало
Дальнее село,
Что навсегда уже
Великим стало.
Январь,
Двадцать девятое число *...
Век Ленина
Взял в Шушенском начало!

---

* 29 января 1900 года окончилась ссылка В. И. Ульянова.

БРАТЬЯ

Трое нас
Подрастало у деда
На здоровых
Крестьянских харчах.
А родители
Мыкались где-то —
Поднимали страну
На плечах.
Между братьями
Всяко бывает:
Где не сдержишь словцо,
Где — шлепок,
Но обиду,
Как сон, забывая,
Мы копили согласие впрок.
Братья, братья!
Когда это было:
Общий угол,
Игра да совет?!
В доме деда
Судьба нас хранила
От больших огорчений
И бед.
Только нам ли
Колдобин бояться? —
Не чужая земля,
А своя!
Подсобит
Гневной силы набраться.
Закалиться
В огне бытия.
Как бы нас
Ни крутило по свету,
Постоим за друзей
И родных,
Лишь бы помнить нам
Истину эту:
Сила братьев —
В согласии их!

Рис. Ю. Макарова

Виктор ВЕРЕТЕННИКОВ

БЕРКУТЫ

Повесть

Читатель знаком с Виктором Веретенниковым по «Песне Олепьего урочища», опубликованной в 1984 году в «Библиотечке журнала «Молодая гвардия». Она получила тогда положительный отклик читателей.

В новом произведении молодой автор остается верен теме защиты окружающей среды. Его волнуют насущные проблемы нового мышления, воспитания в человеке чувства настоящего хозяина.

Весна тяжелыми туманами слизывала наметы почерневшего рыхлого снега. Река Захватовка, силясь сбросить тяжелый панцирь льда, надрывно вздувалась под напором талой воды.

На высоком берегу, опираясь на посох, стоял старик. Лицо его, обветренное до синевы, застыло. Всклокочена белая борода. Дрожащая ладонь, вскинутая лодочкой над бровями, защищает глаза. Старик всматривался в поднимающуюся даль. Тугой дробинкой выкатилась из глаза слеза.

Южные ветры, хлынувшие в чащу междуречий обочь дремучих отрогов Приднепровской гряды, скатывались с отлогих холмов Донецкого кряжа, высушивали черную землю, рассевая духмяный запах.

У ног старика, ошалевший от пробуждающихся запахов, вытаращив счастливые глаза и вывалив красный язык, озорничал пес-дворняга. Он то самозабвенно лаял, догоняя свой пушистый хвост, то, будто сослепу, одичало стлался по раздольной пóкати холма, то вдруг круто тормозил всеми четырьмя лапами. Опрокинувшись через голову, пес недоуменно вскакивал и в растерянности поглядывал на старика.

Старик улыбался:

— Весна, брат, весна... Эвон как кровь играет. — Он потрепал пса по лохматому загривку. — Долго вязала зима свой узел, а весна разрубила его.

Утренний туман опустился, прилег к земле, и тотчас ливнем хлынули окрест мятежные солнечные лучи. Борода старика вспыхнула, заискрилась. Он вновь приложил ко лбу ладонь, надеясь, что вот сейчас в просини неба увидит желанную черную точку.

Но вот пес опрометью кинулся к ногам старика, поджав хвост. С неба из-под нижней кромки нечесаных облаков в стремительном падении, со свистом подсекая

упругие пласты воздуха, вынырнули орлы-беркуты. Казалось, они атакуют старика и собаку. Однако над землей орлы вдруг выровняли полет и заклекотали, оглашая степь и реку любовным зовом.

Старик смахнул тыльной стороной ладони выступившую слезу, успокоил собаку:

— Не боись, Булат! Наши беркуты припожаловали. Теперь жизнь веселей станет.

Он снял шапку и помахал птицам.

А те парой кружили над степью, над голым лесом, над отвесно падающей с трех сторон в реку Горбатой горой, яры которой были, как оспинами, испещрены гнездами ласточек-береговушек.

Орлица темно-бурая, с серо-золотистой подпалиной на груди, была заметно крупнее беркута. Старик назвал ее Серогрудкой. Она легко, царственно поигрывая крылом, парила над лесом и степью в предбрачном полете. Бурхан, пытаясь настигнуть подругу, не бил маховыми перьями по воздуху, а только нащупывал ими тугие текучие струи и слегка правил свой полет рулевым оперением. Поравнявшись с ней, орел скользил рядом, крыло в крыло, и казалось, что птицы не летят, а плывут в воздушном танце под весеннюю мелодию солнца.

В природе было звонко и празднично: ясные дали лучились в серебряной дымке, воздух налился острошипучим хмелем.

Булат смотрел снизу на старика, как бы спрашивая совета: можно ли ему, не страшась орлов, так же вольно побегать-покружить по степи? Чуткий нос его морщился, пес жадно втягивал в себя свежие вешние запахи.

— Пошел, брат, пошел, — подтолкнул его старик. — Беркуты тебя не тронут.

Пес, будто поняв человеческую речь, радостно взвизгнул и пошел-покатился наворачивать круги, все шире и дальше убегая от хозяина.

Страстный клекот орлов носило ветром над плесом и поймой Захватовки, над тремя прибрежными осокорями, могуче распростершими корявые ветви на Горбатой горе. Здесь всегда дули ветры, и здесь же, на изломанной вершине осокоря, обычно сооружали гнездо беркуты.

Старик долго любовался согласным полетом орлов, и только когда глаза совсем застлало слезой, трижды хлопнул в ладоши, подзывая пса.

— Пора, брат, и нам.

Старик, высокий, иссушенный годами, опираясь на посох, медленно побрел домой.

Ветер в порыве подхватил орлов и понес их боком. Под крыльями заскользила серая лента реки, яры и овраги — глубокие, рваные, истекающие желтой талой водой. Сверху одеяло земли будто из лоскутов шитое: меж ровными полями и переселками — озера, старицы, бурые линялые тальники. А дальше — леса, пологие пóкати гор, с четырех сторон сбегающие в редкостной красы Марьинскую падь.

Землю окутала легкая седая наволочь. Из-за отрогов низкорослых гор вынырнул и серебристо заструился в небе небольшой спортивный самолет. Летел он против солнца встречь беркутам, и человек за штурвалом поздно заметил парящую над ним пару орлов. Самолет, огибая холм, на котором застыли старик с собакой, вдруг лег на крыло и взмыл кверху.

Бурхан принял маневр за нападение. Он хорошо видел под плексигласовым фонарем застывшего в кабине человека и тотчас ринулся ему наперехват. Широко распахнутые крылья орла вдруг заострились. Он примкнул их к телу и нырнул вниз.

Пилот, заслонившись от солнца, поздно увидел атакующего орла, однако успел все же вывести самолет из-под удара. Он круто положил машину в левый вираж, сделал разворот.

Человек, держащий в крепких руках штурвал легкой маневренной машины, не понял, что нападение на самолет беркута было не чем иным, как брачным ритуалом самца в битве за самку, показ ей своей силы и ловкости, так необходимой для возбуждения и любовной игры...

Орлица, откладывая в гнездо яйца и терпеливо насиживая их, должна быть уверена в надежности «супруга» и его возможностях добывать пищу, чтобы поднять на крыло и суметь защитить от бесчисленных врагов свое потомство.

С земли, размахивая руками, что-то кричал старик. Самолет «прошил» лесистый распадок, стал снижаться...

Беркут его уже не преследовал, вернулся к подруге.

Летчик посадил самолет и остановил его в десяти метрах от старика. Из машины вывалился здоровенный

мужчина в широко распахнутой куртке на меху, весело крикнул:

— Вот где я тебя отыскал, дед Лука! С утра ищу. Ну, здравствуй, здравствуй, старик!

Он обнял его, вернее, сгреб в охапку могучими руками. Пес при этом угрожающе зарычал, опасаясь за безопасность хозяина. И было отчего: от мощной, саженного роста фигуры веяло крепкой мужицкой удалью, здоровым духом полей и лесов.

— Извини, — отпустил он старика. — Все землю, дед Лука, стережешь от лихого люда?

— Бог в помощь, Гаврила Силыч, — степенно ответил старик. Помедлив, спросил: — По какому же праву хапачей к нам навезли? Весь берег реки усеян их теплушками.

Гаврила Силыч Байда прищурился, оглядывая приречные дали...

Летом здесь вольным морем бушуют сытые пойменные луга: серебристыми излучинами сверкает, выкатываясь из-под темных берегов, Захватовка... Озера!.. Синие блюдечки их разливов влекут в эти края и птицу, и зверя. Есть где пожировать и скотине.

Надоями молока и привесами мяса в былые времена здешние места на всю Россию славились. Тучные стада коров исстари в пойменных лугах на медовых травах нагуливались. Но сейчас земля лежит еще в ледяных крягах, и на ее по-весеннему голых буграх и в долинах свищет холодный ветер. Бесхозными торосами тычутся в небо разбросанные там и сям бетонные глыбы стройматериалов, будто окопами, крест-накрест изрезана земля канавами, испещрена ямами. Сиротливо выглядела вмороженная в грунт техника.

— Над землей хапачи изгаляются, — горько вздохнул старик. — Поди знай, что эти живодеры сотворят, когда земля оттает? Неужель нет на них управы, Байда? Заступись за землю.

— Строители это, — ответил Гаврила Силыч. — Химический комбинат будут поднимать. — Повел по сторонам глазами. — Земля наша в последние годы рожать стала плохо. Он вздохнул и добавил сокровенное: — Что-то я стал недопонимать в жизни: жена рожать не хочет, земля — тоже...

Сказал вроде легко, просто, но от слов этих тяжко на

его душе стало. Что же дальше-то будет? И почему вдруг одно с другим связалось? Жена и земля...

«Может, я к ней без понимания? Весь в работе, а Мадине скучно. Но ведь вижу, она со мной счастлива, сияет от радости, когда домой являюсь. И особенно когда с охотничьим трофеем. Много ли женщине надо для полного счастья? — И укорил себя, защищая жену: — Много! А с моей работой не каждую ночь и ночевать-то дома доводится. Потому не торопится Мадина и рожать. А ведь ей скоро тридцать! Перезреть может...»

Из самолета он только что видел землю. Даже в весенней наледи ощущается ее здешнее богатство: широкая пойма, крутые прибрежные покати правого высокого берега, щедро укрытые лесами вдоль главного русла Захватовки. А заповедная Марьинская падь! Первые косяки перелетных птиц уже появились над ней. Земля обетованная...

Байда чувствовал себя хозяином этого края.

Раскатисто, гулко ударило, будто боевым зарядом рвануло — затрещал лед на реке.

— Просыпается Захватовка, — сказал старик. — Река сотни лет сама свою пойму удобряла. А теперь «химик» понадобился?.. Нынче большой разлив будет — лет двадцать такого не было... Теплушки эти, — он указал рукой на вагончики строителей, — через недельку-другую напрочь снесет. Так что вели хапачам сматываться.

— За этим к тебе и летел, — поддержал разговор Гаврила Силыч. — Нутром чую, паводок ожидается могучий!.. Как думаешь, какие земли затопит?.. Мне людей, скотину отводить надо...

Дед Лука не торопился с ответом, долго думал, наконец уверенно сказал:

— До Марьинского валка все зальет. — И опять о своем наболевшем: — Вот ты, Байда, «химик» строишь, небось с самолетов яд будешь развеивать — птичьи гнездовья да звериные лежки вытравливать?

— Обижаешь, старик. Охотник я, а не лиходей какой-то.

— «Химик» строим, навоз в реку спускаем, — гнул свое дед Лука. — Заступись за землю, Гаврила Силыч, на тебя только и надежда.

Байда своей руки к строительству не приложил.

«Что старику ответишь? Ишь как сказал: заступись

за землю!.. — не мог успокоиться Гаврила Силыч. — Уж я-то за землю не заступаюсь? Да разве ему все расскажешь».

...Недавно — еще свежо в памяти Байды — сверху пришла команда: для борьбы с ивовой порослью и осветления хвойных лесов от лиственных пород распылять с самолетов ядохимикаты.

Дед Лука первый встретился с неожиданной бедой. В местах распыления словно огненный пал прошел: серо-бурая скукоженная листва, обожженная, плешинами покрывающаяся земля. Душу такая картина выворачивала...

Старик ночью пешком пришел в Смолеговку, поднял Байду с постели:

— Птицу, зверя с самолетов губят — корма лишают! Леса испепеляют. Твоя команда, Гаврила Силыч?

А тот ни сном ни духом ничего не знал: по другому ведомству шла команда. А ретивые исполнители нашлись в районе.

Байда с рассветом был уже на аэродроме...

Покружил над «осветленным» лесом, сел на опушке, мрачный от горькой думы... Бежать ему захотелось отсюда, бежать не разбирая дороги, как это уже сделали животные и птицы.

Запретил Байда «осветлять» леса. Своей властью наложил вето, благо аэродром в его ведении. Однако не тут-то было! Заведенная кем-то машина уже катилась, и остановить ее было непросто.

Полетели в область телеграммы о самоуправстве Байды, стали горячими трубки телефонов. Стали обвинять его в том, что выступает он против технического прогресса, подрывает устои науки, мерит дедовскими мерками.

Вызвали Байду для объяснения в обком.

Секретарь по сельскому хозяйству Степан Власьевич Носенко собрал в обкоме комиссию.

Носенко был хмур. Байда, как только вошел в его кабинет, понял: туго придется. Высокий, длинношеий, Степан Власьевич являл собой образчик привыкшего к власти руководителя. Ему было за шестьдесят, но свои дни рождения он не отмечал, чтобы не подчеркивать лишний раз возраст.

Заседание он вел как талантливый актер на сцене.

Голос его то гневно звенел металлом, то рвался от негодования, то сурово нагонял на всех страх.

— Указание по данному вопросу однозначно, Байда! Первый дал слово Академику! Он вчера с Москвой по телефону разговаривал. Другого решения быть не может!

Носенко резко откинул назад голову, обвел взглядом притихших руководителей и научных работников.

— Зачем же вы нас всех собрали? — едва сдерживая себя, спросил Байда. — Коль решение уже принято. Столько людей от дела оторвали.

Носенко на миг стушевался, но тотчас нашел, по его мнению, достойный ответ:

— А мы — его аппарат, — он нажал на последнее слово, — для того и поставлены, чтобы претворять указания Первого в жизнь! — Усмешка на лице Гаврилы Силыча сбила Носенко с тона, и он стал его распекать: — Возврата к дедовским методам хозяйствования, Байда, не будет. Зарубите это себе на носу!

Гаврила Силыч вдруг почувствовал вялость, апатию и уже дальше не улавливал смысла разговора. Думал свое:

«Неужели тысячелетний опыт наших предков, крепко, основательно, с крестьянской сметкой ведущих хозяйство, уже никому не нужен? Не нужны стали мастерство и секреты отцов и дедов? Может, и мыслить никому не дано — за каждого из нас теперь думает аппарат?» — усмехнулся Байда, глядя на распалившегося Носенко.

Обидно и горько было Байде слушать Степана Власьевича. Человек городской, земли не нюхал, но ему все в жизни ясно, все просто: «Получил директиву — и крути педали!» А он, Байда, олух царя небесного, бежать-догонять должен, шарахаясь то назад, то в сторону.

И закипела злостью душа Гаврилы Силыча, заупрямился он, уперся — не своротишь: «Пусть с должности меня спимают, а губить лес не дам, не дам губить птицу и зверя».

Байда — охотник. Он и волков брал, и на медведя в былые времена в одиночку по глухоманям шастал.

«Откуда у нас пошло такое? — с досадой размышлял Байда, слушая Носенко. — И ведь приходится терпеть такого ротана. Многие терпят, боясь за карьеру. Вон сколько нас, мужиков, глаза прячущих», — обвел он взглядом притихших научных работников и хозяйственников.

Руки Степана Власьевича, как крылья ветряной мель-

ницы, все время в движении: потрясают, требуют, грозят!

«Надои молока в области из года в год падают? За десять лет с рубежа в мильон тонн до семисот пятидесяти отступили... А Носенко блефует: все под фанфары! Ишь как взыграл от усердия, чтобы угодить Первому...»

Под нажимом Носенко местные научные работники в приемной написали протокол о необходимости осветления лесов для области. Десяток солидных подписей противостояли одной-единственной — Байды.

Степан Власьевич тотчас один экземпляр протокола спрятал в желтый, натуральной кожи, портфель, щелкнул замками. Портфель этот был неотъемлемой частью самого Носенко, служил ему около трех десятилетий. Он холил его, смазывал, чтобы кожа не рассохлась, и всегда брал с собой в командировку.

— Вы что же — против всех? — сурово спросил Носенко Байду.

— Я не согласен, — ответил тот.

— Так, может быть, вы считаете, что мы здесь, в обкоме, зря посажены? Или у нас голова не болит за ваш район? — Тут голос Носенко зазвучал металлическим басом: — Или твоя подпись, Байда, или партбилет на стол! — Носенко собрал костяшки пальцев в кулак, ударил по столу, так звонко грохнул, что возникло ощущение, будто стеклянная ваза вдребезги разлетелась: — Развел, понимаешь, самочинство в своем районе: бычков раздал по дворам, землю государственную расписал посемейно!.. Ты что ж это, Байда, куда клонишь трудовое крестьянство? Что еще за выдумка — семейный договор? Куркулей наплодить хочешь!

— К земле клоню! — едва сдерживая закипающее в душе раздражение, ответил Гаврила Силыч. — Веками переливалась из человека в человека крестьянская сметка, любовь к земле, к корове-кормилице. А мы эту любовь на круг пустили, порушили вековую духовную крепость... — Байда охватистой мужицкой ладонью с разворота руки словно зачерпнул-сгреб в кулак впереди себя воздух. — Я прямо из совхоза «Ударник» сюда приехал. К ферме подъезжаю, жуть взяла: коровы ревмя ревут недоенные, а мужики да бабы третий день пасху празднуют! Вот куда я клоню, Степан Власьевич.

Носенко растерялся под его натиском, рассыпал вдруг

привычные напористые слова и уже не мог их собрать воедино.

— Идите в приемную и подумайте! Чтобы потом жалеть не пришлось, — пригрозил он Байде.

Весь день продержал Носенко комиссию в приемной — подпись у Байды выжимал. На него тоже сверху, из Москвы, давили. Он дал слово и теперь «честь» свою защищал не только перед своими подчиненными, но и перед Москвой.

В приемной научные работники рассказывали анекдоты и небылицы, искоса стыдливо поглядывая на Байду. Свои-то подписи назад не возьмешь — они уже заперты в портфеле Носенко.

— Зря ты, Гаврила Силыч, тяжбу завел, — дружески шепнул Байде знакомый кандидат наук — химик. — Плохо ты Степана Власьевича знаешь! У него бычье упрямство. — Он скосил глаза на дверь кабинета: — «Всадник» никогда не сходил с дистанции, не доскакав до цели! Зачем на рожон лезешь? Измочалит он тебя. Уймись, Гаврила Силыч, не плюй против ветра. Куда тебе против него?..

Байде и раньше доводилось слышать, как Носенко заглаза называли «Всадником без головы». Иной раз с иронией прозвище звучало, а чаще с почтением к силе Степана Власьевича. И все же истоки такой необычной клички оставались для Гаврилы Силыча загадкой. «А может, в этом портфеле ответ кроется? — усмехнулся Байда. — Трудно представить без него Степана Власьевича».

...К вечеру вся комиссия вошла в кабинет Носенко. Лица у людей понурые, у Байды — тоже.

«Пошел на попятную», — решил Степан Власьевич, и глаза его самодовольно посветлели. Ему ведь тоже не хотелось прослыть волюнтаристом, он на авторитет ученых опирался, ломая упрямство хозяина смолеговских земель.

— Подписали?

— Нет, — твердо сказал Байда и подал Носенко бумагу. Когда Степан Власьевич стал в нее вчитываться, бледное лицо его и вовсе стало белым:

— Издеваетесь? Против решения большинства идете?

Байда написал в заявлении: «С выводами комиссии не согласен. Прошу организовать выезд комиссии в Смолеговский район».

Оставив заявление, Байда вышел из кабинета и уехал в Смолеговку.

Ох и лютовал же Степан Власьевич — снять хотел Байду.

Но секретарь Смолеговского райкома партии Каширин стеной за него встал, к Первому поехал — объяснил, что толковее руководителя в райцентре не сыщешь.

Разобрались, оставили Байду в покое. Леса больше не «осветляли».

«Видно, слышал об этом старик, потому и сказал мне — «заступись за землю»? Верит, — думал Байда. — А вера человека крепит».

...Дед Лука смотрел вверх. Игреневым гривастым табуном разыгралось весеннее небо. Зимнюю хмурь разнесло ветром, растопило солнцем. Умытое и свежее, оно ласкало беркутов, согласно парящих в порывистых весенних потоках.

— Красиво на ветру держатся! Это я как летчик могу сказать, — тихо молвил Байда.

— Да, гордая птица, — согласился дед Лука. — Единственная пара орлов в нашем крае осталась. Всех начисто повыбили... — Помолчав, старик вдруг признался: — Испугался я, когда ты самолет против орлов направил.

Байде стало неловко перед стариком, он, вспыхнув, ответил:

— Ты чего это, старик?.. Я, напротив, сам уклонился от орлиной атаки.

— Азартный ты мужик, Байда, — повеселев, сказал старик.

День стоял морозный, солнечный. Прощальные дни марта еще гудели холодными утренниками, а в полдень уже звенели капелями. И оттого рассветы серебрились легкими туманами.

Старик колол лед на реке. Движения его были точны, размеренны. Работал он неторопливо, с удовольствием. Деревянная пешня с металлическим наконечником в его жилистых, красных от мороза и воды руках казалась игрушкой.

После каждого взмаха пешней откалывалась тусклая, с зеленцой, глыбка льда. А под ней, — глаза расширялись от увиденного, — в тонком пласте воды, задыхаясь, кишела серебристая рыба...

Пес, выждав, пока старик сделает очередной скол, бойко выгребал лапой снулую рыбу на лед. Трепещущую же, напротив, проталкивал к глубокой лунке в нижнем ледяном пласте. И рыба, почуяв большую воду, уходила ко дну.

Порой воды меж этими пластами вовсе не было, и рыба лежала боком, полностью вмерзшая в лед. И тогда Булат ворочал отколотые глыбы мордой и лапами, разворачивая рыбу к солнцу, чтобы оттаяла. Затем, взвизгивая от удовольствия, мчался, разъезжаясь лапами на мокром льду, согреваясь, наворачивал круг за кругом вокруг хозяина.

Набегавшись, пес преданно заглядывал старику в лицо, ощериваясь ядреными зернами белых клыков.

— Балуют люди. — Он всегда разговаривал с Булатом. — На плотине воду сбросили — лед и осел ко дну, дал трещины. Потом уровень воды подняли — она и разлилась поверх льда. А мороз крепок — сковал опять.

Рыбке-то деваться некуда, вот она ровно под пресс и попала... — Старик потянулся, выпрямил натруженную спину, подтолкнул Булата: — Беги, брат, погрейся! — И стал собирать в полиэтиленовое ведерко замерзшую рыбу: — На ушицу в самый раз будет.

Булат умчался далеко, и его темно-коричневая длинная спина мелькала то на террасистых материковых ярах Захватовки, то в голом лесу, то на заснеженном льду.

Булату в лесу не с кем было водиться, и он всегда радовался заблудшим деревенским собакам. Вот и сейчас с лету, едва не перевернувшись, стал как вкопанный, добродушно завилял хвостом, увидев собак на противоположном берегу.

Три крупных поджарых пса, серых, с рыжими линялыми подпалинами, на мгновение застыли внизу, зорко выцеливая расстояние до Булата. А тот еще не понимал грозившей ему смертельной опасности, но что-то его вдруг насторожило: то ли алчно сверкнувшие на солнце близко и косо поставленные дикие глаза, то ли неведомые ему доселе повадки...

Три зверя, как по команде, вмиг набрав скорость, рассыпались по льду и слаженно ринулись наперехват.

Впереди ходко стелился сильный вожак. Он быстро настигал Булата. Двое других же, часто оскальзываясь, отрезали ему путь слева и справа... Звери шли лавой по закону волчьей стаи.

Пес сначала рванул к застывшему вдалеке деду, но понял, что волк-перехватчик настигнет его быстрее... И тогда, словно запнувшись, опрокинулся через голову и, крутнувшись на месте, припустил назад — к лесу.

Своими метаниями он сбил с толку боковых волков-переярков; далеко забирая в стороны, они поотстали. Однако дюжий вожак при этом оказался еще ближе к Булату. Прижав большие чуткие уши к лобастой голове, волк уверенно его настигал.

Старик, уронив посох, в отчаянии всплеснул руками. Чем он мог помочь?

Степной ветер вольно шарил в распадках плоскогорий, стыло стекал по остро изрезанным ярам в пойму реки.

В небе бойко катились светлые, лохматые облака. Сквозь них пробивалось молодое солнце, будило тягу к жизни.

Волк настигал Булата. Теперь он сбоку обходил его длинными прыжками... Поравнялся. Булат шарахнулся

в сторону, выгнув при этом манящую волка шею. Тот спружинил в прыжке, и мгновенно его острые резцы вспороли мягкую собачью шкуру.

С голых сучьев деревьев, шумно картавя, тучей наплывала прожорливая стая ворон. В глазах Булата расплылось-рассыпалось солнце. Синим огнем полыхнул окоем неба... Свежий и ясный воздух плыл над степью. Солнце вынырнуло из-за тучи, и в его искрящихся лучах старик вдруг заметил мелькнувший в воздухе темно-бурый ком... Мгновение — и когти Бурхана стрелами впились в серо-рыжую шкуру волка.

Но удар не стал смертельным. Стая ворон пролетала под Бурханом, одна из них, оказавшись на пути атаки, скостила удар.

Беркут промазал, его кривые когти вонзились не в шею, как он метил, а в бок волку. Тот, сбитый ударом, выпустил Булата, но тут же вскочил на упругие лапы, пытаясь сбросить с себя орла. Однако Бурхан, закогтив одной лапой волчий загривок, второй пытался достать голову, при этом норовя ударить мощным клювом в хребет.

Ощерившись, волк попытался клыками ухватить незащищенную, мягко опушенную грудь беркута. Стремительный удар крылом помешал ему. Ни тот, ни другой не издали ни звука: так бьются натуры сильные, не ждущие ни помощи, ни пощады...

Два молодых переярка были далеко и не успевали на помощь вожаку.

Волк оказался хитрым и изворотливым: отбиваясь от беркута, он жался к лесу, под защиту кустов и деревьев, понимая, что в чистом поле ему с орлом не справиться.

Бурхан тоже понял это. Он взмахнул крыльями, едва не подняв волка, выдрал когтями кровавый клок шкуры и нехотя стал подниматься в небо.

Волк с задавленной яростью в дико блестевших глазах убегал в чащу.

Степь покрылась недовольным пронзительным карканьем тучившегося воронья...

Булат, шатаясь, ковылял к старику. Едва дотянул, упал животом хозяину на ноги, стал зализывать рваную рану. Бурхан смотрел на него с небесной выси орлиным оком.

В Смолеговку Байда возвратился поздно. Приземлив «Малыша» на межсовхозном аэродроме, Гаврила Силыч пересел в поджидавший его вездеход и направился домой. Проезжая мимо райкома, увидел свет в окнах первого секретаря и направил машину к подъезду.

Каширин, кряжистый, с седым ежиком волос, поднялся навстречу, крепко пожал руку:

— Весну почуял, Гаврила Силыч?

— В поля потянуло, — устало присаживаясь, ответил Байда.

— С обеда тебя ищу, да разве в нашем раздолье отыщешь, — без упрека в голосе сказал Каширин. — Ну как там Захватовка, скоро лед тронется? Может, строителям надо от реки отодвинуться?

Байда ничего не ответил. Сидел молча, опустив на грудь тяжелую голову, понимал: разговор будет крутым. К такому разговору нужно загодя готовиться. Однако Гаврила Силыч, чтобы не перегорело в душе накипевшее, решил не откладывать его на завтра — дело не терпит.

А Каширин и сам дал повод — подвинул к глазам Байды листок с плановым заданием.

— Посмотри разнарядку, Гаврила Силыч. Область, яровые и овощи требует резко увеличить.

Байда бегло просмотрел цифры, отодвинул листки, тяжело в упор взглянул на Каширина. Лицо у Тараса Сергеевича простодушное, но глаза сметливые, таящие в глубине своей жесткую решимость и непреклонность.

«От «химика» не отступится», — понял Байда и, прихлопнув рукой разнарядку, встал.

— У нас пожня богатая, травы в пояс вымахивают. В самый раз животноводство развертывать! А нам зерно да овощи планируют. — Гаврила Силыч стал размашисто ходить по кабинету Каширина, изливая душу: — Птицы и зверя в последние годы прибывать стало! Не заметили, Тарас Сергеевич?.. А я охотник — вижу! И неспроста это: в наших краях заказник надо закладывать...

Каширин выждал, пока Гаврила Силыч выдохнется, сам перешел в атаку:

— Земля теперь кругом истощилась, ей подкорм да подкорм нужен. Тебя ли мне убеждать? Ты ведь дока в крестьянском деле. А насчет стройки рассуждать поздно. Работы вовсю разворачиваются...

Гавриле Силычу было приятно слышать, что его ценят

в райкоме, но слова деда Луки «заступись за землю» болью легли ему на сердце.

Но строительство начато, а после драки кулаками не машут.

И все же, если вдвоем с Кашириным хорошо упереться, можно делу помочь... Только пойдет ли Тарас Сергеевич на это?..

Каширин, казалось, бесстрастно наблюдал за нервно вышагивающим по кабинету Байдой, но внутренне сам сжался как пружина. В последнее время трудно стало с Байдой работать: свое гнет, часто ссорит его, Каширина, с областным начальством.

Он сказал примирительно:

— Поезд уже ушел, Гаврила Силыч! Не трать зря нервы... Нам надо сейчас думать, как уберечься от наводнения. Сегодня был у меня начальник строительства Черновол. Не познакомился еще?

— Не довелось пока.

Каширин подошел к остановившемуся у окна Байде.

— Ну-у арап, я тебе скажу! Голос луженый — глохнешь рядом! А пробойная сила! За год взял обязательство комбинат выстроить. Теперь за ним только поспевай, а не то будешь битым.

— Вот именно! — Байда ответил зло и враждебно. — Пуще всего мы боимся оказаться битыми!

Глаза Каширина потемнели.

— Ты говори да не заговаривайся, — осадил он Байду. — Я на этих вот плечах знаешь сколько выговоров имею?! А ты — боимся! — Каширин еле сдерживал себя. — Слушай, Гаврила Силыч, может, съездим в выходной на охоту? Говорят, волки остервенели. Стая так увеличилась — боюсь, копытные из наших мест побегут, — он хитро прищурил глаз. — А охотников-волчатников, сам знаешь, кроме тебя, во всей области нет.

Лицо Байды обмякло, глаза наконец-то по-доброму улыбнулись. Знал Каширин, как утихомирить не в меру разбушевавшегося председателя агропрома.

— Так я ведь и забыл, когда на волка ходил. Мадина моя, поди, волчьей шкуре обрадуется. А то вбила себе в голову: чучело беркута ей подавай.

Каширин сказал с восхищением:

— Хороша у тебя жена — кровь с молоком. В городе за такой глаз да глаз нужен. Небось ждет не дождется, когда тебя в область переведут?

— Есть грех, — признался Гаврила Силыч, — бредит губернией.

Каширин помрачнел, взглянул на часы, закрыл на столе папку с бумагами:

— Однако скоро десять, пора по домам! Завтра комиссия из области к нам едет.

Байда замахал руками:

— Меня от бумаг увольте, Тарас Сергеевич. Наводнение со дня на день — не вяжите мне руки.

— Добро, — согласился Каширин, но тут же предостерег: — С Черноволом будь поласковее, Гаврила Силыч. Помощь ему оказывай всяческую. Глядишь, что-нибудь перепадет и для района.

Байда отрицательно тряхнул головой. Каширин понял его и предостерег сурово:

— Знаю, что не согласен, а смириться придется! Отчаянное дело ты задумал, Байда. Однако Черновола и Носенко тебе не сдюжить — сгубят они твою буйную голову. И я тебе в этом не соратник. Знай, по комбинату мы с тобой во взглядах в корне расходимся.

Под толщей талой воды река споро оттаивала, выбрасывая на мелководье снулую рыбу, вмерзшую в многоэтажные ледяные пласты.

Бурхан охотно кормился рыбой и лишь изредка лакомился мясом, уступая лучший кусок своей Серогрудке. Порой Серогрудка не принимала его ухаживаний, больно задирала Бурхана клювом или стегала крылом. Но он подставлял под удар крыло, по-мужски снося боль и наскоки.

Прошлым летом родителей орленка убили люди.

Он видел, как, сраженные выстрелами, падали на землю отец с матерью. Он тогда еще не понимал, что они уже мертвы, однако инстинкт самосохранения поднял его высоко в небо, и он до вечера не опускался на землю.

Утром поднялся сильный ветер... Орленок был еще мал и неопытен, чтобы самому добывать пищу, но уже хорошо летал, чутко улавливал восходящие и нисходящие воздушные токи. Распластав крылья, он по-детски, словно на качелях, скользил в этих токах, чувствуя, как струя воздуха легко поднимает его тело в глубины неба, в то время как встречный поток мятежно будоражит на груди пух.

Ветер наливался могучей силой, но чем больше орленок оставался в клубящемся облаками небе, тем острее чувствовал голод. А под крыльями на подворье огромного «гнезда», в котором, орленок уже знал, живут люди, беспечно бродили куры. Старик хозяин вместе с собакой ушел далеко в степь. Орленок хорошо видел его, бредущего с посохом...

Орленку еще не приходилось брать живую цель, но он помнил родительскую науку, заячью шкуру, которую бросал беркут-отец то на взлобке кургана, то в расщелине оврага и которую он учился брать с лета. И еще учил его отец выбирать точку нападения так, чтобы тень орла под нитями солнца раньше времени не падала на его добычу.

Орленок сделал широкий круг, зашел против солнца и, выцелив раздобревшую сытую курицу, прижав к телу крылья, ухнул вниз.

Скорость нарастала с каждым мгновеньем. Ветер, рассекаемый живым комом, прерывисто свистел ему вслед. Цель, мгновенно вырастая в размерах, уже виделась орленку в полную величину... В тот же миг он с хлопком распахнул крылья, тормозя ими над обомлевшей курицей, выкинул вперед сверкнувшие на солнце лапы и вонзил острые когти.

Добыча еще трепыхалась, а орленок уже сильными ударами крыльев поднялся ввысь.

И вот тут-то старик заметил его. Приложив руку к глазам, он внимательно следил за его полетом.

— Эко, какой шустрый! Так он мне всех кур перетаскает, — сказал он насторожившемуся Булату. — Проучить придется, коль отец с матерью не успели.

На следующее утро орленок, дождавшись, пока старик с собакой ушли из дому, решил вновь подкормиться. Во дворе у самой повети гуляла одинокая курица.

Орленок не обратил внимания, что больше кур на подворье не было видно. Но, чтобы утолить голод, ему хватит и одной. И он повторил вчерашнее нападение.

Однако, как только он закогтил жертву, то сразу учуял неладное: крылья его в чем-то запутались, тонкие и крепкие нити будто стягивали их невидимой рукой, и чем больше он пытался ударять крыльями, тем сильнее вязли в ячейках маховые и рулевые перья.

Весь день до вечера орленок промаялся в сетях и полностью выбился из сил. Его гордое сердце разрывалось

на части от обиды и унижения, которые причинил ему щеголеватый петух, с повети рассматривающий бьющегося в сетях орла. Петух, склонив голову набок, так заливисто кричал, что орленок, захлебываясь, клекотал в бессильной ярости.

В мягком вечернем золоте утопал день. Над головой орленка распахнулось желтое с голубым небо. Орленку страстно желалось подняться ввысь хотя бы еще один раз. О приближении опасности он понял по едва ощутимому движению воздуха.

Старик, натрудивший за целый день ноги, возвращался уставшим, на ходу о чем-то, будто с человеком, разговаривая с собакой.

Орленок — насколько это было возможно в сетях — принял боевую позу. Он откинул чуть назад голову с острым крючковатым клювом и поднял вверх веки-шторки — тотчас из глаз его брызнули капли желтого закатного солнца.

Пес, обожженный этим всплеском огня, присел на задние лапы и глухо, утробно зарычал на необычного «гостя». Шерсть на его загривке встала дыбом, и только что веселая добродушная морда вмиг ощерилась молочно-белыми резцами. Пес, как и орел, был молод.

— Осади, Булат! — старик положил на его вздрагивающую спину руку. — Уймись, не мешай!

Он присел на корточки и стал разглядывать молодого орла.

Тот яростно шипел, щелкал острым клювом.

Старик накрыл рукой его крылья и слегка погладил их. Беркут тотчас ударил клювом, но старик руку не отдернул.

— Эвон какой ты злой! На куру по молодости позарился. Ну что ж, и то верно! У тебя к людям свои счеты — сиротой остался. Погодь, погодь, я тебя ослобоню чуток! Вишь, крылья как сетью вывернуло — мышцы теперь саднить будут.

Молодой орел чувствовал добрый тон старика, помогавшего ему высвободиться из сетей, но когда тот положил ему снизу на грудь руку, дух сперло от такой дерзости. Он снова ударил горбатым клювом.

Однако старческая ладонь была тепла и не таила в себе — орленок вмиг уловил это — опасности.

— Ишь знобит-то тебя как, не ровен час, сердчишко из груди выскочит.

Старик гладил орленка, не переставая при этом высвобождать его из сетей и мирно разговаривать.

— А людей-то, правильно, тебе пуще всего надобно стеречься. Только ты зря сразу на всех осердился... Ну-ну, остуди сердчишко, остуди, ишь как гневом объялся! Наука тебе будет: с человеком жить в мире. Тех же, кто давеча порешил твоих родителей, жизнь покарает.

Старик высвобождал орленка неторопливо, продуманно, успокаивая при этом словом и ладонями. К моменту, когда тот почувствовал полную свободу в крыльях, старик подставил ему под лапы свой посох, отвел с его крыльев руку, мирно сказал:

— Вольному — воля! — И резко опустил вниз посох. — Лети, Бурхан, мать-природа зовет!

В тот день орленок впервые услышал имя, которым его нарек старик... Птенец, приготовившись за день неволи к худшему, учуяв под крыльями воздушную тягу, понял вдруг, что старик его отпустил на свободу. Тотчас его крылья распрямились, он сделал первый взмах, второй, третий — и пошел витками в пылающее вечерней зарей небо.

Старик помахал ему вслед рукой и опустил веселые, помолодевшие глаза на собаку. Булат, став на задние лапы, уперся передними в широкое полено, служившее старику скамейкой и, задрав голову кверху, залился звонким лаем...

Бурхан остался единственным в округе орлом. Он быстро рос, крепчал, наливался силой.

Молодой организм искал буйного приложения сил, но птицы боялись орла и вмиг исчезали, как только тот взмывал в небо... Напарником Бурхана стал ветер.

Орел резвился на его тугих быстринах, бесстрашно нырял, словно скатываясь по склону крутой горы вниз, и очень любил, падая, со звенящим захватывающим напряжением пружинисто ударить хвостом и, вывернув из пике, низко заскользить над землей. Он был смел, а теперь стал и осторожен, легко добывал себе пищу. Но орлы, как и люди, не могут жить одиноко.

Бурхан привязался к старику, часто кружил над его избой, а порой, когда испытывал глухую тоску от одиночества, опускался на голый березовый сук против окон и сидел там подолгу, не двигаясь.

В такие минуты во дворе все затихало: куры прята-

лись, Булат жался к ногам хозяина и напряженно следил за орлом. Тот же, подняв веки, не мигая смотрел вниз. Скрестить с ним взгляды было не по силам не только Булату, но и старику.

Старик разговаривал с ним, и Бурхан поворачивал к нему голову, сверкнув при этом молнией то одного глаза, то другого, иногда щелкал клювом, слушал.

Вот и сейчас старик начал разговор:

— Что, брат, трудно одному? Кручинишься? Нам вот с Булатом вдвоем полегче.

Пес потянулся к старику, лизнул ему руку. Тот погладил его и, не спуская глаз с орла, продолжал:

— Тебе, Бурхан, надобно податься в горы — подыскать подругу. Только обязательно возвращайся! Ты теперь остался хозяином этого края. Нет больше у нас беркутов, мать-природа на тебя надеется. Иначе леность и хвори зверей и птиц одолеют. Ты понимаешь меня, Бурхан?

Орел будто понял его. Он улетел и через какое-то время вернулся назад уже с Серогрудкой...

Охваченный предчувствием надвигающейся беды, Гаврила Силыч ждал большую воду со дня на день. Захватовка там и сям уже бурлила ключами, напористо резала-ломала мускулистым стержнем лед, час от часу наливаясь могучей весенней силой.

Байда заночевал в Большой Осокоровке в семье старого друга Ивана Калениковича Обуха, чернобрового мужика с жесткими, пробитыми сединой усами. И хотя батька его был наречен Калеником, самого же Ивана в селе величали Калинычем.

Утром Гаврила Силыч, как обычно, проснулся по птичьим часам, вышел на берег. Из-за крутого пегого яра желтыми зористыми гребнями накатывались первые буруны воды. В их потоках черными вкрапинами высверкивали льдины. В старицах и заводях вода лежала поверх льда.

«Так и не убрались строители за Марьинский валок, — подумал Байда. К тайной радости начала ледохода примешивалась сейчас и горечь. — Сколько добра пропадет! А пойму озера окрест загадят. Птицу распугают!»

Над головой Гаврилы Силыча летели в серой дымке косяки птиц. Некоторые стаи, описав один-два круга,

опускались на пойменное озерцо или приглянувшиеся прошлогодние топи.

«Прав, прав дед Лука, — птиц много в этом году будет, — взволнованно всматривался в рассветное небо Байда. — И охота славная выйдет, когда молодняк на крыло станет».

Неслышно подошел и застыл рядом хозяин дома Иван Калинович, уравновешенный и во всем по-крестьянски основательный, внешне медлительный.

Долго стояли молча, не произнося ни слова, слушали Захватовку. Наконец Байда спросил:

— Что Глаша? Не проснулась еще?

— Глаша ране нас с тобой встала, — с обидой за жену ответил Обух. — На утреннюю дойку на велосипеде подалась.

Задичалый стон, как глухой вздох, вознесся и оборвался над Захватовкой. И тотчас Байда услышал нарастающий рокот и треск. Вздулась река, расплескалась по сторонам, пошла слизывать стылыми языками приречную пойму.

На стремнине, ломая и кроша лед, она уже раздвигала свои берега, звенела, торжествовала от обретенной свободы.

— Силища! — громко прошептал Байда. — Какая удача, что я на ночь привернул к вашему дому. Разве можно эту красоту пропустить!

— С моего дома огляд широкий, — согласился Обух. — Почаще бы наведывался, кум. И нам праздник!

...Вчера вечером, радуясь нежданному гостю, Глаша на скорую руку напекла блинов, чай согрела. Все, что было в доме, на стол выставила: грибы, ягоды, рыбку своего домашнего посола. «В этой семье по-иному и не может быть», — оглядывая чинно рассевшихся вокруг стола пятерых ребятишек, подумал Байда и похвалил хозяйку:

— Такого я в городе давно не ел.

— Река-кормилица рядом, — мягко улыбаясь мужу, ответила Глаша. — Ванятка расстарался. Да и лес недалече, тоже кормит. Моим «зверькам», — с любовью оглядела она детвору, — с весны до осени забот хватает.

«Зверьки» уплетали за обе щеки рассыпчатую, с дымком, картошку, заедали ее блинами. Глядя на них, Байда испытывал в душе отрадное чувство доброго согласия с этой семьей. «Эх, каким бы счастливым я был, если бы

у меня по лавкам вот так... — подумал он. — Ну хотя бы двое пацанов... Или дочка...»

Наевшись, ребята уставились на мать.

«Ожидают еще чего-то? — догадался Байда. — Да уже некуда. Ишь животы наели, как барабаны!»

— Заводи, Глаша, песню, — сказал Калиныч, — душа просит.

Глаша мягко, сочно повела раздольным всеохватывающим голосом:

Ге-ей, та мы думалы, та мы думалы,
Що то орлы та из Сичи вылиталы.

Дети в лад подхватили. Пели серьезно, с душой, даже с грустинкой. «Мальцы, а поют как большие», — обмяк Гаврила Силыч. Любил Байда украинские песни.

Аж то вийсько та славнэ Запорозькэ
Та на вороных конях у степу выгравае.

Обух, облокотившись о стол, подтягивал басом и оглядывал свой дружный «выводок».

...Первые глыбищи льда, как плавники взметнувшихся над водой сказочных рыбин, серебристо зеленели в лучах разгорающегося солнца.

— Хорошее утро, Иван. Пели-то как славно вчера! Глаша у тебя ведет — заслушаешься... Да и ребятня вся в батька, добри казаки растут.

— Мой корень! — с гордостью кивнул Калиныч.

Они помолчали, вновь вслушиваясь в нарастающий рокот Захватовки.

Обух чему-то улыбнулся про себя и сказал:

— Однако день жарким сегодня будет. Вон как Захватовка разгуливается! Делов-то наворочает...

— Точно, — согласился с ним Байда, — дед Лука пророчит большую воду. Я предупредил строителей, но они — ноль внимания.

Днем Байду разыскал по рации Каширин.

— Ты вот что, Гаврила Силыч, — пророкотал его твердый бас, — оставайся и жди нас в Большой Осокоровке. Приеду с Черноволом, вопросы к нему готовь. Сам знаешь, нам строить и строить в Смолеговке... Надо организовать хорошую рыбалку, костер...

Байда давно мечтал построить в смолеговском крае межсовхозный санаторий. Место выбрал в сосновом бору.

Тихие заводи, рыбалка — что еще нужно человеку для отдыха!..

Начали работы своими силами: все совхозы людей выделили — для себя ведь строили. Уже и первый этаж вымахали, за второй взялись, но дело застопорилось из-за нехватки стройматериалов. Приезд Черновола сулил надежду: он многим мог помочь.

...Гаврила Силыч хорошо знал, где отыскать рыбную яму. В затоне лед был еще крепок, туда и привез гостей.

Кондрат Минеевич Черновол оказался простецким мужиком: знал уйму анекдотов, тонко разбирался в рыбалке, однако был полным профаном в охотничьем деле.

— Наслышан, наслышан, Гаврила Силыч, о твоей охотничьей удаче, — гудел Черновол, радуясь хорошему улову. — Да и мы тоже не лыком шиты, вишь натаскал сколько подлещиков!

За громкий голос Байда тотчас прозвал гостя «Динамиком». Позже это имя ровно припечаталось к Черноволу. И было отчего. Лицо у Черновола широкое, курносое, оттого добродушное. Голова угловатая, всегда бритая, летом загорелая до кирпично-красного цвета. А как только Кондрат Минеевич открывал рот — люди приседали от неожиданности: голос извергался, как рык медвежий.

Улов был внушительным. Рыба золотилась в косых лучах вечернего солнца. Водитель Байды, Сапек, споровисто чистил ее красными от холода руками.

— А вы — дока, Кондрат Минеич, — улыбнулся Каширин, — рыбак отменный.

— Кой-чему научили, Тарас Сергеевич, — принял Черновол похвалу как должное. — При нашей нагрузке, если разрядку себе не давать, то коль не инфаркт, так инсульт нажить недолго. С утра до ночи на ногах. И нервотрепка.

Он потер задубевшие от воды и холода руки, попросил Байду:

— Может, возьмешь как-нибудь на охоту, Гаврила Силыч?

— Осенью, Кондрат Минеевич, сходим. А нынче поздно: у птиц гнездовья, зверь в лежку залег — всяк потомство выращивает.

Каширин перевел разговор на другое, ближе к делу.

— Помощь твоя нужна, Кондрат Минеич.

— Да? — ухмыльнулся Черновол. Он привык, что к нему часто обращаются с просьбой.

— Да вот, понимаешь, санаторий Гаврила Силыч размахнулся строить, а стройматериалов нет. Сам знаешь, как фонды выделяют. Выручай, брат, поддержи!

— Придется, — задумчиво согласился гость. — Только чур — натаскаешь меня по охотничьему делу. Согласен, Гаврила Силыч? Долг платежом красен.

— В охотничий сезон готов, — сказал Байда.

Черновол радостно заулыбался.

Вспыхнул и быстро занялся костер на лесной прогалине. Байда мог мастерски пустить огонь даже в сырую погоду, когда валежник лежит в воде или вовсе вмерз в лед. И сегодня Гаврила Силыч надрал бересты, свалил два-три ствола сухостоя, ловко орудуя топором, нарубил и сложил поленницу для костра. Чиркнул спичкой и дело пошло — на душе отрадно, глазам весело.

Быть костровым — любимое занятие Гаврилы Силыча на отдыхе. Он мог часами завороженно наблюдать за огнистыми жаркими языками. И никогда не предугадаешь, какое сейчас поленце лизнет предсмертный жар, какая сушина огненно вспыхнет — выстрелит в небо последними яркими искрами жизни, чтобы затем тихо улечься на землю вмиг почерневшим пеплом...

«И дрова бывают разные. Одна плаха, даже сухая, с виду жаркая — огонь не дает, только тлеет. А много полешек рядышком — костер! Так и люди», — неожиданно подумал Байда.

С наслаждением хлебали уху.

— С дымком! — чмокал губами Черновол. — Ах ублажил, Гаврила Силыч, ах ублажил!.. Завтра присылай гонца с бумагой, чем могу — помогу!

— А техникой?

— Постараемся.

Он закурил от уголька, блаженно затянулся.

Костер притух. Стали собираться домой. Ночь стояла звездная, ясная. И вдруг тишину ночи разорвал рокот трактора. Гудело где-то недалеко.

— Кто это по ночам в лесу шастает? — удивился Каширин. — Да еще на тракторе?

— А мы его задержим, — хмельно радуясь сегодняшней рыбацкой удаче, пробасил Черновол. — Техника-то государственная.

Две машины ринулись за трактором... Скоро настигли

его, взяв в клещи и ослепив тракториста перекрестным светом фар. Трактор полз не спеша и тащил за собой тележку, доверху груженную сеном.

— Сено совхозное ворует! — схнул Черновол, выпрыгивая из машины. — Ну-ка стой! Стой, кому говорят!

Тракторист заглушил мотор. Вылез из кабины...

Байда оцепенел...

— Обух? — просипел он.

Байда ожидал встретить кого угодно — нынче многие путают где свое, а где государственное. Но чтобы Обух воровал совхозное сено?..

Байда много разных встречал людей... Но дружбой с Обухом дорожил, порой, когда бывало на душе особо туго — искал в ней опору. А тут...

— Давай, Гаврила Силыч, составлять протокол, — возбужденно требовал Динамик.

Байда шагнул к Обуху, щурясь от света наведенных на него фар, спросил:

— Объясни, Иван.

Обух ответил коротко:

— Сено мое. Я его прошлым летом накосил и застожил в лесных западинках. — И добавил тихо для одного Байды: — Глаша по ночам плачет, коров в совхозе кормить нечем.

Каширин услышал его ответ, вмешался в разговор:

— Что-то не так... Скорохват в прошлом году первый отрапортовал: по полторы нормы на корову заготовил! Горожане помогали, рабочие... Кто же из вас двоих врет?

Обух пожал плечами, повернулся к Каширину:

— А вы сами и спросите у Скорохвата. Строители совхозу гараж выстроили? — Стал загибать он пальцы. — Заводчане ферму благоустроили?.. А расчет со всеми один — справкой о скошенном сене. Только коровы справок не едят!.. — Повернулся к водителю, крикнул: — Да потуши свет!

Черновол на капоте машины писал протокол. Байда вдруг взял у него лист бумаги и порвал.

— Езжай, Иван Калинович! Скорохвату утром доложишь о случившемся.

Обух уехал...

— На продажу вез шельма, — сказал, будто стеганул Байду по сердцу, Черновол. — Жена у него, видите ли, плачет. Ишь, сердобольный! А дело, поди, гораздо проще. Летом совхозное сено возил: тележку — в хранили-

ще, тележку себе прятал. Хитер мужик, я его сразу раскусил. — Он громко высморкался в платок и захохотал так, будто камни с неба посыпались: — Уж я-то нынешних знаю: они ко мне на стройку, как мухи на мед, лезут. И этот ко мне придет, я его запомнил.

Байда вдруг взорвался.

— Не смех это, Кондрат Минеич, — беда наша! Лучшие пожневные земли дичают, а колхозникам трын-трава. Так откуда же у нас корма возьмутся? Зерно фуражное из-за океана возим — золотом расплачиваемся!

— Философ ты, я вижу, Гаврила Силыч! — хохотнул Черновол.

Байда повернулся к нему, сказал неприязненно:

— Ты, Кондрат Минеич, у нас человек временный. Пришел, землю изранил — и дальше поехал. Что после останется — не твоя забота. А нам здесь жить...

— А я, по-твоему, нахлебник? — обиделся Черновол. — У тебя, Байда, район, а у меня вся область. Кругом поспеть надо... Мое дело строить, а не рассуждать. А про землю вы думайте!

— А нас, коренных, что же, и спрашивать не надо? — с иронией спросил Байда.

Черновол недоуменно повел плечами:

— Коренных-то? Этому крестьянину, сено воровавшему, разве не все равно? Я ему работу дам, заработок хороший. А чего строить — это уж не его забота. Будет у меня подбивать ветром стены комбината.

Каширин поморщился от его слов, сказал досадливо:

— Черт мужика попутал.

Машины вырвались на шоссе, прибавили скорость, взметывая за собой поземку.

Утром на пятиминутке, которую все называли «раскурной», а бабы «посиделками», Обух доложил директору совхоза Скорохвату о ночном происшествии, не углубляясь при этом в суть дела:

— Нашел я стожок, Петр Потапыч, случайно. Понимаешь, забытый стожок. Думаю, чего ему пропадать в лесу. Собрал, свез Глаше на ферму.

— Видал, что деется! — всплеснула руками Муня Охрумцева, полнотелая, истерично-крикливая бабенка, — коль у Глашки муж тракторист, ей и кормов поболее, и первое место по надоям молока! А моим-то буренушкам

шиш с присыпкой? — Она скрутила фигу. — Где же справедливость, Петр Потапович? — подступалась она к Скорохвату. — У меня давеча две телки от бескормицы пали.

Скорохват, кудрявый, розовощекий, с белыми ресницами и вечным ошлепком сигареты на нижней отвисшей губе, развел руками:

— Социалистическую предприимчивость казак выказал. А ты, Муня, на авось да небось уповаешь, с худого глазу и телки пали.

Все дружно расхохотались.

— Ну дает Охрамуня, — вклинился в разговор одноглазый завхоз Кекс, прозванный так бог знает кем. Чертова перечница! Сама три дня праздновала, коров не доила — не кормила, а когда телка окочурилась — Глашка виноватой вышла.

Бабы только вздыхают тяжко. А мужики зубоскалят. Кекс, худущий, ровно Кащей Бессмертный, по обычаю уже с утра поддатый, весел и разговорчив — волынку тянет.

«Кормов нет — чем еще заниматься завхозу? — досадливо думал о нем Иван Калинович. — Вот он смешком и прикрывается. Поставил Скорохват забулдыгу добром крестьянским заведовать...»

Не сдержался Обух, крикнул директору:

— А по отчету, Каширин сказывал, у нас полторы нормы кормов на корову!

Петр Потапович прошелся по «раскурной», — брюки гармошкой, на ляжках держатся, тугое брюшко спереди руками поддерживает, отчего руки кажутся короткими.

— Время идет, зарплата тоже! — вдруг гаркнул Скорохват. — Давай — по рабочим местам! Распустили языки, понимаешь!

Пошел к выходу, совсем еще молодой, крепкий, кровь с молоком.

— Один момент, Петр Потапович, — попросил директора Кекс. — Случай для настроения расскажу: заряд, так сказать, на рабочий день.

— Валяй! Три минуты, — усмехнулся Скорохват, — только мне чтобы сегодня корма в Смолеговке получил. Растел в гурте, а у тебя фуража — кот наплакал.

— Будь сделано! — хитро подмигнул вслед директору Кекс.

Он приосанился, оглядел мужиков и баб, вращая при

этом головой и здоровым глазом... Начал рассказ, отчаянно жестикулируя руками и закатывая единственный глаз:

— Во втором отделении опоросилась свиноматка Стешки — двоих принесла... Как тут доложишь Скорохвату? Мало! Лютовать будет... — Кекс помолчал. — Управляющий, Федя Ломов, вызвал учетчика, велел в отчете трех поросят показать. Раз, два — дело сделали! — Кекс потер руки, изображая, как дело делается. — Попал отчет на стол Петру Потапычу. Тот глянул сводку, вызвал зоотехника: «Ты чего это, Лександр Петрович, туды твою растуды, плохо старался? Со Стешкой не мог управиться! Что за приплод принес: трое поросят?.. Стыдно мне такой отчет подписывать, за тебя стыдно, за Стешку стыдно. Пиши в отчет — четыре!»

Все в «раскурной» затихли, повернулись лицом к зоотехнику. А Кекс продолжал весело:

«Будет сделано, — смикитил Лександр Петрович. — Я ее, стерву, рожать научу! Уж расстараюсь! Следующий раз она у меня не меньше полдюжины выдаст».

В «раскурной» загремел смех.

— Ох, Кекс, ох, затравил! Смачно...

Слушавший весь этот разговор зоотехник шумно вскочил, сгреб с головы фуражку, ударил ею об пол:

— Ах ты ж, язви тебя, Кекс! Кормить скотину нечем, а он зоотехника выставляет на смех. Это твой, а не мой недород! Из-за тебя Стешка...

Мужики вытирают кулаками слезы, бабы за животы держатся.

Кекс построжал лицом, глаз прищурил.

— В общем, показали в район четверку поросят... А в область уже пять пошло, в Москву — шесть!.. — Кекс вздохнул, сказал вдруг горестно: — Через неделю получает наш Петр Потапыч сверху разнарядку: «Двух поросят отправить в порядке шефской помощи в соседний район — там погодных условий не было, а остальных оставить в совхозе для откорма и сдачи на мясо».

Кекс в куцей без рукавов душегрейке раскраснелся — выглядит именинником. А у Ивана Калиновича тревожно и муторно на душе стало.

«Долго ли так продолжаться будет? Скотина с голоду мрет, а враль и празднолюбец Кекс с утра под градусом ходит: фураж нынче дорого стоит... Скорохвату и вовсе дела нет до забот крестьянских — все «приемы» устраи-

вает для истомившихся городских чинов. Еще бы не устраивать на такой земле, как в Большой Осокоровке! Леса, озера, рощи; не земля — чистое золото!.. Чахлый, какой-нибудь доходяга из области пожалует: из машины вылезет — от ветра качается... А хлебнет нашего воздуха целительного — глядишь, и зарумянится весь, назад в машину его уже втискивают... Ясно, земные дела такого святошу мало тревожат...»

Обида лезла в голову Ивана Калиновича. Крестьянский дух его бунтовал против показухи скорохватовской — ведь умеет же, стервец, работать! На днях комиссию из Москвы принимал, «Всадника без головы» привозил, — так за ночь дорогу к ферме плитами выложил. Ферму снаружи плиткой облицевал... Глаша радуется — корма появились, два дня коров вдосталь кормили. А как начальство уехало — все по-прежнему стало.

«И почему они ездят по заказанному? — размышлял Обух. — К Охрамуне бы на ферму заглянули — там коровы в грязи и не всегда доенные. Ей за гульками-гулянками некогда — все стряпушничает на «приемах», на стол подает».

— А чтоб тебе неладно, Кекс. Ты нам зубы-то не заговаривай, — прервала Глаша разудалого завхоза. — Корма давай! Половина дойных коров в растеле — ревут с голоду.

Однако Кекс снова свел все к шутке. Он вошел в раж, и теперь его единственный глаз впился в Ивана Калиновича.

Тот сидел, понурый, думал... И выходило у него, что с каждым годом все труднее складывалась жизнь: стежки-дорожки дедов истерлись, естество свое потеряли. Хозяин земли чувствует себя на селе временным. Взять хоть Скорохвата: такой не засидится — вверх попрет! Там мест-то! Поди, всякому хватит...

— Вот и Обуху нынче фарт подгадал, — хитро начал Кекс другую историю, — сенце лешак ночью перепутал: свое с совхозным...

Иван Калинович выбросил на стол тяжелые кулаки:

— Ну ты, ханурик! — даже не крикнул, а прошептал, но так, что все услышали. — Мое это сено! Сам косил.

Глаша остудила пыл мужа:

— Будет, ребята, будет! Айда на работу!

Люди, разомлев от дыма и шуток, лениво потягивались, не спешили...

Иван Калинович вышел из «раскурной» первым, завел стоявший тут же у крыльца трактор...

Виноватым чувствовал себя Иван Калинович за припрятанное сено. И все равно знал: завтра опять поедет. «Не могу слышать, как Глаша вскидывается по ночам, во сне коров жалеет...»

Трактор медленно полз по обледенелой покати холма. Все вокруг звенело, таяло. Косогоры очистились от снега. А в подгорьях уже набиралась, скапливалась большая вода.

В небе размеренно ходили кругами, держась парой, молодые беркуты. Глядя на них из-под руки, Иван Калинович думал, что, наверное, ярко-оранжевый трактор кажется орлам с их высоты маленькой «божьей коровкой». Орлиная свадьба в белесом небе обещала природе крепкое молодое потомство.

Дни прибывали по-весеннему быстро. Громы перекатывались над Захватовкой — трещал, рушился лед на стрежне, заполняя водой по самые венчики речную чашу...

Тревожно стало вокруг, даже вездесущие дети присмирели, ожидая наводнения. Птица и зверь откочевали за Марьинский валок.

Байда в эти дни и спать не ложился: дремал урывками в машине под ворчание водителя, понукал нерасторопных хозяйственников быстрее отводить скот из затопляемой зоны, ругался со строителями, беспечно разбросавшими машины и материалы вдоль берега, по крутым косогорам и в пойме.

— Стройплощадку затопит! Отводи технику, Кондрат Минеич, — надрывая голос, убеждал он Динамика. — Грузы свои тащи наверх.

Кондрат Минеич перекрывал своим басом даже рокот Захватовки:

— Не пужай нас, Байда. Мы народ пуганый! Речушка в сотню шагов, а шороху!.. Тьфу!.. Не такие смиряли реки. Да я вам за два дня такую дамбу отсыплю!..

Байду коробило от эдакой удалой бесшабашности, душа болела за сваленное в груды добро.

— Это все денег стоит! — напирал он на Черновола.

Однако на Кондрата Минеича никакие доводы не действовали.

— Ты свое, Байда, считай! А мы уж как-нибудь... Тоже грамотные, не лыком шиты!

И раскатисто смеялся.

— Все наше! — отчаянно спорил Гаврила Силыч, но вскоре другие заботы поглощали его энергию.

В небе верховые ветры волнами мяли зимние серые тучи, истончали и расшвыривали их, образуя пронзительно-яркие промоины, вокруг которых уже по-летнему клубились молочно-белые шары облаков.

И чертила небо, резвилась в тугих текучих потоках воздуха пара молодых орлов. Люди, кому посчастливилось видеть их слаженный брачный полет, шапки роняли, запрокинув головы.

— А ну, останови! — попросил шофера Байда, выпрыгивая из машины, не дождавшись, пока водитель затормозит.

Он встал, запрокинув голову в небо, и не мог отвести глаз.

Водитель Саня, молодой веселый парень, отслуживший срочную в авиации и считающий себя знатоком в воздухоплавании, больше любил наблюдать все же за лицом Байды, чем за полетом орлов.

— У вас, Гаврила Силыч, такое выражение лица, будто сами сейчас полетите. А ведь вы не хуже на «Малыше» умеете.

— Ты посмотри, Санек, как они согласно парят, как крылья пластают — без единого взмаха! — пылко отвечал Байда. — Я уже сколько минут наблюдаю, и хотя бы один мах крыла. Все выше и выше — кругами возносятся. Вот где, я тебе скажу, идеальное чувство воздуха...

Через несколько минут, садясь в машину, Байда мечтательно думал вслух:

— Эх, кабы не наводнение, я бы сейчас тоже, самое время для планериста — ветреное.

— А вы слетайте на «Малыше», — в надежде на передых подсказал Саня.

— Тренер нынче на нем летает. Соревнование планеристов аэроклуб проводит...

Над смолеговским краем установилась ясная солнечная погода. На косогорах и в пойменных припеках снега таяли ходко, обнажая маслянисто-черную, дышащую

парком землю. День и ночь над рекой кричали перелетные птицы. Каждый клочок оттаявшей земли служил им пристанищем.

Беспокойство птиц было велико. И хотя они прилетали сюда большими и малыми стаями, во всех их повадках чувствовалась необоримая тяга к уединению, к созданию своего семейного очага. Стаи распадались, дробились парами.

Молодые самцы устраивали «рыцарские» турниры. Поминутно вспыхивали бои. Зрелые же самцы вились вокруг пробуждающихся самок, показывая свое умение добывать пищу и свою обходительность.

Прошлогодние пары держались особняком, у них уже были облюбованные гнездовья и скрытые от постороннего глаза ухоронки. Издревле здесь селились и птицы, и звери, и люди. Всем корма хватало. Природа щедро рассыпала вековые богатства.

Но люди стали выворачивать землю наизнанку: бетонные торосы торчали теперь из нее, как развалины после боя. Пойма реки, изрезанная ножами бульдозеров, раздавленная траками вездеходов, грейдерами, со стоном пробуждалась от зимней спячки...

Парней высадил здесь Черновол бравых, обтянутых брезентом, словно войско десантное, с бульдозерами вместо танков. Взорвать ли чего или с корнем выворотить — для таких ребят плевое дело.

Поглядел на них Байда, покачал головой, и хотя душа его не лежала к стройке, пришлось все же уступить. В наше время кто в душу заглядывает! Что его подпись значила против подписей Каширина и Первого... Да и на ребят-черноволовцев насмотрелся. Эти своего не упустят. С них какой спрос?..

К тому же и выгоду свою район получил: Черновол, как обещал, «кинул» своих ребят на строительство санатория. Подмога для смолеговских оказалась весомой: и кран башенный появился на стройке, и материалы пришли.

Вот только с дедом Лукой у Байды отношения испортились. Не мог простить ему старик уступки, да и свежа была в памяти прежняя рана: облысевший, с бурыми проплешинами лес, откуда ушли птица и зверь от бескормицы...

Дед Лука высаживал на этих гарях саженцы. Дремучий старик, а в земле копошиться любит, словно дите

малое: с утра до ночи роется. И Булат гребет лапами супесь, горкой песок рядом с лункой возникает. Хвойный подрост на таких землях хорошо приживается.

Упорство какое-то было в действиях деда Луки. Строители перепашут траками бульдозеров землю, сорвут с нее дернину защитную, перелопатят молодые деревья, а старик следом идет и раны рубцует, словно вызов людям бросает.

Ночью деду Луке привиделся сон: две луны в одном небе. Одна — яркая, другая — вся в темных пятнах. И пеленают ее, пеленают, будто в саван окутывают, быстро натекающие тучи.

Старик проснулся. За окном избы ветролом уже корежил на реке лед. Заломы его раскатисто гремели тревожной весенней канонадой. Старик оделся и пошел к Захватовке.

Ледоход бурлил, быстрился круговертью торосов, стервенея в неукротимой дикой ярости ледяного крошева. Ветер сек старику лицо, ломал-выворачивал в перехлестах сушняк, сыпал на землю сорные ветви с деревьев.

«Переломила все же весна зиму, — думал дед Лука, всматриваясь в желтые разливы солнца на холмах Марьинского валка. — Ишь как истомилась природа от долгого зимнего застоя: враз взыграли и река и ветер — разгон набирают...»

Старик вспомнил сон и направился в село к людям, размышляя в тревоге: «Как теперь будет? Захватовка русло не раз уже меняла — старицами ее все здешние места изрезаны. А после такого половодья жди обновления...»

Дед Лука въяве чувствовал, как бесновалась, рвала лед стремнина — природа сплетала воедино силу земли, воды и солнца...

Уровень воды в Захватовке поднялся до пяти метров. Она разлилась неоглядным мутно-серым морем, стремительно подбираясь к стройке, стылыми льдистыми клещами охватывая заваленную материалами территорию.

Строители наконец-то поняли, какая им грозит беда. Взрывали камень в карьерах, спешно возили его в огромных самосвалах, отсыпали защитные дамбы.

Кондрат Минеевич Черновол не спал теперь ночами, как и Байда. Только один защищал честь своего мунди-

ра, а другой спасал людей и скот, отводил их за Марьинский валок...

— Попробуй введи теперь комбинат в срок, когда такая поруха надвигается! — кричал Черновол громовым голосом. — А с кого спрос? С меня... Давай, ребятки, нажимай! Ишь, какая речушка: мал-мала, а расходилась, не дай бог!.. Живо сыпь камень — не такие реки взнуздывали!

Кличка Динамик в эти дни напрочь прилипла к Черноволу. Теперь его в глаза и за глаза всяк так называл: и рабочие, и начальство. Газеты взахлеб восхищались мужеством строителей. Имя Черновола не исчезало со страниц.

«Кто кого? Стихия одолеет или люди от своего не отступятся? Комбинат будет сдан в срок!» — давал интервью корреспондентам Черновол.

О Байде и его деле писали поменьше. О птицах и зверях, попавших в беду, и вовсе газеты замалчивали.

Кондрат Минеевич Черновол был боец по натуре, и его охватил неимоверный азарт, страстный порыв устоять, выдержать, доказать свою силу и людям и стихии. И ему верили, подчинялись, выполняли все распоряжения. Он стал лидером тысяч стянутых сюда людей...

— Ну еще, хлопцы, еще метр отсыпем — и баста! — с задором кричал он. — Вода вот-вот встанет, скоро иссякнет ее сила.

Но сила воды не иссякала. Дамба росла, а зеркало воды вместе с ней поднималось, затапливая окрест все рельефные впадины, выравнивая в берегах единого моря бесчисленные озера, заводи и старицы.

В небе гуляло яркое весеннее солнце. С юга спешили — тянулись и тянулись в эти края косяки птиц. Они кружили над морем, тревожно кричали в поисках своих старых гнездовий. Разноголосый гвалт висел в воздухе, наполняя сердца людей беспокойством.

И вот настал час, когда венчики дамбы стали вровень с водой, и она тонкими ручейками там и сям начала торить себе дорогу в строительный котлован, быстро сливаясь в стремительные мутные потоки.

Дамба затрещала, заколебалась — и рухнула...

Людей едва успевали отвозить машинами, вертолетами. Технику бросали.

Ревела озверевшая в своей силе Захватовка, ворочала тяжелые тракторы, катила их, как бесформенные мячи

по земле, ставшей теперь уже ложем огромной, отсыпанной самим же человеком могилы.

Вскоре стройка скрылась под водой.

После двухнедельной борьбы со стихией Байда наконец-то возвратился домой в Смолеговку. Простудился, с лица сошел от переутомления: на диван свалился и уже не слышал, что говорила жена...

В полночь его поднял телефонный звонок. Он вскочил как ошпареный. «Что, опять река прорвала?» — решил спросонок и кинулся к аппарату.

— Слушаю, Байда, — хрипло сказал в трубку.

— Спишь, Гаврила Силыч? — узнал он вкрадчивый, с растягом гласных, голос Носенко, возглавившего недавно облагропром. — Я тебя, понимаешь, целую неделю не могу застать дома. Что за партизанщину ты у себя развел в районе? Председатель дома не ночует, а аппарат РАПО не знает, где его искать.

— Скотину спасал от наводнения, — хмуро и резко ответил Байда.

Носенко уловил вызов в его словах и поспешно сказал:

— Ну, мы тут тоже, понимаешь, не сидели сложа руки. Урон от половодья по области велик, а план хоть умри — вынь да положь! Доложи цифры по посевной.

Байда недоуменно, еще не совсем проснувшись, хлопал ресницами, тер кулаком глаза. Какие еще цифры! Вода только нынче пошла на убыль.

— Зачем же ночью вам цифры? — ответил раздраженно. — Утром перезвоню. У вас что, бессонница, Степан Власьевич?

Однако Носенко шуток не терпел. Он знал, как надо утверждать себя в новой должности председателя агропрома области, потому и ответил сурово и жестко:

— У меня, Байда, вся область у телефонов дежурит. Проверяю, как районные руководители положение дел на местах знают. Председатели мне лично сводки докладывают. Такой я теперь ввел порядок для всех! И пока только ты один отбиваешься. Соседи уже твои отчитались, сев закончили. Отстаешь, Байда, — грозно добавил Носенко.

— Так ведь вода стояла! — удивился Гаврила Силыч. — Как они могли отсеяться?

Носенко тонко рассмеялся, но сердито вымолвил:

— Медленно разворачиваешься, Байда!

Гаврила Силыч окончательно проснулся, ответил коротко:

— Цыплят, Степан Власьевич, по осени считают.

Носенко приказал однозначно:

— Поднимай народ! И мне в приемную докладывай через каждые два часа. Лично, понял?..

Байда опустил трубку, подумал досадливо: «Послал бог начальника! За дурною головою и ногам нема покою».

Сна как и не было...

Земля пахла дымом. А в холодном небе уже появилась черная туча. Со страшной скоростью, закручиваясь в спираль и сужая полосу, понесся из глубин весеннего моря ветер, круша и ломая на своем пути, словно спички, вековые деревья, опоры электропередачи.

Смерч гулял над землей, заглатывая в свою ненасытную, крутящуюся воронкой пасть все живое. Колебание воздуха было так велико, что Бурхан уловил катившийся смертельный воздушный вал за много километров. Он издал тревожный клич, приглашая за собой орлицу, и, напористо рассекая воздух, понесся к югу.

Ураган настигал их с неодолимой силой. С каждой минутой давление катастрофически падало — Бурхан чувствовал, как быстро исчезает опора под крыльями, словно воздух вдруг потерял упругость. Орел бил крыльями, стараясь отыскать в замирающих воздушных потоках упругие гребни волн. Поймав такой гребень и взлетев на его вершину, он мощным ударом помогал себе и орлице ускорить полет.

Буря с жутким воем догоняла птиц. Бурхан увидел, как схлестнулась с напором ветра Серогрудка. Вихрь опрокинул ее, выламывая еще пытавшиеся сопротивляться крылья, и стал неудержимо втягивать в гудевшую пасть-воронку.

Серогрудку уже не держала в воздухе тяга крыльев, не управляли полетом хвостовые перья — она рухнула в глубокую воздушную яму, вертясь пропеллером. Сил выровнять падение не было.

Бурхан рванулся ей наперехват. Сложив крылья, он падал, как падают орлы на свою жертву, — стрелой, камнем...

Настигнув Серогрудку, Бурхан распахнул крылья, сильно ударил ими чуть впереди падающей орлицы, взвихривая воздух.

Серогрудка, подхваченная на миг этим током, нашла опору — забила крыльями, и этого было достаточно, чтобы она выровняла свой полет, устремилась за Бурханом.

Бурхан чувствовал, что по краям несущейся за ним смерти воздух более плотный, о него легче спружинить крылом. Орлица, поняв его маневр, рванулась следом. Теперь они летели навстречу буре, косо забирая и забирая в сторону.

Порывы ветра резко усиливались. Вой его переходил в злобный утробный рык. Еще миг — и станет совсем худо: орел не удержится на крыле — и тогда конец. Собрав последние силы, Бурхан прижал крылья и заскользил вниз.

Ураган еще катился по инерции вперед, а Бурхан, вывернув крылья, лег грудью на ветер и разошелся с ним по касательной. Серогрудка следовала за ним, чувствуя за его крылом надежную опору... Однако взмахи ее крыльев теперь были неровные.

Серогрудка не держалась в токе воздуха, срывалась и падала вниз. Бурхан подныривал под нее, резал-рассекал крыльями воздух, создавая тягу.

Так они дотянули до гнезда.

Однако взлететь больше Серогрудка не могла.

Вокруг звенела, искрилась весна, гудели веселые призывные ветры. Их потоки омывали орлиное гнездо, будоражили охваченного страстным возбуждением Бурхана.

Бурхан громко, пронзительно кричал, метался в вихревых потоках — вечный зов любви и продолжения рода звал его в распахнутое всем ветрам весеннее небо. Сердце разрывалось от горя и страсти. Он твердо знал, что орлов на сотни верст вокруг не было. Он звал за собой в небо Серогрудку, но она отвечала ему лишь слабым виноватым клекотом... Он носился над Серогрудкой, присаживался рядом на край гнезда, расчесывал ей клювом израненные перья. А она обреченно прижималась к нему, прикрывая настрадавшиеся глаза желтыми шторками, чтобы Бурхан не видел ее боли.

В эти дни люди видели мечущегося в небе черной молнией одинокого орла. Он то сломя голову падал вниз, то

неистовыми ударами тяжелых крыльев возносил свое могучее тело в белопенную синеву.

— Предвестник беды! — зло сплюнул под ноги мужик.

— Страдает, — вздохнула сердобольная женщина.

Тревога и горе сквозили в каждом росчерке орлиных крыльев. Но странно, малые птицы не пугались его, не прятались, когда он накрывал их широкой тенью своих крыльев.

Порой орел зависал неподвижно над птичьим током, наблюдая весенние турниры самцов, потом вдруг лихорадочно срывался, будто его подбили, и падал вниз... Приходя в себя, лениво рассекал воздух крыльями, возвращался к своему гнезду... В такие минуты сердце его полнилось нежной любовью к израненной Серогрудке.

И Бурхан вы́ходил подругу, умыкнул ее из лап смерти.

Дни сменялись неделями, недели — месяцами. В жарком летнем небе уже пробовали силы, резвились молодые перелетные и оседлые птицы. Орлят среди них не было...

Молодая орлиная семья тоскливо наблюдала, как резвятся в небе едва-едва окрепшие птенцы мелких птиц. Они еще были в неладах со своими силами: потеряв под крылом тягу, вдруг неловко «плюхались» в воздушную запа́динку... Пугаясь, лихорадочно загребали крыльями — и только вновь почувствовав быстрину, пытались смело, широко распластать их, наслаждаясь радостью полета.

Серогрудка хорошо понимала, что осталась живой лишь благодаря стараниям Бурхана, и была благодарна ему.

Захватовка остепенилась, воды ее вошли в коренные берега, течение их стало размеренным, стойким. Так мать, дав жизнь своим детям, обласкав и напоив из бесчисленных озер, напитав надеждой, подталкивает их к независимому бытию...

Судьба Захватовки была решена.

Не прошло и года после разрушительного половодья, как заводские корпуса поднялись за Большой Осокоровкой. Люди зря времени не теряли, напротив, чтобы усми-

рить Захватовку и оградить стройку от большой воды, решено было перекрыть ее стрежневую аорту бетонным створом плотины. Расчет прост: развернется весной Захватовка, заиграет избыточной силой, тут и сбросят воду в обезвоженные яры нижнего течения, в сухие старицы. А в верховьях реки ляжет водохранилище — летний запас воды для комбината.

Вроде бы все по науке, но Байда нервничал... Чувство какой-то неосознанной вины росло и росло в душе Гаврилы Силыча. Строительство химкомбината казалось теперь сущим пустяком в сравнении с надвигающимся перекрытием Захватовки и затоплением заповедной Марьинской пади.

И вот опять наступила весна. Капель звенела барабанной дробью, и сосульки свисали с крыш, длинные, тонкие, словно трубы органные.

Гаврила Силыч любил это время года. И с каждой новой весной он испытывал все большую тягу к земле, к ее острым духмяным запахам, к лесным пролескам, к гуляй-ветру.

Байда понимал: переехав из Большой Осокоровки в Смолеговку, он в жизни многого лишился, хотя и приобрел не меньше... Уютный дом, молодая красавица жена — разве этого мужчине мало, чтобы быть счастливым!

Однажды, когда сидели они с Мадиной вечером у телевизора, вдруг раздался робкий звонок в дверь.

Сестра приехала... Гаврила Силыч широко раскинув руки, порывисто поднялся навстречу.

— Све-етка?! Сколько не виделись!..

Сгреб ее, закружил по комнате.

— Ну-ну, не надо — вытри слезы! Чего ж не дала телеграмму — встретили бы, гостюшка ты моя дорогая.

Светлана любила брата. Без отца-матери росли, а вот поди ж ты, вымахал брат, как могучий дуб: всем взял — и ростом, и умом. В доме видно достаток: стены, как в музее, увешаны оленьими рогами и звериными шкурами. На диване, словно живой, дико оскалившись, — медведь.

Еще на вокзале Светлана поняла, что фамилия Байды здесь многим известна. Когда она села в такси и назвала адрес, шофер внимательно посмотрел на нее, спросил:

— К Гавриле Силычу?

— Вы знакомы? — спросила Светлана.

— Кто ж его в Смолеговке не знает? — пожал плечами таксист. — Это в самом центре. — А когда Светлана подъехала к дому, таксист помог ей поднести чемоданы и, нажав на кнопку звонка, с почтением попрощался.

Гаврила Силыч водил сестру по комнатам, показывал охотничьи трофеи. Жена его неотступно следовала за ними. Упреждая мужа, Мадина Ивановна спешила пересказать Светлане такие подробности о каждой добытой шкуре, будто сама выслеживала и брала зверя. В ее словах ощущалась не только гордость, но и обожание мужа, восхищение его силой и ловкостью.

— Этого красавца, — показывала она на великолепные ветвистые и отполированные оленьи рога, — Гаврила Силыч в облаве взял. А с этим грозой леса, — остановилась у шкуры медведя, — один на один вышел зимой. Опасный зверюга! Шатун! Но Гаврила Силыч на него пошел, чтобы я смогла утереть нос Павлине. — Уловив недоумение на лице золовки, пояснила: — Есть у нас в Смолеговке одна «примадонна». — Мадина Ивановна прижалась к Светланиному плечу, насмешливо подмигнув мужу, шепнула ей на ухо: — Соперничать со мной пытается! Так она, когда эту шкуру увидела — позеленела от зависти... Муж у нее — никудышный охотник. Такой зверюга ему не по плечу, — кивнула она на оскаленную медвежью пасть.

Мадина Ивановна такими влюбленными глазами посмотрела на мужа, что Светлане даже стало немного неловко, и она отвела взгляд.

Гаврила Силыч порозовел в лице: ему приятна похвала жены.

— Вот только орла подарить мне не может, — хитро и вместе с тем ласково ворковала Мадина Ивановна и, показывая на огромный ковер, вкрадчиво добавила: — Сюда так и просится! Есть у нас один в округе красавец... Беркут!.. Крылья — во всю стену! Мадина Ивановна развела полные красивые руки: — Покой из-за него потеряла: вдруг кто-нибудь упредит — подстрелит?.. А если к Павлине попадет, — сверкнула глазами на мужа, — никогда не прощу тебе этого!..

— Так ведь исчез орел, покинул наш край.

— Нет, — вкрадчиво проворковала Мадина. — Акоп Яремович его третьего дня видел. Но ведь, кроме тебя, его никто не достанет!

Байда встал рано, сестра и жена еще спали; вызвал по телефону машину и вышел на улицу.

Утренняя заря разметалась в полнеба.

Байда коротко бросил водителю:

— На аэродром!

И не сказал больше за всю дорогу ни единого слова. Только оказавшись возле серебрившегося на солнце «Малыша», Байда очнулся от своих невеселых мыслей. Он любил эту небольшую спортивную птицу, за штурвалом которой чувствовал себя самим собой, ощущал согласие с природой.

Оформив разрешение на полет, Байда вырулил «Малыша» на взлетную полосу. Задвинув над головой прозрачный плексигласовый фонарь и положив руки на штурвал, ощутил здоровый пульс серебристой птицы, которая полностью была в его власти. И наслаждался этой силой, сдерживая слегка подрагивающий самолет, рвущийся в небо.

Ощущение полета было знакомо Байде с детства. Он летал в мальчишечьих снах, часто падая с койки на пол. Доходило до того, что нянечка в детском доме, а позднее и родная тетка привязывали мальчика к кровати.

Гаврик не раз мастерил себе крылья, пытаясь на них спуститься с горы или крыши дома... Падал, сломал ребро и руку, но упрямо повторял полеты. Цепкое упорство Гаврика, приобретенное с детства, его неодолимая тяга к полетам взяли свое: он начал летать, стал планеристом. С годами юношеское увлечение превратилось в потребность души.

Приняв должность начальника Смолеговского сельхозуправления и получив в подчинение межсовхозный аэродром, Гаврила Силыч приобрел одноместную спортивную авиамашину, используя ее по-хозяйски для изучения положения дел на полях и в лесных угодьях.

Байда прожил одиннадцать лет в городе. Однако земля все еще прочно манила его к себе. И не попади он в городское начальство, рано или поздно подался бы снова в село.

Оставаясь с глазу на глаз с природой, Байда преображался, становился самим собой. Не мог он так запросто, как Мадина, порвать с землей. Корни его были прочнее и глубже: от отца, деда тянулись. А без корней этих человек, словно перекати-поле: куда ветер подует, туда и он.

Байда строил свою судьбу дерзко. В семье у него лю-

бовь да согласие, в делах — порядок. И разница в возрасте между супругами едва ли заметна. Мадина, конечно, позволяет себе слегка пофлиртовать с Акопом Яремовичем, дабы подзадорить мужа, но это скорее от женской слабости, чем от желания досадить.

«Любит она меня, — думал Гаврила Силыч. — А кокетничает, чтобы не разонравиться. Настоящую женщину веселое кокетство только красит».

Одно в характере жены огорчало — Мадина страдала «звездной» болезнью, везде и всячески подчеркивая свое первенство...

Под крылом самолета в снопах утреннего солнца показалась одинокая, низко припавшая к земле изба деда Луки. Она притулилась на крутом яру Захватовки, рядом с начинавшейся отсюда Горбатой горой.

Серые бетонные корпуса, как слинялый прошлогодний камыш, поднимались над молодым, сочно зеленеющим подростом. С высоты стройплощадка казалась Байде огромной, вытравленной у природы проплешиной среди буйства весеннего половодья.

Вся Марьинская падь, казалось, была наполнена крыльями летящих птиц, гнездами и звериными лежками. Сверкающей мускулистой лавой катит сквозь нее свои воды Захватовка, мать-кормилица здешнего края. Обочь ее белокипящих берегов там и сям ржавыми занозами торчат остатки бетона и металла. Их и собирать не стали...

Пойменные земли села Синегорья, раскинувшегося ниже по течению от Большой Осокоровки, тучно пестрят гуртами коров.

«Жирует скотина после зимовки, — удовлетворенно подумал Гаврила Силыч. — Карнаух молодец, дней не теряет».

А в верховьях реки у Большой Осокоровки все на корню задичало — не выкошено.

«Всыпать надо Скорохвату, — мысленно отметил Байда. — Ну и ловкач: корма под снегом оставил, а показатели выдал наверх справные...»

И все же Байда пребывал сегодня в хорошем настроении: сестра приехала.

На судьбу ему жаловаться незачем, да и не привык он к этому. Если и тоскует душа, так по детям: сына хочется. Годы-то, будто кони, — летят быстро...

Мадина Ивановна позвонила на службу, предупредила, что на работу не выйдет.

Оставшись в квартире вдвоем, женщины повели душевный разговор, всплакнули вместе, вспомнив рано покинувшего белый свет Николая, мужа Светланы. Впрочем, сетовала больше Мадина Ивановна. Светлана только слушала ее, изредка кивая головой. В свою любовь к мужу она никого посвящать не хотела, берегла ее, как святыню.

Светлана схоронила мужа год назад — брат не смог приехать, наводнение в это время было в Смолеговке, людей спасал, — и с тех пор Север, суровую красоту которого она не один раз с любовью описывала в письмах, для нее померк, словно навеки укрылся глухой полярной ночью.

Ничто не связывало ее больше с ним. Близнецы пошли по стопам отца — поступили учиться в Ленинградское мореходное училище.

Теперь Светлана, заслышав приветственный гудок возвращающегося на остров корабля — днем ли, ночью ли, — спешила к пирсу и часами стояла в ожидании, пока вся команда не сойдет на берег... Потом понуро уходила в свою опустевшую квартиру и тихо плакала в одиночестве.

Когда муж умер, брат стал настойчиво звать ее в Смолеговку на постоянное жительство. И она решилась.

— Ты верно сделала, душа моя, — говорила Мадина Ивановна золовке, — что в Смолеговку возвратилась. Сам, — так она уважительно называла Гаврилу Силыча, — поможет тебе с жильем. Нас ведь скоро в область переведут с повышением. Эта квартира освободится.

Мадина говорила «нас», не отделяя себя от мужа, будто ее тоже по службе повышать будут.

— А работу я тебе уже подыскала, — сообщила она.

— В местной больнице? — обрадовалась Светлана.

— Ах, оставь, пожалуйста! — перебила Мадина Ивановна. — Кровь, ночные дежурства!.. — Мадина Ивановна при этом горделиво улыбнулась, сделала рукой великодушный жест. И Светлана не могла понять, шутит она или говорит вполне серьезно.

«Веселая у брата жена, — думала Светлана, не понимая, почему же возникло чувство тревоги и горечи на душе. — И любит он ее крепко. Такую нельзя не любить! Но счастье это какое-то парадное».

Светлана вздохнула, сказала тихо Мадине:

— Дитя тебе надо, заботы материнские. Гаврик любит с малышами возиться.

Мадина передернула плечами:

— Не складывалось пока с детьми, — сказала, оправдываясь. — Заочная учеба в институте трудно давалась: академотпуск брала. А когда же для себя пожить! Мне только тридцать!

— Зато мужу твоему сорок пять! — перебила Светлана. — О нем надо подумать: мужику в эти годы впору внуков иметь.

— В область переедем, тогда и решусь, — ничуть не смутилась Мадина. — Хотя и там на первых порах Гавриле Силычу надежный тыл нужен. У него хоть и железный характер, а без меня пропал бы. — Мадина вскинула голову, воскликнула: — Ах, сколько раз его едва не снимали! Ревизоры всякие да прокуроры наизнанку выворачивали. Но он сидит крепко. Кремень! Люблю за это!..

По ее рассказам выходило, что и район, и город Смолеговка исключительно держатся на Байде, которому едва ли не каждый день грозят опасности. У Светланы холодело сердце за брата.

Мадина, удобно подвернув под себя в кресле ноги, потянулась к телефону. Набрав номер, серьезным голосом потребовала:

— Акопа Яремовича пригласите! Байда спрашивает! — И, повернувшись к золовке, подмигнула ей: — Ишь как заволновались, едва фамилию Байды услышали. — И тут же голос Мадины Ивановны обрел лукавые обольстительные нотки: — Акоп Яремович, милый вы наш друг! Да, это я. Вечером ждем вас на праздничный ужин. Нет-нет — приятная неожиданность. Сюрприз! Обязательно приходите! Да, кстати, к вам сегодня подъедет профессор Селиванов из области: ему надо отремонтировать машину. Знаю, знаю, весна затяжная, совхозную технику надо поднимать... Но ведь я уже пообещала. Ты же у нас умница, Копа!..

Светлану больно задел разговор золовки. Почему-то стало грустно: «Копа! Так можно назвать только близкого друга...»

Мадина, повеселев, кричала в трубку:

— Вот спасибо, душа моя. Только, чур, Гавриле Силычу ни слова, а то достанется нам обоим!

Серогрудка отложила в гнездо два пестрых с бурыми крапинами яйца, и теперь все заботы орлов были подчинены главному — насиживанию птенцов. И они свято исполняли свой долг...

В этот день беркуты проснулись, как только на востоке заголубилась узкая полоска зари и на майские травы студено легла роса. На душе Бурхана было тревожно. Он не спешил сниматься с гнезда, как это делал каждое утро, жался крылом к Серогрудке. Она замерла, чутко прислушиваясь к пробуждающейся в гнезде новой жизни. В эту минуту даже ветер, казалось, прилег к земле, и только высокие сосны еще раскачивались, расчесывая своими вершинами гривы зарумянившихся облаков.

В горле Бурхана что-то распирало, бурчало. Но вот Серогрудка взметнулась над гнездом, и он тотчас обнаружил в нем живой комочек пуховичка. Сердце Бурхана готово было сейчас выпрыгнуть из груди. Он снялся с гнезда и, загребая крыльями ветер, в необузданном счастливом порыве заклекотал... И, казалось, от этого зова раскололось второе яйцо, и еще один пуховичок появился на свет.

Поднималось солнце. Бурхан ощутил на груди и на крыльях горячие брызги его лучей. Теплом и светом затопило весь мир. Но на западе уже крепчал ветер, гнал по небу тяжелые серые тучи, и только голубая прогалина над орлиным гнездом была вся пронизана солнцем. Бурхан широкой спиралью ввинчивался в играющую сполохами небесную высь, выравнивая свой полет едва заметным наклоном перьев хвоста и подкрылков. Широченные крылья его при этом оставались неподвижными. Восходящие воздушные токи легко несли в небо крепкое тело.

Орел радовался сочному от красок утру, радовался появлению на свет птенцов. Он парил над Синегорской долиной, погружаясь в белопенную кипень облаков. А ветер уже нес ему встречь холодные, сочившиеся дождем мутные тучи. Они прижимались к земле, опускаясь все ниже и ниже.

Вскоре небо совсем затянуло. Воздух сделался стылым, и все пространство вокруг заструилось, укрылось моросью.

Орел, прорезая мглу, с каждым витком ощущал спиной и крыльями все усиливающееся тепло солнца. Оно мерцало, как луна, едва теплилось в далекой выси. Спи-

зу же грудь и крылья Бурхана обжигало холодным влажным туманом. Но с каждой минутой становилось теплей и теплей. И вот уже горячий солнечный луч, словно ножом, рассек-развалил тучу и залил светом весь окоем неба.

Серая наволочь облаков исчезла, стекла вниз. Еще миг — и беркут, завершив виток, вынесся над тучами, теперь уже весь облитый жаркими солнечными снопами.

Он чувствовал себя счастливым и сильным, понимая, что ему сейчас, как никогда раньше, нужны крепость мышц и ловкость, чтобы кормить птенцов, пока не отрастут у них крылья. Тогда он будет учить их летать, приучать к самостоятельной охоте...

Гаврила Силыч зорко всматривался в пойменные луга Захватовки, в затененные молодой зеленью распадки, в солнечные проплешины лесных околков, в речные разливы.

Пролетая над избой деда Луки, Байда почувствовал, что он не один в воздухе. Оглядевшись, понял, что рядом «барражирует» беркут.

Байда потянул штурвал на себя — самолет взмыл вверх и легко уклонился от лобовой атаки. Однако через несколько минут беркут вновь завис над самолетом.

«Ишь какой! — азартно соображал Байда. — Храбрый! Ну уж я-то тебе не спущу: у меня тоже крылья, даже еще мощнее, еще надежнее. Мы с тобой на равных».

«Малыш» с лета проскочил рядом с орлом.

Гаврила Силыч сообразил: беркут стережет свое гнездо — уводит самолет подальше от беды...

Гаврила Силыч вернулся домой в полдень. Вошел стремительной хозяйской поступью.

— На обед приехал, а еще ничего не готово? Ты мне, Мадина, сестренку не балуй, она к твоим сказам непривычная! — шутливо говорил он.

Мадина Ивановна ласково обняла мужа, на ходу подставила щеку для поцелуя:

— Извини, милый, заговорилась. Я мигом что-нибудь состряпаю, — оправдывалась она и тут же, меняя тон, игриво добавила: — Без первого сегодня обойдешься. Ишь как живот распустил!

— Какой у меня живот? — подтянулся Гаврила Си-

лыч, молодцевато расправляя могучие плечи. — Кость широкая! — Он улыбнулся Светлане, спросил: — Никак в толк не возьму, как ты, сестренка, до сорока лет сумела сохранить фигуру? Вон какая стройная: тонка да невеличка! Может, бассейн, как моя Мадина, по вечерам посещаешь?

— Какой на острове бассейн? — покачала головой Светлана.

Пока муж обедал, Мадина Ивановна затеяла примерку весенних нарядов.

— Ну-ка надень! — подала она золовке белое платье. — Мне оно тесно и коротко.

Светлана, радостно сверкнув глазами, робко сказала:

— Я сроду таких не носила, куда уж мне!..

Мадине Ивановне нравилось чувствовать себя покровительницей золовки, которая приехала из далекого северного угла и, конечно же, безнадежно отстала от моды. Она настояла, чтобы Светлана надела платье. И когда та вышла в нем к брату, Мадина Ивановна посмотрела на нее совсем другими глазами.

— Ты ж красавица! — Она в восторге закружила ее. — Вышла бы в этом наряде к своим морячкам на Севере — все бы у ног лежали.

Она поворачивала Светлану, разворачивала к солнцу, сама вокруг нее извертелась, но вдруг, оказавшись к ней лицом к лицу, с сожалением сказала:

— А глаза у тебя совсем не в брата. Сам-то коли зыркнет — кровь стынет! — И Мадина Ивановна, кокетливо поводя бровью, озорно подмигнула мужу.

За окном пригревало солнце. Надев на себя очередной наряд, Мадина Ивановна выходила из спальни, вся облитая его яркими лучами. Не шла, а плыла, наклонив голову и сознавая свою красоту, улыбалась...

— Это сиреневое платьице, — сказал Гаврила Силыч, — тебе очень к лицу. Не правда ли, сестренка? Мой подарок.

— Очень к лицу! — радуясь любви и согласию в семье брата, ответила та.

...Вечером к Байдам пришел Акоп Яремович. Он много шутил, развлекал женщин анекдотами, длинными тостами, короче говоря — верховодил во всем.

— Нравится? — шепнула золовке Мадина Ивановна, показывая глазами на Акопа Яремовича, когда Гаврила Силыч вышел на лоджию.

— Веселый мужчина, — неопределенно ответила Светлана.

— Вот у него и будешь работать, в мехколонне агропрома.

— Я же медицинский работник... — удивилась Светлана.

— Душа моя, — покровительственно обняла ее Мадина Ивановна за плечи, — не боги горшки обжигают. У Акопа Яремовича половина кадров такие, как ты. Он жизнь понимает, а Гавриле Силычу своим положением обязан... Так что ты не стесняйся, держи себя с достоинством, как родная сестра Байды. Только самому, — кивнула она вслед мужу, — ни слова! Гаврила Силыч не терпит протекций. Это наше дело — женское.

Светлана недоуменно отстранилась от невестки: «О чем она?»

— Акоп Яремович, — позвала Мадина. — Светлана робеет, думает, что не ко двору придется в твоей мехколонне.

Акоп Яремович усмехнулся, заговорил витиевато и длинно с украинским и армянским акцентом одновременно:

— Не берите близко к сердцу. Уси мы — братья и сестры, тулимся друг к другу. В этом залог преуспевания людей. Таку жинку, як вы, никто не вправе обделять милостями.

Акоп Яремович поправил пышные волосы на своей голове, продолжил уже без акцента:

— От добра добра не ищут, Светлана свет Силовна. Брату вашему впору в министерстве делами ворочать. И не вина его, что он до сих пор в Смолеговке. Так что живите, милая моя, проще. Зачем мы будем с вами изобретать велосипед, когда есть персональная машина?

Светлана ничего не поняла из его речи, и все же это ей не понравилось, неловкость какая-то возникла в душе, смущение.

— Весна, мои дорогие, воздухом не надышишься, — вернулся в комнату Гаврила Силыч. — А знаешь, сестренка, отвезу-ка я тебя к деду Луке, отдохнешь там малость после своего холодного Севера. Земля сейчас

парко́м дышит, словно младенец из зимних пеленок высвобождается.

Гаврила Силыч сказал это с такой любовью и добротой в голосе, от которой Светлане и тепло стало на сердце, и грустно.

«Он все так же любит землю, — подумала она, — несмотря на то, что давно уже живет в городе». Она помнила, как брат, еще работая в колхозе, мучительно сомневался, когда ему предложили повышение.

Он писал ей, что не лежит душа к бумагам. Но Мадина без ума от радости, и он не мог отказать ей. Да и себя испытать хотел, хотя и знал, что скучать будет, томиться, особенно весной, когда первый парок от земли и в пальцах она чуть теплая, мягкая, податливая...

Но сейчас, вспомнив о тех давних мыслях, Светлана сердцем почувствовала жизненную неустроенность брата: «От земли оторвался, — подумала она, — а в городе опоры не нашел». И чтоб сделать ему приятное, она согласилась.

— Конечно же, к деду Луке! Может, и ты пару деньков выкроишь, со мной побудешь? — попросила брата.

— Обязательно выкроит, — поддержала золовку Мадина Ивановна. — Поезжай, поезжай, милый! В баньке тебя дед Лука выпарит, сам говоришь, спину ломить стало.

— Решено! — твердо сказал Гаврила Силыч. — Мне как раз в командировку по району надо, а что — заодно и сестру прихвачу с собой.

— Ружье охотничье возьмешь или бельгийский карабин? — спросила мужа Мадина Ивановна.

«Я с беркутом сегодня в небе встречался», — хотел сказать Гаврила Силыч, но, посмотрев на взволнованное лицо сестры, промолчал. Что-то удержало его.

— Ружье у меня в багажнике, — ответил Байда, — еще с зимы вожу.

— И не торопись, не торопись назад, милый. Ты же никогда не бросал слов на ветер.

Брови ее поползли вверх, крылышки век метнулись вправо, в то время как вишенки зрачков кокетливо уставились на Гаврилу Силыча. Этот лукавый взгляд действовал на мужа безотказно.

— Зачем ты так? — твердо сказал Гаврила Силыч. — Сама знаешь: Байда хозяин своему слову!

Светлана поняла: брат любит это слово — «хозяин».

Увидела в его глазах неукротимые искорки самодовольства. «А раньше не замечала. Ах, как я давно с ним не виделась!»

Смолеговка — зеленый город, опоясанный прядями лесов и просторами полей. Город расширился, вырос. Трехэтажные послевоенные дома теперь, казалось, вросли в землю рядом с новыми высотными массивами. И только со стремнистых яров Захватовки, как из детства, смотрелись дали, где горбатился сторожевой Марьинский валок.

Светлана, крепко сжимая локоть брата, неосознанно вела его в старый район. Там, на тихой, заросшей вековыми липами и фруктовыми садами улице, тонул в молодой зеленой дымке их детский дом. Светлана в каждый свой приезд к брату — а ездила она в последние годы все реже, муж болел — непременно приходила сюда по выходным дням...

Именно выходные и праздничные дни для детей были самыми грустными и длинными: они ждали родственников... А, как известно, чем больше ждешь, тем реже к тебе приходят.

— Меня в детдоме дразнили Фонариком, — вспомнила она, в волнении остановившись против окон детского дома. — Погляди, Гаврик, наш дом и сам как фонарик.

Окна детдома в зечерних лучах солнца играли желтыми бликами. Ветви едва опушенных деревьев звенели под ветром напевно-щемяще и грустно.

— Я каждую свободную минуту торчала у этой входной двери — ждала, когда ты придешь. Вот и прозвали Фонариком. — Светлана вложила свою ладонь в широкую руку брата. — Сколько лет прошло, а все волнуюсь. Помню, натоскуешься за неделю, а как выходной, так уж с утра у двери: знала я, что ты все равно придешь.

Она вздохнула и, разглядывая золотом играющие на солнце окна, сказала:

— Зимой особенно грустно. Окна замерзнут, и мы дышим, дышим на них, пока проталинка не появится. К ней то одним глазом, то другим. Она тут же и слепнет, затягивается изморозью... И тогда снова надо дышать, чтобы первой тебя увидеть.

Она почему-то, все еще испытывая тревогу, спросила:

— А может, мне все же не ехать к деду Луке?

«Ведь там живет беркут», — подумала она, но вслух не сказала.

Однако Байда понял ее сомнения, посерьезнел лицом, пожал плечами:

— Это ничего не изменит. Ты же меня знаешь! Вместе поедем. Интересный старик: чувства и мысли природы знает. В старые времена про него бы сказали, что святой. А он просто живет с ней в согласии.

— С кем в согласии? — удивилась Светлана.

— С природой! — сказал Байда. — Дед Лука вроде тебя, Света. Ты людей лечишь, а он землю врачует. — Уловив недоверие в глазах сестры, Байда добавил: — Старик за свою жизнь высадил сотни гектаров лесов! Речку нашу Захватовку из родников да криничек так напоил, что она вдвое полноводнее стала. Каждую криницу зеленым поясом охватил — вот ручейки и потекли в Захватовку. И берега укрепил лесами, чтобы в жару река не пересыхала. Любопытный старик! К нему люди со всего края идут. — Гаврила Силыч сказал об этом с гордостью и пояснил: — Прошлой весной, тогда еще лед стоял крепкий, поехал я к старику за советом, ожидали наводнение... Так он мне все точно выдал: и начало наводнения, и какие земли затопит, куда корма свезти, куда перегнать скот, чтобы на сухое, значит... И ведь по его вышло... Многое я успел упредить. Такого наводнения, старожилы говорят, сорок лет не было...

Светлана решила ехать с братом.

Они долго еще бродили по затененным улицам: было тепло и славно на душе. Откровенничали, вспоминали старых друзей.

— Ты теперь уже не ешь черный хлеб от обиды? — спросила Светлана.

— Теперь я сам за себя постоять смогу!

Мадина Ивановна позвонила в приемную Акопа Яремовича, попросила прислать машину.

С водителем она обходилась с неприятной фамильярностью.

— Трогай, Нил Федотович, трогай! — похлопала его по плечу. По-хозяйски повернувшись к сидевшей сзади Светлане, добавила: — Шофер у нас первоклассный, хоть по сельским дорогам, хоть по городу провезет — песчинки не вытрясет.

Светлану больно задело это «у нас». Она увидела в зеркальце хмурое лицо водителя, подумала: «Он не рад лести». Но Мадина Ивановна была так беззаботно весела, что горькое чувство вскоре исчезло.

Жену Байды знали: на перекрестках автоинспекторы браво брали под козырек. Мадина Ивановна расцветала в улыбке, снисходительно кивая в ответ головой.

«Может, я к ней придираюсь? — думала Светлана. — Мадина милая, привлекательная женщина, заботливая жена...»

Машина подъехала к воротам. «Мехколонна Смолеговского РАПО», — прочла Светлана. Вахтер узнал Мадину Ивановну — видимо, она была здесь частой гостьей, — засуетился, раскланялся перед ней, открывая ворота.

— Осматривайся, душа моя, — говорила между тем Мадина Ивановна. — Здесь и будешь работать у Акопа Яремовича. Нравится? Ну, выше голову! Ты ведь родная сестра не кого-нибудь, а самого Байды.

Акоп Яремович спешил им навстречу. Радушно протянул руки:

— Ах, как вы сегодня милы!

Во дворе мехколонны Светлана с удивлением заметила: в распахнутых боксах ремонтируются и сохнут свежепокрашенные легковые машины, — и спросила об этом Акопа Яремовича. Тот пожал плечами, мол, что поделаешь, мягко улыбнулся:

— Просят многие! Все живые люди, не каждому откажешь, — и добавил, оправдываясь: — Мы же по накладной. Вот это и будет вашей новой работой.

Светлана недоуменно пожала плечами. А Акоп Яремович снова пустился в пространное рассуждение о взаимоотношениях «своих» людей.

— Ты чем-то расстроена? — спросила ее Мадина Ивановна, когда они возвратились домой.

— Извини меня, Мадина, — подбирая слова и пытаясь говорить мягко, ответила Светлана, — но я работать в мехколонне не буду.

Брови Мадины Ивановны взметнулись кверху:

— Тебе не понравился Акоп Яремович? Не дури, Светик! Будешь при нем, как у Христа за пазухой.

— Коля осудил бы меня, — вздохнула Светлана.

Мадина Ивановна стала приводить житейские доводы:

— Все так живут. Брат твой, Гаврила Силыч, ни днем ни ночью покоя не знает. Так неужели ты, его родная

сестра, не имеешь права? У него самого до мехколонны руки не доходят, как он говорит. И правильно, что доверяет Акопу Яремовичу.

Мадина Ивановна знала, как Светлана любит брата, порой она даже ревновала и в душе была против возвращения Светланы в Смолеговку, пугаясь, что ей самой от мужней любви поубавится. Но теперь, когда золовка вдруг заупрямилась, у Мадины Ивановны пробудился присущий ей дух противоречия.

— Жизнь сейчас такая! — резко бросила Мадина Ивановна. — Атомный век. Спать ложишься и думаешь, вдруг завтра встать не придется?

Брату Светлана была обязана многим. Война так распорядилась, что шестилетний мальчуган стал для своей младшей сестренки опорой на всю жизнь.

В детдоме воспитатели удивлялись не по годам взрослому мальчику: он до тех пор не прикасался к своей порции, пока Светка не съедала свою.

Вечерами сторожиха и уборщица детского дома бабушка Маруся, или Марусына, как ее называли дети, протапливала перед сном печь-«буржуйку», и в ее комнату-чулан мышью проскальзывал мальчик.

— Это ты, Гаврик? — спрашивала она.

— Я, бабушка, кто же еще.

Бабушка — маленькая, иссохшая от недоедания старушка, с изрезанным глубокими морщинами лицом, напоминающим кору старой акации, долго разглядывала мальчика в бликах раскрасневшейся печурки.

— На, съешь, — протягивала мальчику кусок сахару. — Знаю ведь: свой сахар младшенькой отдал.

— Отдал, — кивал головой мальчик и повторял слышанные от взрослых слова: — Светку ветром качает от малокровия. И эту грудку ей отдам. Ты уж, бабушка, не серчай: она у меня одна осталась. Кто ж ее на ноги-то поставит?

Старуха крестилась, смотрела на него в упор, словно сомневалась, дитя перед ней или маленький иссохший старичок? Затем прижимала к себе мальчика, чувствуя, как вздрагивают его выпирающие лопатки под тонкой, как пленочка, кожей.

А Гаврик уже вытряхивал из кармана косточки от абрикосов.

— Давай, бабушка, пожарим. Я их сегодня насобирал на рынке и поколол. Говорят, они от малокровия в самый раз.

Старуха смахивала слезу, спрашивала:

— На рынок-то убегал без спросу?

— А то как же! По спросу не пустят. Да нигде я не денусь, бабушка. Светка-то ведь здесь. Куда мне без нее?

Сложив в карман прожаренные ядрышки и сколов его проволочкой, чтобы ночью не высыпались, Гаврик бежал спать.

В сорок шестом голодном году детей отыскала тетка, сестра погибшего отца.

Когда Гаврик и Света, держась за руки, переступили порог бабушкиной каморки, они увидели перед собой суровую высокую женщину. Толстые стекла очков на ее лице пугающе поблескивали в лиловых бликах раскаленной печурки. Бабушка казалась рядом с ней малым ребенком.

Женщина долго и пытливо вглядывалась в детские лица, по-видимому, отыскивая сходство с братом, особенно в мальчика. Его она еще помнила, а племянницу совсем не узнавала.

— Долго же я вас искала! Ты меня помнишь, Гаврик? Тетя Феня я... Аграфена Карповна.

Она обняла его, а Светку только по голове погладила.

Бабушка Марусына беззвучно плакала. По ее корявому лицу трудно было понять, что она плачет. Да и слезы у старухи, видать, закончились, и она только моргала веками да кривила бескровные губы.

— Боже, какой ты стал взрослый! — говорила тетка мальчику. — Вылитый батька!

Она отстранила его от себя, сказала:

— Глаза его. Ох какие они у тебя недетские! Я поначалу даже растерялась, узнать не могла.

Он сдержанно отвечал на ласки и упрямо подталкивал к ней сестренку. И в этом было что-то от взрослого, прожившего трудную жизнь человека: Гаврик заботился о младшей сестре.

Он уловил настроение тетки, угадал ее мысли, недаром бабушка Марусына называла его про себя маленьким старичком.

Тетка жила без мужа с дочкой, работала бухгалтером-ревизором, много ездила по району и, случалось, не но-

чевала дома. А ее дочь оставаться одна боялась. Разыскав племянников, тетка приняла решение взять на воспитание одного Гаврика. Он старший, самостоятельный, да и не вытянуть ей одной троих детей. К тому же дома совсем мало бывает. А дочь у нее своя есть. Хозяин в семье требуется.

Тетка посадила его на колени, сказала:

— Я заберу тебя из сиротского приюта. Будешь у меня жить с Эллочкой. Ты Эллочку помнишь, Гаврик?

— Помню, — губы мальчика дрожали. — Только я без Светки не пойду. — Он выдернул свою руку, соскользнул с теткиных колен, схватил небольшую горбушку черного хлеба и стал жадно рвать его зубами, глотая непрожеванные куски.

— Боже, как он голоден! — воскликнула тетка. — Возьми, Гаврюша, яблоко!

Яблоко он не взял.

— Мальчик ест хлеб, чтобы не заплакать, — пояснила бабушка Марусына. — Я для него всегда корочку держу.

— В батьку, в батьку! — закивала головой тетя Феня. — Механизатором был. Суровый мужик! Сгорел в танке...

Тетка ушла, но в следующий выходной приехала снова, привезла детям яблоки.

После ее ухода бабушка Марусына долго разговаривала с Гавриком.

— За Светкой я присмотрю здесь. Да и ты по выходным навещать ее будешь. А за неделю кое-что припасешь сестренке — вот и помощь будет, — хитрила старуха. — Так, глядишь, и поставим Светку на ноги, вылечим ее.

Но и этот довод не показался мальчику убедительным...

И тогда тетка решила забрать его без всяких возражений: кто будет у шестилетнего мальца согласие спрашивать...

Уклад жизни в теткином доме был строг и по-бухгалтерски точен. Новая сестренка Гаврика Эллочка росла замкнутой и послушной.

Гаврик же не давал тетке покоя. Не было такого воскресенья, чтобы он не умудрился улизнуть со двора. Отыскивала его тетка в детдоме: к Светке бегал, гостинцы носил.

И доконал-таки тетку: пришлось и Свету забрать из детского дома.

Летом, перегнувшись почти пополам от тяжести ведра, Гаврик таскал по базару студеную, искрящуюся на солнце воду. Ведро, наполненное всклень, жалило босые ноги обжигающими брызгами:

— Вода со льдом! Покупайте, покупайте!

В те годы газированная вода была редкостью. На рынках или «толкучках», как их тогда называли, было жарко, без крыш, без навесов. У ног мальчика с раздирающим душу скрежетом сновали на инвалидской платформе с подшипниками безногие инвалиды. Один из них, дядя Жора, всегда пил у Гаврика воду и каждый раз пытался заплатить за кружку двадцать копеек из собранной милостыни.

Мальчик с инвалида деньги не брал, и порой у него с дядей Жорой до слез доходило, однако такая перепалка всегда собирала вокруг ведра со льдом очередь... И вскоре счастливый Гаврик, позабыв об исчезнувшем, будто растворившемся в толпе дяде Жоре, бежал покупать для сестер мороженое...

Вечером Гаврик рассказывал тетке:

— А ведь дядя Жора нарочно затеял со мной перебранку, кричал: «Зубы ломит! Ох и водичка, как на свет народился!» Это он жалеючи, чтобы я не таскал тяжелое ведро по базару. Потом, когда я покупал мороженое, дядя Жора вновь появился около меня на своей гремящей платформе и весело подмигнул мне.

— Люди-то какие! — кивала головой тетка. — Сам едва-едва за жизнь цепляется, деревянными кистенями на руках по земле елозит, а о сиротах печется.

Заросшее деревьями кладбище таило синюю прохладу вечного покоя и необоримую тягу всего живого к весне, к жизни. Покосившиеся кресты и осевшие могильные холмики подчеркивали этот контраст — связь живого и мертвого.

Байда, заночевавший накануне у Обухов, утром пошел с ними помянуть умерших. Он всегда это делал, хотя имена его родителей не значились в списках кладбища Большой Осокоровки. Но там застыла в сером граните братская могила.

Гаврила Силыч стоял с непокрытой головой, чувствуя, как неясные, размытые толщей лет воспоминания толкались в сердце неугасающей застарелой болью.

Боль шла с самого детства, но точных, конкретных причин ее Байда не помнил. Да и как тут вспомнишь, если в то время, когда он потерял маму, ему еще не было и четырех лет. От тех дней в памяти осталось только что-то теплое, нежное, за которым можно было доверчиво укрыться от голода, страха и холода.

Матери он не помнил, отца — тоже...

И врезалось в память, когда мама вложила в его детскую руку ручонку двухлетней сестры Светланы и наказала ему беречь ее. И он свято исполнял этот наказ.

Вот и все, что связывало Байду с родителями. Были еще рассказы тетки Аграфены Карповны, проникнутые скорбью и горечью утрат.

Однако у братской могилы, в центре деревенского погоста, возникало перед глазами Байды и тотчас исчезало далекое видение.

Он напрягал память, силился рассмотреть получше, но все тщетно.

«Почему именно здесь оно ко мне приходит, — размышлял Гаврила Силыч, охватывая взглядом с небольшого косогора заросшее сиренью кладбище. — Где же моя мама лежит? В какой могиле?..»

Дед Лука — он тоже в поминальный день всегда приходил на кладбище — рассказал Байде о случившейся здесь, на околицах Большой Осокоровки, народной беде:

— Наши тогда, после Курской битвы, теснили фашистов, взашей гнали, от Днепра к границе. По пятам за солдатами шли к своим избам и хатам беженцы.

Прямо у этого погоста разразилась беда... Немцы прорвались. Давили женщин и детей танками. Два танка, с черными пауками на броне, вырвались откуда-то...

Край наш озерный: и левобережная Марьинская падь, и Бобровые пруды на правом коренном берегу, — продолжал дед Лука, — каждым своим озерцом соединены с исподу с Захватовкой. Мать-земля наша, как и человек, свои вены и малые кровеносные сосуды имеет. В прошлом годе по большой воде здесь, на погосте, родники ударили. Нешто забыл, Гаврила Силыч?

— Помню, — подтвердил Байда. — Ключевая водица бежала. Зубы аж ломило.

— Верно... — согласился старик. — Так вот, ползал-ползал сей брюхатый паук — и провалился в землю. Как его, ирода, и не бывало! Зыбун проглотил. Тогда по осени такие дожди обрушились, спасу не было. — Старик

показал рукой, где танк утонул. — До сих пор там и лежит, — досказал он о настигшем фашистов возмездии. — Второй танк пытался удрать, но за селом и его подорвали подоспевшие наши солдаты.

И танк с крестом хранила детская память Гаврилы Силыча. «А лица мамы не помню... Может, это совпадение разных событий? Но почему именно здесь так горько замирает сердце? Ведь на плите братской могилы фамилия Байды не значится».

Гаврила Силыч из рассказов тетки знал, что у него цвет глаз, как у мамы.

— Такие глаза, — говорила ему Мадина, — у мужчин редкость, женщине бы достались — другое дело.

Синевой своих глаз Байда и покорил ее — душа Мадины всегда тянулась к контрастному, — могучий, твердый по праву парень, а как улыбнется — в глазах озерца плещутся!

Вот эти-то озера и не давали покоя Гавриле Силычу. «Какая же здесь связь? — силился понять Байда. — Мамины глаза и озера вокруг погоста? Танк, ушедший на дно? От всего этого мне горько и тяжело на душе становится...»

С приездом Светланы, тоже голубоглазой, что-то разворошилось в памяти Гаврилы Силыча, он все чаще и чаще пытался восстановить для себя образ мамы. Но помнил только глаза, и потому, забывшись иногда в воспоминаниях, задумчиво смотрел на сестру, пугая ее своей отрешенностью...

Светлорусый, голубоглазый, брат казался Светлане былинным богатырем. Но не все у этого богатыря в жизни ладилось: в глазах порой сквозила глухая неудовлетворенность, словно он знал нечто такое, о чем другие люди и не догадывались...

Издали, из-за Марьинского валка, доносилось гулкое уханье взрывов. Это Черновол, готовясь к перекрытию Захватовки, рвал камень на Тонкой косе — перешейке, прикрывавшем Марьинскую падь от Захватовки. Весной река перехлестывала и затопляла косу, наполняя озерный край нерестившейся рыбой. Когда же половодье спадало, здесь, в Марьинской пади, гнездовались птицы. Поистине благодатный край для всего живого.

Строителям отвели место для заготовки камня в Чу-

мацком карьере. Однако возить его за девять километров из карьера было накладно, да и не к чему — перешеек при запруде реки все равно должен был уйти под воду.

— Торопится Черновол, — досадливо сказал Обух, — из графика выбился, теперь нагоняет — камень берет поближе.

— Коса там узкая, неужель воду в Марьинскую падь впустят? Там же птицы — гнездо на гнезде? — тревожно забеспокоился дед Лука.

— Надо будет съездить, посмотреть, что он затеял, — согласился Байда.

Глаша крошила на могилы — отец с матерью рядом лежали — крашеные яйца, кулич, угощала детей конфетами.

— Мама, а бабуся с дедулей вместе теперь живут? — спросил шестилеток Костя.

— Вместе, сынок, вместе, — погладила его по голове Глаша.

— Пап, а сюда море не дойдет? — оглядывая косогор, на котором притулилось тихое деревенское кладбище, спросил старший сын Обухов — Василий. Ему было четырнадцать.

Иван Калинович растерянно посмотрел на Гаврилу Силыча.

— Не должно бы, — неуверенно ответил Байда.

Глаша взволнованно обняла сына за плечи, с надеждой посмотрела на Байду, будто от него зависело — быть или не быть кладбищу на дне водохранилища. И все на него посмотрели: и Василий, и дед Лука, и Ваня Обух...

Байда почувствовал, что бледнеет под их взглядом, ощутил свою вину перед этими простыми людьми, будто он предал их в чем-то... «Как им объяснишь, что не мною это затеяно, а где-то там, в области — и не мне с такой высоты шапки срывать. Но все же...»

И вот это «все же» не давало Байде в последние дни покоя.

— Ты ведь начальник, Гаврила Силыч, — сказал, словно прочитал его мысли, старик.

Байда только головой тряхнул. Как объяснить старику, что Носенко еще крупнее? И он дал «добро» на перекрытие Захватовки. А его, Байду, никто не поддерживает: ни Каширин, ни Первый в области.

«Что в жизни оказалось сильнее меня? — задал себе

вопрос Байда. — Обстоятельства? Так ведь они большей частью от людей исходят. От меня, Мадины, Каширина. Да разве в этом мне оправдание? Однако людям всего не объяснишь, да и не приучен я плакаться...»

Байда опустил глаза, молча постоял перед братской могилой, сказал Обуху:

— Ты, Ваня, корнями здесь прирос: отец твой, Калина Захарович, хорошо помню его, инвалидом вернулся с фронта, а все же домой к себе, здесь лежит... — Гаврила Силыч погладил ладонью шершавую гранитную плиту. — В молодые годы я как-то не задумывался об этом, а теперь, когда сорок пять стукнуло, жизнь свою переоцениваешь... — Байда печально вздохнул. И вдруг закончил: — Торопился. А куда, зачем?..

Он, сеятель и хлебопашец, теперь смиренно ждал, когда затопят пойму, а в ней логова зверей и гнезда птиц. Он, конечно же, не сидел сложа руки: писал, боролся, доказывал поспешность, с его точки зрения, несостоятельность проекта. Но мысли и предложения Байды таяли и терялись в огромном чиновном море...

Сухо, раскатисто рванул на Тонкой косе взрыв. Эхо его докатилось до кладбищенского косогора, упало в Марьинскую падь и забилось — заохало в ней, пугая птиц на гнездовьях, поднимая с лежбищ зверей...

Весной время течет ходко, как полая вода с гор.

К берегам Захватовки потянулись потоки людей и машин. За несколько дней здесь вырос строительный городок, будто кочующий цыганский табор ненадолго расположился...

Байда приехал сюда на машине ранним утром и теперь в растерянности осматривался... Солнце, встав вровень с травами, зеркально выглаживало на зыбившихся сочно-зеленых стеблях янтарные капли росы. Бескрайнее зеленое море, волнуясь, под напором ветра, катило свои сытые волны от кормилицы-реки к Большой Осокоровке.

Гаврила Силыч сел у кромки этого моря, задумался:

«Что происходит вокруг? Ведь места-то заповедные! Богатые... А люди беспечно-равнодушно зубоскалят, рассказывают байки, привычно-беззлобно поругивают начальство...»

Прошлогодние остатки стройки могильными плитами усеяли зеленую пойму Захватовки. Река разбросала их

на десятки верст и, отхлынув к берегам, оставила, как оставляли солдаты в прифронтовой полосе противотанковые заграждения.

Светло и жарко растекался по луговым травам солнечный ручей. Байда наблюдал за ним, думая о жизни. Все ли так?.. Исстари для крестьянина косовица — праздник. А нынче люди живут так, как будто завтра жизнь прекратится вовсе. Трава в пояс выколосилась, а луговая пойма безлюдна.

Шум бульдозера за спиной отвлек Байду от грустных мыслей. Машина, громко чихнув, остановилась рядом. Из кабины вынырнул на землю чумазый бульдозерист.

— Иван Калинович? — удивленно воскликнул Байда. — Долго жить будешь: только сейчас тебя вспоминал. — Гаврила́ Силыч пригляделся к Обуху и вдруг радость его сменилась разочарованием. Он все понял, сказал насмешливо: — Никак сенокосить выехал? На бульдозере?.. К Черноволу перекинулся? Что, кишка тонка, Ва-аня?

Обух смутился от его слов, но ответил задиристо:

— Понять хочешь, Гаврила Силыч, отчего подался крестьянин с насиженной земли в примаки? Вижу по твоим глазам — осуждаешь!

Байда отвернулся.

День набирал силу. Набирала силу и стройка, развернувшаяся у обреченно притихшей реки.

— Думаешь, из-за денег? — волнуясь, вдруг озлобился Обух. — Деньги не главное... Хотя и... Глаша у меня шестым ходит... А ты приди к нам на собрание. Да зачем тебе: в городе живешь! А у нас на собрании одни бабы! Мужики не ходят... Да и бабы потому, что Скорохват через потребсоюз вещи выбрасывает. Только для активистов, посетивших собрание! — Обух громко и нервно рассмеялся: — А уж выступившие в автолавку идут вне очереди. — Шагнул к Байде, задыхаясь, добавил: — Сенокос, говоришь! А в Большой Осокоровке сегодня воскресенье: мужики с утра празднуют, бабы подались в город за молоком да мясом. Муня с Кексом опохмеляются — не до коров им. — Обух, гневно сверкая глазами, придвинулся к Байде: — А я вполсилы не могу! Не умею!.. Работать хочу... У меня скоро шестеро будет. Что они переймут от батьки, если он по утрам вместо дела на «раскурах» часами анекдоты да байки травит?.. Зубоскалов

вырастить? Нет уж, Гаврила Силыч, моим детям пример нужен, опора.

Таким горячим Байда видел Обуха впервые. Много лет с ним знаком. С достоинством мужик, но всегда держался с людьми строго и неприметно. И жена его, Глаша, только среди своих любимых буренушек казалась незаменимой. А на людях — тише воды и ниже травы.

— Времена-то какие наступают, Байда! Думалось мне: наконец-то осадят и скорохватов. — Обух шагнул к Байде, ломая глазами его взгляд: — С «приемами», правда, пошабашил Потап: недавно «Всадник без головы» приезжал, так даже не поужинавши убрался. Скорохват наш извоз молока из города в село наладил да телятам норму урезал — надои, подлюка, поднимал!.. А Глаше моей каково теленка новоявленного от матери отлучать да водой потчевать?.. Переживает, как за дите малое. Сама на сносях... — Обух, казалось, прожигал своим взглядом душу Байды насквозь. — Мы судим за браконьерство рыбаков и охотников. Поделом им, гадам! Но Скорохват — крупнее браконьер, при должности...

Да, Обух ушел на стройку. Он не мог больше примирить в душе вековечную любовь крестьянина к скотине, к земле с откровенным грабежом, облекаемым Скорохватом в тогу барабанных починов, выставляя на потеху справедливость и святость крестьянскую. Иван Калинович ушел на стройку, а душа его осталась в Большой Осокоровке. Потому и горячился он сейчас перед Байдой.

Тревога за судьбу своих детей, за Глашу, оставленную со своими коровами без кормов, без молока для выпойки телят — все велел сдавать Скорохват в счет заготовок! — тревога эта заставляла Ивана Калиновича страдать и каяться. Сгоряча ведь ушел! Разругался с директором совхоза — и ушел.

— Так все-таки, Иван, — неожиданно спокойно спросил Байда, — из какого же корня умный мужик взрастает? Чем душу питает?

Обух недоуменно осекся, даже попятился. Неловко взобрался в кабину бульдозера и вдруг ответил:

— Возвращайся, Байда, в Большую Осокоровку — принимай совхоз у Скорохвата. Не жди, пока он его по миру пустит.

Обух уехал, а Гаврила Силыч еще долго смотрел вслед

глухо рычащему бульдозеру, стараясь подавить в себе душевную смуту.

Вспомнил вчерашние слова Мадины:

«Я жду не дождусь, милый, когда же тебя переведут в область! Каширин говорил, что заберут тебя, и очень жалеет».

Байда никогда не был карьеристом. Но он очень любил жену.

Гаврила Силыч, не изменяя деревенской привычке, вставал ни свет ни заря.

Выехали они со Светланой, когда тонкая полоска зари едва серебрилась. Светало быстро. Просинь с востока ширилась, наливалась утренним румянцем, воздух голубел, становился звонче, прозрачнее, Гаврила Силыч не взял в эту поездку водителя, сам сел за руль. Уж очень им хотелось с сестрой побыть наедине.

— Ты веришь, Света, только в эти утренние часы и чувствую себя молодым. А потом... — Он не нашел слов и только досадливо повел головой, так что крепкая шея налилась багровым цветом.

— Вернулся бы ты обратно в совхоз, — хорошо понимая состояние брата, сказала Светлана.

— Это невозможно! — резко ответил он. — Мадина... ты ж ее знаешь...

Солнце выкатилось над землей и залило ее золотым ливнем. Гаврила Силыч притих, только головой качал, наблюдая, как оно мягко, набирая силу, карабкается вверх.

Машина въехала в центральную усадьбу совхоза «Ударник». Несмотря на ранний час, Гаврилу Силыча приметили.

— Половина седьмого, а сообщить Скорохвату успели о моем выезде, — сказал Светлане не то с гордостью, не то с огорчением и пояснил: — Дозорного у околицы на «бобике» Скорохват выставил. Ишь как запылил, стервец, помчался докладывать.

Петр Потапович Скорохват встретил начальство на пороге конторы.

— Очень рад, очень рад! — твердил он, двумя руками пожимая огромную ладонь Гаврилы Силыча.

— Радоваться будешь, коль на фермах порядок, — обрезал его Гаврила Силыч. — Садись в машину!

Скорохват не растерялся от такого оборота дела, с завидной для своего тучного тела ловкостью юркнул в машину.

Фермы для скота оказались ухоженными, снаружи облицованными желтой плиткой-кабанчиком в тон рядом же построенному молочному пункту.

— Ты что это, Глафирья, — шумнул Скорохват на доярку, — первые полстакана молока не сливаешь? Сама небось своего Ивана руки мыть перед сном заставляешь.

Глаша смутилась, покраснела.

— Виновата, Петр Потапович.

— Смотри у меня! — сказал он ей бодрым голосом и погрозил пальцем.

Вместе с тем Светлану поразило не хорошее состояние фермы, а сами коровы, их обреченные потухшие слезящиеся глаза и понурый вид.

Коровы были прикованы цепями к столбам. Они вяло жевали отруби, подаваемые по ленточному транспортеру. Из вымени по стеклянным трубам, пульсируя снежно-белым напором, струилось-пенилось молоко...

— Они что же, совсем не двигаются? — растерянно спросила Светлана. — Их и на пастбище не выводят? Им же положен моцион!

— Пастбищ у нас нет, — охотно пояснил Скорохват. — Да и пасти некому, пастухи нынче на вес золота. Оно так и лучше: меньше корова двигается — жирнее у нее молоко.

...В памяти Светланы всплыла детдомовская Белоножка, ее добрые, заботливые глаза. «Да, да, именно заботливые, — подумала она, — такие глаза, наверное, были у мамы...» Светлана не помнила свою маму, но она живо представила, как бабушка Марусына разговаривала с Белоножкой, когда звонко сцеживала в ведро-подойник из ее сосков молоко:

— Ишь ты какая заботливая, мать-кормилица. Сегодня литров двенадцать дашь, не меньше. И это с такого корма, зерна совсем не дают, одна трава... Спасибо, милая. Все понимаешь: детки-то сытно не едят. Для них в таком возрасте глоток молока, что глоток жизни.

Белоножка всегда была чиста и ухожена, и Светка любила погладить ее шелковистую шерстку. Она часто просила Гаврика подсадить ее, чтобы поцеловать Белоножку в белую звездочку у левого глаза, прижаться к ее теплому храпу щекой...

Светлана вдруг почти физически ощутила то прошлое Белоножкино тепло в своих пальцах... «Но что это? — просветлело лицо Светланы. — Неужто Белоножка?.. Как две капли воды похожа! Даже белая звездочка во лбу...»

Обняла за шею, прижалась, как в детстве, щекой.

Корова была стельной.

— Белоножка! Милая, тебя, наверное, и на солнце ни разу не выводили? — разговаривала она с ней, словно со старой знакомой. — Ты, поди, и ходить разучилась!..

Светлана отстранилась от теплой шеи, стала разглаживать вздрагивающими пальцами белую звездочку:

— Как же это? Ведь все понимаешь... Плачешь?.. Ну, поплачь, милая, поплачь...

По щекам Светланы тоже текли слезы, и Гаврила Силыч подошел к ней, мягко взял за руку, заговорил успокаивающе:

— Полно, Света, полно. С чего ты так расстроилась? Ведь это не та корова — другая!

— Живой организм в завод превратили! — побледнев, сказала Светлана. — Неужели ты не видишь?

Она уперлась руками в грудь брата и так посмотрела на него, что Гаврила Силыч не выдержал ее взгляда, опустил глаза.

— Иль ты ослеп, брат, перестал замечать вокруг себя живое?.. Ведь на Белоножкином молоке весь наш детдом в сорок шестом держался! Она летом больше двадцати литров давала.

Гаврила Силыч, уклоняясь от досадливого разговора с сестрой, круто развернулся к Скорохвату и с привычным рационализмом, показывая головой на «Белоножку», спросил:

— А эта сколько молока дает?

— В среднем до восьми литров жалует, — ответила за директора Глаша.

— Скажи, Глаша, только честно, — гневно нахмурился Гаврила Силыч, — сколько лет коровы солнца не видели?

— Три года, — вздохнула она и вдруг взорвалась, высказывая наболевшее: — Сколько раз говорила Петру Потапычу, чтобы летний загон построил. У нас травы по буеракам да перелескам — море зеленое! Так у него то пастуха нет, то транспорта. И сверху, говорит, давят: жирность, мол, молока снизится.

Лицо Гаврилы Силыча налилось яростным румянцем.

Светлана и раньше знала, каким брат бывал во гневе, но сейчас он так отчитал Скорохвата, что она испугалась: «Совсем нервным стал Гаврик, отдохнул бы вместе со мной у деда Луки. Надо будет уговорить его хотя бы на пару деньков остаться, по душам, как в детстве и юности, поговорить. Все некогда, так за делами и самое дорогое растерять можно...»

Гаврила Силыч, досадуя на себя за то, что взял сестру в эту свою рабочую поездку, сурово сказал Скорохвату:

— Без солнца не только живой организм, камни чахнут. А ты, Петр Потапович, летний загон до сих пор не выстроил.

— Сделаем! — с готовностью обещал он. — Одно ваше слово, Гаврила Силыч! Вы же знаете, Скорохват работать может. Два месяца назад поступила команда навозный двор построить? — спросил он Байду. — Носенко распорядился?

— Была команда, — усмехнулся Гаврила Силыч.

— Стоит — первый в области. И стены облицевал, — гордо засмеялся Скорохват, встряхивая кудрявой головой, — пойдемте, полюбуетесь, как я дело обладил, здесь недалеко, за фермой.

Навозный двор снаружи и впрямь на дворец смахивал: стоит на лысом косогоре — со всех сторон его далеко видно.

— Ты что, с ума сошел? — закричал Байда на Скорохвата. — Головотяпством от переусердия занялся! — И стал загибать пальцы: — Во-первых, механизации нет!.. Как его на бугор поднимать будешь, навоз-то?

— Обладим, не беспокойтесь, — скороговоркой пообещал Скорохват.

Но Байда сурово напирал на Петра Потаповича:

— А во-вторых, ты бы лучше плитку на Дом культуры пустил. Стоит он у тебя обшарпанный, бурьяном зарос, людям негде кинофильм посмотреть.

Скорохват, не моргнув глазом, тут же нашелся:

— Телевизор в каждой семье есть. А собрание провести — так у меня конференц-зал имеется при конторе, — и, довольный, заулыбался-затрепетал белесыми ресницами.

Гаврила Силыч ничего не ответил, зашагал прочь, размашисто, быстро. Скорохват засеменил за ним легкой рысцой, едва поспевая.

Торжественное собрание Петр Потапович сумел обставить с большой помпезностью. Все сияло кумачом, пестрело корзинами цветов. А как же иначе — первое место совхоз взял! Байда знамя вручать пожаловал —Носенко, спасибо, все так ловко устроил. А Байду народ уважает...

Гаврила Силыч не скупился на похвалу: голос его, крепкий, хорошо поставленный, мощно гудел в притихшем зале.

Петр Потапович сиял. Тугие розовые щеки и блестящий от пота лоб горели, как раскрывшиеся на солнце лепестки мака.

«Я, наверное, к нему придираюсь, — думала Светлана. — Это все из-за «Белоножки», не могу простить...»

Брат, словно уловив ее мысли, вдруг изменил мажорную тональность речи и обратился к Петру Потаповичу:

— Как же так, братцы? — гремел теперь голос Гаврилы Силыча. — У вас дойному стаду не только зеленой травы — под солнцем не нашлось места! — Гаврила Силыч всем своим могучим корпусом развернулся к Скорохвату: — Авансом, выходит, знамя вручаем, Петр Потапович. Да, сегодня у вас проценты по плану и товарности молока высокие! Однако надои от каждой коровы меньше, чем у Карнауха в соседнем совхозе «Красные зори». Выходит, планы занижены? Знаю я тебя, Петр Потапович: умеешь ты моих плановиков и замов обхаживать!.. Догонять надо краснозорцев.

— Догоним, Гаврила Силыч! — бодро крикнул Скорохват. — Утрем нос карнауховцам! — И хотя Петр Потапович крикнул это с задором, в зале только несколько человек ударили в ладоши. — А загон завтра к утру будет! — поднялся Скорохват. — Слово даю!

Гаврила Силыч улыбнулся:

— Ишь, к утру он построит!.. Ну-ну... Я тут у деда Луки буду. Назад поеду — заверну, проверю!

...Проходя мимо Дома культуры, Байда остановился, пораженный увиденным: там, где еще утром дичали заросли бурьяна и амброзии, красовалась теперь цветочная клумба.

Гаврила Силыч скосил глаза на сопровождавшего его Скорохвата, лицо Петра Потаповича сияло, будто маслом смазанное.

— Проворный!.. — уронил слово Байда. — С утра цветы расцвести успели?

Больше ничего не сказал, взял под руку Светлану, постарался поскорее увести ее от пестро цветущей клумбы.

Скорохват, собственно, в гости ждал Носенко, а не Байду. Знамя было областное, и Петр Потапович надеялся, что приедет его вручать сам начальник агропрома. Потому и велел забить полсотни совхозных уток — Степан Власьевич, несмотря на свою худобу, был гурманом, куда там Петру Потаповичу с ним тягаться!

Носенко в утках с яблоками толк знал. Ему подавали всегда заднюю часть — жирные копчики. Степан Власьевич на спор мог съесть сотню копчиков, а обычно ему и полсотни хватало.

«И куда только вмещается! — восхищался Скорохват. — Весь светится, позвонки через живот почесать можно, а каков богатырь!..»

Байда же отужинать отказался, и теперь Петр Потапович с обидой сетовал, что столь хлопотные приготовления — к собранию проще готовились! — пропали даром.

Жаль было Петру Потаповичу, что встреча с Носенко сорвалась, очень жаль! Два месяца назад, в последний свой приезд в Большую Осокоровку, великую надежду посеял Степан Власьевич в душе Скорохвата. «Прием» тогда вышел на славу...

Так же, как сегодня, все было у Петра Потаповича загодя продумано: и рыбаки с сетями вперед на плес Захватовки высланы, и Муня Охрумцова, первейшая на «приемах» стряпуха, очень льстивая к начальству — вовсю расстаралась.

...После второй-третьей чарки приступили к главному. У гостя к заветному часу душа от выпитого-съеденного, от почтения к себе размякла, уверовалась в высоком своем назначении.

— Почтите великодушием, Степан Власьевич, — волнуясь, начал Скорохват. Он сделал при этом жест Муне и Кексу, чтобы они в «тень» отодвинулись, не по вашему уму, мол, разговор начинается. — Я к вам, Степан Власьевич, как к отцу родному... Не к кому больше. Извините за мое деревенское невежество: куда теперь роза ветров повернется? — И в растерянности пояснил: —

Время настало такое — министров и тех на пенсию выпроваживают...

Вопрос не праздный, чувствовалось, задел он Носенко за живое, так задел, что не сдержал себя Степан Власьевич, ответил досадливо:

— Нам бы это время пережить, Петя! — И тотчас взял себя в руки, добавил: — А в будущем все само собой образуется.

С одной фразы понял Петр Потапович. Дела у Носенко плохи, конь под «Всадником без головы», видать, с ноги сбился, того и гляди Степан Власьевич из седла выпадет. Это обстоятельство и подтолкнуло Скорохвата к горячим действиям.

Однако Носенко полностью управлял своими эмоциями. У него на Скорохвата был особый взгляд. «Хлопец молодой, тщеславный. По трупам пойдет, но карьеру сделает! И здоровьишком бог не обидел! К женщинам и лести падкий: вон как Муня-то вислозадая перед ним!.. Только в своем дворе не пакостят — такая связь карьере во вред. Женить их придется!» — решил Степан Власьевич.

За свою долгую службу в верхнем эшелоне многое пережил Носенко. И снимали его не раз, и наказывали круто. Но устоял, удержался в седле Степан Власьевич — умел переждать, переориентироваться, упредить события. Потому и лег его глаз на Скорохвата, когда всерьез встал вопрос о кандидатуре Байды на пост председателя облагропрома. В нем, в Скорохвате, Носенко себя молодым увидел, только еще ретивее, еще быстрее схватывающим мысли и желания начальства.

«Такой и Байду обскакать может, — улыбаясь про себя, подумал Носенко. — Ну, что ж, вот пусть и обскачет! Байду надо нейтрализовать перед Первым, ярлык ему навесить — «непокладистый». Первый не любит наспех решать кадровые вопросы: подождет, присмотрится... А за это время и Скорохват себя покажет. Но он молод — дозреть должен «в низах» на районной работе. Вот через год — другое дело. Этот-то год и нужен был Степану Власьевичу, чтобы удержаться в кресле...

Носенко захватил бескровным тонкогубым ртом очередной утиный копчик, вытер натекший на острый подбородок и дряблую шею жир, ответил снисходительно:

— Учу, тебя, учу!.. Может, выйду на пенсию, и ты меня не забудешь?

— Век не забуду!.. — подобострастно воскликнул Петр Потапович.

— Ладно, ладно, присядь, чего вскочил. Садись! — Он похлопал рядом с собой по широкой лавке, придвинулся к обильному столу и полушутя-полусерьезно сказал: — Ветер перемен, Петя, крепчает.

Петр Потапович напрягся весь — распертая на животе рубашка треснула по шву.

Носенко этот треск услышал, скривил-скукожил и без того тонкое лицо, сказал своим певучим, на растяг, голосом:

— Экий ты жирный боров, Петя! Сколько лет-то тебе?

— Двадцать семь, — угодливо ответил тот.

Носенко потряс холеной рукой, чему-то про себя ухмыльнулся:

— Сейчас главное, Петя, получить прибавку молока и мяса. В магазинах — сам знаешь!.. На личные хозяйства упор делай: свинью, корову — в каждый дом, понял? В общем, раздавай телят-поросят селянам, тогда и на коне будешь. В проценте, Петя, твоя сила!

Было время, когда Носенко, еще молодой стройный инструктор обкома, мотался по районам на белом коне в серых яблоках. Выделил ему такого красавца один расторопный председатель колхоза. И задача перед Степаном — он еще только привыкал к своему отчеству, — стояла одна: свести личный, любовно ухоженный скот со двора крестьян и сгуртовать его под одной колхозной крышей, для которой зачастую еще и материалы не были завезены.

Въезжал Носенко утром ли, вечером — на ферму, ровно полководец на белом коне (в те времена еще по селам и деревням крестьяне летом световой день работали), кричал сочно прорезавшимся голосом:

— Нажми, ребятки! Летний день год кормит! Надо успеть до холодов стены поднять да крышу надвинуть.

— К чему такая спешка? — удивленно спрашивал какой-нибудь ушлый мужик. — Разве скотине в теплом домашнем хлеву уже худо стало? Молоко убавила? Моя Пеструха шесть тыщ литров в году приносит. А в таком шалаше, — он скептически окидывал недостроенный коровий «комплекс», — и половины не даст. Она у меня гордая!

Мужики с болью в голосе посмеивались, бабы, детишки плакали — жалко свою скотинку.

— Разговорчики! — вскидывал горячего коня дыбом Носенко и, обращаясь к ехавшему рядом на двуколке председателю, говорил: — Ты запиши его фамилию. Элемент несознательный! Прессу, понимаешь, тут не читаете. Да у нас через двадцать лет всего будет вдосталь — деньги не нужны станут. А ты о корове? Единоличник!

Мужики, матерясь, принимались за дело, от баб отмахивались, боль в душе водкой глушили.

А Степан Власьевич птицей стелился на коне, сулил златые горы:

— Братцы, не подведите его! — кивал на председателя. — Не к первому октября — к сентябрю сдадим комплекс! — Наклонившись в седле, что-то говорил председателю и снова коня вскидывал, гарцевал, красуясь: — Ребята, не обижу, навались!

С тех пор много воды утекло в Захватовке, но созерцание прошлого было главным праздником в жизни Степана Власьевича. В те годы к нему пришел и успех, и фортуна с тех пор не изменяла ему. Так попал он на руководящую работу в обкоме. Коня загнал, да он к тому времени ему уже и не нужен был — черная «Волга» к подъезду дома подкатывать стала.

Но все же конь жил в памяти, и даже кличка «Всадник без головы», о которой, безусловно, знал Носенко, его не удручала, напротив — погружала в сладостные лирические воспоминания...

Между тем Скорохват от выпитого-съеденного разговорился:

— Простите великодушно, Степан Власьевич, народ теперь рассобачился, отвык от ремесла крестьянского. Только теплицами и занимаются охотно: огурец ранний, цветочки, а скотину держать не желают! Грязно и хлопотно больно.

— Надо, Петя, надо! — оборвал его Носенко. — Инициативу проявишь, впишу твою фамилию в доклад Первого. Пленум скоро... А там и сессия облисполкома не за горами — тоже фамилия прозвучать может! Так что решай, Петя, коль надумал из села в город выкарабкаться.

И Степан Власьевич так убедительно разъяснил Скорохвату пользу личного хозяйства в продовольственном

балансе страны, словно это была его идея. А уж чем он в молодости занимался, с головой или без головы — судить поздно. Время ушло, а он, Носенко, у руля продовольственной программы области остался. И до сих пор держится!

Вот что значит загодя перемены чувствовать: не каждому начальнику такое дано. А когда тебе шестьдесят четыре, как тут бежать впереди паровоза?..

«Вот он, мой звездный час, — понял Скорохват, — сам председатель облагропрома руку мне протягивает. Хвататься надо...»

— Почтите великодушием, Степан Власьевич, — витиевато начал он, — вы же знаете, я работать умею. — Задержал дыхание — и выпалил главное:

— Возьмите меня под свою руку!

Носенко заухмылялся:

— Насквозь вижу. Хочешь поскорее?

— Хочу! — сорвалось с языка Скорохвата. — Самый отстающий район мне дайте! — вел свою линию Скорохват. — А уж я выжму из него полтора годовых плана. Доверьте, не подведу!

У Носенко на Скорохвата были свои виды. Петр Потапович щедро его кормил-поил с большого совхозного стола. Скоро самому Степану Власьевичу придется подвинуться — годы поджимают, и ему вовсе не безразлично, кто в его кресло сядет. Нужно, чтобы преемник себя обязанным чувствовал...

Степан Власьевич опрокинул в рот очередную порцию армянского коньяка, хмельно сказал:

— Эх, Петюня, за что только я тебя полюбил? Грех беру на душу! Однако есть семя в твоем желании... Весьма патриотично! В отстающий район! — поднял он палец. — Я так и впишу в доклад Первому. Но ты, — снова потряс у носа Скорохвата пальцем, — показать себя должен. Почин нужен! Навозный двор за три месяца построишь? Навоз нынче выше химии цениться стал...

Не моргнув глазом, Скорохват ответил:

— За два построю! Нет, за полтора!

На том и расстались со Степаном Власьевичем...

Ждал, ох как ждал Скорохват приезда Носенко. Но тот не приехал... Мало того, слух прошел: плохи дела у Степана Власьевича. Байда нынче пошел в гору. А его ни ухой, ни жирной утятиной не ублажишь.

Скорохват оглядел с головы до ног Кекса и Охрамуню, почтительно замерших в ожидании «расправы» над заготовленной снедью, и вдруг ошарашил их громким злым голосом:

— Приема не будет! Слышали, что сказал Гаврила Силыч? Летний загон для молочного гурта нужен! Кровь из носу, а завтра чтоб стоял!

И, оставив в растерянности Кекса и Охрамуню, Скорохват укатил на стройку...

Заночевали брат и сестра у Обухов. Светлана помогала Глаше: штопала ребятам колготки, зашивала рубашки и платья. Часто вздыхая, женщины вспоминали, каким богатым селом была в недавнем прошлом Большая Осокоровка и как она теперь зачахла.

— Да вроде я и двухэтажные особняки видела, — недоумевала Светлана. — Дома кирпичные: крыши под шифером, у каждого гараж, машина.

— Да, а жизнь, Света, не радует. Всяк крестьянин нынче сыт и обут, но живем убого.

Глаша так разгорячилась, так разоткровенничалась о наболевшем, что и Светлана почувствовала ее горести как свои.

— Я ведь по праздникам и света божьего не вижу, рук-ног не чую, — рассказывала Глаша.

Светлана недоуменно расширила глаза: не шутит ли? Однако той было не до шуток.

— Пьют-гуляют бабы на огуречную выручку. Коровы ревут — молочные железы пухнут, хвори разные прицепляются... Я как праздник — спать не ложусь сутками. Да что я одна? Всех коров не передоишь! — Глаша вытерла фартуком глаза. — С тех пор как Байда переехал с Мадиной в Смолеговку, у нас уже шестой директок совхоза. Их привозят и увозят куда-то. И всяк по-своему село перекраивает. Один эдак примерит, второй по-другому. — И прикрикнула на среднюю дочь: — Помоги, Лена, Кольше. Разве не видишь, он горшок ищет! В сени я его выставила проветриться.

Во всю горницу у Обухов был расстелен палас, и дети, кувыркаясь и ползая на коленках, тузили друг друга, играли «в барана», строили из деревянных кубиков дома, машины. Старшие мирили часто ссорившихся малышей, порой и сами по малолетству вступали в короткие беззлобные потасовки.

— Ишь расходились! — повеселев, журила их Глаша. — Вот я ужо вас! Скажите спасибо, что гости в доме, а то бы задала трепки.

Дети радостно визжали, улавливая добродушный тон матери, ластились к ней, облепили Глашу и Светлану со всех сторон.

— Как же ты с ними, Глаша, управляешься? — глядя на счастливую мать, спросила Светлана. — И еще раз рискнула? Это в твои-то годы.

Глаша скосила глаза на свой заметно округлившийся живот, ответила просто:

— Дети в доме — главное богатство.

Разговор перекинулся на совхозные дела, на коров и «Белоножку», которая так напомнила Светлане ту давнюю, детдомовскую.

— Жалко мне их, — говорила Светлана. — Хоть и ферма твоя ухоженная... В глазах у «Белоножки» такая боль! Я как сейчас перед собой вижу. Прямо как у человека.

Глаша всплеснула руками:

— Ой, и не говори, Света! Ты бы посмотрела на Охрамуниных коров в соседней бригаде — с ног падают: кожа да кости. А мои... Это все Ванятка помогал мне зимой, сено по ночам возил, чтобы коровы с голоду не ревели. Бывалоча, за полночь домой возвращается. И все молчком, молчком. У меня сердце от страха заходится, шепчу ему: «Ведь это кража, Ванятка, кража. Тебя же посадить могут! Луга-то совхозные». А он мне: «Бросовая была трава, ничейная. Я ее в буераках да на лесных полянах скосил. А по ночам вожу, чтобы не прибрали к рукам Кекс со Скорохватом». — Глаша в страхе округлила глаза: — Ох, мой сорвиголова! Скорохват его посадить грозится: дело крутит против Ванятки...

А дело-то было простое, началось оно с прошлой весны, когда Байда «поймал» Обуха с сеном...

У Кекса к тому времени совсем худо с кормами стало. Пришел, доложил Скорохвату:

— Слух прошел, что у Обуха сено припрятано.

Петр Потапович снарядил надежную бригаду на поиски. Кекса во главе поставил.

Стог сена — не иголка... Отыскали верные люди сено и стали втихую от Обуха увозить на ферму к Охрамуне.

Попервости Иван Калинович не хватился, потом на частного воришку списал. А когда понял, что его стожки повсеместно на нет сведены, и узнал, кто тому был причиной, так рассвирепел, едва не избил Скорохвата.

Пришел в контору. Кекс как раз «серьезную» историю рассказывает, как в областном центре продовольственную задачу решили...

Глаз Кекса так и пляшет, так и шарит по лицам открывших от изумления рты мужиков и баб — казалось, тонкая шея его веревкой сейчас закрутится, до того споро вращает он по сторонам головой:

— Вызывает, значит, новый Первый «Всадника без головы» и мягко так, издалека спрашивает: не тяжело ли, Степан Власьевич, в ваши годы в продовольственном балансе конец с концом стягивать? Вся страна перестраивается! А вы как же? Люди жалуются — в магазинах ни молока, ни мяса...

«Всадник» побледнел, понял, куда тот клонит, попросил: «Дайте мне срок два месяца — и жалобы прекратятся!»

Первый удивился столь скорому решению, но согласился. Два месяца срок небольшой. Пометку для себя в календаре сделал, сказал коротко:

— Лично проверю!

Кекс замолчал, вслушиваясь в тишину «раскурной». На подвижном лице его заиграла веселая улыбка. Она как бы говорила-намекала: «Уж я-то едва не про каждого начальника в районе и области все знаю».

Есть такие люди: о личной жизни больших чинов осведомлены, все секреты выведали, словно в замочную скважину подглядывали. При том каждого начальника знают по имени, и жен их, и детей тоже.

— Ну и что же теперь? — не выдержала неведения Охрамуня. — Май-то весь вышел! Степан Власьевич дядька хороший, ласковый. — Кекс будто и не услышал. — Небось, сняли уже? — волновалась Охрамуня.

— Нет, не сняли, — ухмыльнулся Кекс. — Первый проверил — ни одной жалобы за два месяца. И народ в городе доволен. С чего же снимать-то, коль «Всадник» уже перестроился.

В «раскурную» вошел Скорохват, стал у двери, охватив по своему обыкновению щар живота снизу руками — любимая поза Петра Потаповича, — и только хотел шум-

нуть на Кекса, что тот людей от дела отрывает, но, услышав интригующие новости, не стал перебивать.

— Степан Власьевич принял гениальное решение, — продолжал куражиться Кекс. — Пустил из области на Москву еще один поезд. Дополнительный! Теперь мы по первой категории снабжаемся.

— Тю, хай тоби грець, — не поняла Охрамуня.

Кекс поднял вверх палец и, не мигая, уставился на него своим глазом и пояснил притихшим крестьянам:

— Ночь туда — день в Москве — утром на работу: гостиница на колесах! Зато все магазины столицы к твоим услугам... Кто ж теперь на «Всадника» жаловаться-то будет? — захохотал Кекс.

— Ай да Степан Власьевич! — изумился совхозный скотник Коляда. — Ловко извернулся.

— Гений! — самодовольно, на полном серьезе поддержал его Скорохват.

И еще долго бы стоял смех в «раскурной», да тут Обух и шагнул к Скорохвату, прохрипел глухим, с надрывом голосом:

— Душу травишь! Она и без того расхристана — удержу нет! — Схватил Скорохвата за грудки, поднял, оторвал от пола, жарко выдохнул в побелевшее лицо: — Чужими руками жар загребаешь!.. Хануриков своих пустил по следу? Верни сено, гад!

Мужики оттащили Обуха в сторону.

Петр Потапович в себя пришел — эдакого позора ему еще никто не учинял принародно, — зашелся в крике:

— Технику государственную в корыстных целях по ночам использовал! Да я тебя! Закон знаешь? Под суд отдам!..

— В каких же корыстных? — опешил от столь вероломного поклепа Обух. — Скотину жалко.

Обуха вроде из ведра нечистотами облили. Побагровел весь, плюнул под ноги Скорохвату. Повернулся и ушел...

Ушел крестьянин на стройку к Черноволу, пересел с комбайна на бульдозер. Рычаги ворочать приходится те же, а душа?.. Кто в наше время о душе печется!.. Переболит душа да уймется.

Окончание следует

ПОЭЗИЯ

Геннадий ЩУРОВ

У ПАМЯТНИКА ЛЕНИНУ

Рабочее встает в заботах утро.
И Ленин смотрит в наши лица мудро:
сквозь пламя Октября, сквозь толщу лет
такими ли он видел нас
тогда?
За всех мы без сомненья скажем «да»,
а за себя
пусть каждый
даст ответ.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Детство...
Звезды его — мальчики, девочки с разодранными
коленками,
с протертыми локотками...
Они становились калеками.
Гибли
и без вести пропадали.
На них похоронок не приносили — только звезды
сгорали,
родные рыдали...

Девочки, мальчики — столетние старцы столько не
видели,
Войной изувеченные —
и не названные ее инвалидами.
Самые пострадавшие, самые беззащитные,
в концлагерях сожженные,
расстрелянные без греха, без вины,
всю ее прошедшие —
и не значащиеся
участниками войны...

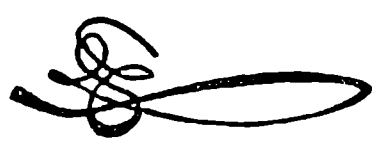
ВОЕННОЕ ФОТО

Помечено порохом,
травлено потом лицо —
солдат незнакомый
сидит в окруженье мальцов...

Я нынче их вижу
глазами армейцев уставших —
наверно, и память
с годами становится старше.

С каким ликованьем
встречали мальчишки военных!
Восторг и сиротство —
в глазах их тревожно-весенних.

И может, одно
утешает печально бойца:
они еще горе
не в силах понять до конца.



ПОЭЗИЯ

Татьяна ГЛУШКОВА

ПУТЬ В МИХАЙЛОВСКОЕ

* * *

А он был тоже окруженцем,
тот стародавний соловей,
который солнечным коленцем
остался в памяти моей.

А он был тоже небогатый,
и он был тоже сиротой,
когда пылающие хаты
всю ночь светили за рекой.

Когда, в далекий город Киев
придя от гневного Днепра,
мы платье мокрое сушили
на углях черного костра.

Когда лазурною весною
ударили колокола.
Когда ломилась бузиною
страна, спаленная дотла.

И, как серебряная слава,
цвела черемуха моя...

А там, за свалкою, — канава,
где зреет голос соловья.

Там однорукая береза
и дуб, что смотрит кобзарем —
то ль от свинцового мороза
ослеп, то ль пытанный огнем...

И опушается орешник,
и млеет сладкая трава...
А я — из вымерших, из здешних:
опять живехонька-жива!

А я — из выживших, зарытых
в ботве, в бурьяне, в ивняке,
седым соловушкой повитых,
с ржаною крошкой в кулаке.

А я — из малых, бессловесных,
из длинных прочерков в строке...
Но это мне в забытых песнях
подголоском по реке.

ГОЛОДНАЯ ВЕСНА (1945)

...Эти косточки, ребрышки, плечи,
путь к раскрытому настежь окну,
за которым — глубоко-далече —
инвалид запоет про войну.

Про врагами сожженную хату,
про гармонь в облетевшем лесу...
Кто-то вынесет хлеба солдату
и смахнет втихомолку слезу.

Чей-то сын на мгновенье воскреснет,
чтоб опять захлебнуться в дыму...
Что ж ты делаешь, страшная песня,
точно вран, заметавшись в дому?

Буквы «р» горевые раскаты,
рокоча, призывают рыдать,

быть прощенным — и быть виноватым,
и последнюю корку отдать.

Что ж ты делаешь, русское горе,
с детским сердцем? — больное, стучит.
А еще нам Японское море
с желтой пеной его предстоит...

* * *

На скатерти беленой
круглится каравай.
По травушке зеленой
спешит в сапожках Май.

Невестины сережки
навесила ольха.
Горбатятся в окошке
мурлыкины меха.

И с песнею ревнивой
влетает лютый шмель.
Под яблоней и сливой
запенилась метель.

И козлик в огороде
бородкою трясет.
Веселое в природе!
Богатый будет год!

Расплаканная ива
полощется в реке.
А я-то — говорлива!
А снег уж на виске.

А я-то работяща.
Не помню ничего.
Кую подковку счастья
для дома твоего!

СНЕГ В СЕНТЯБРЕ

Сентябрьский снег: прошел — и был таков!
Клок синевы — средь облачного бега...
Но в бороздах, морщинах лопухов
застряли хлопья утреннего снега.

Как свеж внезапно выпавший мороз!
Какое утро было молодое!
Но что мне делать с горестью берез,
с обрушенной, поверженною хвоей?

С хромою, тощей, слепнущей осой,
с синичьей, зычно свищущей бедою?..
Я прохожу вдоль вымокших овсов —
а те лежат к востоку головою.

Я говорю понурому шмелю:
— В твоих мехах ли убояться снега?
Ну, хочешь, печку нынче растоплю
для твоего раздольного ночлега?..

И только голубые тополя
сверкают белой замшевой подкладкой:
им на руку померкшая земля,
и седина, и серебро украдкой...

ПУТЬ В МИХАЙЛОВСКОЕ

А сороков-то сорок
мне видеть довелось,
пока блеснула Сороть
средь опушенных лоз.

И сорок лютых звонниц
звонило надо мной,
когда шажком паломниц
брела я в край льняной.

И крепостей-то триста
дымилось на пути.

У танка без танкиста
мне выпало пройти.

И берегом Великой,
и кромкою траншей,
поросших земляникой,
взлелеявших репей.

Под башнею Гремячей,
над гусельной Псковóй
осеннею, незрячей
погодой дождевой.

Глубокими снегами,
сквозь ельник ледяной.
С застывшими руками,
с горячей головой.

И вновь на зорьке синей
гонима за порог —
путем всея России,
хлыстом ее дорог.

Рис. Ю. Макарова

Лариса ЗАХАРОВА
Владимир СИРЕНКО

ПЕТЛЯ ДЛЯ ПОЛКОВНИКА

Роман

XXIII

Отпустив Преснецова, Быков вызвал машину. Ему уже было ясно: накладные на мясо не уничтожены потому, что их некому было уничтожить — ведь Киреев находился в отъезде. Следовательно, Пастухов невиновен.

Но необходим факт, либо опровергающий логическое заключение полковника, либо подтверждающий его. Допросы Преснецова и Балакина такого факта не дали.

...Пастухов сидел на табурете и пустыми глазами смотрел на Быкова.

Поначалу Борис пытался сопротивляться событиям, обернувшимся против него. Горячился, спорил с вполне симпатичным, человечным майором Абашкиным, пытался что-то доказать. А потом понял: доказать вину можно, невиновность — нельзя. Найденные милицией накладные — документ, на основании которого можно сказать только одно: он, Борис Пастухов, — преступник.

«Плетью обуха не перешибешь, — решил Пастухов, — я больше не в силах говорить одно и то же. Если в этот ужас вникнуть до конца, можно сойти с ума... Лучше тюрьма, чем психушка. Скорее бы все это кончилось. Скорее бы суд, который все поставит на свое место: столько-то лет такого-то режима».

Вялость и безучастность Пастухова полковнику Быкову не нравились. Что стоит за этим непротивлением — безволие, вина, уверенность в обреченности, неверие в торжество правосудия? Активная натура Вячеслава Ивановича протестовала. Он повел себя наступательно:

— Почему вы не уничтожили накладные на мясопродукты, выписанные вам Балакиным в дни отсутствия Киреева? Когда обычно вы уничтожали документы? Каким образом? Зачем, наконец, вы брали их, если все равно они подлежали уничтожению? Проще было бы не иметь накладных, наверное? Тем более что при любой проверке вы могли объяснить наличие груза приобретением мяса у частников — Устав кооператива этого не запрещает.

Борис сказал глухо:

— Я брал накладные, потому что мне их выдавали под отчет. Об остальном я уже неоднократно рассказывал. Ничего больше добавить не могу.

— Почему?

— Потому что добавить мне нечего. Вы говорите: «Па-

Окончание. Начало в № 3.

стухов ограбил банк». Что я могу сказать, кроме: «Я банка не грабил»?

— Если вы не уничтожали накладные, значит, их уничтожал кто-то другой. Кто?

— Я не знаю. Я не видел, чтобы Киреев, которому я их передавал, рвал, сжигал, съедал накладные. Как никогда не видел, чтобы документы оставались где-то лежать свободно и любой имеющий дурные намерения мог получить к ним доступ. Я считал, что вступает в силу обычное делопроизводство.

— Вы говорите неубедительно.

— Может быть, но больше мне нечего сказать.

«Что он хочет? Чтобы я показал на Киреева так же, как тот оклеветал меня? Методом исключения? Если не я, то он? Так этим методом исключения меня и засадили в изолятор... — думал Пастухов. — Теперь нужно, чтобы и от меня ниточка потянулась?»

— При каких обстоятельствах вы познакомились с Балакиным?

— Я уже рассказывал. Вместе с Киреевым и Виноградовым я приехал в «Зеленодолье». Киреев выполнил формальности, заключил договор, я познакомился с Балакиным, директором совхоза, договорились, по каким дням буду приезжать за продуктами.

— По каким же дням?

— Вторник и четверг. Уже обо всем этом я говорил и писал.

— Вы получали продукты у одного и того же кладовщика?

— У разных. Там два склада. На одном мясо-молочные продукты, на другом — все остальное.

— Я уточняю вопрос: мясо вы получали у одного и того же кладовщика или это были разные люди?

— Пожалуй, у одного и того же. Видимо, я всякий раз приезжал в его смену.

— Когда Балакин выписывал вам накладные, до того, как вы отправлялись на склад, или после?

— Разумеется, до того, иначе как же получишь товар?

— Он под копирку выписывал накладные?

— Я не обращал внимания, — Борис поднял на Быкова удивленные, встревоженные глаза. Он понял, почему полковник спрашивает о копирке — был ли вообще второй экземпляр накладных? Или... или с самого начала, да, с самого начала то был подлог? Ах, как же со-

блазнительно сказать: «Нет, не было копирки, я помню совершенно точно! Видите, я невиновен, меня сделали статистом в дурном театре!» — но Пастухов не решился. Он на самом деле не помнил.

— Вспоминайте, — сухо сказал Быков и склонился над протоколом.

— Я всякий раз получал на руки первый экземпляр... — робко, медленно начал Борис, — копирка... Может быть, была — Балакин всегда, садясь за стол, надевал нарукавники. Чтобы не испачкаться, должно быть.

— О копирку?! — вскинулся Быков.

— Кроме этого, я ничего не могу сказать.

— А когда Балакин отрывал накладные от книжки бланков — перед тем, как заполнить накладную, или после?

— Не могу утверждать... — Пастухов задумался. — Но, кажется, он это делал сразу. Оторвет и выписывает. А может быть, после...

— Почему у вас нет уверенности в своих словах? — с горечью спросил полковник. — Отчего, Борис Васильевич?

Пастухов посмотрел удивленно. Неужели следователю не понятно, отчего?.. Но было во всем облике полковника что-то такое сострадательное, теплое, человеческое, что Борис не выдержал. Слезы душили его.

— Не виноват я, понимаете? Не виноват ни в чем! Я все время говорю правду, одну правду! Я не знаю, почему мне не верят, не знаю... Я только в одном виноват: не подумал, согласился. Не учел: если в государственных торговых общепитовских точках иной раз бог знает что творится, концов не найти, то тут-то, где вообще все на честном слове... А если не на честном слове? Вот не подумал об этом и стал виноват! Хотя я и не виновен. Но как доказать? Не могу доказать!

— Я могу. И стараюсь доказать, кто в чем виноват. Обязанность это моя, — сказал Быков. — Про презумпцию невиновности слыхали?

— Тогда почему я арестован, если вина не доказана?

— Арестован, поскольку следствие располагает против вас весьма серьезными уликами. Но, кстати, если вины за вами нет, чем объяснить, что на очной ставке с Киреевым вы молчали?

Пастухов густо покраснел:

— Когда вот так в глаза, как Киреев... Смотрит в гла-

за, и без всякого сомнения, без всякого пардона, — Борис усмехнулся. — А ты стоишь, оплеванный и оболганный. Я не могу... Когда хамят, врут в глаза, черное за белое выдают, не могу! Теряюсь, что ли? Ошеломляет меня... Удачные и нужные ответы потом приходят.

— После очной ставки, значит, нужные слова пришли, — Вячеслав Иванович сокрушенно покачал головой. — В таком разе можно попросить встречу со следователем. И высказать ему запоздалые, но верные суждения.

— Киреев убедительно говорит. А один из нас врет. Кому вера? На мне-то уже пятно...

Быков глухо заворчал.

— Скажите, — задал следующий вопрос, — Киреев и ваш брат действительно долго уговаривали вас перейти в кафе?

— Да.

— Вам не показалась странной их настойчивость?

— Я месяц думал. А что они настаивали — понятно. Если работник нужен, так ведь...

— Чем Киреев и ваш брат мотивировали, что им нужны вы, именно вы? Вы давно сами знаете Киреева? Давно дружите?

— Глеб с ним дружил. А я — нет. Понятно, из-за разницы в возрасте. Да и потом... Я рано женился, зажил своей жизнью. Ушел на комсомольскую работу... В общем, я от брата оторвался. А вот на первый вопрос я ответить вам не могу. Чем мотивировали Глеб и Киреев?.. Вы не поверите, Вячеслав Иванович.

— Ну почему же? В чем причина? Я верю вам.

— Не поверите. Потому что причиной всему — моя честность. Так Киреев и говорил.

«Все верно, — согласился в душе Быков. — Кирееву нужен был честный, открытый, простой Пастухов. Вот она — простота, что хуже воровства». И снова спросил:

— У вас были свидетели, при которых вы передавали Кирееву накладные из «Зеленодолья»?

— Конечно, — с неожиданной, даже поразившей Быкова готовностью ответил Борис. — Иногда при этом присутствовала жена Киреева, иногда мой брат Глеб. Но ведь она не станет свидетельствовать против мужа, а мой брат сильно болен, — Пастухов поник головой. — Вот как вышло...

— Не печальтесь. Это все явления временные, я почти

убежден: в вашей семье все будет хорошо. — Следователь глянул на часы, до очередного допроса у него оставалось ровно полчаса. Может быть, этот допрос что-то прояснит? Быков продолжил:

— В каких отношениях вы с Тимофеевым?

— Кто это?

— Подсобником был у вас.

— А, Леха... Не знаю его фамилию. Какие у меня с ним могут быть отношения? Выгнали мы его с Виноградовым за спекуляцию водкой — вот и все.

XXIV

В министерстве полковника ждала новость. Исчез Киреев.

Этот факт больно уколол профессиональное самолюбие Быкова. «Предусмотреть подобный оборот дела было нетрудно, — думал он, — хотя не тот человек Киреев, чтобы безоглядно кидаться в бега. С другой стороны — что мне возмущаться собой. Ни один прокурор не позволил бы мне не то что арестовать Киреева, но даже взять у него подписку о невыезде. Доказательств пока нет, одни версии и доводы».

Подавив раздражение, Быков пригласил к себе очередного свидетеля по делу Пастухова.

Напротив следователя сидел худой молодой человек, которого с первого взгляда можно было принять за юношу, если бы не жилистые, натруженные руки и лицо, изрядно потасканное, серое, морщинистое. По паспорту Тимофееву Алексею Михайловичу двадцать три года, он женат и имеет двухлетнюю дочку.

Тимофеев был заметно обескуражен.

— Что я вам сделал? Или всех хулиганов уже переловили? Теперь на высоком уровне пьяницами занялись?! Я не тунеядец, я служу...

— Служите, — усмехнулся Быков, — грузчиком, стало быть. Нравится?

— А чего? Даже хорошо, спокойно, в системе коллективной безответственности не задействован. Что, на учет будете ставить? В ЛТП сдавать?

— Из какой вы семьи? — поинтересовался Быков.

— В анкете пишу из «служащих». Зовут Лехой-бичом, деклассированным элементом считают, — безразлично ответил Тимофеев.

— Так... Пьете давно?

— Извините, всю жизнь. Кроме последних лет. После указа о борьбе с алкоголизмом и так далее уже не пью, а только выпиваю. В ЛТП согласен. Чтобы навсегда исчезли желания — при отсутствии возможностей. Дом, где я вырос, хлебосольством славился. Мать любила на стол накрыть, а отец за столом дела решать. Он был директором завода.

— Где же теперь ваш отец?

— А где ему быть! От меня батюшка отказался, как я ПТУ при его предприятии бросил, — сообщил Тимофеев и вдруг добавил: — Не надо меня профилактировать, товарищ полковник. Меня очередь отпрофилактировала. Я очень не люблю очередей.

— Я вызвал вас вовсе не для профилактики, — Быкову надоела болтовня Тимофеева, — а для того, чтобы выяснить, на что вы пьете и как вы, с вашей нелюбовью к очередям, организовали перепродажу, то есть спекуляцию спиртным в кафе?

Лицо Тимофеева оцепенело от удивления.

— Я думал, дело закрылось. Штрафа мне мало, что ли?

— Вы не отвечаете на мой вопрос, Тимофеев. Чтобы спекулировать водкой, ее надо иметь. Где вы ее брали?

— Ладно. Коль до точки дошло. Меня, значит, подсадили... Ладно. Тем же отвечу. — Быков видел: парень решается на что-то нелегкое. — За молчание мне заплатили вперед три сотни без четвертака, а сами, значит, разнесли, как приперло! Она дала мне двести семьдесят пять, у нее не хватило...

— У кого — у нее? — нетерпеливо перебил следователь.

— Я же объясняю, подождите. На той неделе я зашел к Киреева за недоданным четвертаком. Даже ту бумажку с собой взял, что он мне случайно отдал вместе с деньгами, с недельной платой. И деньги не на пропой — жене приспичило за детсад платить. — Быков решил не перебивать. — Она у меня гордая, баба моя. Из приличной семьи, как говорится. У нее, знаете, где родители живут? В высотке на Котельниках. Они ее прокляли, что со мной до сих пор не развелась. Она меня любит, я ведь человек интересный. Она художник, выставляется, но доход нестабильный. В общем, я к Киреева. А он меня развернул. Ну, думаю, надо мне к ней, мо-

жет, он ничего не знает, он про нее много чего не знает, как я понял.

— Да кто же она?! В кафе всего две женщины, Пастухова и Киреева. Кто из них? С кем вы входили в сговор?

— С Лидией Сергеевной. Она спиртным заправляла. Она и меня нанимала.

— Вы что, давно знакомы с Киреевой?

— Давно. Я у нее свидетелем в загсе был. Она, извините, была фиктивной женой моего приятеля. То есть оно, конечно, жить с таким пацаном она не жила, но ведь прописка в Москве стоит кое-чего. Они по таксе расписались. По таксе и развелись. И прописывалась она в квартире моего приятеля, и разменивались они потом тоже по твердой таксе. Она уже от Киреева беременная была, когда они разводились. Лида — девушка такая — ух! Коня на ходу остановит! Что она Киреева под себя подмяла, так то ерунда для нее...

— Ваш приятель чем занимается? — Быков подумал, не он ли доставал для Тимофеева водку, естественно, тоже за отчисления.

— Он профессиональный фиктивный муж. Фамилию называть не стану. Официальный статус — поэт-модернист.

— О господи!.. — невольно вздохнул Быков. — Где водку брали?

— Лидочка доставала. По прямым связям.

— Неплохо... — процедил полковник сквозь зубы.

— Конечно, милое дело. У нее в исполкоме приятель есть, он ей за отчисления выписывал такие талоны — то на похороны, то на свадьбу. Можно взять ящик. А то и два.

— Фамилию исполкомовца знаете? — Быков подумал о Квакине.

— Секреты фирмы на заборе не пишут.

— Слушайте, Тимофеев, — Быков испытал к этому типу с подвешенным языком подлинное отвращение. — Я передам вас вашему участковому. Если вы сами не понимаете, что так жить нельзя...

— Да все я понимаю! Я всегда хочу по-хорошему, — заторопился Тимофеев, видимо, обрадовавшись, что дело кончается для него «легким испугом» — подумаешь, проработка участкового! — Я всегда все миром-ладом! Я и с этим хлюстом Киреевым хотел по-хорошему.

Не только за четвертаком приходил. Я ему его же бумажку нес. А он выпер меня как собаку!

— Что за бумажка? Вы говорите о ней уже второй раз.

— Это, как ее... Ну, выписывают-то... Квитанция! И не пустяковая. На пять кусков. — Тимофеев значительно посмотрел на Быкова.

— Вы вернули Киреева документ?

— Да говорю — нет. Не успел. Он меня выгнал.

— Где же документ сейчас? — как можно спокойнее спросил Вячеслав Иванович. Он чувствовал — сейчас решается судьба всего дела. У Быкова даже пальцы похолодели от мысли, что этот тип мог запросто выкинуть важное вещественное доказательство.

— Где? — Тимофеев порылся в карманах. — Может... — вытащил кучу мятой бумаги, в том числе два истертых рубля. И среди мусора Быков высмотрел край тонкого шершавого листочка.

Он бережно взял его, расправил — вот она, накладная на мясопродукты, полученные Пастуховым в «Зеленодолье». На ней подпись Балакина. Быков уже помнил то номера накладных, что зафиксировала ГАИ, — это была та самая накладная.

Когда процессуальные формальности были закончены, полковник направился к генералу с двумя представлениями — о прекращении уголовного преследования и немедленном освобождении гражданина Пастухова Б. В. и об аресте гражданина В. Н. Киреева, производстве обыска в его квартире и объявлении его самого во всесоюзный розыск.

XXV

Разрешения на внеочередное приобретение винно-водочных изделий на имя Лидии Сергеевны Киреевой и на имена подставных лиц выписывал именно Квакин.

Разговор Павлова с Квакиным шел тяжело, ведь, помимо махинаций с водкой, прокурор должен был выявить целый ряд должностных преступлений Квакина, так или иначе связанных с делом Киреева. ОБХСС уже представил свои материалы.

«Так злоупотреблять, — думал Александр Павлович, — можно либо надеясь на крепкую поддержку «сверху», как это бывало еще недавно, либо за большие деньги. Киреев как раз и располагает такими деньгами».

Квакин держался, однако, свободно. У него находился ответ на каждый вопрос прокурора.

— На каком основании вы предоставили Кирееву помещение для кафе вопреки решению общего собрания пайщиков ЖСК?

— Я не предоставлял помещение. Исполком утверждает. Но я скажу. Потребности дня — в расширении узких мест с общественным питанием — вот причина.

— Почему же вы позволили именно Кирееву открыть кафе? Не было других претендентов? Вот заявления с предложением открыть кондитерскую и пиццерию.

— Он инвалид второй группы, к тому же предприимчивый человек, можно сказать, человек новой формации, — важно ответил Квакин.

— У вас были основания считать Киреева предприимчивым человеком? Вы сталкивались и до открытия кафе?

— Я хорошо чувствую людей. Моя служба...

После долгого утомительного разговора о пресловутой «киреевской» квартире в ЖСК, когда Квакин, подобно остальным заинтересованным лицам, упирал на альтруизм, Александр Павлович выложил перед ним разрешения на приобретение водки.

— Сколько же свадеб сыграла Киреева за эти полгода? Кого же хоронила так часто? Сколько платил вам Киреев за каждый талон? Сколько он заплатил вам за «обработку» райотдела милиции и народного судьи?

Квакин дернул свой галстук, сорвал верхнюю пуговицу с белоснежной коттоновой сорочки:

— Позвольте письменно...

Павлов потянулся за бумагой, но в это время зазвонил телефон.

— Привет, сват. Ты не знаешь, твой сын еще не сделал предложения моей дочери? Так сказать, в предварительном порядке? — услышал Александр Павлович неожиданно веселый голос полковника Быкова.

Павлов опешил:

— Вячеслав Иванович, я как-то...

— Ладно, я тебе делаю предложение. Поехали на обыск к Кирееву.

XXVI

Киреев жил у своей второй жены, к которой порой возвращался в память о молодости, и она принимала.

Виктор Николаевич рассчитал, что у оставленной, следовательно, оскорбленной им женщины его не станут искать, так что укрытие вполне надежно. Лидия, конечно, не знала, у кого он. Приятелей много. Лидия верила, что он ночует у всех по очереди.

С тещей договорились, что телеграмму из Магнитогорска она даст на Даргомыжского, соседке, на любое имя — старуха безвылазно сидит дома, телеграмму ей принесут, она от нее откажется, но ведь расскажет, как приносили по ошибке. Киреева был важен факт доставки телеграммы, больше ничего. В тексте ее всего три слова: «Доехала благополучно, целую».

Но ждал он эту телеграмму с надеждой и страхом. Три слова означали, что теща у своих, и все, что она везла с собой — а с собой она везла, можно без преувеличения сказать, всю киреевскую жизнь, все состояние, — все это запрятано на совесть. Киреев уже знал об обыске в квартире на улице Алых Роз. Знал, что оперы побывали и на даче. Но понял, насколько плохо дело, когда обыск провели даже в коммуналке, где жила теща. Вовремя он ее отправил. Тут повезло!

Хорошо, что его дом на Даргомыжского стоит на углу. Выйдя из леска, которым ближе идти от метро, Киреев сразу увидел милицейские «газики» и черную «Волгу». «Большое начальство явилось по мою душу, — хмыкнул он в отпущенную бороду, — пусть порадуется творческой удаче!» — Перешел на другую сторону улицы, стараясь держаться ближе к деревьям, густо развесившим низкие ветви, и юркнул в парадное дома напротив. На третьем этаже встал у окна лестничной площадки и принялся смотреть на окна своей квартиры, ждать...

— Похоже, в двери стальной лист, — констатировал молодой лейтенант. — Да такая сталь! По блату, прямо из Магнитогорска!

— Что ж, похоже, — отозвался местный участковый.

— Товарищ полковник, — обратился лейтенант к Быкову, — разрешите вызвать бригаду с автогеном. В косяки стальные штыри загнаны. Не выломать.

Полковник взглянул на часы.

— Хорошо. Идемте в машину, мне тоже нужно позвонить.

Быков вышел из полутемного, пахнущего нечищенным мусоропроводом подъезда. К нему подошел Павлов.

— Сиволодскому звонить пора? — кивнул на машину. — Нужно узнать, как дела в Магнитогорске. И все-таки, — заворчал, — надо бы брать ее прямо на вокзале...

— Не горячись, — буркнул Быков, — успеем.

Они сели в машину. Вячеслав Иванович набрал номер и тут же услышал голос Сиволодского:

— Встретили. Она с внучкой. На телеграф, на переговорный пункт не заходила. Поехала на автобусе. Судя по всему, на квартиру к брату. У него есть личный автомобиль, а у его жены — дом в деревне.

— Имейте в виду, — сказал Быков, — телеграмму в Москву можно дать по телефону, а также позвонить по автоматике или заказать разговор в кредит. Держите постоянную связь с Магнитогорском. Разрешение на задержку корреспонденции Киреева у нас есть. Я еще буду звонить. Привет, Мишель.

— Не понимаю, — тем же ворчливым тоном снова сказал Павлов, — как можно позволить старухе с чемоданом денег и золота мотаться по стране... Давно пора задержать ее.

— Саша, не учи меня жить. Мне нужно, чтобы Киреев телеграмму получил и тем себя обнаружил. Понимаешь?

— Сколько времени киреевская теща уже гостит у братца?

— Три часа.

— Вот. Телеграмма уже должна дойти. Кстати, ее не обязательно посылать Кирееву. Можно направить на имя родственников, знакомых. И не обязательно подписывать именем любимой тещи. Можно вообще не подписывать и не указывать обратного адреса.

— Попытались и это предусмотреть.

— А не зря ли мы вообще гоняемся за старухой? — засомневался Александр Павлович. — Она с девочкой могла просто уехать подальше от неприятностей. Квартиру тряхнуть надо как следует. Это же квартира-сейф, дорогой. Просто так наборные замки не ставят, дверь не бронируют, стальные штыри в косяки не загоняют. Жаль, долго нет техников, время уходит...

— Вот именно, Саша, — Быков бросил на Павлова недовольный взгляд. — Мы тут время теряем.

— Привезут автоген...

Вячеслав Иванович раздраженно махнул рукой::

— В этот автоген весь запал и уйдет. Квартира пустая. Ничего там нет. Или есть ровно столько, сколько Киреву нужно, чтобы нас успокоить. А остальное таскает по стране, как ты изволил выразиться, старушка. Видел я ее фотографию. Она чуть старше нас с тобой и крепка, как героиня первых пятилеток. А взор истовый, как у раскольников времен молодого Петра. В огонь — и не дрогнет...

— Я готов согласиться с тобой, — степенно начал Павлов, — что, вероятно, за дверью только тот мизер, что приготовлен нам для конфискации. Но по этой логике Киреев должен накинуть на дверь крючок и запереть ее на один оборот металлоремонтовского ключа. Однако...

— Он умный человек.

— Поэтому делает вид, что на сто запоров закрывает действительно последнее. Он же считает, что ничего, кроме дел с «Зеленодольем», мы ему не предъявим. Не знает, что мы вышли на Дьяченко и тот его отдал с руками и ногами. Не знает и о показаниях Квакина.

— Если ты такой прозорливый, Слава, — Павлов скептически вздохнул, — скажи, где Киреева искать?

— А зачем его искать? Он вот-вот с повинной явится. Охота за тещиной телеграммой — это так, на всякий случай.

— За что я тебя всегда любил, друг Быков, так это за романтику...

— В тайгу Киреев не побежит. И по вокзалам ночевать не будет. Интеллигент как-никак!

Из-за угла появилась машина с автогенной установкой.

Входили в квартиру, лавируя в маленьком коридоре-тамбуре между наставленных друг на друга коробок и мешков. В кухне — допотопный столик со следами мышиного помета: первый этаж есть первый этаж. В комнате стояла старая продавленная тахта, несколько разнокалиберных стульев, колченогий стол и детская кроватка со снятыми колесиками. Во вторую комнату квартиры-распашонки зайти оказалось непросто — сразу за дверью громоздились коробки и старые чемоданы. Оперативники кинулись раскрывать их.

— Ну вот, а ты говорил, — пробормотал Павлов, с интересом заглядывая через плечо участкового.

В коробке, которую тот разбирал, лежал старый гусь-хрустальский набор рюмок и фужеров. В других коробках были сложены крепдешиновые и кримпленовые отрезы, палехские шкатулки, старые нейлоновые мужские сорочки в нетронутой упаковке, нераскрытая упаковка французских духов — тонкий бельгийский целлофан обтягивал двадцать нарядных коробочек «Кристиана Диора», пакетики с гэдээровскими дамскими колготками...

— А ведь все любовницам, большой, видно, маэстро, — посмеивался милиционер-водитель.

Быков крякнул:

— Еще одна форма помещения денег, только и всего. Нечего тут разглядывать, начинаем осмотр.

Аритмично застучали молоточки, кулаки и ладони — по стенам, по полу, по потолку.

— Тут какая-то коробка старая, — услышал полковник голос из ванной. — Ой! Вот это да!

Все кинулись на возглас.

Молодой лейтенант стоял на коленях на кафельном полу перед блекло-синей, с маркой «Цебо», коробкой из-под дамских сапог. В ней лежали деньги. Аккуратные пачки купюр.

Вячеслав Иванович бросил небрежно:

— Для Киреева это не деньги. Тут тысяч пять.

— Александр Павлович, — к Павлову подошел участковый, — посмотрите, что я обнаружил. Документы вроде. Может, для следствия как раз то, что надо?

В фанерном чемодане без ручки навалом лежали листы и листки, покрытые старинным, давно утраченным в обиходе бисерным почерком, выцветшими фиолетовыми чернилами. Чертеж от руки, колонка расчетов, беглые записи, слова с сокращениями, с ятем, дата — 6.XII.1915.

Павлов медленно покачал головой:

— По-моему, это архив генерала Киреева. Сыновний долг, горячие слезы... Квартира-музей! Не должно пропасть ни единой книги, ни единой картины, говорил. Да... Слава, ты только посмотри! Вот подлец!

— Что, накладные? — подлетел Быков и тут же остыл, потер подбородок.

— М-да... Как любишь говорить ты, Саша, — «что характерно»... Штрихи к портрету любящего сына. Ладно, я поехал.

Уходя, Быков благодарно пожал руки понятым.

У подъезда в растерянности стояла старая женщина.

В ее авоське перекатывались пакет молока и два апельсина. Увидев Быкова, она несмело подошла:

— Извините, здесь некого спросить. Могу ли я пройти? Я здесь живу. Пойдемте со мной, покажу документы.

— Пожалуйста, проходите!.. — обескураженно проговорил Вячеслав Иванович Быков, предупредительно потянув к себе дверь подъезда. — Проходите...

— Какой неприятный переплет! — поморщилась старая женщина. — Не зря я видела дурной сон. Утром приносят странную телеграмму, а вслед за этим милиция вскрывает соседнюю квартиру! Прямо не знаю... — Она пожала плечами.

Быков насторожился:

— Минутку. Вы читали телеграмму? Что в ней было?

Киреев видел, как полковник Быков говорил с его соседкой. Видел выражение лица полковника. И все понял. «Теперь они знают о телеграмме, — думал он. — Ну что ж... Закономерно и это. Лиды в Москве нет, я скрываюсь, чтобы меня найти, они начнут «трясти» тещу, поскольку только она из всей компании обнаружила себя. Но ее они не подозревают, иначе перехватили бы с чемоданом в поезде, на вокзале, да где угодно! Значит, все в порядке. Телеграмма самого житейского содержания, адекватная ситуации, ну, ошиблась старуха номером квартиры, в которой зять лишь прописан... Даже если они будут интересоваться тещей всерьез, то только ради того, чтобы найти меня. Она, конечно, кадр железный. Но их внимание к ней совершенно излишне. Переключить же его может только одно: мое появление. Что ж, явка с повинной — это очень смягчающее обстоятельство. Я им чистосердечно покаюсь в грехах гражданина Балакина и в некоторых своих заблуждениях, — он усмехнулся. — Вот только не многовато ли я им оставил? Впрочем, пять тысяч есть сейчас у любого уважающего себя слесаря».

Он увидел, как черная «Волга» с полковником Быковым отъехала от его дома, и начал спускаться по лестнице.

Он шел к метро перелеском.

«А подземкой я доберусь до центра, пожалуй, быстрее, чем он на своем телефонизированном лимузине», — прикинул Киреев и почувствовал, как сзади кто-то ускорил шаг. Он невольно обернулся. Нет, не милиция. Его догонял молодой человек в спортивной куртке ярко-лимонного

цвета. «Японская или фээргэвская», — невольно отметил Киреев.

Только опытный взгляд смог бы определить, что куртка двойная — если ее вывернуть, из желтой она становилась голубой. Киреев осмотрелся. Ни души. У него екнуло сердце. Он втянул голову в плечи и побежал.

На труп Киреева едва не наступила женщина, акушерка расположенного рядом роддома. Она не растерялась и привела в лесок постового милиционера. Тот узнал в убитом человека, вчера объявленного в розыск. Через час о случившемся стало известно в МВД СССР.

...Полковнику Быкову казалось, что кто-то умышленно выбил почву у него из-под ног.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Телефон зазвонил в тринадцать десять. Лейтенант услышал в трубке шум, разноголосицу и хорошо поставленный, но взволнованный женский голос:

— С вами говорят из пятьсот девяносто третьей школы.

— Слушаю вас. Лейтенант Сиволодский.

— На моем уроке ученик седьмого класса «В» Вадим Саблин сделал заявление, что в прошлую пятницу видел убийцу, о котором написала газета... В лесочке на стыке улиц Даргомыжского и Бородина. Вадим гулял там с собакой. И видел одного и того же человека сначала в куртке желтого цвета, а потом в такой же, только голубой.

— Я сейчас приеду. Где вы находитесь?

— На улице композитора Бородина, рядом магазин «Овощи», стандартное школьное здание, белое, блочное...

I

Утром в субботу Федор Филиппович Преснецов как обычно вывел машину из гаража и поехал на Арбат за минералкой. Он всегда ездил туда, в фирменный магазин. Заодно в киоске «Союзпечать» покупал «Неделю», «Огонек», «Крокодил», чтобы потом, потягивая «Арзни», наслаждаться разоблачениями, на которые ныне стала щед-

ра пресса. Читая, злорадствовал — дураки попались, допрыгались, а вот он — нет, значит, умен...

Но сегодня он подошел к киоску «Союзпечать» сразу, еще не отоварившись минералкой. В «Неделе» за прошлую субботу появилась заметка об убийстве Киреева, призывающая откликнуться свидетелей, находившихся в такое-то время в том треклятом лесочке. Артем клялся, что его никто не видел — никто! Ну а вдруг?

Получив в руки пачку газет, Преснецов направился к магазину. Купил воду и все же не утерпел, зашел в недавно открытую кофейню.

Отхлебнув кофе, сразу же раскрыл предпоследнюю страницу «Недели». Нет, он не упал, даже не вздрогнул. Он только хотел было сказать бармену: «Сто коньяка!..» — но вспомнил, что до двух теперь не подают, и вообще здесь не подают — Арбат не только пешеходная зона, но и безалкогольная.

Со страницы «Недели» на Федора Филипповича смотрел Артем. Преснецов чисто автоматически единым махом заглотил весь кофе и начал читать текст под снимком. И тут от сердца отлегло: на снимке, оказывается, всего лишь фоторобот! Господи, фоторобот! Федор сам читал раньше, сколько следственных ошибок с этими фороботами... Суета сует... Стал разглядывать снимок пристальнее, всматриваться в несколько искусственные черты и вдруг подумал, что портрет похож на Артема только по первому впечатлению. А так... Так он может смахивать на... «А ведь это мысль! — вдруг подумал Преснецов. — И не просто мысль, это спасительная мысль!»

Зашел на почту и заказал срочный разговор с Астраханью. Переговорив, доехал до Арбатской площади и в кулинарии при ресторане «Прага» купил все, что там имелось из готовых закусок и горячих блюд, в расчете на шестерых. «Сколько водки у меня осталось от ящика? — прикинул. — Впритык, должно хватить. И повод достойный — сегодня как раз девять дней покойничку, рабу божьему Виктору. Пожалуй, и вдове будет уместно брякнуть. Как-никак старые друзья... А кафе, говорят, перешло к Борьке Пастухову. Эх, золотое дно!» — но Пастухову не надо завидовать. Натерпелся парень.

Преснецов пригласил всех, кого считал близкими друзьями Киреева. Недаром же их всех вызывали к следователю, полковнику Быкову! Поминать, согласились

все, так поминать — дело святое. Но при этом Федор оговаривал, что идти к вдове всем скопом неудобно. Лучше к нему. Разве непонятно? И следствие еще не закончено, и на Виктора Николаевича покойного переложили всю вину Пастухова. Кроме того, из генеральской-то квартиры вдову выгнали, на имущество покойника наложили арест.

Исподволь, вроде бы в естественном течении поминальной беседы, Преснецов выспрашивал, о чем вел речь следователь с каждым из теперешних его гостей. И убеждался, что ничего настораживающего Быков вроде не выяснял, и никто вроде бы ни о чем лишнем не проговорился. А ведь этот Быков — мужик скользкий. Федор никогда не забудет допроса, который учинил ему полковник за несколько дней до смерти Киреева. Полковника даже не интересовало, на что купил скромный главный инженер третьеразрядного холодильника «Волгу» последней модели, его интересовало, как, через какие потаенные ходы он купил ее! Нечто новое в следственной практике!..

А потом Быков доказал вину Киреева — что было вообще немыслимо с точки зрения обычной логики. Вот чем Быков страшен. Своей нестандартной логикой. Любыми средствами нельзя позволить ему выйти на Артема.

...Чесноков не пил. Ну конечно, ему завтра на службу, нельзя. Во взлетел парень! Да, есть у него в пере разоблачительный пафос. Как ни раскроешь печатное издание — вот он, Валентин Чесноков, с очередным всплеском негодования от того или иного негативного, как теперь принято говорить, явления. Говорят, многие большие двери ногой открывает. Правда, Преснецов особенно этому не верил. Знал, любит Валентин себе цену набить. Но кое-какие связи покойник Виктор ему, конечно, передал — несомненно.

— Старик, хочу кофе, — сказал Чесноков.

Кофе — это всегда повод для разговора наедине. Особенно если учесть, что остальные для кофе еще не созрели.

— Иди ко мне в кабинет, — предложил Федор.

Там, в кабинете, опять предложил гостю водки.

— Нет-нет, только кофе... — Валентин жадно схватил хрупкую чашечку.

— Ну, упокой его, господи, — опрокинул Преснецов рюмку. — Действительно, какая глупость — нет Вити...

— Макин в себя не может прийти, — проговорил Валентин. — Первый день все подсчитывал, на сколько он старше Киреева. Еще не знал, что имел место факт насильственной... Теперь Макин считает, что это провокация. Во-первых, против кооператорского движения... Со стороны тех, кто орет про «новый нэп»... Во-вторых... — Это «во-вторых», видимо, ни Макин, ни сам Валентин еще не изобрели, поэтому ему нечего было сказать, и он предпочел налить себе еще одну чашечку кофе.

А Преснецов подумал, что подобная интерпретация происшествия с Киреевым совсем недурна — она вполне способна отвлечь следствие от Артема и вообще от поиска истинной причины убийства, увести дело в сторону так сильно, что Быкову придется с этим делом расстаться. Да, Киреева могли убрать противники перестройки, следовательно, это дело уже не полковника милиции Быкова. Точно так же Киреева, планировал Федор, могли убрать те, кто хотел вытащить из тюрьмы Пастухова. А больше всех этого хотел Виноградов. Тоже неглупая мысль... У Кирилла Виноградова кулак такой, что «пришить» среднего мужика ему — раз плюнуть. Но делиться этой ценной мыслью с Валентином он не стал. Если следователь вызовет еще раз — надо ему подкинуть эту мысль, предварительно выискав для нее хорошее оформление. И пусть Быков теряет время, отрабатывая, как говорит Штирлиц, пустую версию... А Артема необходимо спрятать еще дальше. Но потом ведь... Эх, надо бы придумать что-то радикальное.

— Этот следователь, Быков, как он тебе показался? Ничего? Можно на него положиться? Сможет он отомстить за нашего Витька? — Голос Федора неподдельно дрогнул. — Ты вращаешься в журналистских кулуарах — что там слышно?

— В общем, ничего особенного. Но представь себе — я не очень, правда, в это верю, однако, как мне сказал помощник замминистра — именно в связи с делом Киреева в Москву решено этапировать Треухова. Ничего новость, да?

— А зачем? Зачем его тащить из лагеря? — потеряв уверенность, возмутился Преснецов.

Собеседник только руками развел.

— Честно говоря, — сказал он, помолчав, — не нра-

вится мне вся эта история. Есть в ней, я бы сказал, полицейский душок. Смотри, Федор, что выходит: Киреев, человек известный не только нам с тобой, творчеством своим отразивший время, можно сказать, яркий шестидесятник, наш товарищ, первым понявший нужды перестройки и вышедший на ее зов, сменив профессию журналиста на дело кооператора, представлен вором, его имущество описано, семья буквально выставлена на улицу, и сам он убит накануне ареста. Мне говорили, прокуратура уже выдала ордер на его арест. Что-то за этим стоит.

— Может, дали взятку?

— Кто и кому?

— Те, кто радел за Пастухова, — тому, кто собирался сажать Киреева. То есть Пастуховы — следователю.

Чесноков глянул с интересом, но отрицательно покачал головой:

— Едва ли. Да и доказать это нереально.

— Вот мне, — ехидно заметил Преснецов, — ты рассказываешь интересные версии. Понятно, что у следователя ты воздержался развивать их. Но почему бы тебе не выступить на эту тему? Вседозволенность действий милиции... Ты любишь обличать — так обличи!

Чесноков засопел. Обличить, конечно, можно, думал он, но на каком материале? Случай с Киреевым настолько темный, что... Да и как собрать материал? Собрать информацию о полковнике Быкове и пойти от его личностных качеств? А как на это посмотрит Макин? Он и так недавно получил взбучку за оголтелую статейку про проституток.

II

Преснецов два дня думал, что может рассказать Быкову Треухов, которому уже нечего терять. О себе бывший торговый столп ничего нового следствию не выложит — все известно, пусть благодарит бога, что не расстреляли. Быков начнет его спрашивать о Киреева, покажет письма, где тот ходатайствовал насчет автомобилей, и спросит, почему Треухов ходатайства редакции удовлетворял? Ну и что? А почему не уважить просьбу редакции? У нас печать любят. Нажмет следователь на вопрос о взятках, за которые, по сути, удовлетворялись эти ходатайства? Треухов скажет, что лично он денег за подпись свою не

брал, все взятки повиснут на покойнике. Спросит полковник, за что могли Киреева убить, что такое опасное знал Киреев, Треухов плечами пожмет. Но может и не пожать плечами. Потому что этот Быков такой мужик — у него немой может случайно проговориться на дурацком побочном вопросике — это Преснецов по себе почувствовал на допросе. А за ерундовым ответом потянется еще вопросик... Эх, если бы дело вел не Быков...

«Одному мне такое не сладить, — думал Федор под утро. — Но к кому с этим придешь? Помощник нужен такой, чтобы интерес у него был не менее острый. И чтобы был парень с головой. А почему парень? — вдруг спросил себя Преснецов. — Не обязательно! Тем более лучшего союзника, чем Лидка, мне все равно не найти».

Ехать к Киреевой он решил не откладывая. «Неделю» вез с собой, то и дело похлопывая себя по карману плаща, словно убеждаясь: не украли и не потерял.

От станции метро лесочком не пошел. Доехал остановку на автобусе. Смотрел сквозь пыльные автобусные окна на видневшиеся за домами верхушки елей и думал: «Где-то там...» — и жуть брала.

Лида не удивилась его раннему визиту. Хрипло сказала:

— Господи... Помянуть решил? А Витя тут... — Она судорожно всхлипнула. — Со мной... Вчера мне его отдали.

Преснецову стало не по себе. Но окончательно он понял, что сказала Лида, только зайдя в комнату. На столе стояла урна. А возле нее — пустая бутылка коньяка, две рюмки, в одной из которых был налит коньяк.

— Хочешь выпить? — спросила, доставая из серванта початую бутылку водки.

— Потом. Я пришел по делу, Лидочка, — сдержанно сказал Преснецов. — Вчера у меня был Валя Чесноков. И мы пришли с ним к выводу, что убийство Вити было организовано. И организовано этой шайкой, Пастуховыми.

Глаза Лидии расширились и почернели.

— Что ты несешь?.. — прошипела она.

— Сядь и слушай. И ты поймешь, насколько мы правы. Месяца полтора-два назад, когда Борис уже сидел, ко мне заходила его жена, Людмила. У ее сестры есть икона семнадцатого века, и Людмила, проведав о моем хобби коллекционера, предлагала ее мне. Я отказался.

Из соображений этики. Но почему вдруг Людмила решилась продать икону, которая в их семье переходила из рук в руки по наследству как единственная реальная ценность? — Он фантазировал вдохновенно. Чувствовал, Лидия ему верит. — Ну почему она решила продать эту реликвию, а?..

— Потому что деньги нужны, — пожала плечами Лидия. — Дураку ясно.

— Хорошо. Усложним условия задачки. Деньги явно были нужны, но не на жизнь. Людмила и работает, и в кафе неплохо подрабатывает. Эти деньги были нужны, чтобы дать взятку, взятку следователю! И она эту взятку дала. Вот тебе причина, по которой Пастухова освободили, а твоего мужа обвинили во всех смертных грехах. Ну а чтобы его невиновность не вскрылась, его попросту убили.

Лида откинулась на стуле и закрыла глаза. С сухих губ сорвалось:

— Я убью Люську...

— Дело не в Люське. Дело в полковнике Быкове. Он тебя допрашивал? Ну и как, видела, каков фрукт?

— Рассказал-то ты все красиво. Только мы ничего не докажем. Никто не подтвердит дачу взятки. Тем более улика против Виктора была. И уж я-то знаю, как все обстояло... — Она фыркнула презрительно. — Нашли они ту заветную балакинскую накладную. Леха, сволочь, ее собственными руками Быкову дал.

— А как же эта накладная у Лехи оказалась? — недоверчиво спросил Федор.

— Случайно. Виктор с ним расплачивался и впопыхах вместе с деньгами...

— Не говори глупости, Лида! — притворно возмутился Преснецов, суеверно покосившись на урну. — Я давно и хорошо знал Витю, знаю, как он был деловит и аккуратен. Не мог он так небрежно обойтись с документом! А вот эта шайка Пастуховых и могла дать накладную Лехе, я уверен, они дали и еще заплатили прилично. А такое сокровище, как Леха, за деньги все, что хочешь, сделает. А теперь вот нам с тобой нужно найти человека, который способен за деньги добровольно сесть в тюрьму.

— Феденька, это я с перепоя, а ведь ты — трезвый. Виктор виноват, и мы это знаем. Все. Точка. Пастуховы ни при чем, не думаю, чтобы...

— Ты меня слушай. Дачу взятки мы действительно не докажем, — резко перебил он Лидию. — Но мы обязаны реабилитировать Витю. Почему ты плохо думаешь о нем? Да как ты смеешь! Он чист, и доказать его чистоту — наш святой долг! — Федор указал на урну и увидел, что Лидия сейчас зайдется в рыданиях, поэтому поспешил снизить патетический тон и добавил буднично: — Нам нужно скомпрометировать Быкова. Следствие поведет другой человек, истина восторжествует... Ну хотя бы обелим Витю, и ты будешь спокойна за свое имущество... Его у тебя не конфискуют. Посмотри сюда, — он протянул Лиде «Неделю». — Вот как они ведут следствие. Вот их уровень. Дали фоторобот: опознавайте, граждане... Да под этот фоторобот кто хочешь подойдет!.. В общем, послушай меня, — и он раскрыл перед ней свой хитроумный план.

Лида молча взяла «Неделю», включила верхний свет, долго рассматривала снимок.

— Довольно стандартная внешность... — наконец сказала она. — И знаешь, у меня есть один знакомый. Только он запросит много.

— Пять тысяч за посадку, пять по освобождении... — сказал Преснецов. — Я вхожу в долю. И кроме того, я дам тебе в долг, пока с Витюшиных вкладов не снимут арест.

— Спасибо, — сказала Лида. — Но с тем человеком я буду говорить сама. И тебя с ним знакомить не стану.

— Как угодно, — быстро согласился Федор. — Мне, собственно, и не нужно...

— Учти, у этого человека есть стопроцентный повод свести с Киреевым счеты. — Холодный тон Лидии, то, как она назвала мужа по фамилии, потрясли Преснецова куда больше, чем ранее — испитое Лидино лицо и урна с прахом на обеденном столе. «Как он мог с ней жить?» — вдруг отрешенно подумал Федор.

Через день Преснецов, изменив на всякий случай голос, позвонил по указанному в «Неделе» телефонному номеру и сообщил, что человека в японской куртке он видел в воскресенье в Измайловском парке — этот человек продавал чеканку.

Лейтенант Сиволодский немедленно связался с кооперативом художников, устраивающим на Измайловских прудах выставки-продажи, и по регистрационному листу и описанию внешности установил, что в убийстве Кирее-

ва можно подозревать Ильина Сергея Михайловича, художника-любителя, лаборанта одного из заводов.

III

Следователь по особо важным делам полковник милиции Быков допрашивал этапированного из лагеря осужденного гражданина Треухова. Они были знакомы давно — следствие над «отцами» столичной торговли шло почти три года.

Быков помнил этого человека выхоленным и вылощенным, в костюме британской фирмы «Золотой лев» — кто бы мог подумать, что вот этот, с отросшей щетиной, тот самый Треухов.

Этапированный явно не понимал, к чему клонит следователь. Но он изучил Быкова неплохо и держался настороженно. Маленький крен — и дело может быть пересмотрено ввиду открытия «новых обстоятельств», как говорят юристы. А тогда... Двадцати пяти лет теперь не дают...

Леониду Аркадьевичу было и жутко, и любопытно: скорее бы полковник до главного дошел, прямо сказал, что еще собирается «подвесить». А эти обсуждения, почему он, Треухов, удовлетворял все ходатайства на получение автомобилей, если они подписывались Виктором Киреевым, — это разговор в пользу бедных.

— Вячеслав Иванович, — заговорил Треухов тем вкрадчивым голосом, которым давал понять директорам торгов, что без определенных отчислений с их стороны в его личный карман он им не даст возможности выполнить план (а что следует за невыполнением, они и сами знали), — все эти письма настолько обсосанный леденец, что, должно быть, не стоит им услаждаться. Мы с вами люди конкретные и деловые. Что вас интересует?

— Меня интересуют связи Киреева, все связи, — Быков выделил голосом последние два слова.

Треухов усмехнулся:

— Это не моя информация, и вы это знаете. Я встречался с Киреевым как с журналистом, не более того.

— У кого же были дела с Киреевым?

— Задайте этот вопрос ему.

— К сожалению, не могу. Он убит.

Лицо Треухова вытянулось. Он помолчал, потом спросил:

— Давно?

— Около двух недель назад.

— Печально...

— Да. Тем более он был убит накануне ареста. Однако инкриминировалось ему, как он мог думать, не слишком тяжкое обвинение. Можно предполагать, что Киреева убрали те, кто боялся каких-то куда более серьезных показаний с его стороны.

— В этом есть своя логика. И вы считаете, я смогу помочь вам?

— Я уверен в этом.

— Так-так... — Леонид Аркадьевич задумался. — Связи Киреева... С кем Киреев вел свои дела... Вы, конечно, догадываетесь, что за ходатайства, которые я подписывал, Киреев брал?

— И делился с вами.

— Сегодня это не слишком существенно, не так ли? Это признание моей судьбы уже не изменит. Да?

— В принципе, да.

— Вы человек с железной логикой. Как вы полагаете, только ли за деньги Киреев «делал» автомобили целому ряду лиц?

— Знаю, не только. И за некоторые услуги.

— Вам говорят что-либо имена — Балакин, Преснецов?

— Да. Балакин привлечен нами к ответственности. Ну а что вы скажете о Преснецове?

— Ничего. Я могу лишь выразить удивление, что я в тюрьме, другие люди, связанные со мной групповыми махинациями ради личного обогащения, в тюрьме, а этот средний, хотя и главный, инженер рядового хладокомбината на свободе. — Треухов сардонически улыбнулся. — Уже несколько лет нигде не работает, но живет, ни в чем себе не отказывая. Содержит жену-домохозяйку, коллекционирует антиквариат. Вам не кажется все это странным?

— Леонид Аркадьевич, следствие не располагало материалом против Преснецова. У меня этого материала нет.

— У меня тоже нет. И я думаю, этот-то материал и унес с собой в могилу наш общий знакомый Киреев.

— Тогда давайте вместе подумаем, что это мог быть за материал, какие общие дела могли найтись у журнали-

ста и, как вы говорите, заурядного главного инженера заурядного хладокомбината.

— Я не знаю. А в документах вы вряд ли что-либо отыщете. Скорее всего, Киреев был посредником. А вот между кем и кем... Не представляю. Могу посоветовать поинтересоваться конкретикой у Балакина. Это же одна компания. Преснецов, Балакин, Киреев... И учтите, Преснецов — очень ловкий человек.

— Какие отношения у вас были с хладокомбинатом?

— У меня? — Треухов искренне удивился. — Я по маленькой не играл. У хладокомбината были выходы на торги.

— Какие именно торги? Кто конкретно мог вступить в преступный сговор с руководством хладокомбината?

— Дайте подумать... В принципе, я назову вам фамилии мало интересные. Все эти люди там, откуда вы меня пригласили. Борисов, Харитонов, Шапочников. Кстати, запамятовал... К вопросу о связях покойного. Однажды по какому-то мелкому поводу Киреев попросил меня отрекомендовать его Борисову. Кажется, дело было связано с продовольственными заказами для редакции, где Киреев работал. Один район — удобно, наверное.

«В записной книжке Киреева значится фамилия — Борисов», — вспомнил Вячеслав Иванович.

— А с Шапочниковым и Харитоновым Киреев был знаком?

— Все мы в известном смысле и в известных пределах хорошо знали друг друга. Харитонов, Шапочников наверняка были заинтересованы в близком знакомстве с Виктором Николаевичем, помня, что он почти мой друг.

— Ну что ж, Леонид Аркадьевич, вы мне дали, так сказать, определенную информацию к размышлению.

Треухова увели.

«Придется этапировать Борисова, а возможно, Харитонова и Шапочникова тоже, — думал Быков. — Что они расскажут? Треухов считает, будто Преснецов тоже замешан в чем-то. Но либо не знает, в чем именно, либо не хочет говорить. Нужно поднять материалы работы ОБХСС на хладокомбинате. Это один путь к Преснецову. Другой путь — через Балакина. Но Балакин больше, чем махинации в совхозе «Зеленодолье», на себя не возьмет, нужно будет опять-таки доказывать его причастность к аферам на хладокомбинате. Видимо, было что-то очень крупное. Настолько крупное, что оно стоило человече-

ской жизни. А Киреев был осведомлен об этом «крупном» во всех тонкостях...»

И Вячеслав Иванович поехал в следственный изолятор допрашивать Балакина.

Тот уже спокойно ждал суда и вызовом на допрос был изрядно обескуражен. Первый же вопрос Быкова поверг Балакина в панику.

— Как прикрывал Киреев ваши с Преснецовым махинации на хладокомбинате?

«Как Киреев прикрывал операции с рыбой — это уже деталь, частность, — подумал Балакин. — Обычно деталями интересуются, когда известно главное».

— Не совсем понимаю...

— Между кем и вами посредничал Киреев и в чем?

«Все же Витька дал показания, Федя и Артем не успели вовремя...» — обреченно подумал Балакин и только грустно вздохнул. Быков понял — о гибели Киреева Балакин не знает.

— Вячеслав Иванович, вы, извините, хоть введите в курс дела, я не понимаю вас, — с испугом сказал Балакин.

— Какие документы проходили через бухгалтерию, то есть через вас, от бывших управляющих райторгами Борисова, Харитонова, Шапочникова?

— Обыкновенные документы, — пожал плечами Балакин.

— Каких продуктов они касались?

— Да всех, по номенклатуре. Ну что, к примеру? Мясо, рыба, колбасные изделия, копчености, консервы... У меня в бухгалтерии на холодильнике все было чисто, Вячеслав Иванович. У вас есть все документы, всех ревизий, — я на хладокомбинате закона не нарушал. В совхозе да, за то и отвечаю. А что касается хладокомбината, я не смотрел, что у них там в морозилки закладывается и куда потом вывозится, кому.

— Преснецов знал?

Балакин задумчиво пожевал губами:

— Преснецов — главный инженер. Для него важно, чтобы морозильник замораживал, не тек и не оттаивал. А что там, в морозильнике, какое дело Преснецову? Он и проходил свидетелем.

В это время Вячеслава Ивановича вызвали к телефону. Полковника просили срочно приехать в министерство.

Его ждал пунцовый от возбуждения Сиволодский. Го-

ворил лейтенант сбивчиво, что тоже было не в его правилах:

— Все, задержали мы этого Ильина. Легкое было задержание. Взяли его на тех же Измайловских прудах, опять торговал своей чеканкой. Показания давать отказывается. Алиби у него практически нет. Выяснили, что в день убийства Киреева он был в Измайлове, но то уходил, то приходил. Пригласили уже этого мальчика, Вадима Саблина, с учительницей. Мальчик опознал. Ильин отрицает все. И вообще отказывается давать показания мне. Извините, Вячеслав Иванович, он сказал, что я еще сопляк, чтобы убийство на честного человека вешать. Но самое потрясающее во всем этом, Вячеслав Иванович, что этот Ильин — первый муж, или второй, в общем, предыдущий муж Лидии Киреевой! Он же мог убить Киреева из элементарной ревности!

Вячеслав Иванович посмотрел на своего помощника долгим взглядом. Да, нелегко переварить такую информацию после всех его, полковника Быкова, построений. Он навертел целый Эверест одних только подходов к мотивам убийства Киреева, а это всего лишь маленький пригорок с самым древним мотивом — ревность... Сколько лет Киреевы были женаты? Шесть? Неужели Ильин так долго вынашивал свою месть?

— Миша, значит, так, — полковник собрался с мыслями. — Немедленно займись всеми контактами Ильина. Вызови Кирееву. Необходимо организовать очную ставку Ильина с Балакиным и Преснецовым — вдруг он из той же компании. Даже не очную ставку — опознание. А вообще... — Быков разочарованно покачал головой, — возникновение в следствии бывшего мужа Киреевой не укладывается в общую закономерность преступления. Да, еще одно. С бывшим мужем Киреевой, как подчеркивалось, фиктивным мужем, хорошо знаком Тимофеев — бывший подсобник в кафе. Его тоже пригласи.

IV

Сиволодский выполнил все указания Быкова с высокой степенью точности. Говоря с Киреевой и Тимофеевым, Сиволодский убеждался, что Ильин из тех, кто способен убить. Киреева туманно намекала, что Ильин был фактическим ее супругом, о фиктивности их брака ей пришлось говорить ради спокойствия ныне покойного

мужа. Ильин был, разумеется, оскорблен, что она ушла от него, молодого, красивого, бедного — к старому, изношенному, но богатому. Намекала — прямо, правда, не говоря, — что якобы Ильин не раз просил ее вернуться, считая Леночку своей дочкой.

Тимофеев показывал, что никогда не слышал о каких-то счетах Ильина с бывшей фиктивной женой, тем более с ее бывшим мужем. Ерничал по обыкновению. Верить в то, что приятель мог оказаться убийцей, естественно, не хотел, но однако высказал мысль, за которую Сиволодский было уцепился.

— А может, его наняли? Ну, кто нанял, не знаю и знать не могу! Но за хорошие деньги, особенно когда их хронически нет, чего не сделаешь?

— Кто же мог нанять Ильина, чтобы он убил Киреева? — спросил Сиволодский.

— Понятия не имею. Так, по здравому рассуждению, кроме Лидки, некому. А ей зачем?.. — Тимофеев потупился. — Вообще-то как кафе «Ветерок» на семейный подряд Пастуховых перешло, много разговоров ходить стало. И такой: вроде бы Виктор Николаевич под следствие попал, под арест и конфискацию. А Лида — девушка такая... Престиж для нее важней всего! Может, ей легче стать вдовой, чем женой ссыльнокаторжного?

Поразмыслив, Сиволодский отвел версию Тимофеева: «Нет и нет. Конечно, нравственность у Киреевой близка к нулевой, но до мужеубийства она все-таки не дошла. И потом... Они же не представляли, что инкриминируется Киреева. Они не знали, что мы вышли на связи Киреева с Треуховым и компанией. А это уже от восьми до пятнадцати строгого режима. Вот если бы такой расклад лежал перед Киреевой — тогда да, я мог бы принять версию Тимофеева. Однако Ильина могли нанять. Конечно, это заинтересует Вячеслава Ивановича. Но как же наниматели вышли именно на бывшего мужа Лидии? Через нее? Или у них обнаружился собственный подход к нему? Мог ли Ильин сделать это, как считает Киреева, из ревности? Вот в это я почему-то совсем не верю».

Ильин продолжал называть свидетелей, которые видели его в Измайлове. Этих свидетелей Сиволодский вызывал, и все они как один продолжали утверждать, что в тот день Ильин сидел то на одной аллее, то на другой. Возвращался, уходил. И так весь день.

— Мы теряем время, — пожаловался Сиволодский

Быкову. — А со мной Ильин разговаривает так вызывающе, что... Говорит, у меня молоко на губах не обсохло, можно подумать, он намного старше меня. А всего на два года.

— Ишь как тебя заело... Хорошо. Я сам допрошу его, коли он требует следователя постарше. Правда, хотел с ним встретиться, когда удастся кое-что подсобрать. Но ладно, мы люди не гордые.

«Какой-то он скользкий, заурядный, — думал Вячеслав Иванович, рассматривая Сергея Ильина, — не верится, что мог решиться на убийство. Убийство из ревности диктуется сильным чувством... Да и где это сильное чувство в нем жило все шесть лет после разрыва с Лидией? Тимофеев утверждал, что он профессиональный фиктивный муж, торгует площадью, дробя едва ли не до последних квадратных метров некогда большую. квартиру родителей. Разве такой циник может любить столь страстно?»

— ...Прошло шесть лет, а вы все помнили Лидию?

— Что делать!..

— За эти шесть лет вы женились еще трижды.

— То не жены, то клиентки. Другое дело — Лидия. Она — бриллиант, достойный дорогой оправы, которой я ей дать не мог... Киреев смог. И я эту обиду не забуду никогда. Лида не хотела ждать, пока я окрепну материально. Он заморочил ей голову настолько, что она сумела подавить в себе даже инстинкт материнства. Леночка — моя дочь. Киреев лишил меня не только любимой женщины, но и ребенка!

Ильин умолк, выжидательно глядя на полковника.

— Ну и?.. — сделав паузу, спросил Быков. Не нравилась ему эта откровенная готовность к признанию — инстинктивно не нравилась.

— Да как вам сказать... Тот мальчик, который меня допрашивал... Ну разве бы он понял?.. Это произошло в состоянии аффекта. Дело в том, что я увидел Лену, нашу с Лидией дочь. Она так поразительно похожа на меня... — Он закрыл лицо руками.

«Актерствует, — отметил Вячеслав Иванович. — И потом, где и когда он мог ее увидеть?»

— Я видел Лену за неделю до встречи с Киреевым. До последней встречи... — Он вдруг осекся. — Вот видите, я почти признался, — и улыбнулся беспомощно.

Быков сдержался, будто не придал его словам значения.

— Продолжайте, Ильин, и пожалуйста, подробнее.

— Все это связалось в какой-то ужасный клубок... — Следователь видел, как допрашиваемый напрягся. — Я случайно оказался на улице Алых Роз. Хотя зарекся бывать там, где могу встретить их всех. Это больно. И вдруг встретил Лиду. Это было порядочно тому назад. Мы поговорили, она мне предложила работу в кафе ее мужа, посулив неплохие доходы. Но не настолько же низко я пал!.. Я рекомендовал ей Тимофеева. О чем сожалею. Вы эту историю, конечно, знаете, Тимофеев ввел меня в курс дела. Получилось, я крайне подвел его. И сам мог оказаться на его месте. Впрочем, уж лучше быть на его месте, чем на моем нынешнем. — Он опять горько улыбнулся обреченной улыбкой. — После той встречи с Лидой я словно заболел. Я искал любой предлог, чтобы увидеть ее снова. Я звонил ей по телефону и слушал ее голос. Это было истинным безумием. А вы говорите — шесть лет!..

«Звучит все убедительно, — думал Быков. — И про Тимофеева правда. Но почему так спокойно раскрывается передо мной? Доверяет? Да он видит меня первый раз... Странно».

— ...Когда я услышал, как мой ребенок называет этого дядю, по возрасту годящегося ей в дедушки, «папой», во мне все перевернулось. Потом, очевидно, этот человек обидел Лидию. Потому что я узнал: он опять живет со своей прежней женой, живет под одной крышей.

Быков перебил его:

— Откуда вам это стало известно?

— Я наблюдал за домами сестер Киреева и той его жены, которую он бросил ради Лиды. Справочная не спрашивает цели запроса, просто дает адрес. Всем своим женам Киреев дарил свою фамилию.

«Еще одно доказательство его правдивости, — отметил Вячеслав Иванович. — Даже Лидия Киреева не знала, где скрывается ее муж. А он действительно жил у своей предыдущей супруги. И узнать это Ильин мог, лишь выследив Киреева. Но ведь Ильину, если его нанимали, могли и подсказать адресок? Кто? Преснецов? Сомнительно... Он вообще не знал, что Киреев скрывается. Не знал — с его слов... А мог знать».

— Вы хотите сказать, что действовали обдуманно? Заранее планировали свои шаги?

— Нет, — быстро ответил Ильин. — Обдуманного шага не было. Я выслеживал его, чтобы поговорить. Я хотел... Это, конечно, не слишком красиво, но ведь и Лида, и девочка привыкли к достатку. И я хотел договориться с Киреевым, коль уж он все равно ушел от них, вернулся к прежней пассии или жене, не знаю, пусть он платит алименты, он же считает ребенка своим, пусть Лида работает у него в кафе, а живут мои близкие пусть все-таки со мной. Ну, насчет компенсации за эти шесть лет тоже сказал.

«Вот это да! Ну и подонок... — удивился Быков. — Впрочем, подход деловой, более чем деловой, и вполне в характере и образе брачного афериста, торговца жилплощадью, куда больше, чем все рваные любовно-ревнючие страсти-мордасти. И действительно похоже на правду».

— Ну и как, Киреев согласился с вашим предложением? Он хотя бы выслушал вас?

— Да, и представьте, влепил пощечину. — Сергей Ильин закряхтел.

— Как же поступили вы?

— Неприятно, но повторяю, они привыкли к достатку. И тут я ему сказал: если он не согласится, я пойду в компетентные органы и расскажу, что Тимофеев спекулировал на заднем дворе «Ветерка» водкой не с целью личной наживы, а обогащая господина Киреева.

— К этому моменту компетентные органы уже были в курсе дела на этот счет.

— Этого я, естественно, не знал. Однако Киреев снова ударил меня. Короче, мы подрались...

Быков много раз встречался с убийцами. Но ни один из них не вспоминал о преступлении с такой отстраненностью. Ильин словно фильм пересказывал.

— Я утратил над собой контроль в тот момент... Потом какая-то веревка... Скорее всего, оказалась в кармане куртки. Почему, откуда — не помню. Я набросил эту веревку ему на шею и...

— Экспертиза не обнаружила следов борьбы, — сказал Вячеслав Иванович, пристально глядя в лицо Ильина — оно не было взбудоражено страшными воспоминаниями, скорее, на нем отражалось лишь беспокойство, в точности ли он все воспроизвел, не забыл ли чего — или это только казалось Быкову? — Экспертиза утвержда-

ет, — продолжал полковник, — что Киреева нагнали, возможно, он бежал, и тут ему на шею была наброшена петля. Все произошло очень быстро. Вы никогда не были в Средней Азии?

— Нет.

— В армии служили где?

— Во Владимирской области. Какое это имеет сейчас значение? Я не знаю, что там экспертиза могла установить. Я рассказываю, как было.

— Зачем вы вывернули свою куртку на другую сторону и когда?

— Я вывернул куртку, потому что она была грязная, в земле. И сделал это не сразу, а только подходя к метро. Я уже начал приходить в себя, увидел милиционера, опомнился... И вывернул куртку.

— Но мальчик, гулявший с собакой, увидел вас в лесу именно в желтой, а потом в голубой куртке.

— Может быть, я вывернул ее в лесу. Не помню... Учтите, в каком я был психическом состоянии — вспомнить жутко.

— По вам не скажешь. Вы довольно бойко вспоминаете.

— Я хочу, чтобы добровольное признание облегчило мне участь.

— Почему же вы не признались у первого следователя?

— Не смог. Психологически еще не подготовился.

— Ну что ж... — со вздохом проговорил Быков, — пишите показания.

«В чем-то он правдив, иногда явно лжет, — думал Вячеслав Иванович, глядя, как споро строчит Сергей Ильин свое признание в тягчайшем преступлении — обдуманном убийстве, слабо камуфлируя его состоянием аффекта — в это Быков и вовсе не верил. — Какие-то пробелы есть в его рассказе: например, он утверждает, что следил за квартирами сестер Киреева, за домом его бывшей супруги, а нашел своего противника на улице Даргомыжского, где тот был прописан, но не жил. Предположим, он просто имел в виду, что наблюдал и за местом прописки Киреева. Но как он все успевал? Или он «вел» Киреева от квартиры, где тот жил, до улицы Даргомыжского? Когда же в таком случае он успел побывать в Измайлове, где его то ли видели, то ли нет?.. Забежал отметиться для алиби? Тогда налицо обдуманность. И никакого аф-

фекта. Гм... — И верил, и не верил Быков в признание Ильина. — Откуда эта двойственность? От попытки объяснить свое преступление? Удивительная случайность: убийство из ревности накануне ареста. Пусть так, пусть я с натяжкой приму эту версию. Но в таком случае я не могу отказаться и от другой версии: этого милого друга наняли. Кто? Если танцевать от показаний Треухова, то получается, наняли те, кто так или иначе был замешан в темных аферах на хладокомбинате. Из них на свободе остался только Преснецов, компромат на которого унес в могилу именно Киреев...

Значит, это было выгодно Преснецову — внезапная смерть Киреева, к тому же так удачно замотивированная? А как это можно доказать? Только найдя мостик от Преснецова к Ильину. А мостик вот он, близко — Лидия Сергеевна. Но чудовищно предположить, что Преснецов мог прийти к ней с просьбой найти платного убийцу для ее же мужа! А если он, то есть Преснецов, пришел и сказал ей: твой дорогой благоверный скрывается от закона у бывшей жены? Нет, такими «ударами» Киреева не проймешь. Но другого «мостика» у Преснецова к Ильину нет. Короче говоря, все старые вопросы остаются. Какой компромат на Преснецова унес в могилу Киреев? Был ли вообще этот компромат? Каким материалом располагал Киреев, за который его могли убить? Убить, возможно, руками этого мерзавца, заранее подсчитавшего, сколько ему дадут за так называемое добровольное признание... Жизненку не отнимут, главное, и он еще сумеет воспользоваться деньгами...»

— Слушайте, Ильин, а сколько вам заплатил Преснецов?..

— За что? Кто это? — Сергей Ильин невозмутимо поднял голову от стола, над которым склонился, тщательно выводя строчки. — Кто такой Преснецов? Мужчины мне платят только за чеканку. Но их фамилий я не спрашиваю.

V

Чесноков зашел к редактору просто так. Пообщаться. Должность обозревателя — прекрасная должность. Ты обязан обозревать. Вести тему, ну, две темы. Пребывать в размышлениях. Короче — обозревать.

Обычно Валентин приезжал в редакцию около двена-

дцати. Считалось, что утро он проводит в «кулуарах» — так он называл места, где, по его мнению, можно собрать «настоящую» информацию. Наивные девочки, которые работали в отделе писем, полагали, что Валентин Борисович бывает в пресс-центре МИДа, в МВД, в Агропроме, в пресс-бюро, в АПН и ТАСС, у издателей, в министерствах и ведомствах, где обменивается информацией, слушает, рассказывает, «проводит линию» — это вообще было его любимым выражением: «Я проводил там линию нашего издания». Иногда заявлял более веско: «Пришлось отстаивать линию нашего издания».

На самом деле по утрам Чесноков просто спал. Он любил поспать утром, потому что с младых журналистских лет привык писать ночью, под кофеек; после тридцати стал в кофеек доливать коньячок, потому что кофеин уже не бодрил. Кроме того, он заметил: парадоксы, пафос борьбы, контрасты сопоставлений — все, как ему казалось, самое актуальное, рождалось в его голове под кофеек с коньяком.

Некоторые относились к творчеству Валентина Чеснокова скептически, но ведь это, он был убежден, от зависти. Макин его ценил. Потому что Макин понимал толк в скандальной популярности. Сам себе в свое время на этом имя сделал. По той же причине Макин любил и Витю Киреева, покойника. Правда, Витя был осторожнее Чеснокова, сдержаннее, отсюда и не было у него таких «выходов», поэтому, видимо, и погорел.

Макин читал верстку. Мельком посмотрел на Чеснокова сквозь круглые старомодные очки.

Валентин вздохнул, располагаясь в удобном кресле.

— Вам хочется песен, их нет у меня, — ответил на взгляд редактора. — Не могу писать. Совершенно выбит из колеи. Мало того, что Виктор Киреев, наш товарищ, оклеветан, оболган, представлен вором и взяточником, убит наконец, — у этих доморощенных пинкертонов еще хватает наглости терроризировать его вдову!

Макин снял очки, недоуменно посмотрел на Чеснокова, покусал дужку.

— Я разговаривал с Лидией Сергеевной дня четыре назад, но ничего подобного... Она не жаловалась. Позволь, Валя... Так в чем дело?

— А все дело в том, что подозрение падало на двоих: на Виктора и Пастухова. Совершенно справедливо сажают Пастухова, потому что этой бумажной и бухгалтер-

ской белибердой занимался в кафе он. Виктор — это менеджер, а не счетовод и не заготовитель, не коммивояжер, это все знали. Потом вдруг Пастухов оказывается чист, а Киреев грязен. И накануне ареста погибает. Каково?.. — Чесноков выжидательно посмотрел на Макина. Тот опять пожевал дужку очков. — Я все утро провел сегодня там, — Валентин нервно дернул головой. — Совершенно очевидно, что следователь, ведущий дело, некто Быков, полковник по званию, загреб взятку. Клан Пастуховых мог дать очень неплохую сумму. Быков, между прочим, — старый работник министерства, взят туда был еще при том руководстве, которое совершенно скомпрометировало себя и едва не скомпрометировало всю нашу систему правоохранения, да, слава богу, было вовремя отстранено здоровыми силами. Так что практика взятки, видимо, глубоко укоренилась в сознании полковника. Притом взятки безнаказанной!

— Ну и что? — вяло сказал Макин. — У тебя есть доказательства?

— Нет пока.

— Все равно, — Макин зевнул. — Мы не будем давать в ближайшее время такой материал. Нельзя все время все подряд хаять. Отдохни.

— Но... — Чесноков негодующе сдвинул белесые брови. — Как ты не понимаешь, речь идет о чести и достоинстве нашего товарища! А в определенных кругах считают, что Быков, уничтожая Киреева, целенаправленно компрометировал кооператорское движение. — Он понизил голос. — Это же явление какого порядка? Это же явное сопротивление перестройке...

Макин уныло посмотрел на своего ведущего обозревателя. Валю явно «несло».

— Перестройка, Валечка, не на кооперации стоит, — поучающе сказал Макин. — Кооперация — это лишь дополнительное привлечение в народное хозяйство материальных средств и людских ресурсов из числа незанятых или частично занятых. До-пол-ни-тель-ных! И ты это прекрасно знаешь. Так что там у Лидии? Она что, нуждается в нашей защите?

— Вот так бы сразу. — Чесноков перевел дыхание. — Дело в том, что по подозрению в убийстве Виктора арестован бывший муж Лиды. Это такой нонсенс — его просто невозможно комментировать! Совершенно очевидно:

парень ни при чем! Конечно, секрет этих манипуляций в том, что Быков спешит закрыть дело.

— Валя, — сухо проговорил Макин, — ты, видимо, не полностью в курсе дела, а я наводил справки. Виктор действительно запутался.

— Ты никак не хочешь дослушать меня! — возмутился Чесноков. — Сфабрикованы показания этого самого бывшего мужа, якобы он совершил убийство из ревности. Там дело дошло до такой грязи, такой пошлости! Якобы Леночка дочь вовсе не Вити, а этого оборванца! Ты представляешь, с какой грязью они смешивают несчастную Лиду?

— М-да... А почему ты считаешь, что показания сфабрикованы? — насторожился Макин.

— Да потому, что Ильин — это муж Лиды, да, но они состояли в фиктивном, а не фактическом браке, была нужна Москва, это же так понятно, — так вот, Ильин просто не мог дать таких показаний. А раз он их дал, значит, дал под давлением. Тебе не надо объяснять, что это было за давление?

— М-да... — сказал Макин, раздумывая, ввязываться в разоблачительную сенсацию сразу или подождать, пока ее контуры станут более очевидными. — Но история запутанная... Слишком мутна для печатного изложения. Давай-ка лучше про доблести и славу. Поезжай в колхоз, совхоз, расскажи о подготовке к зиме. Покажи на этой подготовке сущность преобразований, которые стали возможны благодаря изменениям...

— Ага, куры понеслись золотыми яйцами, огурцы зацвели в сентябре, — зло огрызнулся Чесноков — он терпеть не мог писать на сельхозтематику. — Я не оставлю Лиду и память Виктора в беде! Даже если ты уволишь меня за административное неподчинение...

— И ты потащишь меня на профком. Слуга покорный. Да ну тебя, делай, что хочешь... Только осторожно.

— Напиши мне отношение, я хочу якобы для сбора материала к Дню милиции ознакомиться с последними делами, которые расследовал Быков. Уверен, что для него характерно стилевое единообразие. И я докажу... Напиши отношение.

— Сам пиши, я подмахну, — Макин было опустил голову к листам верстки будущего номера, но вдруг снова поднял и спросил: — Скажи, Валя, а зачем тебе все это нужно? Именно тебе зачем?

«Как это раньше мне никогда не приходило в голову? — подумал редактор. — У него просто темперамент пирата какого-то! Или я ощущал это подспудно? И поэтому всегда шел у него на поводу? Чтобы он, упаси бог, не затронул меня? Сколько мне до пенсии? Два года? Ну, два года я его еще выдержу».

О Киреева и его вдове Макин больше не думал.

VI

В прокуратуре дело Ильина вела следователь Анищенко. Быков знал о ней только, что на этом месте она работает недавно.

— Вот, — сказал Вячеслав Иванович, передавая Анищенко документы, — будем считать, Вера Федоровна, что мы со своей стороны неотложные следственные действия произвели. Подозреваемый целиком признал свою вину. Однако здесь вы увидите определенные разночтения между показаниями подозреваемого и данными судебно-медицинской экспертизы, некоторые алогизмы в показаниях Ильина. От себя добавлю: не кажется мне убедительным сам мотив преступления, как его подает Ильин. И признание оказалось слишком уж скорым. Поэтому ставлю вас в известность: я считаю необходимым продолжить наши оперативно-розыскные действия. Поэтому сегодня ночью вылетаю в Астрахань. Замещать меня на время моего отсутствия будет майор Левченко Валентина Михайловна, рекомендую, а также лейтенант Сиволодский Михаил Игоревич.

Анищенко слушала внимательно, кивала, правда, чуть нахмурилась, когда полковник сказал, что не считает розыск законченным, а доказанность преступления — убедительной, но смолчала. И только после того, как Вячеслав Иванович высказался до конца, сухо произнесла:

— Ну что ж, товарищ Быков, будем работать.

Окончание на стр. 161

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

УДАРНАЯ БРИГАДА

ПРЕТВОРЯЯ в жизнь Программу партии, XIV съезд ВКП(б) дал установку настойчиво осуществлять ленинский курс социалистической индустриализации. «Съезд считает,— отмечалось в резолюции,— что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии».

Еще не был разработан и не поднял людей на невиданный трудовой подвиг первый пятилетний план, но страна жила планами, которые ежегодно разрабатывались исходя из заданий и перспектив плана ГОЭЛРО. В этом плане подчеркивалось, что единственный путь для выхода из хозяйственной разрухи — это подъем в возможно короткий срок производительности труда при расходе минимума материальных ресурсов. План ГОЭЛРО, рассчитанный на 10 лет, был осуществлен досрочно.

Комсомол стал бойцом трудового фронта. И вот новые тяготы, теперь уже не военные, брала на себя наша молодежь. Тут, кроме крепких рук, нужны были воля и страсть, смелость и мужество — те самые большевистские качества, без которых немыслима победа. Но именно эти качества и воспитывала в комсомольцах партия, зная, что молодым предстоит завершать начатое их отцами, что вся задача жизни молодого поколения есть строительство коммунистического общества.

Еще не раз и не одно поколение будет пристально всматриваться в те далекие годы, чтобы больше узнать о замечательных делах, прославивших комсомолию. Многое дошло до нас в скупых протокольных записях, хранящихся в архивах, в заметках комсомольских газет, пожелтевших от времени, и еще предстоит в дополнение к сделанному создать яркие полотна, прославляющие подвиг наших старших товарищей. Им было трудно, потому что тяжел был сам труд. В их руках были топор да пила, лопата да тачка... Но,

странное дело, орудия тех далеких лет, хранящиеся в музеях, вызывают у нас, сегодняшних, не улыбку, а почтительное уважение, как буденовская тачанка или простенький револьвер дружинника пятого года...

Первый год первой пятилетки ознаменовался зарождением могучего движения, захватившего миллионы и миллионы тружеников страны. Именно к этому времени относится появление многих добрых починов. Ударные бригады, конкурсы, производственные переклички, «кавалерийские рейды» — все это рождалось повсеместно и, какие бы формы сообразно конкретным условиям и обстановке ни принимало на заводах и стройках, преследовало одну общую цель — сплотить всю молодежь в дружной совместной работе, установить строгую трудовую дисциплину, бить по бесхозяйственности и рвачеству, лучше, на научной основе, организовать труд, сделать его более интенсивным и производительным.

20 января 1929 года газета «Правда» опубликовала статью В. И. Ленина «Как организовать соревнование?». 26 января «Комсомольская правда» обратилась ко всей советской молодежи с призывом начать Всесоюзное социалистическое соревнование.

«Всесоюзное соревнование комсомола должно повести массы рабочей молодежи В ДЛИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ против прогулов, брака, лодырничества, против хозяйственного расточительства, против всего, что служит барьером, мешает снижению себестоимости...

Соревнование, построенное НА ОСНОВЕ РАЗВЕРНУТОГО ДОБРОВОЛЬНИЧЕСТВА, ИНИЦИАТИВЫ В МАССАХ, должно суммировать все производственные начинания молодежи. Оно должно сделать эти начинания достоянием каждой организации...»

IX съезд ВЛКСМ объявил весь комсомол ударной бригадой первой пятилетки.

Разворачивалась творческая инициатива молодежи. Начался большой поход комсомола за досрочное выполнение заданий пятилет-

СТРАНИЧКИ КОМСОМОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ

СООРУЖЕНИЕ Днепровской гидроэлектростанции — одна из славных, героических страниц в истории комсомола. В марте 1927 года юноши и девушки приехали на берега Днепра и начали сооружение крупнейшей в стране ГЭС. Героический труд молодежи получил высокую оценку: комсомольская организация Днепростроя была награждена орденом Ленина.

КОМСОМОЛЬЦЫ принимали активное участие в создании машинно-тракторных станций, сыгравших исключительную роль в социалистическом преобразовании деревни. Первая МТС была организована в 1928 году при совхозе имени Шевченко в Одесской области. Через год в стране было 102, а в 1932 году — 2446 МТС. Изучив трактор и другие сельскохозяйственные машины, комсомольцы составили основной костяк сельских механизаторов.

МАСТЕР Ленинградского завода имени Егорова комсомолец Куренков написал письмо комсомольцам заводов, поставляющих сырье «егоровцам». По поручению коллектива молодых рабочих Куренков требовал поставки высококачественного сырья. Примерно в то же время комсомольцы одного из башкирских нефтеперегонных заводов возвратили негодные детали, полученные с заводов «Армтреста», и также потребовали улучшения качества продукции. Так в ноябре 1928 года началась первая Всесоюзная производственная перекличка комсомольцев.

ки, успешное построение фундамента социалистической экономики. Участвуя в борьбе за построение социализма, миллионы молодых рабочих и крестьян учились новому, коммунистическому отношению к труду.

На громадных просторах страны возникали невиданные по размерам строительные площадки. Их было много — и в глубине России, и на окраинах страны, в советских республиках, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе и Урале... Поднимались корпуса заводов и комбинатов, сооружались рудники, шахты, электростанции, железные магистрали. Они должны были дать чугун и сталь, уголь и руду, тракторы и автомашины, калийную соль и каучук — дать все, в чем остро нуждалась страна.

Было нелегко, многого не хватало — одежды, обуви, жилья, продуктов. И техники на строительные площадки поступало до обидного мало, и ждать ее было неоткуда: в условиях враждебного окружения нельзя было рассчитывать на милость закордонных толстосумов. И народ, следовавший призывам партии, твердо веривший в победу социализма и более всего желавший приблизить время этой победы, шел на лишения и жертвы, не щадил себя, уверенный, что будущее принесет ему благополучие, и проявлял чудеса трудового героизма.

Свидетель и участник сооружения Сталинградского тракторного завода вспоминает: «Стройка была охвачена массовым трудовым подъемом. Все работали по 12—14 часов в сутки, отказывались от выходных дней. Многие, особенно комсомольцы и молодежь, перекрывали установленные нормы выработки в 2—3 раза... Как-то один из американских инженеров, привыкший к скоростным темпам строительства, глядя на отличную работу бригады Михаила Бердикова, спросил:

— Кто эти молодые люди?

Ему ответили:

— Комсомольцы.

СТРАНИЧКИ КОМСОМОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ —

В КОНЦЕ 1928 года комсомол объявил культурный поход. Это был новый тип работы, он показал пути, которыми в пролетарском государстве следует разрешать сложные задачи культурной революции. Основной целью культурного похода являлись ликвидация неграмотности, борьба с пьянством и грязью, преодоление мещанской идеологии и домостроевских нравов. Комсомольские организации вели практическую организаторскую работу в массах, создавали общественные кухни, столовые, прачечные, детские комнаты и ясли, общественные бани и красные уголки.

В ПЕРВЫЙ год пятилетки родились отряды «легкой кавалерии». Началось движение, небывалое по своему размаху, по активному участию в нем молодежи. Охватив всю страну, все заводы, фабрики, стройки, оно обрело форму общественного контроля снизу, стало острым оружием критики и самокритики.

ВЕСНОЙ 1929 года возникло движение за создание комсомольских тракторных колонн. Во всех городах проводились молодежные субботники; заработанные деньги шли на приобретение машин. Комсомольцы собрали около миллиона рублей, и в начале июня местные организации направили заявку на покупку трехсот тракторов. Началось создание семи тракторных колонн: на Северном Кавказе, в Сибири и Казахстане, на Средней и Нижней Волге, в Центрально-Черноземной области и на Украине.

— Я не знаю, кто такие комсомольцы, но они мне нравятся,— сказал американец.— Такое впечатление, будто они строят свой дом. Такому рвению можно только позавидовать.

Да, именно в этом и был «секрет» успехов строителей Тракторостроя. Плохо одетые и плохо устроенные в своих бараках, люди жили одним стремлением, одной мечтой: построить завод советских тракторов».

В рабочих массах родился — и для миллионов тружеников стал ведущим ориентиром — крылатый лозунг: «Пятилетку — в четыре года!». Шла борьба за большевистские темпы строительства. Забил тот «непочатой родник», о котором упоминал Ленин в знаменитой статье о соревновании.

Сливались воедино смелый почин и энергия размаха... Рабочие ленинградского завода имени Карла Маркса выдвинули встречный промфинплан — и началось движение, захватившее большинство заводов и фабрик. Так родился прославленный песней ВСТРЕЧНЫЙ, положивший начало коллективным формам социалистического соревнования. Их молодые земляки на заводе «Светлана» создали бригады ДИП. «Догнать и перегнать!» — под таким лозунгом они вели борьбу за создание станков, превосходящих лучшие мировые образцы. Молодые шахтеры Донбасса стали авторами «общественного буксира» — шефство опытных рабочих над отстающими...

На IX съезде ВЛКСМ комсомолу был вручен орден Трудового Красного Знамени. Это была правительственная награда за проявленную инициативу в деле ударничества и социалистического соревнования, обеспечивающих успешное выполнение пятилетнего плана развития народного хозяйства страны.

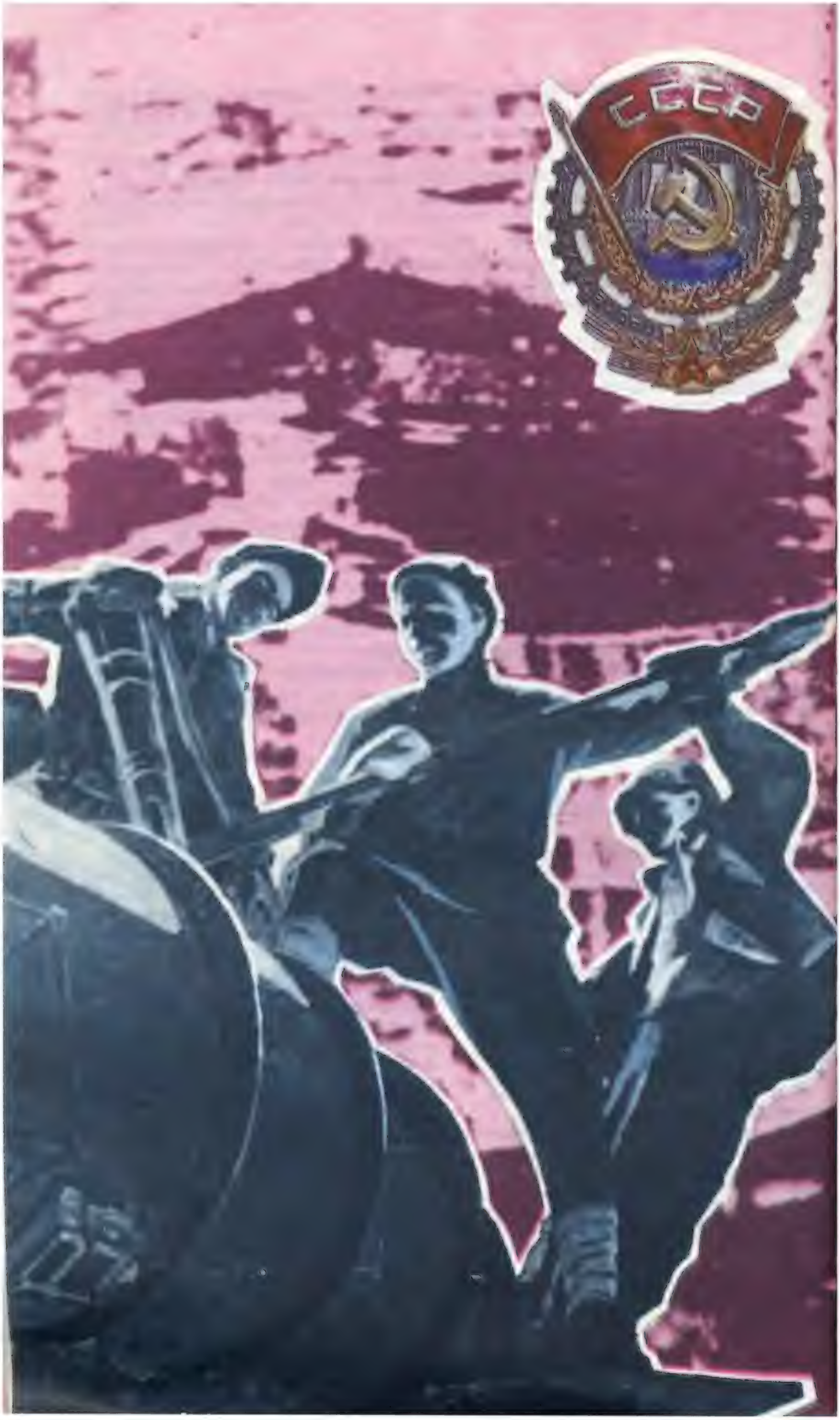
Успехи индустриализации обеспечили солидную и прочную базу для социалистической перестройки сельского хозяйства. Успешно проходила коллективизация — это был коренной перелом, глубочайший революционный переворот в земледелии.

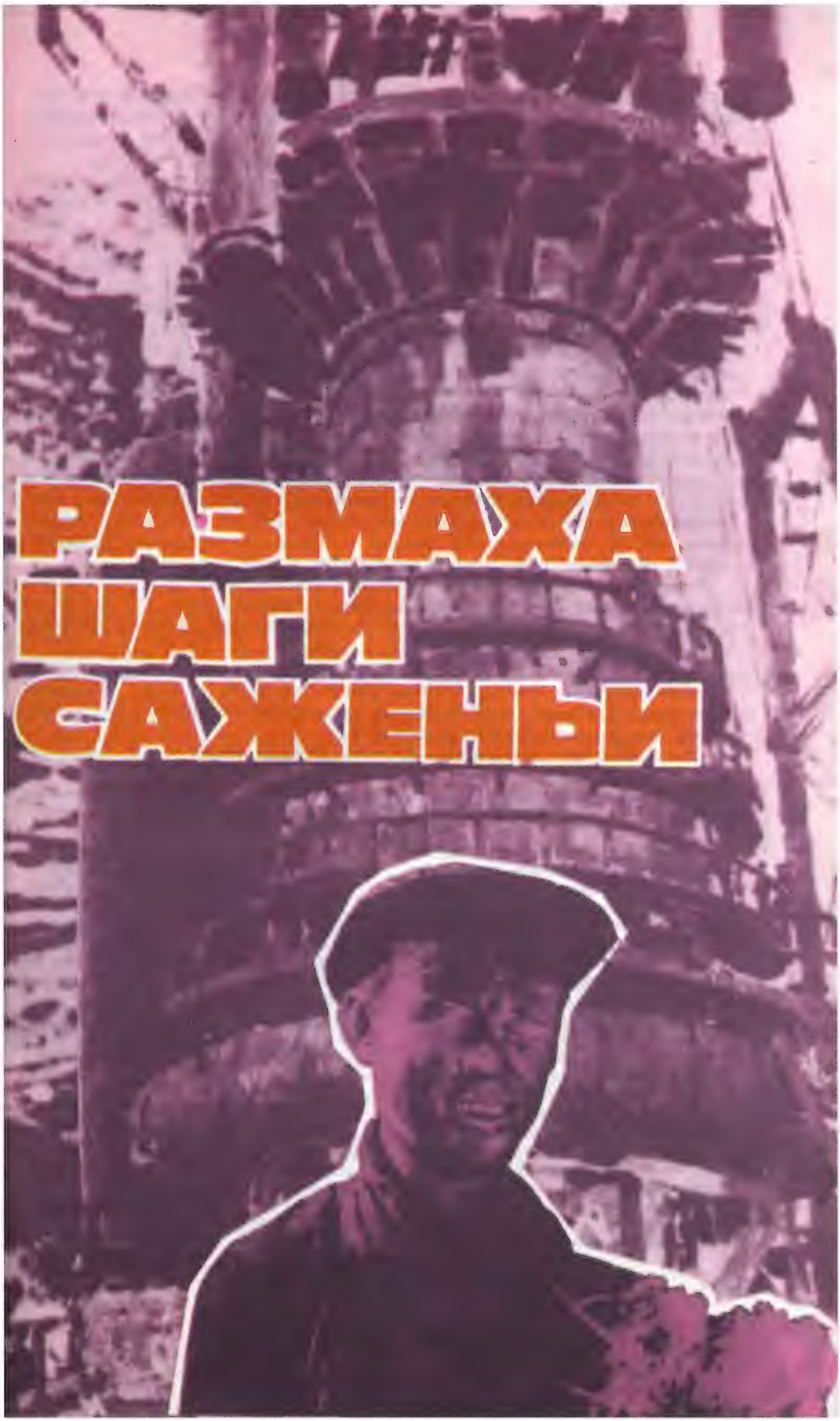
В решениях XVI съезда партии отмечалось: «Если конфискация

В 1929 И 1930 годах комсомол провел два массовых похода за урожай и коллективизацию сельского хозяйства. Силами комсомольцев в 1929 году было создано более 5 тысяч колхозов. Весной 1930 года на полях работало около 600 тысяч комсомольцев. В числе 25 тысяч передовых рабочих, направленных партией на руководящую работу в колхозы, было немало посланцев комсомола. Они полностью оправдали доверие партии и комсомола.

В ЯНВАРЕ 1930 года прошел «набор индустриализации». Так назвали дополнительный набор 57 тысяч подростков в школы фабрично-заводского ученичества. Активное участие в проведении «набора» принял комсомол. Это было важным мероприятием в решении проблемы подготовки квалифицированных кадров.

МАГНИТОГОРСКИЕ комсомольцы решили построить крупнейшую в мире доменную печь своими силами. О том, с какой самоотверженностью, с каким энтузиазмом работала молодежь на сооружении этой комсомольской, второй по счету, доменной печи Магнитки, дает представление такой пример. 23 мая 1931 года в обеденный перерыв на производственном совещании ударник Курбангалаев, строивший комсомольскую печь, предложил догнать и перегнать строителей первой печи. Предложение приняли единогласно, хотя предстояло решить невероятно трудную задачу: на первой шла сборка двенадцатого яруса, на второй — лишь пятого...


СССР


РАЗМАХА
ШАГИ
САЖЕНЬИ

земель у помещиков была первым шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является *вторым* и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР».

В ходе выполнения первой пятилетки судьбу сельского хозяйства стали определять не единоличные крестьянские хозяйства, а десятки тысяч колхозов и совхозов. Колхозное крестьянство стало действительной и прочной основой Советской власти.

В январе 1933 года страну облетела радостная весть: первая пятилетка выполнена досрочно — за четыре года и три месяца. Значит, не напрасными были титанические усилия советского народа, и самоотверженный труд принес свои прекрасные плоды! Мы построили фундамент социализма. Рабочий класс и трудовое крестьянство Страны Советов показали всему миру — и в этом величайшее международное значение итогов первой пятилетки! — что они с успехом могут обходиться без помещиков, капиталистов и кулаков, создавать своими силами социалистический строй — тот новый, передовой строй, который не знает кризисов и безработицы, который обеспечивает трудящимся непрерывное повышение благосостояния.

XVII съезд ВКП(б) утвердил резолюцию о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства страны. Вторая пятилетка открывала новый исторический период — период завершения социалистической перестройки всего народного хозяйства.

В работе «Великий почин» Ленин указывал:

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединенных, использующих передовую технику, рабочих...

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов...»

Эти ленинские положения находили выражение в реальных де-

Через неделю, в ночь на 2 июня, строители комсомольской домны одержали победу. Они догнали монтажников первого агрегата. Ровно через год комсомольская домна дала чугун!

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ преобразования на селе проходили в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Кулачество оказывало бешеное сопротивление политике партии. Кулаки поджигали дома колхозников и избы-читальни, пускали в ход обрезы. В Липецкой области один из колхозов носит имя Валентина Скороходова. Комсомолец, организатор этой сельскохозяйственной артели, погиб от кулацкой пули. Бессмертен подвиг молодой трактористки Анзуры Джураевой. Бросив вызов вековым обычаям, она первой села за руль трактора. Басмачи сожгли юную героиню, но своим подвигом она осветила путь к счастью тысячам других девушек. «Комсомольская правда» писала в те годы: «Можно одного комсомольца превратить в огненный факел, но для всех не хватит огня... Другим огнем горит наш Союз: огнем энтузиазма пылает комсомол, строя новые гигантские колхозы, наступая на классового врага».

В 1935 ГОДУ родилось могучее движение новаторов за высокую производительность труда. Родиной нового движения стал комсомольский участок шахты «Центральная-Ирмино». В канун Международного юношеского дня — 31 августа 1935 года — молодой

лах. Успешное освоение новой техники в условиях социалистического производства предопределяло достижение высокой производительности труда.

В стране возникло стахановское движение, главным двигательным мотивом которого стало достижение высоких трудовых показателей, умножение богатства Родины, повышение благосостояния народа.

По инициативе комсомола широкое распространение на всех предприятиях промышленности, транспорта и в сельском хозяйстве получил общественно-политический экзамен как массовая форма социалистического соревнования за овладение техническими знаниями и навыками, за освоение оборудования и технологических процессов. Проверку технических знаний молодежи проводили квалифицированные комиссии — в технических кабинетах, красных уголках либо непосредственно на рабочих местах. Вся техническая учеба была организована так, чтобы каждый комсомолец получил в дальнейшем среднее техническое образование.

В декабре 1936 года состоялся Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов. Съезд принял новую Конституцию СССР, в которой законодательно были закреплены глубокие изменения в жизни Советского Союза, решающие успехи социализма в экономике страны, ее общественном строе.

Вторая пятилетка была также выполнена досрочно — к 1 апреля 1937 года, за четыре года и три месяца. В стране утвердились социалистические производственные отношения во всех отраслях народного хозяйства. Советский народ решил коренную задачу социалистической революции — создание новой, социалистической экономики. Страна Советов вступила в полосу завершения строительства социализма.

Активно участвуя в социалистическом строительстве, решая вместе со всем народом задачи коренного переустройства общества, росла и мужала советская молодежь.

— СТРАНИЧКИ КОМСОМОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ

шахтер Алексей Стаханов установил свой первый рекорд. Его почин подхватили горьковский кузнец Александр Бусыгин, мариупольский сталевар Макар Мазай, московский фрезеровщик Иван Гудов, ивановские ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы, донецкий паровозный машинист Петр Кривонос, трактористка Паша Ангелина и свекловод Мария Демченко... Трудовые рекорды не были одиночными. На Челябинском тракторном заводе молодежная смена собирала за смену 33 мотора при норме 20. Комсомольская горка на станции Основа сортировала за смену на восемь-десять железнодорожных составов больше, чем устанавливала норма...

Движение новаторов дало замечательные результаты: производительность труда в промышленности за годы второй пятилетки выросла на 82 процента вместо 63 процентов, предусмотренных планом.

ВЕСНОЙ 1934 года комсомол начал военно-технический экзамен. За девять месяцев, в течение которых проходил первый этап экзамена, 1 миллион 200 тысяч комсомольцев, молодых тружеников города и села сдали нормы ГТО, около 700 тысяч стали «ворошиловскими стрелками», около 30 тысяч занимались планерным спортом, почти полмиллиона совершили прыжки с парашютной вышки и с самолета, сотни тысяч девушек сдали нормы на значок «Готов к санитарной обороне».

Ударники труда становились ударниками обороны.

ИСТОКИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Совета ветеранов комсомола при ЦК ЛКСМ Казахстана Хакима Шакировича Абурашитова можно застать в его кабинете только в дни и часы официальных приемов. Обычно его встречаешь на предприятиях, в учебных заведениях, в целинных совхозах и колхозах, в воинских частях. Это не «залетные» встречи: Хаким Шакирович непременно «разговорит» аудиторию, выяснит, есть ли острые проблемы, а если есть, то поможет найти решения, потом еще не раз побывает в таком коллективе. Опекать и диктовать не станет — погасишь творческий огонек, но при необходимости посоветует, нужно — на совесть нерадивых нажмет. Словом, среди людей и для людей доводит задуманное до конца. Стиль работы! Пожалуй, и так. Но точнее — та незримая, но могучая, взращенная временем сила, которую называют традицией. На традициях партии и комсомола складывался характер самого Абурашитова, и большой удачей для себя он считает, что со школьных лет имел пример в лице молодого коммуниста Александра Матвеева, к чьей жизни хорошо подходит крылатое гайдаровское определение: обыкновенная биография в необыкновенное время.

Отец Александра, слесарь Путиловского завода, погиб на русско-германском фронте, и в четырнадцать лет Александр встал к станку, чтобы помочь матери растить младших сестер, а в шестнадцать с винтовкой в руках оборонял от немцев родной Питер. Был ранен, после госпиталя вернулся на завод и снова взялся за оружие, когда полчища Юденича подступали к Петрограду. За воинский подвиг был награжден орденом Красного Знамени.

Ленин призвал молодежь учиться. Работая в цехе, Матвеев закончил рабфак, заочные высшие технические курсы, был принят в партию и как парторг ЦК направлен в Донбасс. Руководил восстановлением шахт, нередко сам как опытный слесарь ремонтировал оборудование, налаживал быт шахтеров, боролся с экономической диверсией и саботажем. Началась индустриализация страны, и Матвеев получил новое назначение — в Казахстан, край неисчислимых, но пока еще не тронутых природных богатств.

В Риддер он прибыл в первый год первой пятилетки. Тогдашний захолустный уездный городок многим отличался от современного Лениногорска. На месте многоэтажных кварталов, мощного рудничного производства ютились бревенчатые домишки да пыхтел допотопными слабосильными машинами небольшой, единственный на всю округу медный рудник, хотя медь в Казахстане нашли еще в XVIII веке.

На местную детвору новый партийный секретарь произвел неотразимое впечатление: молодой, веселый и главное — герой-орденоносец. Такой, как у него, орден ребята видели на портретах у Буденного и Котовского.

С уважением говорили у Абурашитовых, в других семьях о товарище Александре: дело и нужды горняцкие знает, в обращении доступен, прост, но прям по-рабочему и требователен. Такой человек даст отпор обнаглевшим старорежимникам: на руднике дела шли, как говорят, наперекосяк. У руководства остались выкормыши прежних хозяев — надменные «спецы», чиновная администрация.

Матвеев оправдал надежды рабочих. На руднике начались перемены. Провели открытые перевыборы руководства профсоюза, органов рудничного самоуправления, ужесточили рабочий контроль. Матвеев наладил восстановление вышедшего из строя оборудования, при этом сам участвовал в ремонте техники. Действовали брошенные забои, начали разработку новых пластов. Добыча меди превысила дореволюционный уровень, а в хитроумно запутанных бухгалтерских лабиринтах отыскались средства для покупки новых машин. Вывели из спячки кооператоров — наладилось снабжение товарами и продуктами. Пошли навстречу пожеланиям молодежи — комсомольцы открыли клуб, школьники создали кружки по интересам.

Семиклассника Хакима увлекла техника. Занятия в кружке вели опытные горняки-коммунисты, они водили ребят на рудник, знакомили не только с машинами, но и с теми неисчерпаемыми возможностями, которые дает в руки людям наука и техника. С кружковцами не раз встречался и товарищ Матвеев. Беседы с ним всегда открывали что-то новое, очень нужное и зовущее в смелый путь.

Теперь Хаким Шакирович понимает, каким незаурядным педагогом был коммунист Матвеев. Он не навязывал своего уже продуманного замысла. Вроде бы незаметно и не за один раз в беседах и жарких дискуссиях привел ребят к решению: нужна школа, дающая не только общее образование, но и знания, навыки горняцких профессий, возможность быстро войти в трудовую жизнь.

Ребята не знали, что Матвеев уже договорился с укомом комсомола, с руководством рудника о шефстве над их начинанием, но помнили его совет: решили — действуйте не отступая. Делегаты школы, в их числе и Хаким, обратились в рудком. Им не просто оказали помощь, а совместно, с участием специалистов, обсудили, чем нужно и чем можно помочь. Для мастерских и техклассов предназначили склад сбежавшего за рубеж купца, выделили и оборудование. Правда, склад нуждался в перестройке, а списанная техника — в ремонте. Но не ждать же готовенького! В свободное от учебы время ребята спешили в свой «техникум» — так называли они пока еще не оборудованное помещение, носили доски, кирпичи. На подмогу после смен приходили рудничные специалисты — и комсомольцы, и пожилые горняки, считая это дело первостепенным.

Строительство техкорпуса стало для Хакима и его товарищей своеобразным экзаменом на твердость. Горняцкие профессии далеко не просты. Те, кто почувствовал, что не потянет, продолжал занятия в обычной школе. А во вновь созданном учебном заведении остались ребята, проверившие себя делом. Программа была напряженной: учили спецпредметы и не снижали требований к общему образованию, а практику проходили на строительстве новой обогатительной фабрики. То было желание самих учащихся — они знали, как остро нуждается промышленность в обогащенной руде.

Учеба, работа захватывали Хакима. На практику он попросился в бригаду монтажников оборудования, в работе был безотказен, внимательно приглядывался ко всему. Специалисты охотно показывали ему свои приемы, делились опытом и, очевидно, были довольны отдачей, потому что вскоре доверили практиканту самостоятельную работу. Вечерами Хаким подолгу засиживался над книгами и конспектами.

В школе-техникуме его приняли в комсомол. Дел прибавилось: Абурашитову поручили создать отряд «легкой кавалерии». Помнится Хакиму Шакировичу, как рейды «легкой кавалерии» выявили на руднике «просчеты», граничащие с преступлением. Мощный современный насос, купленный за рубежом, стоял без дела, а воду из забоев, захлебываясь от перегрузки, откачивали латаные-перелатаные тарахтелки. Механик пояснил, что у нового насоса сломалась одна из важных деталей, а заменить ее нечем: машину на рудник привезли без запчастей. Как могли допустить такую халатность? После долгих проволочек комсомольцы наконец-таки попали к «спецу», занимающемуся новой техникой. Он заявил, что механикам рудника пока еще недоступно умение обращаться с зарубежными машинами, а проблемы комплектации — дело не зеленых юнцов, а высоких компетентных инстанций... Как командир отряда «легкой кавалерии», Хаким обратился в горком, к товарищу Матвееву.

Вскоре на руднике была арестована группа контрреволюционеров. После суда над ними Матвеев встретился с ребятами из «легкой кавалерии».

— Враги действовали по приказу из-за границы,— пояснил он комсомольцам.— Сбежавшие хозяева рудников и шахт создали во Франции так называемое «Объединение горнопромышленников», а проще говоря — центр экономической диверсии, по тайным каналам управляли своими приспособившимися у нас последышами. Всякое творили такие «спецы», пользуясь тем, что мы не успели подготовить своих, верных революции специалистов. Цель — удушить нашу индустриализацию, поставить на колени перед капиталистами...

Эти слова не раз вспоминал Хаким Абурашитов — горный техник и комсомолец, коммунист и педагог.

Караганда... Но нет еще ни города, ни шахт. В прокаленной зноем и стужей степи бьют первые вертикальные стволы, колышки отмечают места копров. Выпускник техникума Абурашитов выбран секретарем комсомольской организации стройки, руководит молодежной бригадой. Живут в палатках, с питанием трудно, но работают как в бою. Это проверка на твердость, испытание собственных сил. Полторы нормы в смену. Предел! Сообща обсудили, нашли возможности — работать можно лучше, и взяли рубеж двух норм. Но успех одной бригады не опреде-

лит ускорения на всей стройке. Как зажечь других? Ясно, соперничеством, вызовом на трудовой поединок. Вряд ли кому-нибудь нравится быть на последних ролях. Так, помогая друг другу, вместе шли на штурм технических норм. Рождалось, набирало силу ударничество, и то, что считалось невозможным, становилось реальным. Первые шахты сдали задолго до намеченных сроков, передав эксплуатационникам, как эстафету в будущее, свой боевой темп...

Джезказган... Здесь должен вырасти крупнейший в стране комбинат цветной металлургии. Такой, о котором слышали они от Матвеева: добыча руды, выплавка меди, энергетическая база — все в неразрывном узле. Но, кроме этой основной, была у молодых строителей еще одна важная цель — помочь молодежи села. В аймаках крепки еще были феодальные пережитки, засилье баев, влияние фанатичных мулл; с юга, из Кызылкумов, Красных Песков, прорывались басмаческие банды, убивали активистов и советских работников, жгли юрты и угоняли скот только что созданных колхозов. В такой вот сложной обстановке Абурашитову поручили наладить смычку с селом. На местах он с товарищами создавал ячейки комсомола и отряды самообороны, открывал клубы, наладил учебу среди поголовно неграмотных казахов-скотоводов. Тогда он получил первые навыки педагога, приобрел вкус к делу, которое впоследствии стало для него главным.

Два ордена Трудового Красного Знамени отметили заслуги Х. Ш. Абурашитова на стройках первых пятилеток. Но главной отдачей тех лет он считает то, что поставил рядом с собою в строй сотни молодых специалистов, организаторов производства и вожаков комсомола. Недаром гласит народная мудрость: «Лицо твоей жизни — в учениках». Правда, награды тоже достаточно полно характеризуют жизнь и дела Хакима Шакировича: ордена Отечественной войны I и II степеней, два ордена Красной Звезды — за храбрость в борьбе с фашизмом, ордена Октябрьской Революции, «Знак Почета» оценивают его труд преподавателя вузов, советского и партийного работника, а орден Дружбы народов — заслуги интернационалиста.

«Вы дали нам самые богатые человеческие качества — любовь к Родине и ее людям,— пишут Хакиму Шакировичу его бывшие воспитанники.— Мы гордимся Вами и желаем Вам большого человеческого счастья». Это счастье, как и прежде, ветеран комсомола Х. Ш. Абурашитов находит в работе организатора и наставника молодежи.

Ю. ПАВЛОВ

НЕТ, НЕ ПЕРЕВЕЛИСЬ на Руси умельцы. Не перевелись и талантливые руководители. Немало и тех, и других. А уж совсем желанное сочетание умельца и руководителя дало нам такого человека, как Святослав Николаевич Федоров.

Не так давно Федорову, руководителю Московского научно-технического комплекса «Микрохирургии глаза», передали целый завод — по производству очковых оправ. Конечно, очковые оправы — вещь не совсем лишняя, но завод открывал возможность реализовать давнишнюю мечту: создать «собственную» фирму по производству инструментария и приборов для офтальмологии, причем не простых, а таких, каких никто не делал ни у нас в стране, ни за рубежом. Эту возможность надо было материализовать. А для этого нужен был человек — незаурядный, обладающий эрудицией, широким запасом информации, умеющий заглянуть в будущее и к тому же обладающий хорошими организаторскими способностями... И такой человек нашелся!

...Срочно потребовался аппарат для отработки новых методик операций. Федоров пришел к директору одного из заводов.

— У вас всегда все срочно,— выслушав просьбу, заметил директор.— Как будто наши конструкторы боги: неделя — и все готово... Ладно, есть у меня один парень. Буквально нашпигован идеями. По-моему, они «плещут» у него через край...— Он нажал кнопку селектора: — Попросите ко мне Крутова!

В кабинет вошел парень с открытым добрым лицом.

— Знакомьтесь: Святослав Николаевич Федоров, директор МНТК «Микрохирургии глаза».

— Сергей Крутов,— представился вошедший.

— Сережа, у Святослава Николаевича есть к тебе дело. Поговори, может быть, выполнишь его просьбу.

Беседа шла чисто по-федоровски: была краткой и предельно деловой.

НАВСТРЕЧУ МЕЧТЕ

Крутов сказал, что идея понятна, но добавил:

— Не считайте меня назойливым, однако я не возьмусь за работу до тех пор, пока своими глазами не увижу операцию и не пойму, для чего нужен прибор.

«Добро» было дано немедленно.

И прибор появился на свет — в рекордно короткий срок! А в судьбе Сергея Крутова был сделан поистине к р у т о й поворот. Он переступил порог нового опытно-экспериментального завода по производству оптических приборов и инструментов при МНТК «Микрохирургии глаза» в должности главного конструктора.

Вскоре на заводе образова-

лось СКТБ — в него вошли большей частью молодые, увлеченные медициной энтузиасты. И сразу же, заразившись энергией руководителя, задались целью создавать инструменты, приборы и оборудование с условным символом: «НЕ ИМЕЮЩИЙ АНАЛОГОВ В МИРЕ». И нет ничего удивительного в том, что сейчас за приобретением лицензий на завод приезжают представители ведущих медицинских фирм ФРГ и США.

Стоит особо подчеркнуть следующее. Предприятие находится при клинике, и инженер работает всегда рука об руку с врачом, чего нет ни в одной стране мира. Везде фирмы, производящие оборудование, существуют сами по себе, а клиники — тоже сами по себе. Здесь же возникло, если можно так выразиться, медико-промышленное объединение. И вполне закономерно, что при таком сотрудничестве медиков и инженеров отдача от их творчества огромна.

— Наш шеф,— с улыбкой говорит Сергей Крутов,— просто генератор идей. Когда я бываю на операциях, всегда получаю какие-то новые задания...

Некоторые из них обретают реальную форму здесь, на заводе, другие приходится «вопло-

Совет конструкторов.

щать на стороне». Завод при МНТК — предприятие молодое, ему нет еще и года, он только начал обживаться необходимым оборудованием, и это не позволяет пока выпускать приборов столько, сколько требуется. Но зато какое их качество! Впрочем, это закон объединения, тут огрехи недопустимы. А изготовлять инструменты для микрохирургии глаза — ох как непросто! Один

Сергей Крутов, главный конструктор завода.

Электронщики: Евгений Хлыстов *(слева)*, **Анатолий Кураксин, начальник КБ Вадим Лейбман.**

Расточник Виталий Монахов.

Изделия завода.

Цех по производству очков все же существует...

пример: алмазное лезвие скальпеля намного тоньше жала комара, и изготовлено оно с идеально гладкой режущей кромкой...

И еще одно обстоятельство заслуживает внимания. На заводе нет никому ненужного бумагомарания, нет целого ряда инстанций, направляющих друг другу бумажки для согласования, утряски и т. д. и т. п. Воплощение идеи в готовый прибор занимает считанные месяцы.

Но когда новый прибор отправляют в операционную, возникает существенная проблема: врач — прибор. Современная техника сейчас буквально нашпигована электроникой, управляемой при помощи всевозможных кнопок и ручек. А врач — он в первую очередь все-таки врач, а не инженер. И самому освоить сложные приборы бывает порой просто не под силу. И вот возникла идея создать на заводе медико-инженерный центр. Что имеется в виду?

Уже говорилось об оторванности заводов, выпускающих медтехнику, от клиник. Оторванность эта порой порождает настоящие приборы-монстры. Как говорил в одной из пародий Аркадий Райкин: «Дура — во!». В операционную такая «штука» еле влезает, и толку от нее мало. И стремятся хирурги после апробации избавиться от подобной техники как можно быстрее. Кроме того, правильно пользоваться даже идеальным прибором (чтобы отдача от него была стопроцентной) врача может обучить только инженер, независимо от того, создан прибор на заводе или куплен за рубе-

Дизайнеры: Вячеслав Антонов, Александр Поляков, Татьяна Акифьева и Рустам Аляутдинов.

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

364 ГОДА СПУСТЯ... Финиш скачек был трагикомичным — Ксавье Либрош сполз с лошади, рухнул на землю и долго не мог встать. Несколько минут, тяжело дыша, он лежал у подножия памятника Александру Дюма в Париже...

Репортер французского спортивного вестника «Экип» Ксавье Либрош решил проверить в наши дни, насколько был прав писатель, когда его герой д'Артаньян всего за полсуток проскакал от городка Сен Валери на побережье Ла-Манша до Парижа. Гасконец спешил доставить бриллиантовые подвески на королевский бал.

Журналист составил по роману «Три мушкетера» карту своих скачек, договорился о подмене лошадей и пустился быстрым аллюром к столице. На дистанции в 220 километров он сменил четырех спортивных коней, выпил четыре бутылки минеральной воды, литр куриного бульона и, как оказалось, улучшил достижение мушкетера на несколько минут. А самое главное — теперь в точности описания Александра Дюма никому сомневаться не придется.

ОПЕЧАТКЕ — СТО ЛЕТ. Многие поколения детей, став взрослыми, получили устойчивое отвращение к манной каше и шпинату. Кашей их пичкали ради белка, а каждую ложечку зеленого пюре мамаши сопровождали фразой: «Ешь, будешь богатырем, тут много железа!»

Миф о манной каше развеялся быстро — в ней не больше протеинов, чем в простом белом хлебе. А вот мнение о целебности шпината держалось многие десятилетия.

Совсем недавно химики из Фрайбургского университета (ФРГ) сообщили об истинной ценности «железного шпината». При тщательной проверке оказалось, что его сла-

---

жом. (В МНТК совершенно справедливо считают, что незачем делать у себя то, что хорошо сделано другими. Гораздо лучше изготовить свое, оригинальное, подороже продать заинтересованным фирмам и взамен купить уже выпускаемую аппаратуру — в МНТК принцип хозрасчета соблюдается четко!)

С этой целью на заводе оборудуется опытная операционная, ничем не отличающаяся от клинической, за исключением стеклянной перегородки, отделяющей стерильную зону. Она будет служить как бы полигоном для врачей и инженеров. В процессе создания новой техники прибор нередко бывает трудно привезти в клинический виварий, так как он находится в так называемом макетном состоянии и проходит стадию доводки и регулировки. Это разложенные по всему столу платы, транзисторы, микросхемы, связанные между собой пучками разноцветных проводов. Стол окружает отстроечная аппаратура. Грузовика не хватит, чтобы перевезти все это с места на место. Гораздо проще приехать сюда хирургу, захватив с собой подопытного кролика. В таком центре инженер обучит врача обращению с новой аппаратурой, а сам выслушает и примет к сведению все замечания и пожелания хирурга. Разработчик и врач выяснят, что удобно и что неудобно, что надо доделать — такое содружество поможет избежать конструктивных ошибок.

Коллектив СКТБ, возглавляе-

ва — это результат старой типографской опечатки.

Еще в прошлом веке был издан справочник по лечебному питанию. Тогда по просьбе медиков химики сделали анализ клеточного сока шпината и определили процент железа в нем. Справочник издали, но, к сожалению, типографские работники запятую поставили не там, где надо. Процентное количество железа тем самым увеличилось в 10 раз. Врачи, получив такие данные, сразу же стали рекомендовать зеленое пюре ослабленным детям.

Справочник без перепроверки затем переиздавался много раз, опечатку никто не замечал. Неправильные цифры попали и в кулинарные книги. Так и родился миф.

Современные химики занимались составом шпината по той причине, что огородное растение, откровенно говоря, в наши дни просто опасно. Синтезированные азотные удобрения в его тканях претерпевают метаморфозы, ведущие к образованию токсичных нитратов. На эту тему химики и готовились выступить перед диетологами. Проверяя количество витаминов в зеленом соке, они на всякий случай проанализировали и содержание железа. Точнейшие спектрографы показали явный мизер. Пришлось провести много параллельных исследований, взяв пробы шпината из разных стран Европы. Но каждый раз процентное содержание оказывалось в 10 раз меньшим, чем это было принято считать.

И вот тогда химики отправились в библиотеки и архивы искать истину. Через какое-то время их старание увенчалось находкой рукописи, где была правка орфографических опечаток, а неправильные цифры были случайно не замечены. Словом, ошибку допустила старая типография, а не лаборатория.

Старое заблуждение теперь рассеяно.

мый Сергеем Крутовым, смотрит в уже недалекое для них будущее. В стадии разработки находится электронный комбайн. Нет необходимости перечислять приборы, входящие в него, скажем только, что он будет оснащен всем необходимым для такого поистине ювелирного дела, каким является микрохирургия глаза. Кроме того, готовится документация на автоматизированный нож для оперативного лечения близорукости, на терапевтический лазер, который при помощи расфокусированного луча ускорит послеоперационную регенерацию тканей. Интересна работа по созданию автоматизированного рабочего места хирурга: при помощи автоматики хирург будет придавать определенное положение либо себе, либо больному — такое, которое выгодно на данном этапе операции.

Сейчас на заводе выпускаются малосерийные партии инструментов. Станки заняты в основном на производстве макетов нового инструментария и приборов. Сказывается нехватка, причем весьма ощутимая, высокоточных станков и оборудования. Но лиха беда начало. Завод молодой, им сделаны лишь первые (правда, весьма заметные) шаги. С пополнением самым современным оборудованием он значительно увеличит количество изделий, столь нужных медицине, а следовательно, нашим людям.

О. ЕГОРОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ПУТЬ В ЭМИГРАЦИЮ

После поражения первой русской революции Ленин в конце 1907 года уходил во вторую эмиграцию. Заключительный отрезок пути пролегал через лежащий на западном побережье Финляндии город Турку (Або) и прилегающие острова. Десятилетия спустя мне довелось проехать этим маршрутом. Многое изменилось с тех пор; ушли из жизни почти все участники события, появилось много нового в облике местности. В начале века выглядела совершенно иной и политическая обстановка.

Финляндия была частью Российской империи. В начале весны 1906 года Ленин, преследуемый царской охранкой, переезжает из Петербурга в «ближнюю эмиграцию» — на финскую станцию Куоккала (ныне поселок Репино). По условиям конспирации ему несколько раз приходилось менять место жительства, когда наконец на исходе 1907 года стало очевидно, что и Финляндия не безопасное место для жизни.

Была в деталях отработана операция по переезду Ленина в Стокгольм; ключевым пунктом в ней стал город Турку, где Ленину предстояло пересесть с поезда на пароход. Как и предполагалось, Ленин сел в поезд Хельсинки (Гельсингфорс) — Турку. Но в разработанный план вмешались двое шпиков, которые неотступно следили за Лениным в вагоне. По прибытии в Турку он мог быть арестован. Чтобы оторваться от агентов охранки, Ленин идет на рискованный шаг — спрыгивает на ходу набирающего скорость состава. Это случилось в десяти километрах от Турку, после того как поезд сделал последнюю промежуточную остановку на станции Литтойнен.

Владимир Ильич направился в Турку пешком по шоссейной дороге, проложенной рядом с железнодорожными рельсами. Глубокой ночью он не без труда разыскал в незнакомом городе нужный дом. Вальтер Борг, хозяин квартиры, несколько часов пребывал в недоумении, когда его сыновья возвратились с вокзала без гостя. Теперь все прояснилось.

Казалось, в сложившейся ситуации логично было бы отдохнуть хотя бы до утра. Но Ленин был непреклонен: уходить надо немедленно. Поскольку все попытки уговорить пришельца задержаться на несколько часов оказались тщетными, хозяину пришлось ночью вызвать проводника, разыскать лошадей и тотчас отправить Ленина дальше. Предстояло пройти через группу островов, чтобы выйти к открытому морю, где Ленина подобрал бы пароход, совершавший регулярные рейсы из Турку в Стокгольм.

Первый участок пути в 20 километров пролегал по лесной дороге. Заканчивалась она у берега, где желающие переправиться

на остров обычно звоном колокола, укрепленного на берегу, вызывали лодку. Так поступили и Владимир Ильич и сопровождавший его Людвиг Линдстрем. На зов приплыли Карл и Вильгельм, сыновья Густава Фредрикссона, владельца хутора Кирьяла. Оказавшись на острове, где, кроме семьи хозяина, никого не было, Ленин почувствовал себя в безопасности и согласился отдохнуть. К тому же состояние дороги не позволяло продолжать путь на лошади. Лишь на третий день Ленин покинул хутор.

В наши дни от Турку идет хорошее шоссе, а острова архипелага соединены мостами. Йорма Валтакари, секретарь общества «Финляндия — СССР» провинции Турку, В. В. Кириллов, тогда советский консул в Турку, и я останавливаемся у красивого навесного моста.

— Вот здесь, справа от моста,— говорит Й. Валтакари,— Ленина и Линдстрема встретили Карл и Вильгельм.

Сразу после моста поднимаемся на довольно высокий холм. Прежде здесь стояло несколько строений. В центре выделялся большой одноэтажный дом Густава Фредрикссона, в котором обычно останавливались путешественники. Теперь на месте старого дома построен новый, где живет со своей семьей Пер Кронберг, внук Густава Фредрикссона. Старый дом перенесен в административный центр архипелага Парайнен и является ныне частью краеведческого музея.

На хуторе до наших дней сохранились многие строения. Непосредственно к жилому зданию примыкает длинная узкая постройка, где жила прислуга. Несколько поодаль находились конюшня и кузница, превращенные позже в складские помещения.

Нынешний владелец хутора Пер Кронберг говорит, что он получил землю и строения по наследству. Пер рассказывает свою родословную:

— Мой дед Карл Густав Фредрикссон был депутатом сейма Финляндии от крестьянской курии и одним из тех, кто участвовал в борьбе за освобождение Финляндии от царизма. Он охотно оказывал помощь Ленину и сделал все возможное, чтобы его путешествие через архипелаг прошло успешно. Единственный живой свидетель тех событий — моя мать.

Анна Кронберг достаточно бодра для своего возраста и помнит события 1907 года.

— В то время я не знала, что у нас остановился будущий глава русского правительства. Мне сказали, что это немец Мюллер (Ленин совершал ту поездку под именем «доктора Мюллера», специалиста по известнякам, разработки которых велись на островах архипелага.— **В. Р.**). Нас предупредили не говорить окружающим о гостях. И сами они соблюдали конспирацию. Днем Ленин работал в своей комнате, много писал, пользовался большой библиотекой хозяина. Вечером, когда соседи ложились спать, Ленин и Линдстрем ходили гулять.

Гость был добр и внимателен,— продолжала свой рассказ Анна Кронберг.— Было заметно, что он очень нервничал. Ленин не пил кофе, и поскольку у нас не было общего языка для разговора, он показывал три опущенных вниз пальца, что означало Т, начальную букву для слова «чай» на финском языке. Мне было тогда 16 лет. Вскоре я вышла замуж за сына владельца хутора Карла. Во время службы в русском флоте Карл сменил свою фамилию с Фредрикссона на Кронберг. Так мы стали Кронбергами.

Анна Кронберг показывает многочисленные семейные фотогра-

фии того и более поздних периодов. Рассказывает, как сложилась жизнь их большой семьи. Ее муж, Карл Кронберг, в последние годы жизни был мэром Парайнена. А сын, Пер Кронберг, является председателем отделения общества «Финляндия — СССР» в районе Парайнен.

На третий день по установившемуся санному пути Ленин отправился в Парайнен, расположенный на другом острове. Лошадью управлял Карл Фредрикссон, ставший впоследствии, как мы уже знаем, Кронбергом.

Мы едем по шоссе. В 1907 году такой хорошей дороги не было. Здесь шел проселок, петлявший между холмами. Повозка остановилась в Парайнене у кооперативного магазина. В центре поселка до наших дней сохранилось светло-желтое здание кооперативного магазина. Как и прежде, здесь идет торговля. По сравнению с 1907 годом внешне произошли лишь небольшие изменения — пристроено подсобное помещение.

Ленин вместе с провожатыми зашел в комнату, находившуюся в задней части здания. В ней жил Карл Янсон, которому предстояло сопровождать Ленина дальше. Здесь в ход событий неожиданно вмешался вошедший в штатской одежде человек. Им оказался местный полицейский Вальтер Руде. Возникшее было замешательство прервал один из находившихся в комнате. Он спросил Руде, не смог бы тот помочь найти подводу для гостя. После короткого разговора Руде пригласил всех к себе домой на чай.

Дом полицейского Вальтера Руде сохранился без видимых изменений. Мы проходим сто метров по узкой боковой улочке, и у небольшого красного здания Йорма Валтакари останавливается.

— Здесь,— говорит он,— Ленин пил чай, потом в сопровождении Карла Янсона Владимир Ильич отправился на остров Лилль-Меле — последнюю остановку перед посадкой на пароход. За кучера сел сам Вальтер Руде, так что их поездка в сопровождении полицейского была наиболее безопасной.

Прежде чем покинуть Парайнен, мы направляемся к местному краеведческому музею. У входа на его территорию нас встречает смотритель Юнасон. Музей функционирует уже несколько десятилетий и состоит из ряда зданий. Направо от входа расположен бревенчатый сруб, перенесенный сюда с одного из островов архипелага, внутри — домашняя утварь прошлого столетия.

— Самый привлекательный экспонат появился у нас позже, в 1957 году,— рассказывает Юнасон.— Тогда с хутора Кирьяла был перенесен и собран на новом месте дом, где останавливался в 1907 году В. И. Ленин. Теперь музей посещает гораздо больше экскурсантов, чем прежде, а книга посетителей заполнена в основном отзывами о ленинской комнате.

Мы переступаем порог дома.

— В комнате, где мы находимся, жил Ленин. На этой кровати он спал, это стол, за которым он работал и обедал. Три мягких стула также сохранились с тех времен. И заметьте, мы даже сумели восстановить на одной стене реальные обои того времени.

Закончен разговор, и мы покидаем территорию музея. Юнасон долго машет нам рукой, пока машина не скрывается за поворотом. Мы едем дальше, на остров Лилль-Меле. Минут через двадцать сворачиваем с основной дороги, поднимаемся на холм и останавливаемся у жилого дома с хозяйственными постройками. Нас встречает владелец хутора Вэстергорд Стен Бергман.

— Хутор мне достался по наследству,— рассказывает Бергман.— В 1907 году здесь жил мой дядя Гидеон Седерхолм. Дом сохранился в таком виде, каким он был и в то время; только позапрошлым летом я пристроил к нему крыльцо. Вот здесь останавливался Ленин.

Мы в небольшой светлой комнатке. Из окна открывается чудесный вид на окружающие леса. В комнате детские книги, учебники, игрушки. Слева стоит двухъярусная кровать. Справа, у стены, узкая, старой работы кровать.

— Эта кровать — единственное, что сохранилось из мебели того времени,— поясняет Стен Бергман.— По рассказам моих родителей, ею пользовался Ленин. Теперь на ней спит Бу — наш младший сын, ему восемь лет. А двое других ребят спят на двухъярусной.

Ленин провел на хуторе Вэстергорд около недели, ожидая, по совету хозяина, пока не замерзнут проливы между островами. С установлением льда Ленин перебирается на соседний остров Нагу. Вместе с провожатым Юханом Шехольмом Ленин проделывает восьмикилометровый путь — частью на лыжах, частью пешком — до селения Проствик. Здесь он останавливается в пансионате Юхана Шехольма.

После этого Ленину предстояло пересечь еще по крайней мере два пролива и выйти к небольшому островку, в непосредственной близости от которого проходили пароходы из Турку в Стокгольм. В те времена они здесь делали короткую остановку, чтобы забрать пассажиров. В одну из декабрьских ночей 1907 года таким пассажиром был В. И. Ленин.

Это был завершающий этап ухода Ленина во вторую эмиграцию. Оказавшись на борту парохода, он находился уже вне опасности. Впереди его ждало почти десятилетнее пребывание в странах Западной Европы, титаническая работа по сколачиванию партии большевиков, по подготовке штурма царизма.

Через день я отправился пароходом «Боре» из Турку в Стокгольм. В вечерних сумерках, включив прожекторы, «Боре» пробирался по прорубленной во льдах дорожке через архипелаг. Льдины, большие и маленькие, бесконечно царапали его борта. Я стоял на палубе и всматривался в очертания островов, в огоньки домов и пробегающих по гладкой дороге машин. Вот и последние клочки земли. Где-то здесь в конце 1907 года поднялся на пароход В. И. Ленин.

Много воды прошло с тех пор через проливы, много бурь и потрясений пережил мир, многое забылось и ушло в небытие. Но люди Парайнена знают и передают из уст в уста рассказ о человеке, проведшем около двух недель в их округе в сложный период начала XX столетия. Мемориальная доска, установленная на доме в краеведческом музее Парайнена, донесет эту быль и до далеких потомков.

Виктор РОДИОНОВ,
заслуженный работник
культуры РСФСР

О КОШКАХ ВСЕРЬЕЗ

ВЕДУТ РАЗГОВОР НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР, ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА ЮРИЙ КУКЛАЧЕВ И ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ КОШЕК «ФАУНА» ОЛЬГА ФРОЛОВА

ПРЕДУПРЕДИМ сразу — тема нашей беседы возникла не случайно. Редакции журналов и газет, где помещались материалы, рассказывающие о кошках, буквально завалены письмами читателей, не удовлетворенных той информацией, которую они получают. Пятьдесят писем в день приходит непосредственно в ОЛК «Фауна». Большую корреспонденцию получает Юрий Куклачев. Но «информационный голод» продолжает свирепствовать. Вот мы и решили собрать те вопросы, которые чаще всего встречаются в письмах (а чаще всего спрашивают — что это за кошачий клуб создан в Москве?), и задать их двум главным фелинологам (так называют специалистов, занимающихся кошачьими).

Ю. КУКЛАЧЕВ:

— *Как появились кошки в моей жизни? Да случайно. Я описал это подробно в книге «Мои друзья — кошки». Они действительно мои друзья. Мы, цирковой народ, люди кочевые, все время в разъездах. Прописка есть, а постоянного места жительства не бывает. Соорудил я своему любимому котенку «кошкин дом» да и катался с ним по городам и весям. Начал потихоньку заниматься с ним. Ему нравилось. Мне тоже! Стал поощрять особые достижения. Трюки нащупывал в игре, порой случайно. Раньше никто этого не делал. Да и откуда взять опыт, сведения? О собаках тома написаны, о лошадях вообще молчу. А эти маленькие умнейшие создания в тени остались...*

— Ольга Сергеевна, наверное, можно сказать, что Москва переживает сейчас подлинный «кошачий бум». С чем это связано?

— Для меня все началось, пожалуй, со статьи о кошках в девятом номере «Юного натуралиста» за 1984 год. Прочитала я ее и подумала: какая большая у нас страна, и наверняка живет по городам и селам множество интереснейших кошек, а мы все пишем об «иностранных красавцах». Вот хотя бы мой кот Гарсон, ведь явно британской голубой породы, но неизвестно, почему прозябал во дворе московского микрорайона Бусиново. Там я его и поймала. А сколько их еще гуляет по Союзу? Кошки хорошо сохраняют свои генетические признаки.

Какие же сокровища живут у нас на улицах, а мы того не ведаем? И заметьте — большинство кошек, которые сейчас представлены на наших выставках, без родословных, но очень похожи на породных.

— То есть, если поискать...

— ...можно найти и не такие экземпляры. Но, кроме этого, у нас в стране есть такие кошки, которые вообще ни на какие породы не походят, отличаются, что называется, от всех стандартов.

— Значит, будут новые отечественные породы?

— Хотелось бы. Пока, по нашим наблюдениям, есть три типа таких животных: большие пушистые кошки из Средней Азии, у которых шерсть колечками, они длинношерстные, но сильно отличаются от ангорских и персидских. Есть еще бесхвостые кошки на нашем Дальнем Востоке. Как полагают некоторые авторы, от них когда-то и пошли знаменитые мэнские. А предки-то живут у нас. И из них тоже можно вывести нашу аборигенную породу.

— Амурскую бесхвостую...

— И третье — маленькие кошечки не более двух килограммов весом, живущие в районе Славянска-на-Кубани — с тонким хвостиком, почти без шерсти.

— А вот многие в письмах сообщают об астраханских камышовых котах, крупных, но не диких, а полудомашних...

— Мне представляется, что это животные типа американских мейн-кунов, у которых из-за сурового климата сильно отросла шерсть, а постоянная борьба за место под солнцем заставила их стать настоящими хищниками. К нам уже поступают предложения о создании питомника отечественных пород, и предстоит еще утвердить программу селекции исконных русских кошек. Действительно, нельзя разводить только «иностранцев», в то время как у нас имеется свой свежий генетический материал!..

Ю. КУКЛАЧЕВ:

— Почему кошки, а не собаки? Я их люблю за независимый нрав. За то, что они очень чувствительны, понимают настроение человека, хозяина. Отлично чувствуют, что у тебя на душе. Прыгнет на руки: «Не огорчайся, все нормально, брат!» И легче на душе. Но в то же время они сами по себе. Замкнутся, обидятся — долго не подберешь ключика. А на арене ты для них единственная защита, как дерево. Прижмется... Так, кстати, родился номер, когда кошка на меня прыгает несколько раз подряд. Началось с того, что испугалась лая собаки — и ко мне. А теперь Лена, жена моя, тихонько за кулисами гавкнет — и кошка ко мне живехонько — «антисобачий рефлекс»...

— Целые десятилетия кошки были у нас как бы «в загоне»...

— Да, много времени прошло впустую. И что обидно — в западногерманских книгах издательства Мюллера, подаренных нашему объединению на последней международной книжной выставке-ярмарке, упоминаются оригинальные гипотезы русских ученых, связанные с происхождением домашних кошек. Мы же даже не знаем, о ком идет речь. Что за труды? Словом, надо быстро наверстывать упущенное.

— Что отличает фелинологов от кинологов?

— Прежде всего у «собачников» есть развитая система клубов, традиционные соревнования. А мы все еще боремся с предубеждениями. Раньше к домашним кошкам относились главным образом утилитарно, собака получила бесспорное лидерство еще до войны, когда стало развиваться служебное собаководство — нужны были большие и злые овчарки... А от кошки какой прок — она вроде бы только пот-

Ольга Фролова.

ребляет и ничего взамен не дает. И селекция приобретает декоративную направленность, ведь никто не разводит кошек-крысоловов. Только китайцы, у которых есть фермы, где специально выращивают кошек и их природные свойства используют куда лучше гербицидов, а у нас это забыто. Вспомните, кошка пришла к человеку как защитник зерновых запасов и спасла Египет от нашествия крыс и чумы. В общем-то спасла цивилизацию...

Не было организованных форм работы с любителями, не было информации. Следовательно, откуда взяться культуре содержания? Никто толком не знает о правилах содержания кошек и для чего они нужны. Слава богу, сообщили публично о том, что эти животные благотворно влияют на гипертоников, сердечников, людей с тахикардией. А есть еще и грация, красота, воспитание...

— Тут вам десятки людей сразу скажут о неблагоприятных последствиях жизни кошки в доме, о запахах...

— Все идет от того же невежества. Обращайтесь в объединение, и вы получите квалифицированные советы. И два слова о неточной информации. Вот дали газеты заметку о СПИДе у японских кошек. Зачем это? Во-первых, непроверенные данные. Во-вторых, даже если это так, то человеку ничего не передается. А знаете, что стало происходить? Люди выбрасывают животных на улицы. Убивать, правда, не у всех рука поднимается...

Ю. КУКЛАЧЕВ:

— Некоторые говорят — как бы тайну приоткрывают над моей профессией: он их бьет. Применяет гипноз, действует болевыми ме-

Юрий Куклачев.

тодами. Мне таких людей жалко. У них душа черная. Или они совсем безграмотные. Или это зависть. Животных бить нельзя! Они никогда больше к тебе не подойдут, на руки не сядут. А на добро они отвечают тем же.

— Наверное, многие знают, что было для кошек мрачное время — средние века. Их преследовали как ведьмино отродье, сжигали... Но не все догадываются, что прошлое вернулось — кошек чуть ли не живьем обдирают на шапки, обливают бензином на глазах детей.

Персидский кот Инклюс.

— Это малоприятная тема, но сказать необходимо. Дети, чаще подростки, предоставленные сами себе во дворах, не знающие, куда податься, занимаются чудовищными вещами, ведут в полном смысле слова двойную жизнь. А родители просто не верят, что их воспитанные чада могут так поступать — например, растягивать кошек на ветках или сжигать их живьем. Такие молодые люди вырастают с явными психическими отклонениями, в будущем это либо преступники, либо садисты, либо то и другое вместе. Тут дело прежде всего не в кошках, а в людях, хотя животных тоже страшно жаль.

Ю. КУКЛАЧЕВ:

— Показали мне однажды объявление, заготовленное исполкомом одного из районов Куйбышева. За живую кошку — 1 руб., за труп кошки — 50 коп. Было там и о собаках. Привезла мне этот документ Вера Ивановна Маркина, пенсионерка, большой энтузиаст в деле дрессировки кошек. У нее в доме, в однокомнатной квартире, жили сиамские кошки и говорящий скворец. Вера Ивановна давала концерты со своими питомцами, а заработанные деньги переводила в Фонд мира. И в один прекрасный день в отсутствие хозяйки в квартиру, взломав дверь, проникли служивые люди, облили жилье вонючей пеной. Мертвые животные стали разлагаться... Сколько порогов обила тогда Вера Ивановна — и ничего. Я считаю, что такое отношение к людям и животным — преступление против Советской власти. И Куйбышев в этом отношении далеко не единственный пример.

Четырехухая кошка.

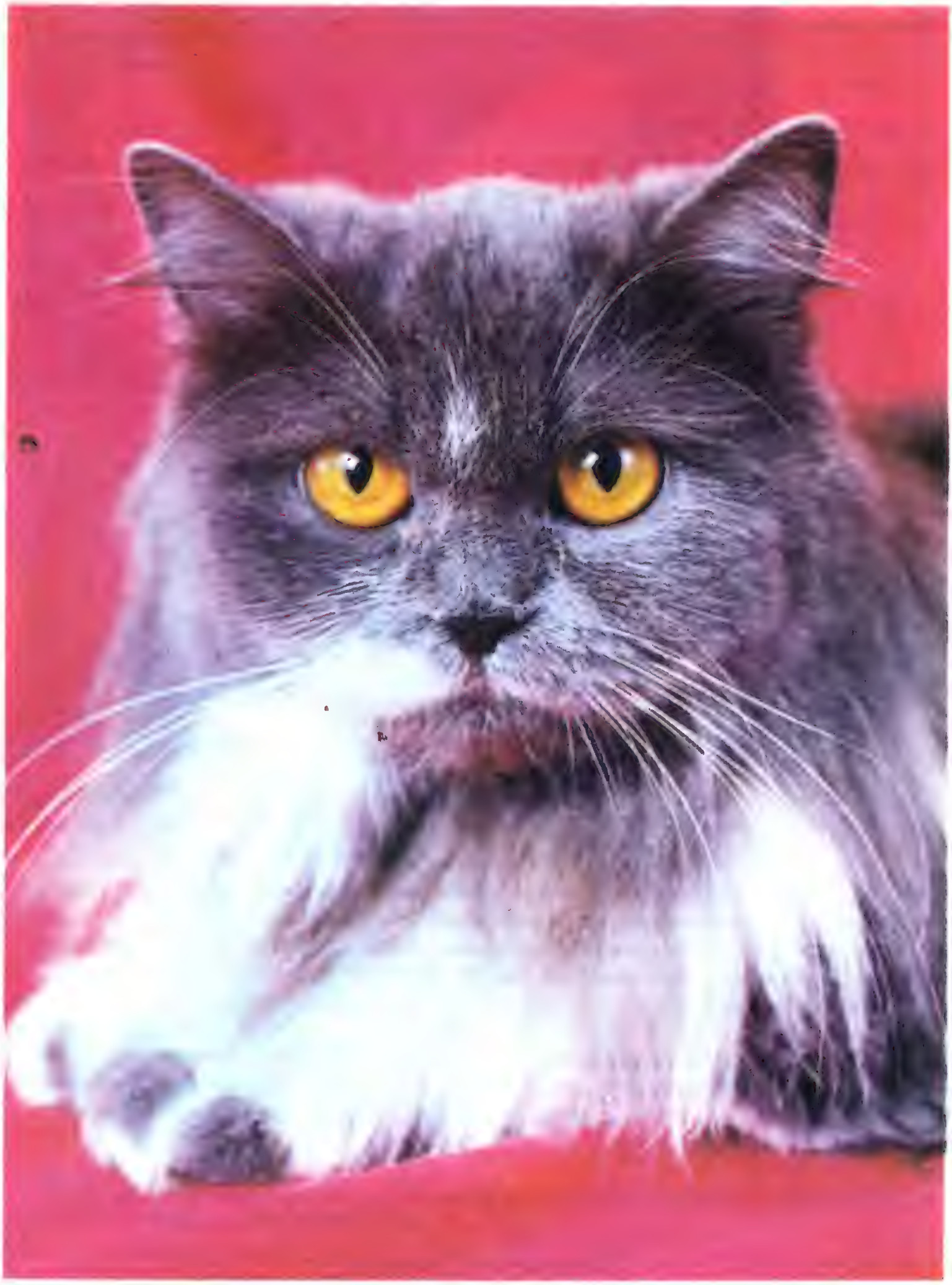
— В вашем объединении подобные вопросы рассматриваются?

— У наших коллег — в объединении защиты животных — есть специальная инспекция, которая расследует такие факты. Но тут происходит странная вещь: граждане, которые были свидетелями жестокости, долго и подробно рассказывают всем знакомым и соседям о бесчинствах, а как только дело доходит до показаний рот на замок, и уже уголовное дело не заведешь — нет фактов. К сожалению, не существует пока статьи об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными, но есть приказ МВД, по которому такие случаи могут быть рассмотрены в рамках уголовной ответственности за хулиганство.

Антон КИЯН
Фото А. КАЛАШНИКОВА

Продолжение следует

Первая страница обложки «Товарища»: Инженер-технолог завода при МНТК «Микрохирургии глаза» Ольга Булгина (репортаж «Навстречу мечте» читайте на стр. 142). Фото А. ГЕОРГИЕВА.



Персидская кошка Алка.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Лариса ЗАХАРОВА
Владимир СИРЕНКО

ПЕТЛЯ ДЛЯ ПОЛКОВНИКА

Роман

Окончание. Начало на стр. 91

Неопределенных формулировок полковник не любил и ушел из прокуратуры с чувством легкого неудовольствия. Что значит «будем работать»? Каждый день работаем.

Командировка в Астрахань стала для Быкова результатом анализа двух записных книжек — Балакина и Киреева. Они с лейтенантом Сиволодским сверили содержание книжек и нашли две разные записи, которые предположительно можно считать однозначными. Набор цифр и инициалы «Т. К.» — у Балакина и те же цифры, плюс к ним еще три в скобках, заглавная «Т» — в записной книжке Киреева. Цифры в скобках оказались кодом междугородней телефонной связи Москвы и Астрахани. Кто такой Т. К.?

Астраханские коллеги дали ответ на запрос: телефон записан на имя Тофика Калиева, главного технолога одного из заводов объединения Каспрыба.

— А знаете, Вячеслав Иванович, — вдруг задумчиво сказал Сиволодский, глядя на справку астраханского УВД, — когда мы работали с вами на хладокомбинате, я обратил внимание на таблички, которые иногда появлялись на некоторых хладоустановках: «Остановлена на ремонт», «Временно отключена», «Не работает»... И сейчас пришла мне в голову вот какая мысль: Преснецов ведь был главным инженером, заведовал этими самыми аппаратами, он в принципе мог развешать таких табличек, сколько ему надо, а в эти вполне исправные моро-

зильники, хладоустановки заложить все, что хочешь и сколько хочешь.

Быков улыбнулся:

— Свежая мысль, Мишель. Ты хочешь сказать, не хранилась ли таким образом под контролем Преснецова «левая продукция»? И не могла ли она поступать с Каспрыбы? У Киреева о товарище Калиеве не спросишь. У Балакина... Он скажет, что однажды просто отдохнул у Тофика на даче по рекомендации Киреева. — После этого Вячеслав Иванович надолго задумался. Сиволодский даже начал вопросительно поглядывать на него, но тот молчал. Потом Быков подвинул к себе внутренний телефон и позвонил Абашкину в ОБХСС.

— Николай Иванович, вспомни, пожалуйста, тот самый знаменитый хладокомбинат, где работали Балакин и Преснецов, имел дело с объединением Каспрыба? Отлично... Уточни.

Быков положил трубку и вдруг спросил лейтенанта:

— Ты голубенькие такие коробочки с осетриной свежемороженой по четыреста граммов фасованной, четыре рубля стоит, брал когда-нибудь?

— Да... Бывало. А что?

— Так вот, именно эта продукция поступала на хладокомбинат с рыбозавода из Астрахани. Все, беру командировку.

Повидавшись со следователем прокуратуры Анищенко, Вячеслав Иванович поехал домой собираться.

В почтовом ящике что-то белело. Быков удивился — утром он взял газеты.

Вынул конверт. В нем лежал сложенный стандартный листок писчей бумаги. Вырезанными из газеты буквами было наклеено: «Быков, трепещи!» — а внизу тоже, видимо, вырезанный из какой-то памятки по технике безопасности череп с костями.

— Сволочи!.. — безадресно ругнулся Вячеслав Иванович и скомкал бумажку. — А, ерунда, не первый раз угрожают!

VII

Чесноков, выборочно просмотрев дела, которые вел полковник Быков за последнее время, составил список тех лиц, кого счел нужным проинтервьюировать.

Если бы кто-то задумался, почему Чесноков счел це-

лесообразным встретиться именно с этими людьми, первым объяснением было бы: это свидетели, которые могут дать нейтральный отзыв о полковнике. Не обращаться же к тем, кого Быков своими розыскными и оперативными действиями посадил на скамью подсудимых. Или к тем, кого он так или иначе выручил из беды. Свидетель же даст наиболее объективную оценку. Все было бы так, если бы Чесноков, тщательно выбирая для себя интервьюируемых, не искал среди них тех, кто сам едва удержался на грани между лицом, свидетельствующим по делу, и лицом, в деле замешанным. «Они этого Быкова, — думал Чесноков, — по сей день боятся. А значит, и ненавидят».

Таким образом в списке Чеснокова оказались — некто Лепшталь, инженер, некогда занимавшийся незаконным промыслом, звукозаписью, метрдотель одного из центральных ресторанов Марина Павловна Карташева, врач Нечаева, проходившая свидетелем по делу о розыске гражданки Зайцевой — «любопытное, путаное дело, кроссворд, рассчитанный на логику и интуицию» — профессионально думал Чесноков, читая его материалы: работа Быкова восхитила его. Список получился длинным, ведь для полновесного журналистского материала одних авторских размышлений мало, нужна крепкая фактура.

«Да здравствует его величество факт!» — думал Чесноков, направляясь к Илье Семеновичу Лепшталю.

VIII

Когда-то Валя Чесноков был тщедушным белобрысым пареньком, мечтающим об известности, почете и деньгах. Из маленького города он поехал поступать в Московский государственный университет. В родном городе Валентин уже вкусил радости местной популярности: его репортажи и интервью печатались, читались, его узнавали на улицах, а знакомые и родственники видели в нем недюжинный талант.

Ребята, стоявшие с ним в очереди на сдачу документов в приемную комиссию, демонстрировали свои вырезки из центральных газет и журналов, а также справки о публикациях на бланках с грифами ТАСС, АПН и Гостелерадио. Зубы Вали непроизвольно заскрипели. Но документы он благополучно сдал. И в МГУ его приняли. Но с тех пор нечто неутоленное поселилось в нем. Он никак не

мог попасть в компанию своих однокурсников, носящих известные фамилии. «Эти пойдут далеко, — размышлял Валя, лежа на койке в общежитии. — Эти не поедут в районки. Эти не будут месить грязь в глубинке».

Но пока Валину компанию составляли простые ребята, соседи по общежитию.

— Я, понимаешь ли, хочу специализироваться на международной публицистике, — признался однажды Валентину парень из их компании. — В международных отношениях я ориентируюсь. Всего Потемкина прочитал.

Чесноков при этом подумал, что имеется в виду Потемкин — сподвижник и фаворит Екатерины II, но никак не мог взять в толк, зачем читать труды этого деятеля, даже если он писал что-то там по дипломатии — тогда все писали: XVIII век — просвещение.

Спустя много лет Чесноков узнал все-таки, какой труд в действительности читал его однокашник — «Историю дипломатии» Владимира Петровича Потемкина, крупнейшего советского дипломата и историка международного права. И когда узнал, опять за сердце укусила та змея, что поселилась в его груди уже в первые студенческие годы, змея недообразованности, поверхностности.

На третьем курсе Валентин обратил внимание, что иных уж нет в общежитии, хотя и мелькают в университетских коридорах. Женились. На москвичках женились. Опять-таки нашли путь к решению стольких жизненно важных проблем!

Девушки не обращали на Валю особенного внимания. Девушкам нравятся высокие, спортивные, модно одетые. И Валя, правда, тоже никого не отмечал. Но понял, что настало время «заняться», так сказать, «женским вопросом». Вскоре высмотрел одну с исторического. Навел справки. Москвичка, живет в Жаворонках, потому как родители у нее за границей, а в дачном поселке основались дед с бабкой на генеральском гектаре. Последняя информация поразила Валю в самое сердце. Уж никак эта Неля не была похожа на дочь заграничных работников и генеральскую внучку! Коса, ноль косметики, черный костюм, очки. Познакомиться удалось на новогоднем вечере в ДК гуманитарников. Он улучил минутку и сказал:

— Я знаю, вас зовут Неля, вы будущий историк и настоящий ленинский стипендиат. Если захотите обратиться

ко мне, имейте в виду, что зовут меня Валентин и я учусь на журфаке.

Она поглядела внимательно, но без улыбки.

После каникул он увидел Нелю в библиотеке — она читала старую, довоенную подшивку немецкой газеты, и и что его потрясло больше всего — читала без словаря!

Оказалось, Неля работает над исследованием связей ВКП(б) и КПГ. Чесноков даже подивился, как это она способна заниматься таким кропотливым, а значит, скучным делом, в котором результата быстро не получишь.

Он узнал, что родители Нели живут и работают в ФРГ, отец внешторговец. После этого сообщения Валентин голову себе сломал, размышляя, почему у Нельки, в таком разе, нет фирменных тряпок и разных заграничных побрякушек? Не присылают? Жадные? — беспокоился он.

Ему было трудно с ней, но встречались, она его не отвергала, хотя к нему не заходила и к себе не приглашала, только позволяла проводить до электрички на Жаворонки.

Предложение он сделал, когда сажал Нелю в международный спальный вагон — на каникулы родители прислали ей вызов. В этом тоже был для него свой смысл: оставайся она в Москве, нужно было бы суетиться. А это лето Валя собирался целиком посвятить делу, ведь он сумел получить запрос от самого Макина. Тут же, на перроне, Неля согласилась стать его женой. На том и расстались. Впереди ждал заключительный пятый курс.

Свободный от ухаживания, от сложного общения с интеллектуалкой, Чесноков взялся за дело с утроенной энергией. И своего добился. В конце августа Макин предложил ему полставки в отделе у Киреева, естественно, с оговоркой, если студент получит на то благословение деканата в виде свободного посещения лекций и семинаров. Это уже было нетрудно устроить. Главное — в журнале он стал своим по закону, и дважды в месяц получал хоть и половинчатый, но оклад. И тут он понял, что такое деньги. На всю жизнь понял. Нет, это вовсе не эквивалент товара. Это даже не предтеча независимости. Это объективная оценка личности, возможность окончательно утвердить себя. Если тебе много платят, ты — дорогостоящий товар, тебя будут беречь, холить.

И еще Валентин понял: надо любыми средствами добиваться популярности. Популярность — это публикуе-

мость, это заказы от других изданий, а в конечном счете — деньги. Деньги!

Киреев учуял в Чеснокове «своего». И понял — парню надо поддуть ветра под крылья. Сделаешь его своим, дашь ему побольше заработать, и он окажется дельным помощником. Потому Киреев и предложил Макину взять этого «головастого» парня, который явно незауряден, хотя и не всегда грамотен. Зато — личность. И заработал Чесноков у Киреева, как робот. Он прямо-таки влюбился в Киреева, особенно после того, как пошли «обмывать» его первый журнальный трехсотрублевый гонорар и Виктор Николаевич не позволил Валентину расплатиться.

— Тебе, дружок, эти деньги нужны. Приоденься. Поднакопи. Я слышал, ты собираешься жениться? Может быть, тебе нужно в долг? Я могу предложить, я же знаю, вижу: за тобой не заржавеет.

В сентябре вернулась Неля. А он все больше понимал, что, женись он на Неле, ему всю жизнь придется играть при ней себя. И все время сознавать, как ему, по сути, до нее далеко, как надо тянуться, насиловать свою натуру.

Тягомотное состояние заметил Киреев. Раз спросил участливо, два спросил... Чесноков отделывался общими словами, но когда Виктор Николаевич сказал: «В таком состоянии ударные материалы не пишутся», — Валентина как прорвало. Он начал говорить. Он начал рассказывать. И как тяжело ему с Нелей, хотя, вроде, он даже любит ее, и как нельзя уже не жениться, потому что родители ее уже знают, обязанность уже наложена, тем более это такая семья... А не женись он на ней, что ему вообще делать без столичной прописки? Штатной работы в журнале ему не видать как своих ушей! И других кандидаток в невесты нет и взять негде, во всяком случае, быстро!.. Все летит в пропасть!..

— А я хочу работать с вами, — заключил Чесноков свой страстный монолог.

— Да, брат, — с пониманием сказал Виктор Николаевич. — Трагедия... Быть подкаблучником по слабости мужицкой натуры — это одно, таких пруд пруди... А вот оказаться подкаблучником, так сказать, надстроечного порядка — духовным, интеллектуальным... Тем более большой любви нет! А потеряв себя, погибнешь как журналист.

Киреев угадал сущность жизненной цели Чеснокова.

В конце того же дня Виктор Николаевич сам вернулся к этому разговору:

— Был я у Макина. В общем, Валек, дела твои не так уж плохи. Пока решили оформить тебя на радио, на один завод, литрабом. Самой по себе ставки литраба у них нет, есть ставка станочника. В станочники берут лимитчиков, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хату дадут, прописку временную. Работать, естественно, будешь у нас. Неужели у тебя не найдется однокурсника, который заменил бы тебя на том радио? А трудовую книжку его мы возьмем. Твоя пока в заводоуправлении полежит. Ну, естественно, ты тому парню с каждого гонорара... будешь отстегивать. А там... Там посмотрим. Главное — сейчас выкрутиться. Не найдешь человека — скажи, мы найдем.

Это была кабала. Но не ярмо под Нелькой. Это была афера чистой воды. Но коль все шито-крыто, зачем дергаться? Однако честолюбие Чеснокова получило от этой кабалы, аферы, унижения такие шенкеля, что он заработал как машина. Не спал ночами от переутомления — мозг пылал темами, образами. Решение было твердым: эту гадкую жизнь он все равно под себя подомнет.

С тех пор Валентин считал себя по гроб жизни обязанным Киреву. Виктор Николаевич его спас. Это была их взаимная тайна, хотя о ее сохранении они никогда не договаривались, да и вообще никогда, до самой гибели Киреева, не вспоминали об этом. Нет, рабом Киреева Чесноков не стал. Но стал достойным коллегой, опорой, партнером. Хотя во многое, предпринимаемое Виктором Николаевичем, Валентин посвящен не был.

Лимитные годы прошли. У Чеснокова появилась двухкомнатная кооперативная квартира в центре. Никто уже не помогал, сам себе помог. Трудовая книжка легла наконец туда, куда ей и полагалось. У Валентина появились «Жигули», честно приобретенные: мать умерла, и он продал частный дом. Но так и не женился. Семья — это такие расходы!.. Так и исписаться недолго. А Чесноков свой дар берег, как хороший мастер — инструмент.

Кто-то ему недавно сказал, что Неля вышла замуж. Надо же, ведь ей уже под сорок... В эти воспоминания Чесноков ударился по пути к Лепшталю не случайно. Киреев его спас. Сейчас он обязан спасти Киреева. Это его святой долг.

IX

Жестом профессионального розыскника Чесноков вытащил из кармана и положил перед Лепшталем фотографию Быкова — нашлась в фотохронике ТАСС.

— Вы знакомы с этим человеком? — спросил жестко.

Лепшталь сжался.

— Сегодня мы будем говорить о вашем прошлом, связанном отношениями с Быковым, — строго предупредил Чесноков. — Насколько я понимаю, полковник милиции Быков, войдя в доверие к вам, привлек вас по делу о незаконном промысле вашего товарища, Валерия Волгина. Так?

— Да...

— Волгин осужден, вы на свободе. Как это понимать? Ведь вы тоже занимались незаконным промыслом?

— Позвольте, — всколыхнулся Лепшталь. — Что вы...

— Волгин в тюрьме, вы процветаете. Какую взятку потребовал с вас Быков, чтобы провести по делу только свидетелем?

У Лепшталя побелели губы.

— Да нет, господь с вами...

В эту минуту он забыл, что Волгин был осужден даже не столько за запрещенный промысел, сколько за грабеж с убийством, совершенный задолго до того, как записал первую магнитофонную ленту «на вынос».

— Я могу присягнуть, что никогда никаких предложений... Быков только предупредил меня, что я могу понести ответственность, — отрывисто оправдывался Лепшталь.

— А завуалированная взятка? — Строгий тон Чеснокова окрасился металлическими нотками.

— То есть?..

— Со слов одного из свидетелей, вы обычно брали со своих клиентов меньше, чем Волгин. Быков записывал музыку и у вас, и у Волгина, я могу сделать вывод: с Быкова вы брали гораздо меньше, чем с остальных.

— Подождите, все не так... — Лепшталь беспомощно покачал головой.

— Вы снизили цену, когда в круг ваших клиентов вошел полковник Быков, так?

— Да нет, тогда я брал по десятке, полковник Быков так и платил мне.

— Он и сейчас записывает у вас музыку?

— Нет. После его предупреждения я не занимаюсь...

— Когда вы давали показания против Волгина, Быков шантажировал вас, давил, стремясь получить против Волгина годную для обвинительного заключения фактуру?

— Что?.. Нет! Он только спрашивал, откуда у Волгина дорогостоящая аппаратура. И предупредил, что мое занятие является нарушением. Нельзя. И все.

— То есть он вам продемонстрировал, что ждет Волгина — а Волгина ждала тюрьма, — и отпустил вас в благодарность за компромат против Волгина.

У Ильи Семеновича голова шла кругом. Ему было физически плохо. Он не знал, как отвечать этому человеку.

— Так вот, ставлю вас в известность, что, привлекая вас... по делу Волгина, Быков нарушил... Мы вас вызовем, когда понадобится... — Лепшталь лишь покорно кивал.

— Данные о взятке, полученной Быковым от вас, подтверждаются. По этому поводу вы также будете своевременно приглашены компетентными органами. — Лепшталь кивал, как заводной болванчик.

Выйдя на улицу, Чесноков решил заранее назначить еще одну встречу. С доктором Нечаевой...

Он вошел в ближайшую будку телефона-автомата.

— Ирина Платоновна? С вами говорит журналист Чесноков. Обозреватель журнала... Хотелось бы увидеться на предмет интервью. Как с чем связано? С тем, что руководство вашей поликлиники рекомендовало вас как интересную яркую личность. Назначьте место. «Космос» на Горького? Конечно, знаю. Так... Хорошо. Значит, до завтра, Ирина Платоновна.

X

Тофик Садыкович Калиев твердил одно: познакомились они с Виктором Николаевичем в Сочи в ресторане «Жемчуг», поддерживали дружеские отношения весь отпуск, ведь жили в одной гостинице — «Кавказ». На прощание обменялись адресами. Когда Калиев приезжал в Москву, то навещал Киреева. Вместе бывали в ресторанах, театрах. Знал жену Виктора Николаевича Ирину Владимировну, потом познакомился и с Лидией Сергеевной. С Преснецовым знаком, с Балакиным знаком, с шеф-поваром Глебом, фамилию забыл, тоже знаком. Сюда эти люди тоже приезжали, на рыбалку, на даче хоро-

шая рыбалка. И икру можно сделать... Только самодельная долго не хранится, добавлял Калиев, хитро глядя на Быкова: мол, в спекуляции не заподозришь. Эту икру далеко не увезешь...

Полковника настораживало лишь одно — о смерти Киреева Калиев узнал только от Быкова. Если не притворяется, то этот факт говорит о том, что либо все «деловые» отношения с Киреевым и Преснецовым прекратились после «разгона» хладокомбинатского начальства, либо они вообще не касались хладокомбината — и Быков сейчас идет по тупиковому пути следствия.

— С Треуховым Киреев вас никогда не знакомил? — спросил Вячеслав Иванович.

— Это с каким еще Треуховым? — вскинул брови Калиев. — С этим бандитом, прорвавшимся к власти над торговлей? Я с преступниками не вожусь!

— Ну, положим, это сейчас Треухов известен, как преступник. А всего каких-то пять-шесть лет назад — вполне уважаемый человек, пожать руку которому многие считали для себя за большую честь.

— Я не подлипала! — с восточной гордостью отказался от знакомства с Треуховым Тофик Садыкович.

— Короче, с Треуховым вас не знакомили, — подытожил Быков. — Так и внесу в протокол... — Он внимательно посмотрел на Калиева. Думал, сейчас заерзает, ведь и у Треухова можно спросить... Но Калиев остался безмятежен.

— Ну а что за человек Киреев?

— «Аут бене, аут нихиль...» Так говорят?

— Да, так, — усмехнулся полковник. С латынью, оказывается, знаком его собеседник: «О мертвых или ничего, или хорошее». — Так что вы предпочитаете — молчать о Киреева или расскажете что-то достойное его памяти?

— Плохого мне нечего о нем сказать. Приятель. Понимаете? Приятель! Что тут плохого? А хорошего могу рассказать сколько угодно — записывайте! Никогда ни в чем не подводил! Положиться можно, довериться можно... — горячо заговорил Калиев.

Вячеслав Иванович остановил его:

— Давайте договоримся так. Общих слов мне не надо. Мне нужны конкретные факты. Вы вот сказали, Киреева можно было довериться. В чем же вы доверялись ему?

— Ну... такие дела... Девочки... И чтобы Надя, жена, не знала. Она ревнивая...

«Улизнул от ответа, — отметил Быков. — Но прижать нечем. Пока не разберусь, что к чему на рыбозаводе, прижать нечем. А вот если найду, придется тебе со всей искренностью признаваться, в чем ты доверялся Киреева».

— Как я понял, Киреева вы знали лучше, чем Преснецова?

— Да, конечно, — кивнул Калиев.

— Но тем не менее, что за человек, по вашему мнению, Преснецов? На него тоже можно положиться?

— Я плохо его знаю, но друг моего друга — мой друг. Одно могу сказать — Преснецов богатый человек, я был у него дома, видел его вещи. Богатые люди — равнодушные люди. Так на Востоке считается.

— Что ж так нелестно о друге своего друга?

— Почему о смерти Виктора от вас узнал?!

— А что Балакин арестован, Преснецов довел до вашего сведения?..

— Да? Что же он натворил? Тихий такой... — Удивление Калиева было неподдельным.

— Натворил... И притом на пару с Киреевым. Только вот Киреева убили, а Балакина, видимо, спасли крепкие стены тюрьмы.

— Киреева убили?.. Я понял вас, что он умер! Виктора убили?! Какой шакал посмел поднять...

— Не знаю, Тофик Садыкович, пока не знаю, что за шакал. И правильно вы сказали, Преснецов — равнодушный человек. Я встречался с ним после смерти Виктора Николаевича. Эта смерть вас потрясла куда больше, чем его, как я вижу.

— Ай, шайтан... — причитал Калиев.

— Когда в последний раз вы виделись с Преснецовым, говорили с ним, звонили ему, писали? Он вам писал?

— Да не писал, не звонил, не говорил я с ним! Уж года два!.. — выпалил Калиев, раскачиваясь всем телом, горестно обхватив руками голову. — Ай, шайтан...

«Да, отношения прекратились, как только Преснецов ушел с хладокомбината...»

— А с Киреевым?

— Виктор мне звонил, когда умерла Мария Викторовна.

— Вы знали, что Киреев открыл кооперативное кафе?

— Ничего больше не знал. Как умерла Мария Викторовна, ничего о Викторе не знал.

— И он больше не звонил и не писал вам?

— Ну да! Траур у человека! Чего писать?

«Почему же Киреев не стал завязывать деловых отношений с этим рыбозаводом, где, казалось бы, у него есть свой человек? Почему предпочел обратиться в «Звейнекс», а не сюда? Потому что опасался идти по пройденному пути?.. Да... Видимо, зря я поехал в Астрахань. Было у них что-то. Два года Калиев и Преснецов не знаются. Было да сплыло! И как реконструировать это былое, я пока не знаю. Тем более директор на рыбозаводе новый, о Тофике Садыковиче самого высокого мнения как о старейшем работнике предприятия. Надо возвращаться к делам хладокомбината...»

— А почему, Тофик Садыкович, вас не удивляет и не огорчает, что Балакин арестован? Вы и знакомы, и являлись деловыми партнерами.

— Да... Я Балакина совсем мало знаю. И потом... Он бухгалтер, значит, на деньгах сидит, кто на деньгах сидит — тот рано или поздно сядет. Деньги ведь соблазнительны, — Калиев поежился. — А мне что... Я не знаю, как пахнут деньги. Для меня важно, чтобы у рыбы запах свежий был.

— Почему ваш рыбозавод прервал отношения с Москвой?

— Вы меня так спрашиваете, словно наш завод — частная лавочка. Куда наши фонды переориентировали у вас, в Москве, туда наша продукция и пошла. Сейчас даем рыбу Киеву и Новосибирску. Почему? Спросите у Минрыбхоза, — в тоне Калиева слышалось и раздражение, и какая-то давняя неудовлетворенность.

Сотрудники отдела по борьбе с хищениями соцсобственности проинформировали Быкова, что обстановка на рыбозаводе спокойная. Ревизии, проверки всегда разрешались благополучно, как и последняя, проведенная по инициативе нового директора.

«Осторожный человек», — подумал о новом директоре Вячеслав Иванович и направился к нему.

— Честно говоря, меня очень смутило ваше появление в наших палестинах, — сказал Быкову директор, молодой человек тридцати пяти лет. — Давайте брать быка за рога: что вас привело к нам? Будем говорить как профессионалы. У меня два высших: Московский рыбный и юрфак Казанского университета.

— Стало быть, на должность директора вас избрали,

Евгений Михайлович? — Полковник смотрел на него с чисто человеческим любопытством. — Первый раз говорю с избранным руководителем. Тяжелое испытание для честолюбия?

— Я перенес легко. Сюда рвался только ради возможности работать самостоятельно.

— А почему «прокатили» бывшего замдиректора, Уткина?

— Его «прокатили» потому, что слишком много в рот смотрел бывшему директору. Да и не считали Уткина на заводе порядочным человеком. Какие-то грешки, как намекалось, за ним водились. Уж не они ли и познакомили нас с вами, Вячеслав Иванович?

— Боюсь пока что-либо утверждать. Пытаюсь разобраться. В каких отношениях Уткин был с Калиевым?

— В совершенно непримиримых. Камень преткновения — вопрос плана любой ценой. В том числе и закупок красной рыбы не у совхозов и колхозов, а у частных лиц. Честно говоря, я ни разу не видел ни одного документа на этот счет, но говорят, подобные факты случались. Тофик Садыкович блюл и блюдет репутацию предприятия.

— А на Москву у Уткина были личные выходы?

Директор махнул рукой:

— Как я могу ответить на такой вопрос? Я мало знаком с Уткиным, а теперь он переехал в Керчь — ведь работать нужно по специальности. Он рыбник.

— Уткин ушел с завода из-за оскорбленного самолюбия?

— С одной стороны, да. А в общем, он подвел меня. В частности, Уткин руководил вопросами снабжения и сбыта. Можно сказать, план июня сорвали по-глупому, а я считаю — из-за халатности Уткина. Оказалось, не во что паковать продукцию. Уткин так и не смог договориться с картонажниками — такие голубенькие коробочки, видели, наверное...

— Когда, говорите, не выполнили план?

— В июне. Картонажники подвели... И Уткин не среагировал вовремя. Запросы писали, объяснялись, чуть ли не до арбитража дошли, хотя вполне могли без бумаг обойтись — вон, окна кабинета директора «картонки» из моих окон видны, — показал Евгений Михайлович.

«В июне Уткин еще работал здесь, — подумал Быков. — Не хватило коробочек... И тут-то он уволился. По-

чему же не договорился с картонажниками при новом директоре? Специально, чтобы сорвать новому директору план? Или были более веские основания?»

— Евгений Михайлович, а вы не могли бы позвонить вашему соседу? — Быков кивнул в сторону окна. — Я хотел бы встретиться с ним.

XI

Они обсудили все наболевшие вопросы здравоохранения.

В кафе не попали, сидели в сквере у памятника Юрию Долгорукому. Он постепенно переводил разговор на проблему человеческого одиночества как фактора заболеваемости. Она фыркнула:

— Я тоже живу одна, и ничего, вполне здорова, и нервная система у меня покрепче, чем у замужних подруг.

На том он ее и поймал.

— Вы настолько оберегаете свои нервы от любых встрясок, — вкрадчиво заговорил Чесноков, — что вас не особо задела даже печальная история с вашей ближайшей подругой, Юлией Зайцевой. А вы, как сказано в частном определении суда, вы — одна из тех, кто создал предпосылки стресса, пережитого Зайцевой, стресса, поставившего ее на грань самоубийства. Вы знакомы с такой статьей уголовного кодекса — доведение до самоубийства?

В ее лице ни единая жилка не дрогнула.

— Не надо меня шантажировать, молодой человек, — сухо и равнодушно сказала Нечаева. — Во-первых, никакого самоубийства, как известно, не случилось. Во-вторых, не надейтесь на мою юридическую безграмотность. По итогам происшествия с Зайцевой действительно состоялся суд. Над Потехиной и Штерингасом, расхитителями и аферистами. И никаких частных определений в адрес других лиц суд не выносил и не мог вынести.

— Однако полковник Быков отмечал, что одной из причин состояния Зайцевой оказались ее резко ухудшившиеся отношения с мужем, а виновницей их охлаждения, между прочим, явились вы, Ирина Платоновна. Вы ведь были в связи с Зайцевым.

— Слушайте, вы, — она смотрела с презрением, голос стал резким. — На кого вы собираете компромат, под

кого копаете? Под Зайцева? Вы знаете, где он работает? И кем он работает? А между прочим, развод с Юлией никак не отразился на его положении. Я вот ему позвоню и расскажу о вас. Он вас в порошок сотрет.

— Что же он не стер в порошок полковника Быкова, который и его причислил к виновникам стресса Зайцевой?

— Этого не было. Ясно вам? Не было. И Зайцеву, имейте в виду, я позвоню, так и знайте. И имейте также в виду: мои отношения с Зайцевым изжили себя давным-давно. И не вздумайте шантажировать его и меня ими, — она встала и пошла.

Чесноков с ненавистью смотрел ей в спину. С этой тоже не вышло, как не вышло с Москвиной и Тронскими. Неожиданно Чесноков испытал острое желание выпить. И вспомнил, что ресторан, где работает Марина Павловна Карташева, совсем рядом. С подачи Быкова по ней выносилось частное определение за спекуляцию валютой и были приняты административные меры — из лощеных метрдотелей Карташева оказалась переведенной на полгода в рядовые официантки. Этого она Быкову, конечно, и по сей день не простила, хотя давно восстановлена в прежней должности. Она и даст материал.

XII

— С этим картонажным цехом я всю жизнь мучаюсь, — раздраженно говорил директор картонной фабрики. — До того надоело! Никакого учета, никакого контроля! Выгнал начальника цеха! Безобразие одно... Рыбники жалуются. Их предприятие из-за нас план не выполнило! Как так?! Отгрузили им ровно столько этих коробок, сколько им положено... Вот, смотрите, вся переписка по поводу этих коробок. Отгружено как положено. Хотя они привыкли, чтобы у них был запас. Уткин, бывший замдиректора, всегда письма писал, каждый месяц: «В связи с перевыполнением плана»... — директор картонной фабрики подвинул Быкову папку с перепиской.

— Скажите, много они обычно просили дополнительной тары?

— Конечно. Возьмем за единицу тонну осетрины. Это две с половиной тысячи коробок. А речь шла не об одной тонне.

Быков кивнул. Оценил масштабы. «Что-то я не слы-

шал, чтобы рыбозавод перевыполнял план, — подумал он. — Однако Уткин...»

Директор не дал ему додумать:

— Не жалею, что Зибуллина выдворил... Ох, хитер был! Специально такой беспорядок в отчетности с этими коробками устроил, чтобы не разобраться!.. А мы — картонная фабрика и вполне могли бы жить без картонажного цеха. Но это любимое детище Зибуллина. Он — его создатель. Но все, уехал в Керчь, тоже, наверное, что-нибудь там создавать!

«В Керчь поехал Зибуллин, башкир по национальности, — размышлял Вячеслав Иванович. — А у Калиева жена башкирка. Уткин тоже уехал в Керчь. Следовательно, логично уточнить, не родственники ли через жену Калиев и Зибуллин, не за Уткиным ли поехал Зибуллин в Керчь, на приготовленное местечко? Наверное, самому надо поехать туда...»

На столе директора зазвонил телефон.

— Вячеслав Иванович, — обратился директор. — Вас просят из УВД.

Звонил дежурный. Он сообщил, что полковника Быкова разыскивает его московское руководство.

«Что еще такое?» — удивился Быков. Генерал Панкратов приказал ему немедленно возвращаться, никаких доводов о продолжении расследования и слышать не хотел.

— Ты отозван, — сухо сказал Василий Матвеевич, так сухо, что Быкову очень не понравился его тон.

XIII

Когда полковник вышел из кабинета генерала, ему вдруг показалось, что ковровая дорожка, устилавшая длинный министерский коридор, неожиданно поплыла... Вячеслав Иванович невольно оперся о стенку.

Он вошел в кабинет, сел к столу. Нащупал ключ от сейфа — тот был на месте, в кармане. В сейфе лежал пистолет. Одно движение — и этот кошмар прекратится. Но нет, он не станет стреляться.

В присутствии секретаря партийной организации управления и незнакомого полковника из управления кадров, который будет возглавлять комиссию служебного расследования, генерал предъявил Быкову три документа.

Постановление прокуратуры о прекращении уголовно-

го преследования гражданина Ильина ввиду отсутствия доказательства виновности и наличия алиби.

Представление прокуратуры в МВД СССР о незаконных методах дознания, примененных следователем по особо важным делам полковником милиции Быковым В. И. к гражданину Ильину С. М. с целью получения признания своей вины в убийстве гражданина Киреева, а также о незаконном аресте Ильина.

Постановление об отстранении полковника милиции Быкова В. И. от ведения следствия по уголовному делу об убийстве гражданина Киреева и назначении служебного расследования в отношении полковника Быкова.

Вячеслав Иванович сразу же вспомнил дрянную бумажку с угрозой. Вот, достали-таки... Зачем он ее выбросил?.. Но сейчас не расскажешь об этом немолодым серьезным людям с погонами старших офицеров.

— Пишите объяснительную, товарищ Быков, — сухо сказал генерал.

— А что, собственно, я должен объяснять?.. Никаких недозволенных методов... Меня самого насторожила такая быстрая готовность Ильина к признанию. Неестественно...

— Вот об этом и напишите, — заметил секретарь партбюро.

— Не было и не могло быть недозволенных методов! Никогда в моей практике! — повторил Быков запальчиво.

— Поезжайте в прокуратуру, почитайте показания Ильина. Посмотрите данные медэкспертизы... На теле у вашего подследственного — следы побоев.

— Но... — Вячеслав Иванович онемел. Он понял — все это реально и более чем серьезно. И все-таки... Посмотрел в глаза генералу — с Панкратовым они работали столько лет бок о бок, немало выпало на их общую долю...

— Вячеслав Иванович, — генерал наконец посмотрел в лицо Быкова, — что греха таить, арестовали вы Ильина незаконно...

— Но, Василий Матвеевич, неужели вы верите всему этому?

— Скоропалительно вы арестовали Ильина, — с укором повторил генерал. — Да, не сразу он предъявил свое бесспорное алиби, не сразу вспомнил и назвал свидетеля, который подтвердил, что находился вместе с Ильи-

ным весь тот день, в который был убит Киреев. Но ведь и вы не нашли этого свидетеля. Что же касается заявления подследственного, будто вы подвергали его истязаниям... Допросы шли один на один. У лейтенанта Сиволодского Ильин вины своей не признал. У вас признал. Быстро и полностью признал свою вину в тягчайшем преступлении! Таковы факты, Вячеслав Иванович. И не будем много об этом говорить. Служебное расследование покажет, какова истина. Поезжайте в прокуратуру.

«Почему он со мной так разговаривал? Неужели эти десять лет совместной службы ничего не значат? — тупо глядя на собственный стол, думал Быков. — Почему поверили этому проходимцу, а не мне? Как вообще могли усомниться во мне? Неужели не виден явный оговор?..»

Дверь кабинета тихо отворилась, и вошла майор Левченко.

— Вячеслав Иванович, дорогой, да неужели в это кто-то поверит? Убеждена, служебное расследование все отметет, сразу.

— Не надо, Валя, так легко подходить к этому.

— Следствие, которое вели вы, передадут мне. И надо довести его до конца — тогда все встанет на свои места. И ради вас...

— Не ради меня, ради истины... — глухо уронил полковник Быков.

Левченко заглянула в его лицо и осеклась, побледнела.

— Не верю! Боевой офицер Быков личное оружие в ход не пустит, — сказала требовательно, веско.

— Да, не пустит, — усмехнулся он в ответ. — У меня дети. Какая жизнь дорогая; Марина на свою зарплату да на пенсию за меня, разжалованного, их не прокормит.

— Типун вам на язык, — Быкову показалось, что в глазах у Валентины Михайловны появились слезы. — Надо думать, как выходить из положения. И ради вас, и ради истины, что для нас с Мишей совершенно однозначно.

— Поеду к Анищенко, — перевел разговор Вячеслав Иванович. — Что там этот подонок смог сочинить с такой убедительностью?..

— Следы побоев у него есть. Это верно. Но я обращала внимание Анищенко и полковника Петрова из наших кадров, который возглавляет комиссию служебного расследования, что эти синяки и ссадины — в таких местах, где он мог самотравмироваться. Например, ушиб

плеча. Да ткнись как следует о стенку, при хорошем замахе и ключицу можно сломать! Или на шейном покрове.

— А какое вынесла впечатление об Ильине, Валя?

— Не убивал он Киреева, Вячеслав Иванович, — она вздохнула. — Жаль, я раньше к этому делу почти не подключалась. Вы и эксперты настаивали на том, что узел в лассо, которым был задушен Киреев, азиатский... А это узел, каким рыбаки вяжут сети вручную. Сейчас редко кто владеет этим мастерством. Но я вас уверяю — это тот самый узел. Поверьте морячке. У нас в Сосновке каждый подтвердит. Ильин его вязать не умеет и не научится никогда. С этим надо родиться... Я смотрела ваши материалы по Астрахани. Вас не удивило, Вячеслав Иванович, что этот самый Уткин поехал именно в Керчь? А почему не в Батуми? Или не в Баку? И почему в Керчь за ним потащился картонажник? Совпадение? Вряд ли. И еще. Убийца Киреева — рыбак. Умеет сетевой узел вязать. Еще одно совпадение? Когда их слишком много, они перестают быть таковыми. Закономерность начинает просматриваться, как вы любите говорить. Значит, Керчь... И пожалуй, загляну-ка я еще в Астрахань, погляжу, не уехал ли с рыбозавода еще кто-нибудь, в Керчь или дальше. А полковник Быков, пока я буду путешествовать, наберется мужества. Договорились? Кстати, Василий Матвеевич, по-моему, только делает вид, что целиком доверяется факту. Но в душе своей... Уж поверьте моей чисто женской интуиции.

...Поговорив с Анищенко, которая ознакомила его с показаниями Ильина, Вячеслав Иванович понял, что домой ехать просто не в силах. Марина еще не знает, что он вернулся из Астрахани. И не надо ей видеть его в таком состоянии. Она умеет читать в его лице. А сейчас это лишнее. Он не сможет рассказать ей всего — и отмолчаться не сможет. Быков позвонил Павлову и напросился в гости, если можно, с ночевкой — разговор, предупредил, длинный и тяжелый.

— Что с тобой? — увидев полковника, удивился старый друг.

XIV

У Павловых уже все спали. Друзья специально просидели допоздна в прокуратуре, чтобы Быков не встретился с Катей и Димкой.

Быков успел рассказать почти все.

— Плохое дело, брат, — мрачно уронил Павлов. — Нет ни одного довода в твою пользу. Арестовали вы парня зря. Незаконно получается. Я принимаю твою точку зрения, что самого важного свидетеля Ильин специально утаил до поры до времени. Но и ты ведь не искал!

Вячеслав Иванович в ответ на это усмехнулся.

— Но с другой стороны, — продолжал Александр Павлович, — ты идешь по верному пути. Уж я на хозяйственных делах не одну собаку съел. И по логике развития хозяйственного дела, когда любым путем убираются концы, убить Киреева мог человек, причастный к манипуляциям с астраханской рыбой на московском холодильнике. Если много лет завод едва выполняет план, то зачем ему постоянно нужна лишняя упаковочная тара? Две с половиной тысячи коробок с одной тонны осетрины умножь на четыре рубля. Тонна — десять тысяч рублей.

— Это я уже подсчитал, — вяло сказал Быков. — Деньги безумные.

— А теперь высчитывай вот что. Поставки астраханского завода переориентировались с московского хладокомбината в Киев и Новосибирск именно тогда, когда мы этот холодильник очистили от его преступного руководства, в том числе от Преснецова и Балакина. Астраханцам понадобился новый рынок сбыта. Вероятно, они его нашли сами. Но как верно сказал тебе Тофик Садыкович — у них же не частная лавочка. Подобный вопрос мог решить в Москве человек уровня Треухова, не меньше. Но он уже находился под следствием. Самым влиятельным интересантом этого дела, таким образом, остается Киреев.

— Ты хочешь сказать, он был дирижером этой аферы?

— Так или иначе — он держал в руках весь механизм громоздкого дела. За это его убили.

— Между прочим, майор Левченко считает, что узел, которым была затянута удавка на шее Киреева, не азиатский, а рыбацкий.

— Вот видишь, еще одно подтверждение, что ты на верном пути. Но, увы, этот путь непрост, а ты от следствия отстранен.

— Левченко завтра вылетает в Астрахань и Керчь.

— Она тоже может долго провозиться, а служебное расследование твое пойдет куда более быстрыми темпами. Сейчас особенно не церемонятся. Извини, но конъюнктура для тебя сейчас складывается — хуже некуда.

— Это я тоже знаю, — кивнул Быков.

В такси по дороге на Новорязанский проспект, где жили Павловы, они молчали. Каждый думал о своем. Но обоим было одинаково больно.

«Как добраться до истины, — размышлял Павлов. — Как проверить допрос один на один? Когда двое говорят разное, один из них — лжец. Ильин будет твердить одно, Быков — другое. Где взять третьего? Ильин нашел «третьего». Художник Федотов, тоже чеканщик, подтвердил, что Ильин не отлучался из Измайлова в день убийства Киреева, они все время были вместе. И когда спросили уже опрошенных свидетелей, те сказали: да, и уходили, и приходили Ильин и Федотов вместе. У Ильина теперь есть «третий», а полковник Быков остался наедине не то с правдой, не то с кривдой».

«Как я расскажу все Марине? — думал Быков. — Что расскажу? Она читала, как расправлялись с подследственными работники милиции в Карелии, Ворошиловграде, читала про чужих людей и была сурова к ним. А теперь скажут, что и ее муж — из таких же?..» — От этой мысли его прошиб озноб.

Не понял сразу, отчего зажегся свет — увидел, как Павлов расплачивается с водителем. Приехали.

По темному коридору прошли в кухню. Павлов зажег бра, поставил чайник.

Стояла тишина, навевающая покой. Вячеслав Иванович опять подумал о своей семье.

— Как мне объяснить все дома? — не спросил — просто вскрыл самое больное.

— Когда ты был в Астрахани, Марина мне дважды звонила. И Димка рассказывал. Видно, не все знали о твоем отъезде. Иначе переждали бы бросать в твой почтовый ящик бумажки с угрозами. Текст нарезан из газетных заголовков — старый прием.

— Одну такую и я успел получить.

— Тоже?

— Надеюсь, Марина не придала им особенного значения?

— Она сохранила эти листочки, — довольно сказал Александр Павлович. — Давай-ка их на экспертизу, а?

— Отпечатки пальцев, анализ газетных литер... — Быков усмехнулся. — Как раскручивается ситуация, как накалено недоверие ко мне у того же полковника Петрова! Он не розыскник. Он многих вещей просто не может понять, как я ни старался раскрыть полную картину этого иезуитского замысла. У него факты, а они не в мою пользу. Притяни я сейчас эти листочки с угрозами, еще скажут, мол, я сам себе их послал, чтобы создать благоприятный фон!..

— Пойми ты: у тебя на допросе человек решился на самооговор, признался в убийстве — это немыслимый случай, вопиющий. Петрову тоже нелегко...

Они помолчали. И вдруг Павлов резко отодвинул от себя чашку.

— Слушай. Когда искали Киреева, никто не знал, где он скрывается. Включая его жену. Значит, убийца, настоящий убийца — это либо человек настолько близкий, что Киреев доверил ему свое местопребывание, свою тайну, либо он выследил Киреева, зная, однако, где Киреев мог спрятаться. Или же убийце сказали, где может находиться Киреев — тогда наводящий опять-таки из очень близких Кирееву людей. А? Надо идти к той даме, экс-жене Киреева, под каким она там порядковым номером... Но сам не ходи. Пошли кого-нибудь. Пусть выяснят, кто знал, что Киреев жил у нее, кто звонил, заходил в те дни и так далее... И почему, что характерно, эта простая мысль сразу не пришла тебе в голову?

— Ты ее не подал. И вопрос ставили не «где скрывался Киреев?», а «кто убил Киреева?».

XV

Наконец в половине одиннадцатого Марина услышала, как щелкнул замок двери. И перевела дух. Так и сидела одна в пустой квартире. Коля в школе, первокурсница Иришка — в университете, мама, к счастью, на утреннем приеме.

— Слава! — вскрикнула, вскакивая с дивана. — Слава! Где ты был? Где ты был всю ночь?!

Он сжал зубы, стараясь сказать как можно спокойнее:

— Ехал в поезде. А что?.. Хоть поцелуй мужа, неделю не виделись.

Марина остановилась и больными глазами глядела в его лицо так пронзительно, что он отвел взгляд.

— Это неправда, — с горечью сказала жена. — Ты прилетел вчера утром. Где ты был?

— На службе. Хочешь, позвони Левченко, Сиволодскому, хоть генералу Панкратову, они подтвердят, я был на службе.

— Слава, что случилось? — В ее голосе появилось еще больше тревоги. — Лучше скажи самое неприятное, когда знаешь — легче, чем сто догадок... Почему ты не звонил? Я думала... — с усилием проговорила Марина, — тебя уже нет. Эти угрозы...

— Убили бы — уже знала бы. — «Господи, зачем я так жесток с ней? — подумал с горечью. — А ведь меня и правда убили... Только она, бедная, не догадывается», — смягчил тон: — Надо бы выпить валерьянки и спать.

— Слава, — ее голос смягчился, — во-первых, угрозы... Каждый день конверты...

— Ну и что? Знаю, — он опустился на диван и прикрыл глаза. Дело трудное веду. Не обращай внимания.

Он опасался, что Марине уже все рассказали. Та же Левченко — из самых лучших чувств женской солидарности.

— Что тут у вас стряслось?

— Я не знала, что мне делать, — тихо сказала Марина, будто извиняясь. — И еще эти угрозы... В общем, Ирина и Дима Павлов подали заявление в загс... И от нас с тобой требуется расписка, что мы не возражаем против брака несовершеннолетней дочери. Ей же только семнадцать.

— Она что, беременна? — Вышло грубо и Быков пожалел об этом.

Марина сморщилась:

— Не знаю. По-моему, нет. У них ничего нет... пока. Но Дима решил идти служить. Это не в Москве. Ира хочет переводиться на заочный и ехать с ним. Кате кажется, лучше всеми правдами и неправдами оставить Димку в Москве. А Димка кричит: счастью не мешайте...

— Вот и не мешайте, — вздохнул Вячеслав Иванович. «Какая это все суета». — Тебе никто не мешал в Синьозеро ко мне ехать. Боже мой, какая все ерунда!..

— Слава, — услышал голос жены, — Слава, почему ты так говоришь? У тебя что-то случилось...

— Я очень хочу спать. Оставь меня в покое, пожалуйста. — Он боялся: еще секунда, и горло перехватит спазм.

«А-соль, а-ми», — пели высокие детские голоса. «Это во втором классе сольфеджио», — подумала Марина, заходя в музыкальную школу, где директорствовала уже несколько лет.

Навстречу попалась молоденькая учительница, поздоровалась, как-то странно посмотрев.

Поверх стопки газет в учительской лежал раскрытый журнал. Раскрытый на рубрике «Человек и закон». Марина скользнула по нему взглядом и вдруг:

«...Полковник милиции Вячеслав Быков...» О Славе? В этой рубрике? «...Сомнительные методы этого непримиримого к врагам соцзаконности человека...» Это — о Славе?!

XVI

Преснецов перечитал статью Чеснокова трижды. Удовольствие получил прямо-таки гурманское. Решил позвонить.

Чесноков ответил сразу.

— Ну, старик, я тебя поздравляю, — сыто проговорил Федор. — Ну, ты превзошел самого себя! Как только пропустили, поражаюсь...

Валентин довольно захихикал, потом сказал:

— Выродки везде выродки, а теперь гласность, учимся называть вещи своими именами. Лида звонила, тоже благодарила. Теперь будем ждать пересмотра дела Пастухова и собственно Витиного дела...

Преснецов намек понял:

— Благодарила Лидушка? За мной тоже не пропадет, Валек. Любой ресторан! Говори...

Послышалось, как Чесноков алчуще засопел.

— Да ты понимаешь, нынче по ресторанам-то ходить... Это ты ничем не рискуешь, а мне, как представителю

идеологического фронта, практически не рекомендовано...

— Приезжай тогда ко мне! От души зову!

— Конечно, заеду как-нибудь, но не сегодня, — важно сказал Валентин. — Публикация, сам понимаешь, не рядовая. Надо быть начеку. Созвонимся.

— Понял, — разочарованно отозвался Преснецов. — Тогда до лучших времен.

Федор был не просто разочарован, Федор был оскорблен. Ведь он, Преснецов, не просто подкинул Чеснокову «жареный» факт с Ильиным, он же, Преснецов, сумел этот факт организовать! А статейку всякий напишет.

«Этот пацанчик, — распалялся Федор, — уже и принимать благодарность не желает?! Или считает не стоящим внимания? Ах, мальчик Валя... Да ты же марионетка в моих руках. Кому ты нужен? На все шел... проходимец!.. Оттого ни жены, ни детей, ни друзей! Оттого и к Киреева всю жизнь жался!..»

И Преснецов решил, что Чеснокова надо наказать. Пусть совсем один останется. От одиночества Валя страдает, иначе б не висел по вечерам на телефоне. Это он сейчас кривляется. Попрыгает, когда вечером некому будет позвонить.

Не думая больше о Чеснокове, Преснецов принялся подводить итоги: «Итак, Быков, который случайно пошел по верной тропе и мог дознаться, практически уничтожен. Киреев, организатор дела, мертв. Начальники торгов — Харитонов, Борисов, Шапочников — сидят, о них давно никто не вспоминает. Треухов ничего не скажет, Балакин, через которого шла липовая документация на торги, вообще будет обо всех молчать, обо мне тем более. Ему свою статью менять невыгодно.

Ну а что с астраханскими товарищами? Три года мы уже не контачим совершенно. Калиев и Уткин с июля лавочку закрыли. И если Калиев еще в Астрахани, то лишь потому, что не хочет демонстрировать внезапную охоту к перемене мест. Это обычно настораживает. Зибуллин и его картонки вообще никому не нужны. А Артем... Я-то с Артемом только по телефону говорил, меня он не знает. И деньги передавались не мной, и куртку не я забирал... А по голосу фоторобот не составишь... Все идет путем...» — Преснецов удовлетворенно потянулся на диване.

XVII

Лейтенант Сиволодский, обдумав предложение Быкова поговорить со второй женой Киреева, решил, что, наверное, будет еще вернее расширить круг поисков — прозондировать всех тех, у кого Киреев мог просить укрытия в трудное для него время.

Свой визит к Ирине Владимировне Киреевой тем не менее Сиволодский откладывать не стал. Его поначалу удивило, что предшественница Лидии, яркой и претенциозной, оказалась уже далеко не молодой женщиной, поблекшей, с милым интеллигентным лицом. Кто бы мог подумать, что такая женщина, один облик которой вызывает невольное уважение, не только могла быть женой Киреева, но и могла прощать, значит, любить его и после развода принять его вновь. Она будто прочитала мысли молодого человека и сказала, но не оправдываясь, а объясняя:

— Страшная вещь женское одиночество. И страшная, и странная — толкает к противоречиям. Так чем я могу вам помочь? Плохо, что убийца до сих пор на свободе. Это ведь определенно маньяк... За что ему было убивать Виктора, мирного незнакомого ему человека?.. Так и еще кому-то он бросит на шею веревку...

— В те дни, когда Виктор Николаевич жил у вас, к вам кто-нибудь заходил, звонил по телефону? — спросил Сиволодский, поняв, что Ирина Владимировна явно не знает о «втором плане» жизни бывшего своего супруга.

— Меня об этом уже спрашивали в прокуратуре. Я говорила, что по просьбе Виктора Николаевича устроила все так, чтобы избежать лишних визитеров. Раз он пришел ко мне, значит, устал, значит, ему непросто. Действительно, его сестры вели себя в тот момент не слишком родственно... Виктору Николаевичу никто не звонил, но буквально накануне того дня я ждала звонка с работы. Позвонили. Я подошла к телефону, вызывали Виктора Николаевича. Спокойно, вежливо. Я машинально крикнула: «Виктор!» — и тут же услышала в трубке гудки. Виктор Николаевич был страшно расстроен. А я решила, что это Лидия Сергеевна так его «проверяет». Все это я уже рассказывала следователю прокуратуры.

— А кто, по вашему предположению, мог вот так позвонить?

— Чужой голос. Голос человека бесспорно молодого.

Это все, что я могу сказать. Прокурору я тоже об этом говорила.

— Если бы вам дали послушать этот голос, по телефону, например, вы смогли бы узнать его?

— Да. Я по профессии логопед. Протяжное «о» в том голосе у меня осталось на слуху. Очень характерно для некоторых говоров, скажем, поволжского...

— Прокуратура интересовалась списком тех лиц, которых ваш бывший супруг просил с ним не соединять? — осведомился Сиволодский, подумав, что тот, кто вызвал Киреева к телефону, мог быть вообще случайным человеком, которого остановили на улице и попросили разыграть приятеля.

— Нет, об этом речи не было. Такого списка не существовало... Виктор сказал — нужен отдых, разгрузка, никого не хочу видеть и слышать... Это, увы, касалось и его жены. Он ведь с ней крупно поссорился накануне гибели.

— Отчего? В чем была причина ссоры?

Женщина развела руками:

— Было бы неприлично и бестактно интересоваться этими подробностями мне при наших с Виктором отношениях.

— Ну а предупреждал ли вас Виктор Николаевич, что ему особенно нежелательно говорить, допустим, с Преснецовым, Балакиным, Уткиным, Калиевым?

— О Балакине он вообще как-то и не говорил. О Калиеве? Нет, его приезда он не ждал, тоже речи не было. Уткин... Такую фамилию я никогда не слышала. О Преснецове разговора не было. Но Федор и не стал бы сюда звонить. Я его не жалую, он это знает.

— А с чем был связан этот запрет?

— Это давняя история. Я просто не хотела, чтобы муж общался с этими людьми, особенно с Преснецовым. Виктор стал пить, появились женщины... — Она усмехнулась. — И я пыталась вмешаться. Потом мы развелись, и их отношения с Преснецовым и всей этой торгово-продуктовой компанией благополучно возобновились. Но уже без меня.

Все это наводило на мысли, подтверждающие догадки Быкова, но никаких твердых фактов не давало.

С тем Сиволодский и вернулся в министерство.

Полковник Быков сидел в своем кабинете и ничего не делал. То, что Вячеслав Иванович ничего не делает, Си-

володский видел впервые, и именно от впечатления ничем не занятого, но сидящего на рабочем месте измученного человека ему стало больно. До его сознания дошел весь трагизм положения Вячеслава Ивановича. Ведь ясно же — чтобы оправдаться от наветов, надо вести дело дальше, разматывать клубок, а он от этого «клубка» отстранен. Сиволодский не знал, как и заговорить с Быковым, как пробиться сквозь отрешенный взгляд и отчужденное выражение лица. На всякий случай заметил бодрячески:

— А был Ирине Киреевой звонок, анонимный, — и подробно рассказал о нем.

— А дочери Киреева в Янтарпилс ты звонить не пробовал? — спросил Быков, явно думая о чем-то другом.

— Больно далеко...

— Ну и что? Еще логичнее для непрофессионала искать скрывающегося человека подальше от места розыска. Давай, накручивай Янтарпилс, а я пошел — в отдел кадров вызывают.

Сиволодский энергично завертел телефонный диск.

— Да? Я слушаю? Говорите! — послышался в трубке женский голос.

— Мария Викторовна, говорит лейтенант Сиволодский из опергруппы полковника Быкова. Мы ведем расследование по факту гибели вашего отца...

— Да, я вас слушаю.

— Вас вызывали в прокуратуру?

— Нет, зачем? Отец у меня не был. Никаких сведений он мне о себе не давал.

— Понял вас, — треск в трубке мешал разговору. — А у вас кто-нибудь в те дни справлялся об отце?

Помехи вдруг прекратились, и голос Марии Викторовны сказал будто совсем рядом:

— Да. За несколько дней до гибели отца. Дня за четыре. Поэтому я никак не связала. Но меня и не спрашивали. А сама я была в таком состоянии...

— Понимаю, говорите...

— Позвонил мужской голос, спросил отца. Не ответив еще, у меня ли отец, я спросила, кто вы и откуда звоните, я очень удивилась... Человек сказал «с Москвы, Артем». Именно так сказал: «с Москвы...»

— Больше никаких особенностей в его речи вы не заметили?

— Нет.

— Он не «окал»?

— Не могу сказать. Слышимость была плохой.

— И все? Больше ничего?

— Я сказала, что Виктор Николаевич не приезжал, спросила, разве он собирается и кто вы, но Артем повесил трубку.

— Вы знаете среди знакомых отца человека по имени Артем?

— Нет, никогда не слышала.

«Вот и я не слышал», — подумал Сиволодский.

— Мария Викторовна, если кто-то позвонит вам снова, немедленно сообщите нам!

— Конечно!.. Телефон полковника Быкова у меня есть.

Сиволодский хотел было сказать, что лучше звонить по другому телефону, хотел уже назвать свой номер, но удержался, не стал. «Что я хороню Вячеслава Ивановича!» — одернул себя.

Итак, эти сведения надо немедленно передать Валентине Михайловне! И Сиволодский принялся набирать Керчь, управление внутренних дел. Через минуту услышал голос Левченко:

— Вячеслав Иванович? — спросила она с надеждой...

— Валя, это я, Сиволодский! За Киреевым охотился человек по имени Артем!..

— Я так и знала! — неожиданно отозвалась Левченко. — Я сейчас сама охочусь за этим Артемом... Его фамилия Сабатеев. Передо мной лежит его фотография. Похож на наш фоторобот, но еще больше похож на Ильина — общностью облика. Будем его искать. Он уволился с рыбозавода в Астрахани...

— Он из Астрахани?.. — переспросил Сиволодский. — Вторая жена Киреева — логопед, она настаивает, что у человека, разыскивавшего Киреева по телефону, характерное, но не ярко выраженное поволжское «о».

— Поняла. Молодец, Мишель!

— И еще. У него речь не шибко грамотная. Он говорит «с Москвы». Понимаешь?

— Теперь многие так говорят... Увы. Но тоже ценно, буду иметь в виду образовательный ценз. Как там Вячеслав Иванович?

— Вызвали в кадры...

— Вернется, передай ему, что его разработка под-

тверждается. А я выезжаю в рыбколхозы и рыбартели... Меня пока не ищите. Сама позвоню.

Сиволодский стал ждать Быкова. Но так и не дождался, хотя до конца рабочего дня оставалось полчаса. Тогда он пошел к генералу Панкратову сам. С таким докладом Василий Матвеевич должен принять его, лейтенанта.

XVIII

Вот и все. Быков вышел из управления кадров и побрел, не разбирая дороги, по шумному многолюдному столичному городу, как брел когда-то, теряя надежду, по синьозерскому лесу, сбившись зимой с пути. Хорошо бы так подгадать, чтобы дома никого не было... Собрать вещи и уехать в госпиталь на Октябрьское поле.

Вот и все. Вопрос выносится на коллегию министерства. Ну, дожил ты, Быков! Конечно, это связано и с публикацией...

Как тут не вспомнить Бориса Пастухова, его горькие слова: вину доказать можно, а как доказать невиновность?.. Тогда он, Быков, горячился, заверял, что бремя доказывания лежит на нем, как на представителе обвинения... А на ком теперь лежит бремя доказывания? На полковнике Петрове, который совершенно искренне доверяет показаниям Ильина и представлению Анищенко? И не хочет задуматься, что за подонок Ильин и кто стоит за этим Ильиным? А зачем об этом думать полковнику Петрову? Сие за пределами его задач. Ему нужно проверить факты представления прокуратуры. Теперь вот еще — проверить факты, поднятые статьей известного журналиста Чеснокова...

Вот и все. По вопросам, поднятым статьей, даже не потребовали объяснения... А вы, товарищ Быков, распишитесь в получении направления в госпиталь на общее обследование состояния здоровья. Каждому служивому ясно: в госпиталь кладут перед увольнением из органов. Вот и все. Местечко в госпитале уже готово.

«И ведь надо же, — думал Быков, — еще три года — и полная выслуга. Нет... Черной краской крест-накрест все двадцать два года службы. Из-за двух подонков и нескольких искренне заблуждающихся аппаратчиков».

Третьего дня Марина с чисто женской интуицией почувствовала, к чему дело клонится, кричала: «Тебя же

уволят из МВД! Тебя же исключат из партии!.. Что ты сидишь?..»

А куда идти? «Почему ты не пишешь на имя генерального прокурора?» Так написал уже все, что мог, написал в ответ на представление прокуратуры. Больше написать нечего...

«Ирка, наверное, дома... Господи, как бы ей не пришлось уйти с юридического после этого кошмара!.. Девочка моя, тебя-то за что?..» Мимо люди идут, кто куда... «Скорее бы все это кончилось, — подумалось вдруг. — Это же как гаротта, казнь испанская, когда на шее преступника медленно затягивается петля...»

А Марина? Какая я ей теперь опора? И как смею я искать опоры в женщине?!

Будут жалеть... Будут сочувствовать... Вот что сейчас самое тяжелое, понял Быков...

И он пошел к метро «Тургеневская» бесконечным московским Бульварным кольцом.

XIX

Поговорив с Сиволодским, очень довольная сегодняшним днем, майор Левченко поехала в рыболовецкую артель «Освобожденный труд». Три подобные поездки она уже совершила, и местные коллеги даже отговаривали ее продолжать личный розыск. Но майору Левченко все эти дни хорошо работалось. Она чувствовала, что приближается к цели, и не только к подлинному убийце Киреева, но и к оправданию — нет, это не оправдание, не в чем ему оправдываться, — к очищению полковника Быкова от клеветы и наветов. «Охотник», — вспомнила Левченко прямой перевод этого имени с древнегреческого.

Уткин и Зибуллин упираться не стали. Артема Сабатеева они по фотографии узнали и сказали, что каждого из них Артем в Керчи уже успел навестить. Кажется, он ушел на промысел не то с плавбазой, не то с рыбартелью.

Сообщение Сиволодского о вызове Быкова в кадры никак не насторожило Валю. Журнал со статьей Чеснокова до Керчи еще не дошел. А генерал Панкратов обещал, что никаких решений относительно судьбы Быкова до ее возвращения из командировки не будет принято.

В день убийства Киреева, рассуждала Валентина Ми-

хайловна, Артем находился на бюллетене, следовательно, на астраханском рыбозаводе, где числился укладчиком, не появлялся, о чем есть свидетельства очевидцев. К участковому врачу он пришел за четыре дня до убийства Киреева с симптомами ОРЗ, утром пришел, видимо, в тот же день вылетел в Москву по вызову кого-то. В тот же день, явствует из показаний дочери Киреева, звонил в Янтарнилс.

Закрывать бюллетень Сабатеев явился на день позже, прогул объяснил сильнейшей головной болью. Вызывать доктора на дом якобы постеснялся — молодой, сильный, — закрыл бюллетень задним числом и явился на работу. Врач, подписавшая бюллетень, согласилась с версией больного насчет непереносимой головной боли — на приеме обнаружилось, что давление у него резко поднялось, но продлевать бюллетень Сабатеев отказался. «Еще бы не давление, — подумала Левченко, — после убийства! Не умалишенный же он и не рецидивист. Молодой парень... Разведен. Ребенок есть. Хоть и все пять лет растет без отца. Судя по анкете, жена ушла от «охотника» с грудничком на руках — тоже деталь к характеристике.

Но что же заставило его пойти на хладнокровное убийство? Чем провинился перед ним Киреев? Или чем вынудили его пересечь полстраны, чтобы убить? Чем шантажировали? Или сколько заплатили?! Если только вообще можно представить себе, что человек, выросший в наше время, в нашей стране, мог быть нанят и превращен в убийцу?»

Через день после «выздоровления» «охотник» подал на расчет. Из Астрахани выписался, указав в паспортном столе, что выбывает в Коми АССР. Сделали запрос в Сыктывкар — таковой не прибывал. Или пока не прописался, что тоже можно предположить. Но с другой стороны, прикидывала Левченко, что делать в таежных лесах этому Артему, человеку, выросшему в тепле, на юге? Да и привыкшему к легкой работе — что такое быть укладчиком для здорового парня?! Вряд ли он захочет наниматься в Коми рубить сосну и ель. А там другую работу ему трудно сыскать.

По запросу майора Левченко проверялся личный состав недавно принятых на промысловые плавбазы Черноморского и Азовского рыболовецких флотов. Сама Валентина Михайловна включилась в береговой поиск Арте-

ма среди рыбаков-артельщиков на Керченском перешейке. Нужно увидеть в лицо, говорила она, человек мог сменить фамилию и имя... Он мог и паспорт поменять — на эту мысль наводил ответ из Аэрофлота: в указанные МВД дни Сабатеев под своей фамилией в списках пассажиров не значился. Но добирался он только самолетом, иначе за пять дней так лихо ему не обернуться. На плавбазы отправили фотографии из личного дела «охотника» с Астраханского рыбозавода.

Милицейский «Москвич» свернул с шоссейки и пошел по песчаному проселку. Валентина увидела впереди сверкающую кромку воды, резко запахло рыбьей чешуей — родной запах, как дома, в Сосновке, где тоже ловили кефаль и скумбрию.

— Ну что, Валентина Михайловна, пойдем искать здешнего начальника? — спросил лейтенант, местный участковый. — Это вон там, за пирсом. Видите, белая будочка?

Лейтенант шел первым, словно прокладывая ей дорогу среди козел, на которых сушились сети, перевернутых лодок, среди сидящих, занятых делом, лежащих, отдыхающих от работы людей... Валя поглядывала по сторонам скорее из любопытства и радости узнавания. От начальника рыбартели ожидала услышать, кто тут новенький. Узнает, потом начнет знакомиться с этими новенькими...

И вдруг сердце екнуло, она сбавила шаг и внимательнее посмотрела в ту сторону, на человека, сидящего у края пирса. Подошла поближе, стала сбоку. Милиционер-водитель и лейтенант тоже остановились, вопросительно взглянув на нее.

Подошла еще ближе. «Он! Артем! «Охотник»... Сейчас задержание. Потом допрос. Алиби — бюллетень: лежал в жару, не вставая, — лихорадочно прикидывала Левченко. — Пара лжесвидетелей — и мы останемся в дураках». — Она напряглась. Значит, именно сейчас надо действовать! Парализовать его волю!

Он резко поднял голову, и она спросила, пристально глядя в его лицо:

— Ну шо, Артем, и давно с Москвы вернулся?

Ждала его реакции. Исключительной оказалась реакция у «охотника». В лучах солнца только сверкнуло лезвие массивного ножа для разделки рыбы. Стремительно

увернувшись, Валентина потеряла равновесие и спиной полетела в воду...

XX

На первом же допросе, увидев живую и невредимую Левченко, Артем рассказал все, что знал о делах на Астраханском рыбозаводе, надеясь, что эти показания отвлекут милицию от совершенного им убийства, его личность покажется милиции ничтожной на фоне Уткина, Калиева, Балакина. Конечно, он рассчитывал, что добровольные признания облегчат его участь.

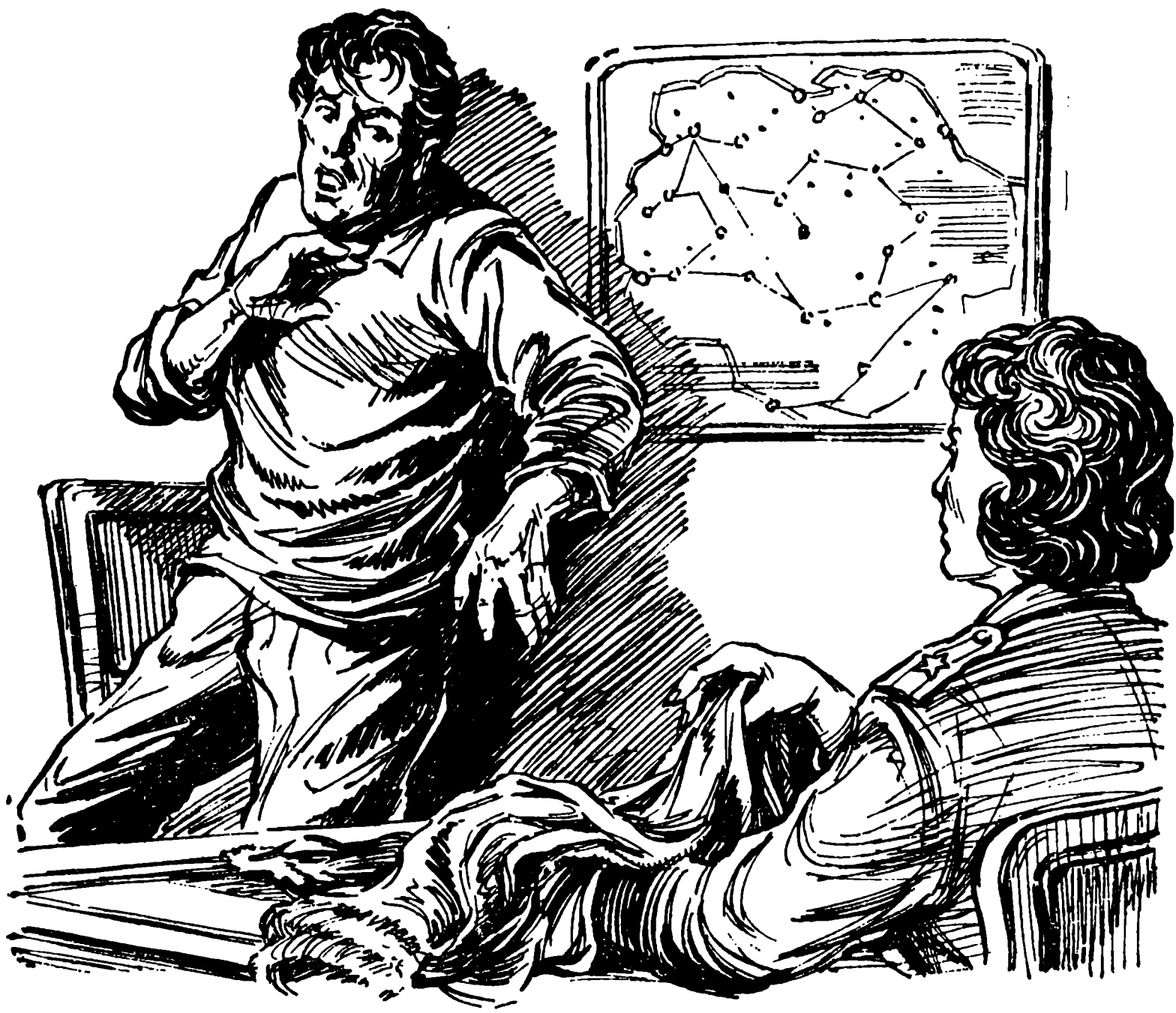
На сей раз Артем ехал в Москву в купе с зарешеченным окном. «Конечно, Балакин, такой гнусняк, может сказать про инспектора рыбнадзора, — думал Артем под стук колес. — Но про Киреева говорить не будет — это же самому подставиться и приятеля подставить, через которого в Москве шла связь. А с инспектором такая старая история, и свидетелей, кроме Балакина, нет, скажу — оговор. Ну, пришьют, конечно, сопротивление властям. Но майорша, слава богу, цела осталась. У этой бабы чертовская сноровка и нервы крепкие. Но вот откуда майорша знала, что он был в Москве? Балакин сболтнул? Страхом Балакин держать умел — чуть вильнешь хвостом, тут же — помнишь, как в драке убил инспектора рыбнадзора?»

Артем верил, что его не расстреляют. Не могут его расстрелять. Он молодой, сильный, на тяжелую работу отправят. Он ведь сирота. Мамка померла, батька мачеху на другой день привел. Ей назло он школу бросил. Сирота. Не воспитывали ни семья, ни школа. Попал под влияние плохих людей. Так что после приговора — на помилование в Верховный Совет, и все. А через десять-пятнадцать лет он еще молодой будет. И денежки балакинские ему и тогда пригодятся. Вот уж их не отнимут — не в сберкассу сдал.

И уснул Артем от этой навевающей надежду мысли крепко-крепко, до Москвы так и проспал.

Но в Москве его иллюзии быстро рассеялись. Ему показали несколько фотографий. В одном из лиц он с содроганием узнал того мужика из лесочка.

— Никого не знаю, — процедил хмуро.



— Хорошо, — сказала Левченко. — А теперь вот объясните... — Она не договорила — открылась дверь.

В комнату зашел генерал.

Артему отчего-то сразу вспомнилась армия. «Вот где надо было оставаться, дурню, — подумал. — Зачем старшине грубил? Служил бы путем, остался бы на сверхсрочку».

Генерал сказал:

— Приступаем к опознанию.

Артем испугался еще больше. К стулу, на котором он сидел, подставили еще четыре табуретки, в комнату начали заходить люди, рядом усадили еще четырех мужиков. Потом вошел мальчишка, за его спиной стояла женщина в черном костюме, так прямо училка из кино. За ней — еще какие-то люди.

— Вот этот, — сказал мальчишка, указывая на Артема. — Вот этот, точно.

— Чего? Чего — этот? — зарычал Сабатеев.

— Тихо, — строго сказал генерал, и он сразу примолк.

Ох, да это тот самый мальчишка! У него еще псина была здоровая на поводке... Вот черт!..

— Гражданин Ильин, — сказал генерал, хорошо, хоть не ему, — пройдите со мной, у нас с вами еще одна общая тема для разговора.

Сухопарый высокий мужик пошел за генералом.

— С вещдоком, Валентина Михайловна, как освободитесь, тоже зайдите ко мне, — добавил генерал от двери и посмотрел на мальчишку: — А тебе, Вадим, спасибо. Будь всегда таким же внимательным.

Все ушли. Остались двое — майорша и лейтенант. Сейчас спросят, где с мальчишкой виделись, и пойдет... Ну, ничего, скажет, у этого мальчишки купил билет в Большой театр.

Майорша вынула из сумки сверток. Принялась раскрывать. Мелькнула голубая, потом желтая плащовка... Он все понял.

— Объясните, Сабатеев, каким образом на этой куртке остались отпечатки ваших пальцев, а также ваши волосы, застрявшие на воротнике? Куртка изъята в Москве у гражданина Ильина. А отпечатки пальцев на ней — ваши. Вы знакомы с Ильиным? Он давал вам ее померить? Поносить? Когда это было? Кстати, Ильин только что был здесь. Он вас не знает. Кто вам дал куртку и кому потом вы ее вернули?

Вот теперь все. Понятно, почему еще в Керчи они первым делом отпечатки пальцев взяли и прядь волос отрезали...

...Артем закричал, будто его душили... Страшно, хрипло, тоскливо.

XXI

Генерал-лейтенант Панкратов тяжело переживал появление этой статейки.

Да, бывали случаи, что греха таить, били подследственных. То, что о таких случаях стали писать, даже хорошо, способствует очищению и отрезвлению. Но Быков! Никогда! У него сознаются под давлением четкой логики следователя, а не из страха перед его кулаком.

Пакратов не верил в то, что показал Ильин, что потом внесла в свое представление Анищенко. А потом еще эта

статья... Они все еще извинятся перед полковником Быковым. Они одним опровержением не отделаются! Опровержение обычно печатают мелким шрифтом в уголке, его никто и не видит, а статейка на целую полосу!.. Ни за что, не разобравшись, позорить честного работника милиции! Вот так и скажет генерал-лейтенант Панкратов издателям журнала.

Вошел Ильин. Принесли куртку. Хмуро смотрел на Ильина генерал Панкратов. Вот от этого слизняка зависела судьба Быкова!

— Рассказывайте, Ильин, — сказал без всякого вступления, — рассказывайте, откуда эта куртка у вас? Почему вы утверждаете, что это ваша вещь? Почему вы решили, ну, скажем, разыграть милицию? У вас лично какие были к тому причины?

— У меня лично не было причин... — тихо сказал Ильин, затравленно глядя на генерала. — Лида меня попросила. Это правда. А про причины у нее спросите. Мне Лиду жалко стало. Она сказала, что того полковника, который имущество у нее описал, надо проучить. Пять тысяч дала, и я согласился...

— Пишите, Ильин, про все пишите...

Закончив допрос Ильина, генерал пригласил Лидию Киреву. Она смотрела на Панкратова ненавидящим взором. Говорила только об одном: на подлость ее толкнул Преснецов.

— Скажите, — спросил Василий Матвеевич, — почему вы не выстирали куртку?

Она вспомнила, как, вручая ей сверток, Преснецов сказал: «Обязательно простирни курточку, Лидуня». Она тогда обратила внимание — на руках у Преснецова были тонкие лайковые перчатки. «И это в солнечный октябрьский день! — удивилась и сразу сообразила, что к чему. — Дудки, я тоже не дура».

Сейчас, отвечая генералу, усмехнулась:

— Почему не простирнула? Чтоб вам легче было «преступника» найти! И чтобы потом вам было хуже, а мне лучше. Но я не думала, что вы сумеете разоблачить Ильина.

Через два часа Панкратов позвонил секретарю парткома и заместителю министра.

— Теперь совершенно ясно, — сказал он, — дискредитация полковника Быкова явилась запланированной акцией. Быков вышел на раскрытие тяжкого преступ-

ления — хищения соцсобственности в особо крупных размерах. Признания Ильина и Киреевой снимают с Быкова все наветы. Я прошу разрешения отозвать полковника из госпиталя для продолжения работы.

Потом Василий Матвеевич набрал номер госпиталя и пригласил к телефону полковника. Услышав тусклый голос Быкова, генерал сказал как мог теплее:

— Ну, как ты там на диетпитании? Вот что, машина за тобой уже пошла. Собирайся. Хватит тебе бездельничать. Работать надо.

На арест Преснецова выехала опергруппа во главе с полковником милиции следователем по особо важным делам Вячеславом Ивановичем Быковым.

●

ПОЭЗИЯ

ПОДВИЖНИК

Сергея Николаевича Маркова с полным правом можно назвать и историком, и географом, и публицистом, и путешественником-первооткрывателем, хотя прежде всего он был поэтом. «Вероятно, боязнь забыть слово и породила поэзию», — сказано им в прозе. Таково было его поэтическое кредо — каждое слово в его стихах хранит чистоту и свежесть славянского Глагола, каждое — пронизано дыханием живой земли, рождено ярым сердцем, буйным темпераментом и пытливым умом. Уже в 16—17 лет им были созданы строки, входящие сегодня в хрестоматии, например, вот эти: «И — разве может быть иначе? — Так много ветра и огня. — Песнь будет шумной и горячей, как ноздри рыжего коня». А кто из тех, кто предан подлинно русской поэзии, не знает и не любит стихотворения «Знаю я — малиновою ранью...», ставшего «поэтическим паспортом» Сергея Маркова. Но необходимо признать, что известность Маркова-поэта далеко не соответствует еще ценности, весу и достоинствам того, что сделано этим блестящим художником стиха. Причина этого лежит не только в многообразии его творчества, а в том, что большой успех его исторической прозы в какой-то мере заслонял резонанс его стихов.

Жизнь Сергея Николаевича была жизнью подвижника, отстаивавшего святые ценности нашей национальной культуры, созданной за века. После смерти поэта, не часто отдававшего свои стихи в периодику, выяснилось, что в его архиве находится множество стихотворений, написанных тридцать, а то и сорок лет назад, и неизвестных читателям. Впереди — новые книги поэта...

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

Сергей МАРКОВ

ДРУЖБА СИЛЬНЫХ

Оба шли дорогами гиблыми
От тепла и любовных утех,
Прорастал костяными иглами
От дыханья полярный мех.

И — прямой, высокий и ловкий,
С глазами, что лед озер, —

Первый путник, бросив винтовку,
Разложил гудящий костер.

А другой, чуть ссутулив плечи,
Подошел и рядом прилег,
Для родной и вражеской встречи
Нет в пустыне разных дорог.

Красный отблеск бежал по стали,
Притаился в дулах свинец,
Дружбу сильных враги ковали
На огне жестоких сердец.

1924

ЗВЕРОБОЙ

С чугунным лицом, худой, как струна,
Он прям, как куст на заре;
Гремучая медь с железом дружна,
Живет на его бедре.

Все знают — он принес соболей,
И что купец ни болтай —
Бересты горных берез белей
В руках его горностай.

Купец другому шепнет невзначай:
— Наш гость на волка похож! —
А гость выбирает железо и чай,
И пару готовых кож.

Но если плох у купца топор,
А кожи тверды, как жгут,
Он скажет: «Ветер подует с гор».
Купцы, бледнея, поймут.

1928 г.

ПЕРЕСВЕТ

Русь! Черемуховый цвет
Да березовый починок...
Смутен сердцем Пересвет,
Пересвет — смиренный инок.

Где ему читать триодь,
Стих о книге Голубиной?
Знать, немилостив господь,
Наделил не той судьбиной.
Пересвет в часы молитв
Погружается в мечтанье,
Слышит гул великих битв,
Видит конское ристанье.
Наземь падают мечи,
Сталь сверкает на изломе,
Солнца яркого лучи
Отражаются в шеломе.
И летят под облака,
Словно крылья Серафима,
Стяги брянского полка,
Знамя города Любима.
Как незримая труба,
Запевая ежечасно,
Мучит инока судьба
Снами ратного соблазна.
Прославляя власть цепей,
Пересвет надел вериги,
Тяготит сильней репей
И свинцовые ковриги.
Но мечты не побороть,
Гордый дух свершает требу,
И, когда томится плоть,
Пересвет взывает к небу.
Муки инока не счесть!
Странен взор, бессвязны речи,
Да пришла лихая весть
После праздника Предтечи.
Возопили города,
Возвестили медным звоном,
Что Мамаева орда
День и ночь шумит за Доном.
...Всей отчизне быть в бою!
Кроток, ласков и разумен,
В келью светлую свою
Кличет инока игумен.

1941

Публикация Г. П. МАРКОВОЙ

ПОЭЗИЯ

СТИХИ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Валентин СОРОКИН

ВСЕГДА С ТОБОЙ

МОЯ СТОРОНА

Хороша ты, моя сторона,
Поле белое,
лес да овраги.
Сколько горя, терпенья, отваги —
Жизнь народа в просторе видна.

Поднимись на вершину горы,
Встань холму на плечо вековое,
Счастья голос, гроза непокоя
Из любой донесется поры.

Вон ушел звездолет за гряду
Облаков,
и его на планете
Вспомнят внуки в грядущем
рассвете,
Там, в трехтысячном умном году.

Память прошлого — в завтрашний
день.
Не тропа, а дорога крутая,
Без которой, уныло плутая,
Человек превращается в тень.

Снег по кругу за ветром несется.
Сторона моя,
видно, не зря
Все закаты венчаются с солнцем,
Все рассветы встречает заря.

Я СНОВА ЗДЕСЬ

Я снова здесь,
В кругу друзей моих,
На улице,
На площади и дома...
Я пристально
Разглядываю их —
Так много мне
Печально-незнакомо.

А город
Развернулся широко.
И — красной
Революции ребенок —
Пытается
Легко и высоко
Взлететь над миром
Бронзовый орленок *.

Вздохнула в парке
Медленно сосна,
Томительно и долго
Вспоминала:
Когда меня
Красавица одна
Так искренне
Под нею целовала?

Ищу недавней
Юности следы,
Она ведь
Не растаяла в тумане.
Слез просверкало,
Утекло воды —

* Памятник

Дна не достать
От горя в океане!

И далеко,
За крыльями Москвы,
Где ничего родного
Нет для взора,
Мне вашей
Не хватало синевы,
Родимые
Уральские озера.

Отца я вспомнил,
Брата
и примолк;
И друга вспомнил —
Тоже под звездою...
Да, этот
Материнский уголок
В душе сверкает
Искрой золотою.

В ПРОСТОРЕ

Синева тепла и глубока.
Озеро.
Гранит мерцает ало.
Может быть, подошва Ермака
На него когда-нибудь ступала.

Все дается кровью и огнем,
Яростью ушедших поколений.
Солнечным обласканные днем,
Дремлют стаи редкие селений.

Каждый холм — для славы пьедестал.
Здравствуй,
синеокая свобода!
В миг, когда рождается металл,
Силы прибывает у народа.

Страсти пролетарские, порог
В светлое, где соловьи и зори.
Только труд, а не обман и торг.
Вздох души, как облако в просторе.

Лишь ковыль волнуется, шурша.
И всплывает песня из тумана
Про высокий берег Иртыша
Над седой могилой атамана.

ЗЕМНОЙ ОГОНЬ

Огонь в мартене грозном
Трепещет и горит.
И нам о мире звездном
Движеньем говорит.

Дорогою нетленной
Меж хорами планет
Кружился по Вселенной
Он миллионы лет.

И призрачные дали
Удалому, ему,
Покорно отдавали
Ненастие и тьму.

И, радуясь покою,
Цветы сбирались вкруг:
— А солнышко такое,
Пить захотелось вдруг!

Пить захотелось, зноем
Налиты облака.
Томление земное
Его манит века.

Не зря в горах за лесом
Он бьется, молодой,
С решительным железом,
С отважною водой.

И повторяет мастер:
— Неистовец, гляди,
Чуть приберег бы страсти,
Сгодятся впереди!

Но будет срок — прогнется
Под сводом рудный гнет.
Огонь в зенит рванется
И крылья отряхнет.

ЗЕМЛЯКУ

Александру Филиппову

Белка, соболь, бобер, горностай.
Карпы в озере,
в речке налимы.
Годы в памяти перелистай —
Сохнут степи, жарою палимы.

А вон там крутозобый завод
Вышел в горы, отбросив ограду.
Раскаленный, озонистых вод
И дождей ему сколько же надо?

Озираясь, железный, дрожит.
И за ним, по лугам, негустая
Юных лиственниц тихо бежит
И дубов прирученная стая.

И в знакомой окружной дали,
Присмотрись, как подсохнут туманы, —
Покорясь топору, полегли
Вековые кряжи-великаны.

Кто их слышал и кто их учел?
Песни бранные.
Грохот.
И ржанье.
Над цветами башкирскими пчел
Колокольчиковое жужжанье.

И у ног моих, смирно дыша,
Встрече искренне рад неминучей,
Родничишко с упорством ежа
Копошится, тугой и колючий.

И Я ДРУГОЙ

Ты, солнышко, опять взлети и засверкай,
Вновь начал тосковать и омрачаться край.

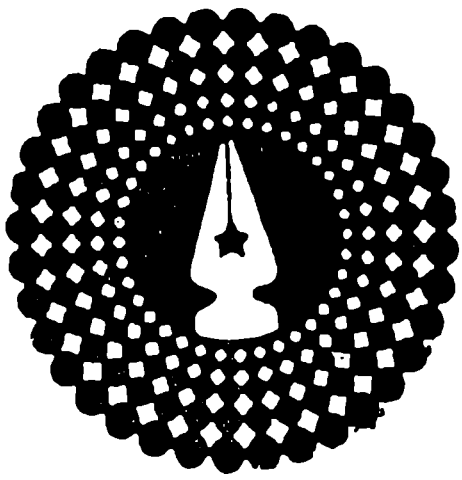
То ветер он вспугнет, то тронет облака,
На взгорье лес вздохнет, в логу замрет река.

И где-то далеко, за пологом земли,
Простятся нелегко с гнездовьем журавли.

И так за часом год, за всполохом заря,
О, сколько юных вод весной сошло в моря?

И я уже другой, лишь в край отцовский мой
Листвою, как пургой, засыпан путь прямой.

И после многих гроз один я, на виду,
По золоту берез, червонному, иду.



ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ВЛКСМ: СТРАНИЦЫ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Виталий ПАРФЕНОВ

ПРАВО НА ДОЛГ

СОЗДАДИМ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЛЕСХОЗ!

...Манила эта неизвестность, а... большие дела так и делаются — всегда с риском, с открытиями неведомого. Победа приходит только к упорным, и пусть один сорвался — другой лезет, этот упал — третий доделает...

В. ЧИВИЛИХИН, 1960 год

Все-таки странно устроен человек.

Вчера так ждали обсуждения второго вопроса на заседании совета СНО, переживали за благополучный исход, и казалось, не будет предела радости, если идея создания комсомольского лесхоза получит поддержку. И что в итоге? Идея не только одобрена, но значительно расширена за счет новых предложений, стала весомей, актуальней. У нас самих на многое глаза открылись, осознали мы и всю важность задуманного. Следовало бы на крыльях летать после такого финала, но почему-то радости не было, появилось состояние тревожной озабоченности и даже неуверенности в собственных силах и возможностях. И в то же время весь этот

Продолжение. Начало в № 3.

хандроз решительно оттеснялся на задний план увлекательностью и масштабностью замысла.

Вот и сегодня собрались активисты совета СНО на неофициальное заседание, о котором вчера договорились, но ни шуток, ни смеха, ни оживленных разговоров. Все сосредоточенно-серьезные, задумчивые — взвалили ношу на себя, самим теперь и тащить.

Володя Ульянов привычно стукнул указательным пальцем по переносице, поправил очки и поднялся из-за стола.

— Вчера на расширенном совете предложение наше принято и, кроме того, поставлен ряд дополнительных задач. Во-первых, надо попытаться организовать комплексное хозяйство в кедровниках на принципе постоянства пользования лесом; во-вторых, обеспечить проведение необходимых опытных и научных работ. Будем считать эти две задачи главными на перспективу. А сейчас надо посоветоваться, как решить первоочередные. Их, на мой взгляд, тоже две: организация студенческой экспедиции и создание самого лесхоза...

По вопросу экспедиции говорить предстояло мне. Вчера на совете Сергей предупредил: «Экспедиция — твоя идея, вот и маракуй, как организовывать будешь. А мне лесхозом заниматься надо». Куда было деваться, всю ночь и мараковал.

— По экспедиции есть такие соображения. Организовать ее в составе примерно десяти человек. Этого, думаю, достаточно. Рассчитывать можно лишь на студентов третьего и четвертого курсов, которые знакомы с таксацией и лесоустройством и прошли программу по другим специальным дисциплинам. Пятикурсников привлекать поздно, они завершают учебу. Но есть одна сложность. Экспедиция выехать на полевые изыскания одновременно всем составом не сможет. Студенты четвертого курса из-за военных сборов освободятся на месяц позже, к середине августа. Чтобы не терять времени, выезжать на место придется двумя составами: первый, из третьекурсников, отправится на месяц раньше, затем оба состава около месяца будут работать вместе, потом четверокурсники останутся на преддипломную практику, завершат полевые изыскания и приступят к составлению проекта. Естественно, что первым составом должен кто-то руководить. Рекомендую старшим Володю Ульянова.

— Годится. — Сергей сразу поднял руку, за ним — остальные.

— Кроме того, для этой группы ребят необходимо добиться разрешения в деканате приступить к занятиям с первого октября, чтобы не было потом скандала из-за опоздания на учебу.

— Беру на себя, — пообещал Володя.

— Теперь о задачах. Их просматривается три. Первая, и главная, — подготовка материалов для составления проекта. Эта часть программы должна включать визуальное обследование подобранной территории, установление ориентировочных запасов имеющихся здесь ресурсов, определение состава и состояния насаждений, сбор документации о производственной деятельности лесхозов, леспромхозов и других хозяйств, насколько это будет возможным. Что касается состояния вырубок, соблюдения правил лесосечных работ и других пользований, то это можно самим посмотреть в натуре. Конечно, определение ресурсов кедровников — дело непростое и посильно, пожалуй, лишь солидной проектной организации. И то я не уверен, существуют ли вообще методики учета урожайности кедровых орехов и различных ягод, запасов лекарственных расте-

ний. Надо также производить учет промысловых животных. Одним словом, без помощи преподавателей здесь не обойтись. Необходимо договориться с кафедрой лесоустройства и кабинетом охотоведения, чтобы они провели с участниками экспедиции по вопросам учета специальные занятия.

— Это решим, — заверил Сергей.

— Экспедиция направляется в малоизученный район, отсюда вытекает вторая задача — собрать и привезти для наших музеев коллекции почв, флоры и фауны тех мест. Но для этого придется приобрести определенные навыки всем членам экспедиции, заполучить необходимые инструменты и оборудование. В вопросах препарирования, консервации шкур и изготовления тушек животных подготовку ребят могу взять на себя. По сбору других коллекций потребуется помощь кафедр ботаники, энтомологии и фитопатологии. Здесь тоже надо договориться.

— Договоримся. — Сергей для убедительности хлопнул по столу рукой.

— Наконец, третья задача вытекает из того, что все мы — члены научного студенческого общества. Надо, чтобы каждый наметил себе по интересам тему, собрал по ней материал и выступил с сообщением или докладом на конференции. Это поднимет авторитет студенческой экспедиции как новой формы приобщения студентов к научной и практической деятельности и, возможно, облегчит организацию подобных экспедиций в будущем.

— Правильно, — раздались дружные голоса.

— Вчера решением совета на меня возложили вопросы организации и руководства экспедицией, поэтому я хочу рекомендовать в ее состав некоторых конкретных участников, а вы обсудите.

— Давай, — согласились Володя и Сергей.

— От четвертого курса, кроме меня, Эдик Кобак и Леня Исаков. Настойчиво просится еще Слава Лесенный, но у него здоровье, сами знаете, неважное, а дело предстоит очень трудное.

— Славик, зачем тебе это нужно? — проявила заботу Тома Махоткина.

— Вам нужно, а мне нет? — обиделся Слава. — Сама небось поедешь, а я все-таки не девчонка, и пользы от меня будет уж никак не меньше.

— Не надо спорить, до экспедиции еще далеко, Слава к тому времени может поправиться, если, конечно, от врачей не будет бегать. Предлагаю удовлетворить пока его просьбу, — резонно рассудил Володя.

— Хорошо. Решение всех хозяйственных дел надо поручить Лене Исакову. Это его стихия, с ним я уже говорил, и он согласен. В помощь Лене следует подключить Толю Щуревича. Его, правда, здесь нет, и он не очень верит в нашу идею, но хватка хозяйская у него есть, дело знает и в экспедицию поедет, только предложи. Тем более, выезжать ему придется с первым составом, а Лене — со вторым. Заслужили право на участие в экспедиции, на мой взгляд, Гена Еруков, Тома Махоткина и Яна Бродская, если, конечно, у них самих возражений нет.

— Откуда им взяться? — удивился Гена, а Тома и Яна поддержали его.

— Тогда остается подобрать еще одного, возможно, двух ребят. Все детали обдумаем в рабочем порядке. У меня все.

— Итак, с экспедицией прояснилось, — подвел итог Володя, — предложения эти следует принять.

Возражений не было.

Поднялся из-за стола Сергей Шипунов.

— Моя задача — наметить программу по созданию самого лесхоза, — напомнил он. — Она, собственно, была вчера предложена Сергеем Васильевичем Малышевым, я только конкретизирую начальную ее часть. Первое, что надо сделать, это немедленно подобрать удобный для нас лесхоз и организовать заявку для направления туда ребят предстоящего выпуска. Задача довольно сложная, срок представления заявок заканчивается в феврале, а сейчас декабрь на исходе. Поэтому терять нельзя ни единого дня. Сразу после Нового года я выезжаю на Алтай, есть у меня там в лесных организациях и крайисполкоме знакомые люди. С их помощью думаю подобрать подходящий лесхоз и получить персональную заявку на себя, Володю Ивахненко, Николая Новожилова и еще Дину, которая собирается ехать вместе с Николаем. Пока на четверых. Насчет выезда с деканатом договорился. На обратном пути побуду в Москве, зайду в Минвуз, куда тоже передам заявку. Планирую также побывать в ЦК комсомола, Госплане, разыскать лесной главк, рассказать им о нашем деле и попросить помощи. Попытаюсь убедить руководителей главка создать комсомольский лесхоз приказом за счет разукрупнения какого-нибудь большого по площади предприятия без всякого технико-экономического обоснования. Для обычного лесхоза в Сибири такой вариант возможен, и если это удастся, то в нем постепенно можно развить и весь комплекс. Однако проектные работы по обоснованию комплексного ведения хозяйства в любом случае выполнять придется. Такова примерно программа на ближайший месяц-полтора. Остальное прояснится после моего возвращения, и тогда будем действовать по обстановке.

После новогодних праздников Сергей Шипунов выехал на Алтай. Разрешив поездку, деканат пошел на редкое исключение — у пятикурсников начиналась последняя экзаменационная сессия, и Сергей, не задумываясь, согласился на условие самостоятельно ликвидировать после возвращения возникавшие «хвосты». Мне пришлось однажды испытать такое бремя всего по одному предмету, и я никому не хотел бы пожелать подобного. А тут возникало сразу пять «хвостов», да притом накануне защиты диплома, который предстояло к тому же еще написать.

Остальных ребят сессия поглотила целиком. Исключение составлял лишь Леня Исаков, развивший бурную деятельность по подготовке экспедиции. Возвращаясь вечерами из читального зала в общежитие, я регулярно обнаруживал на кровати его записку о проделанной работе за день. Экзамены, казалось, не существовали для него, и приходилось только удивляться, как он умудрялся их сдавать. Мы подразумевали, правда, откуда бралась эта энергия. У Лени накануне произошло важное событие. Под самый Новый год он женился на рыжеватой малышке с постоянными веснушками, с которой познакомился после второго курса в Лисине под Ленинградом, где мы проходили учебную практику. Маша не была студенткой, но в Лисине оказалась не случайно, приезжала навещать брата, нашего преподавателя.

Леня первым из нашего курса покинул общежитие и переселился в город. Маленькая двухкомнатная квартирка, где Маша жила с родителями и братом, казалась дворцом, и все искренне завидовали Лениному благополучию, неожиданно прекратившему его полуголодное существование. А я со Славой Лесенным частенько потом наведывался к нему в дни перед стипендией, когда в кармане еще оставались деньги на трамвайный проезд.

Но вот сессия позади, и у всех, даже у Лени, обошлось без задолженностей. На помощь ему сразу подключился Толя Щуревич, который с радостью согласился принять участие в экспедиции и даже отказался поехать домой на зимние каникулы. Остальные тоже не сидели сложа руки, уточняли на кафедрах тематику научных работ, подбирали и изучали необходимую литературу, в том числе по учету различных ресурсов леса, разрабатывали вместе с преподавателями программы и методики предстоящих изысканий.

В начале февраля из длительной командировки вернулся Сергей. Все ждали его с величайшим нетерпением, особенно Володя Ивахненко и Николай Новожилов, для которых результаты поездки в буквальном смысле решали судьбу.

В аудиторию 343, где заслушивался отчет Сергея, пришли многие члены ученого совета факультета, сам декан Андрей Владимирович Преображенский и его заместитель Иван Наумович Зарудный. Всем было интересно, что привез Сергей. А он умел хранить тайну, на вопросы отвечал коротко: «Завтра узнаете, потерпите».

Сергей вошел в аудиторию точно в назначенное время, когда все уже собрались и ждали только его. Это было очень эффектно, собравшиеся изнемогали от нетерпения, а Володя Ивахненко и Николай Новожилов, еще больше похудевшие за время экзаменов и дни ожиданий, не сводили глаз с двери.

Сергей появился в новом форменном кителе лесничего без звездочек в петлицах. Он надевал его крайне редко, только по самым торжественным случаям. Весь факультет знал, что у Сергея больше ничего нет из верхней одежды, кроме старенького укороченного пальто, вельветовой куртки для общежития и двух кителей — этого черного, выходного, и второго, основательно потертого, ставшего серым от постоянной носки. Мы знали, что это не от хорошей жизни, он жил исключительно на стипендию и, как многие из нас, еле-еле сводил концы с концами. Но другие студенты, в том числе и я, пользовались некоторой привилегией, подрабатывая часто в ночное время на овощных базах и в порту. Сергей же был весь поглощен учебой, общественной и научной работой и позволить себе так транжирить время не мог.

— В общем, поездка удалась, — начал он медленно, явно наслаждаясь производимым впечатлением. — На Алтае заинтересовались нашей идеей. Руководство управления лесного хозяйства обещает оказать всяческое содействие. Мы вместе наметили подходящий лесхоз в Горном Алтае, затем я проехал познакомиться с ним. Что это за лесхоз? Называется он Чойским — по селу Чоя, где находится центральная усадьба. В составе лесхоза четыре лесничества, два из них, Кара-Кокшинское и Бубучакское, кедровые. Причем местные жители рассказывают, что в начале тридцатых годов на территории Бубучакского лесничества существовал непродолжительное время какой-то Кара-Кокшинский кедропромхоз, который якобы занимался рубками ухода за лесом, заготовкой оре-

хов, пушнины, ягод, выгонкой пихтового масла из хвои пихты. Еще заготавливали бадан, целыми плантациями произрастающий в кедровниках на крутых склонах гор. Листья его похожи на капустные и используются как дубильное и лекарственное сырье. Вроде бы тоже комплексное хозяйство.

Сергей говорил невероятно интересные вещи. Оказывается, идею комплексности уже кто-то пытался осуществить. Значит, люди думали об этом до нас и пришли к тому же, что и мы. Следовательно, идея правильная, если одна и та же мысль появилась в разное время у разных людей и в разных концах страны. Это было удивительно!

— К сожалению, ничего дополнительного об этом хозяйстве выяснить не удалось. В Бубучакское лесничество я не попал, оно находится в шестидесяти километрах от села Чоя, дорог туда нет, зимник оказался занесенным снегом и не расчищается пока из-за сильных метелей. В Горно-Алтайске и Барнауле никаких документов о деятельности кедропромхоза не обнаружено. Известно только, что создан он был в тридцатом или тридцать первом году и просуществовал очень недолго. Кто его организатор, в чем заключалась подробно суть замысла и почему хозяйство погибло — никто не знает. Теперь о лесхозе. Площадь его около двухсот тысяч гектаров, из них больше половины занимают кедровые леса — как раз то, что нам нужно. Но на его территории работает Кара-Кокшинский леспромхоз, ежегодно заготавливающий 180—190 тысяч кубометров древесины, причем в основном кедровой. Пихту, березу и осину там совсем не рубят. Это, конечно, возмутительно, но факт — кедр уничтожается хищнически. Село Чоя раньше было аймачным центром. «Аймак» в переводе с алтайского означает «район». Сейчас районный центр в другом месте — поселке Майма, где находится и аэропорт местных авиалиний. Но зимой аэропорт работает плохо. Село Чоя связано с областным центром — Горно-Алтайском автомобильной дорогой протяженностью семьдесят пять километров. Проложена она через перевалы, по горным склонам и долинам рек, изобилует крутыми поворотами, подъемами и спусками. Дорога тяжелая, но летом, говорят, она в лучшем состоянии, во всяком случае, снежных заносов нет, а спуски и подъемы не так опасны. До ближайшего железнодорожного узла, города Бийска, — сто восемьдесят километров, из них сто километров дорога хорошая — знаменитый Чуйский тракт, который связывает Бийск с Монголией.

Сергей снова прервался, давая понять, что переходит к основному вопросу. Все с нетерпением ждали, стояла мертвая тишина.

— Теперь о главном. В Чойском лесхозе всего две вакантные должности: старший лесничий и лесничий центрального Ишинского лесничества. Но это пусть вас не огорчает. Вот заявка управления с просьбой направить в Чойский лесхоз четырех наших специалистов на должности старшего лесничего, двух лесничих и мастера лесных культур. Это пока условные наметки. Управление обещало в дальнейшем должности перераспределить, и это сейчас не главное. Главное — есть официальная заявка, представленная своевременно. Второй экземпляр я оставил в Минвузе, а первый передаю вам, Андрей Владимирович.

Драгоценная бумага пошла по рукам, задерживаясь, пока не очутилась, наконец, у декана. Сергей продолжал:

— В лесхозе нет специалистов с высшим образованием. Техни-

ческое имеют только директор, инженер охраны леса и два лесничих. Всем им около тридцати лет, закончили Бийский лесной техникум, который и я в свое время окончил. Как видите, с кадрами там обстановка неважная и развернуться возможность будет. Таким образом, базовый лесхоз подобран и заявка на наших выпускников оформлена. Надо теперь начинать действовать более настойчиво и целеустремленно. Несколько слов о посещении Москвы. Я побывал в Центральном Комитете комсомола, в отделе студенческой молодежи, и подробно рассказал о нашей идее. Ребята там толковые, идеей загорелись и будут нас поддерживать. Они советуют написать статью в «Комсомольскую правду». Считаю, что советом надо воспользоваться, статья такая нам необходима. С их помощью разыскал нужных людей в российском Госплане и тот самый главк, который ведает лесными делами. Он находится в Министерстве сельского хозяйства РСФСР. В Госплане выслушали мою информацию внимательно, но особого энтузиазма не проявили. Сидят там чиновники, которые и леса живого в глаза не видели, а до бед его им и вовсе дела нет. Так что драка, видимо, еще предстоит. Правда, в Госплане мне сказали: готовьте официальные предложения, обоснования, потом посмотрим. То есть прямого отказа пока нет. Значит, надо готовиться, делать проект, и тогда будем доказывать. Начальника главка на месте не оказалось, разговаривал с его замом. По-моему, бюрократ — пробу негде ставить. Сначала засыпал вопросами: что? да как? да почему? Потом начал убеждать: то не так, то не по закону, не по инструкции. Я ему говорю: «Кедр спасать надо», а он: «Стране нужен лес». Я ему: «Надо вместо кедра рубить другие породы деревьев — пихту, березу», а он: «Стране нужен дешевый лес». Вот и поговори с таким. Попросил рассмотреть возможность создания приказом по главку одного комсомольско-молодежного лесхоза за счет разукрупнения больших по площади лесхозов в Алтайском крае. Ответ однозначный: «Лесхоз не игрушка, чтобы в забавы играть». В общем, разговор с этой ходячей инструкцией не получился. Я потом рассказал обо всем ребятам из ЦК комсомола. Их твердая позиция такая: «Готовьтесь, будем вас поддерживать». И это уже хорошо. А что касается Госплана и главка, от них подобного и следовало ожидать, и потому отчаиваться нечего. Мы знаем, на что идем.

Отчет Сергея удовлетворил присутствующих. Мы откровенно радовались, поздравляли его, Володю Ивахненко, Николая и Дину с предстоящей работой на Алтае. Но не все разделяли этот оптимизм. Выйдя из аудитории, я оказался невольным свидетелем разговора, который удивил и крайне обеспокоил тогда меня. Чуть впереди шли неторопливо, взявшись под руки, два седых человека и тихонько переговаривались:

— Ох, и достанется ребятам, если потревожат они эту плесень.

— Вы так думаете?

— Убежден!

— Может, остановить их, пока не поздно?

— Бесполезно.

— Почему же?

— Жизнь не остановишь, уважаемый Сергей Васильевич. Не эти, так другие займут их место, разве только позже.

Это были Николай Львович Благовидов и Сергей Васильевич Малышев. И все же я не придал тогда особого значения их беседе,

помня озабоченные выступления обоих на расширенном заседании совета СНО.

Возвращение Сергея и итоги его поездки послужили, наоборот, дополнительным стимулом для проявления нашей энергии. Появилось азартное желание утереть нос непонятливым чинушам, доказать им их очевидную неправоту во взглядах на существующую действительность, на необходимость принятия более смелых и оперативных решений по наведению порядка в лесу.

Подготовка экспедиции шла усиленными темпами. После занятий преподаватели допоздна просиживали с нами, терпеливо разъясняя методики по сбору материалов для обоснования будущего комплексного хозяйства. Две специальные лекции прочитал доцент Байтин — по разработке проектов организации и развития лесного хозяйства. Они оказались настолько содержательными и полезными, что не раз потом выручали меня, когда приходилось сталкиваться в кедроградской практике с этим непростым делом. Виктор Иванович Дементьев подробно рассказал будущим дипломантам о методах зимнего учета промысловых зверей и птиц, а затем настоял на необходимости выехать в Лисино, чтобы еще раз закрепить на практике полученные знания. Там же отстреляли несколько белок и около десятка птиц, и я провел, уже для всей группы, практические занятия по таксидермии. Кафедры энтомологии и фитопатологии обеспечили свою программу, обучив нас навыкам сбора коллекций насекомых-вредителей и грибов — возбудителей болезней леса.

Неожиданно большой интерес к экспедиции проявил заведующий кафедрой ботаники и дендрологии Петр Лукич Богданов. Этот седовласый и очень скромный на вид профессор хорошо запомнился педантичной строгостью на практических занятиях и экзаменах, когда на первых двух курсах приходилось изучать его предметы. Он обладал удивительной способностью выделять среди студентов лиц с задатками интересов к флористическим наукам. Он даже среди участников экспедиции нашел такого человека. К величайшему нашему изумлению, им оказался Толя Щуревич, которого, как считалось, кроме самбо и дружины, ничто не интересовало. Но Петр Лукич был иного мнения, много времени провел с Толей в своем кабинете, и в итоге экспедиция приобрела страстного ботаника и коллекционера растений. Кафедра обеспечила его для этих занятий всем необходимым и сформулировала тему будущей научной работы — «Травяной покров кедровых лесов Алтая».

Организованный на городской квартире Лени Исакова экспедиционный склад постепенно пополнялся. Леня и Толя обходили факультетские кафедры и стаскивали сюда все, что давали и что плохо лежало, но было крайне необходимым. Росли стопки специальной литературы, разных сортов бумаги, бланков учетных таблиц. В ящиках накапливались пробирки, колбы, препараты для проведения анализов в полевых условиях, материалы, оборудование, инструменты для сбора, обработки, консервации и упаковки коллекций, гвозди, мотки проволоки, веревок и шнуров, столярные и даже плотницкие инструменты. На кафедре энтомологии выпросили и притащили сюда же трехокулярный микроскоп для изучения содержимого желудков добытых животных и других исследований.

Однако потребовались вещи, которые нельзя уже было просто выпросить где-нибудь на кафедре. Нужны были обувь и одежда,

палатки, спальные мешки, фотоаппараты, высотомеры, ружья и боеприпасы. Наконец, необходимы были деньги на проезд, закупку продуктов и другие расходы, которые невозможно предусмотреть, когда отправляешься в неведомый край на длительный срок. Но, кроме нескольких личных ружей и фотоаппаратов, ничего этого не было. Так впервые пришлось столкнуться с реальными трудностями.

Поначалу тревог особых не возникало. Ученый совет факультета и деканат утвердили составленную заявку и с сопроводительным письмом направили ее в дирекцию. Документы с положительной резолюцией заместителя директора академии по учебной работе профессора Михаила Максимовича Губина поступили в хозяйственную часть. И тут произошло неожиданное. Из заявки было исключено все, кроме денег на проезд до станции Бийск и положенных полевых, а директор сказал при этом: «Академия не в состоянии удовлетворять все прихоти студентов».

Дело завершилось, не начавшись, экспедиция потерпела крах. Когда расстроенные Сергей Шипунов, Володя Ульянов и я появились в кабинете у профессора Губина, он мощными кулаками застучал по столу:

— Безобразие! Педагоги! Гнать таких в шею! Дальше носа своего ничего не видят! — но затем взял себя в руки и сказал: — Ладно, черт с ними, с этими администраторами. Доброе дело срывать не будем. У меня на книжке денег хватит на несколько таких экспедиций.

И это явилось началом испытаний, которые уже подготовила нам судьба. Вскоре произошли события, перечеркнувшие враз все наши усилия по подготовке экспедиции и сделавшие невозможным дальнейшее осуществление Мечты. Сергея Шипунова и Володю Ульянова исключили из комсомола и академии.

Как это случилось?

* * *

Ужасно хочется спать, а тут проклятые комары одолели, никакого нет спасения даже под байковым одеялом. Ну и житуха! Целый день по лесному болоту ползали, деревья хилые замеряли — определяли запасы. А потом преподаватель Василий Степанович Моисеев заглядывал в заготовленную заранее таблицу и с улыбкой оставлял от наших определений одни воспоминания. Придумали тоже, практику по таксации леса на болоте проводить, как будто хороших древостоев мало. Там дело совсем другое: замерил, сказал и как на аптечные весы положил — все точно сходится. Практика по лесной таксации вещь, конечно, полезная, но не на таком же чапыжнике время терять, зря комаров кормить. Василий Степанович смеется, говорит, в жизни все пригодится. Ему хорошо смеяться, он вон бугай какой, прямо копия Леньки Исакова, и сапоги болотные, бегает по топям как лось, и комары его не жрут. А тут днем на болоте половину крови высосали и сейчас последнюю допивают.

— Эй ты, проснись!

Кто-то в бок толкает. Ну нахалы, и отдохнуть не дадут.

— Какого дьявола надо?

На кровати сидит совсем незнакомый мне парень. Что за чудеса!

— Записка тебе. На, держи.

— Ты куда? Постой!

— Извини, не могу. Бывай.

Исчез, как привидение. Спички где-то здесь лежали на тумбочке, вот они. Что за записка, от кого? «Завтра в девять утра экстренное заседание комитета. На повестке дня мой вопрос — исключение из комсомола. Сергей».

Вот оно что! Все-таки решились. Одного Ульянова им мало. Что же делать, что делать? Надо срочно ребят собрать, посоветоваться. Леня здесь же ночует, в банкетном зале охотничьего царского дворца. Коек в нем около двадцати, а Ленина у самой двери стоит, как раз попутно будет. Слава Лесенный и Эдик Кобак наверху устроились, в самих царских опочивальнях. В них народу поменьше, и Славку туда загнали, чтоб по утрам своим кашлем народ не будил, да и посуше там, сквозняков нет.

А койка Ленина пуста, вот кот паршивый! Второй час ночи, а его все носит, и беготня по болоту за день не укротила. Придется пробираться наверх одному.

— Эдик, проснись, дело есть.

— А? Кто здесь?

— Это я...

— Чего лазишь по ночам?

— Понимаешь, записку принесли только что от Сергея.

— Кто принес?

— Парень незнакомый, и сразу ушел.

— Как же он тебя разыскал?

— Не знаю, наверное, кто-то показал.

— Где записка? Свети. Та-ак! Значит, и Сергею решили мозги вправить. Дело серьезный оборот принимает.

— Что там шепчетесь, мужики? — Слава, скрипя сеткой, сел на кровати. Хорошо хоть этого не надо расталкивать.

— Иди сюда и не шуми, не буди остальных, Сергея сегодня на комитете из комсомола исключают, вот записка.

— У него же защита диплома через неделю! Человек, выходит, пять лет зазря учился?

— Выходит, так. Если из комсомола исключат, то из академии тоже, как Володю Ульянова. Поэтому с решением торопятся.

— Тогда затее нашей с лесхозом конец, и экспедиция будет не нужна. Нельзя же этого допустить!

— Главное сейчас в другом — Серегу спасать надо. Парню жизнь кромсают, а ты — лесхоз.

— Надо что-то делать!

— Ехать надо, убеждать, доказывать. Это же очевидный произвол, наверняка сверху кто-то давит. Время у нас еще есть — целых семь часов. Автобус из Лисина пойдет в шесть утра, до Тосно ехать минут сорок, а там до Ленинграда — час с небольшим, можем успеть, но хорошо бы раньше прибыть, с Олегом Попцовым потолковать — секретарь комитета комсомола все-таки. В крайнем случае от вокзала до академии на такси махнем.

— Надо подумать, кого взять с собой, чтобы ребята надежные были. А ты почему Леньку не привел?

— Леньки пока нет, рассвет где-то встречает, к утру объявится. Значит, нас уже четверо. Можно еще Жору Ковалева прихватить, он, чтобы другого выручить, готов даже на болоте с комарами ночь просидеть, и больше из наших никого брать не следует, а то группа слишком поредеет, заметно будет. Из третьекурсников

возьмем Щуревича и Ерукова, они уже неделю здесь проходят практику по лесоводству и, кажется, в подсобках разместились, надо их предупредить, чтобы утром не разбежались.

— Сейчас схожу, — Слава начал одеваться, — а вы Василию Степановичу скажите, он в комнате напротив, а то будет нас искать.

— Этого нельзя делать. Василий Степанович, конечно, отпустит, но тогда окажется причастным к нашей поездке, а мы еще не знаем, чем дело обернется, можем подвести мужика, — рассудил Эдик.

— Верно. Будем действовать самостоятельно, а там — к какому берегу прибьет. Ты, Слава, беги в подсобку, передай ребятам — сбор ровно в шесть на автобусной остановке, а я пойду Жору предупрежу и Леню караулить буду.

...Уже двадцать минут сидим в кустах, чтобы глаза не мозолить, а автобуса все нет. Обычный закон подлости — если надо что срочно, никогда не получается. А ребята молодцы, собрались все вовремя. Леня приплелся в пятом часу и сейчас сидит с закрытыми глазами, острым носом поклевывает, залысины и лоб в здоровенных розовых лепешках от комариных укусов, досталось, видать, ему. Ничего, в электричке отоспится. А вот и автобус наконец, и, кажется, пустой. На остановке тоже никого. Пока везет.

И в Тосно судьба благосклонна к нам, электричка — вот она, теперь время есть, можно спокойно восстановить в памяти, что же и как произошло?

Все началось с профессора Губина. Мы хорошо знали его еще по первому курсу, когда, будучи заведующим кафедрой геодезии, он читал нам интереснейшие лекции по этому предмету, а затем летом со своим аспирантом Юрой Стародумовым руководил учебной практикой. Его могучая фигура в коротких сапогах постоянно курсировала от одной бригады к другой, и сложные в обращении теодолиты и буссоли становились в наших руках привычными и знакомыми. Тогда мы привыкали только к контактам с профессорами, и нас поражала необычайная простота и доступность этого маститого ученого, авторитет которого в академии был исключительно высок. Вскоре Михаила Максимовича назначили заместителем директора по учебной работе, и студенты этому искренне радовались. Не было ничего проще прийти к нему на прием и решить любой вопрос, в том числе подписать разрешение на пересдачу заработанного «хвоста».

Но к тому времени, когда мы втроем побывали у профессора Губина в надежде спасти экспедицию и получили нестандартное заверение о помощи, у него уже сложились трудные взаимоотношения с дирекцией и парткомом на почве проводимых изменений в учебном процессе и чего-то неведомого еще. А вскоре разразился закулисный скандал, и Михаила Максимовича отстранили от руководства в академии учебной работой. Для студентов это был настоящий траур: любимому профессору не позволили заниматься делом, которое касалось буквально каждого. Да и все казалось в этой истории непонятным и сверхъестественным.

Но нам было ясно одно: за профессора Губина надо заступиться, иначе студентам будет трудно, а наша экспедиция окончательно погибнет. Никто из нас ни минуты не сомневался в том, что надо действовать. А тут еще к Сергею, как ответственному в коми-

тете комсомола за учебную работу, обратился Юра Стародумов с просьбой заступиться за своего руководителя. И пошло-поехало.

Сергей решил провести общеакадемическое комсомольское собрание и обсудить на нем возникшую ситуацию. Собственно, руководство академии и партком сами должны были это сделать, так как недоумение и недовольство студентов казались всем очевидными. Следовало собрать хотя бы актив и спокойно все объяснить, если, конечно, для отстранения профессора Губина были веские основания. Но такого разъяснения не последовало. Положение членов комитета комсомола и его секретаря Олега Попцова оказалось сложным. Сергей это понимал и сказал тогда в нашем узком кругу:

— Как на Олега рассчитывать? Позиция директора и парткома ему известна не хуже нас. В таком случае нечего ставить его под удар...

Объявлений никаких не вывешивалось, но в один из дней к шестнадцати часам в огромный актовый зал во втором здании академии начали организованно подходить студенты со всех факультетов. А затем на высокую сцену поднялся Сергей Шипунов, подошел к небольшому столу с тремя стульями у трибуны, выждал, пока угомонится переполненный зал, и спокойно объявил:

— В академии недавно произошли события, которые породили нездоровые слухи и кривотолки по поводу отстранения профессора Губина от должности заместителя директора по учебной работе. Профессор Губин — крупный ученый в области геодезии и пользуется большим авторитетом среди преподавателей и студентов. Поэтому сектор по учебной работе комитета комсомола решил провести настоящее собрание, чтобы разобраться с этим щекотливым вопросом, высказать по нему свое мнение и прекратить закулисные пересуды, которые начали распространяться в последние дни.

Если бы Сергей знал, чем обернутся вскоре эти слова! Конечно, такая организация общего комсомольского собрания была явным нарушением устава. Никакой сектор, даже самый популярный среди студентов, не имел права проводить подобное мероприятие без ведома комитета. Типичная анархия, и это было очевидно всем, не только Сергею. Однако он пошел на сознательное нарушение существующего порядка. Почему?

Накануне собрания, поздно вечером, Володя Ульянов и я зашли к нему. В комнате никого не было. Сергей лежал на кровати, заложив руки за голову, и сосредоточенно смотрел в потолок красными от бессонницы глазами. Было видно, что ему нелегко, но на лице — упрямая решительность.

— Комсомольские бюро факультетов оповещены, студенты завтра будут, — коротко, как всегда, и тихо сообщил Володя.

— Добро. Значит, будем проводить, — глядя по-прежнему в потолок, ответил Сергей.

— Может, все-таки скажем Олегу Попцову, ребята теперь все равно придут, уже ничего не изменишь.

— Тем более. Впутывать сейчас Олега в это дело бессмысленно, нагорит парню ни за что, и только, — Сергей резко поднялся и сел на кровати.

— Выходит, риск все же большой?

— Конечно. Для дирекции и парткома это будет разорвавшаяся бомба. Но так, как поступают они, тоже делать нельзя. Губин

слишком известный ученый и порядочный человек, как все считают, чтобы с ним так обращаться. Его знает буквально каждый студент, начиная с первого курса. Он ведет дисциплины, которые обязательны для студентов большинства факультетов и изучаются ими в самом начале учебного процесса. Поэтому если других профессоров студенты узнают только на третьем-четвертом курсе или даже пятом, и притом ограниченным составом, то Губина знают почти все с первых дней обучения, судят о нем по качеству лекций и практических занятий, по его отношению к ним. Одним словом, личность он необыкновенно популярная, чего не скажешь о многих других преподавателях. Следовательно, любые действия против Губина не могут не привлечь внимания многотысячного студенческого коллектива. Возможно, эти действия и оправданны, но, учитывая исключительность таких обстоятельств, надо умело людям разъяснить тогда, чтобы не порождать нездоровую обстановку. Но этого не хотят делать или потому, что недооценивают ситуацию, в чем я сильно сомневаюсь, или потому, что нет серьезных аргументов, а идет какая-то грязная игра. Последнее, пожалуй, наиболее вероятно. Губин — мужик очень принципиальный и решительный. Все знают, что дело для него — прежде всего, и это хорошо, кстати, видно было на примере нашей экспедиции. Очевидно, он кому-то пришелся не по вкусу и его решили задвинуть. Если это так, то совершается несправедливость в ущерб общему делу. Спокойно относиться к этому я лично не могу, хотя бы потому, что отвечаю за сектор учебной работы, и меня для этого избирали в комитет.

— Однако не исключены серьезные последствия.

— Вполне возможно, но я об этом не думаю, разберемся потом, сейчас важно защитить профессора или хотя бы продемонстрировать ему поддержку.

— А если он в чем-то не прав?

— Тогда пускай объяснят — в чем, иначе начавшуюся бузу среди студентов прекратить будет нелегко. А что она уже пошла — видно всем.

— Но тогда надо было приглашать на собрание представителей дирекции и парткома, а то кто же будет объяснять?

— Не беспокойтесь, максимум через десять минут после начала собрания все они будут в зале, а может, и раньше. Вот тогда им и придется выступать, деваться будет некуда.

— То есть вызываем огонь на себя, чтобы прояснить ситуацию и сделать то, что должны были сделать партком и администрация?

— Именно так. А заодно пусть узнают, что думают на этот счет студенты. Во всяком случае, конечная цель будет достигнута — люди получат разъяснения и должны успокоиться, если, конечно, доводы приведут убедительные.

— А если нет?

— Тогда тем более оправдан созыв собрания, поскольку необоснованное решение администрации вряд ли найдет поддержку и будет осуждено.

— Но собрание всегда готовится заранее, намечаются выступающие, просматриваются даже выступления, а тут неизвестно кто и о чем будет говорить?

— Пусть люди скажут то, что думают. Разве это плохо?

— Нет, конечно. Но при такой обстановке найдутся ли желающие выступить?

— Дело Губина взволновало многих, и студентов придет немало. Уверен, что среди них окажутся желающие что-то сказать. Я открою собрание, объясню причину, чем оно вызвано, и предоставлю слово Юре Стародумову, которого вы знаете. К этому времени уже наверняка появятся те, от которых мы давно хотим что-нибудь конкретное услышать, а там будет видно.

Доводы Сергея показались убедительными, и предполагаемый им сценарий собрания действительно подтвердился, хотя предвидеть его финал все же не удалось.

Сергей только успел завершить короткое выступление и предоставить слово Юрию Стародумову, как входные двери с шумом распахнулись, и в зал стремительно вошла группа людей, которая по длинному проходу направилась прямо к сцене. Из них я знал только двоих. Первым, крупно вышагивая, почти бежал заместитель секретаря парткома, последним был Олег Попцов. Группа поднялась на сцену и устремилась к столу, а с другой ее стороны уже подходил к трибуне Юрий Стародумов. На два свободных стула возле Сергея сразу уселись заместитель секретаря парткома и незнакомый лысый мужчина, остальные оказались без мест. Олег вынес еще четыре стула, расставил их в ряд за тремя первыми, и все расселись.

Стародумов стоял за трибуной и, заметно волнуясь, выжидательно смотрел на возникший вдруг президиум. Но никаких действий со стороны прибывших не последовало. Тогда Юрий, повернувшись к залу, постепенно обретая уверенность, начал свое выступление. И говорил складно, хорошо поставленным лекторским голосом, но очень эмоционально, чувствовалось, сам он многого не знает, не в состоянии понять, что происходит, и потому очень обидно ему за шефа. Его десятиминутная взволнованная речь не внесла никакой ясности в дело профессора Губина.

Сергей посмотрел на своих соседей и, видя их нежелание вмешиваться, поднялся из-за стола, намереваясь дальше вести собрание. В это время из глубины притихшего зала раздался звонкий голос:

— Есть предложение по существу.

— Пожалуйста.

— Пусть подошедшие товарищи объяснят причины отстранения профессора Губина от руководства учебным процессом в академии.

Сергей, сдерживая готовую пробежать по лицу улыбку, повернулся к соседу справа. Замысел собрания воплощался в реальность. Заместителю секретаря парткома ничего не оставалось, как выйти к трибуне.

Зал напряженно молчал, вникая в каждое слово оратора, но ожидания не оправдались. Выступающий долго говорил о необходимости усовершенствования учебного процесса, приближения его к производству, о проводимых и намечаемых мерах по улучшению качества преподавания в академии, но того, что хотелось бы услышать, не было. Фамилия профессора Губина не упоминалась, словно к этому делу он не имел никакого отношения. Только в самом конце выступления заместитель секретаря парткома, отпив из стакана глоток воды и как бы вспомнив о чем-то важном, сказал:

— Профессор Губин тоже принимал активное участие во всей

этой работе, но некоторые предложения его, как считает руководство академии и Минвуза, не являются достаточно обоснованными и перспективными.

— Что это за предложения? — послышалось из зала.

— Я о них подробно не информирован, поэтому не могу сказать. Кроме того, профессор Губин несколько превышал свои полномочия, решая несвойственные ему хозяйственные и бытовые вопросы, связанные с ремонтом учебных зданий, студенческих общежитий, квартир сотрудников, что вносило диспропорцию в освоение средств и выполнение финансового плана. В то же время отдельные участки учебной работы оказались запущенными, не проводились, в частности, мероприятия, предписываемые руководящими инстанциями, которые, попросту говоря, игнорировались. В настоящее время эти недостатки устраняются, и сегодня мы готовы выслушать ваши дополнительные замечания и предложения, которые будут доложены руководству академии и парткому.

Отпив еще глоток воды и не дожидаясь новых вопросов, заместитель секретаря парткома направился к столу, вытирая ладонью вспотевший лоб. Сергей поднялся, готовый предоставить слово желающим выступить. Даже из зала было видно, как весело блестят его глаза: собрание явно удалось.

Длилось оно около трех часов. На трибуну один за другим поднимались студенты. Сергей только успевал вставать и взмахом руки приглашать желающих на сцену. Фамилии не назывались, каждый выходил и говорил о наболевшем, не забыв при этом высказать свое отношение к Губину. Получалось, что почти все выступающие так или иначе бывали с ним в контакте, приходя с различными студенческими нуждами, и никто ни в чем не получал отказа, он внимательно всегда выслушивал и немедленно принимал решения, стараясь по возможности удовлетворить любую просьбу. Поэтому постоянно в приемные часы у двери его кабинета теснились студенты, зная, что здесь поймут и помогут или, в крайнем случае, искренне посочувствуют. Профессор Губин не только принимал посетителей, сидя в кабинете, но и частенько наведывался в общежития, его можно было увидеть в жилых комнатах, красных уголках, буфетах или просто в коридорах стоящим среди плотной кучки ребят. Он был для всех заботливым старшим другом, на которого всегда можно было опереться в трудную минуту. И об этом с горечью теперь говорили с трибуны.

Такого искреннего собрания в академии еще не было. Предложений, как улучшить быт, поднять уровень воспитательной и учебной работы, наладить более тесные контакты с производством, было столько, что их хватило бы для составления планов не на одну пятилетку всем службам академии. Заместитель секретаря парткома и с ним прибывшие успевали только записывать. А когда начались повторения, Сергей объявил собрание закрытым, поблагодарив присутствующих за активное в нем участие.

Довольные студенты, оживленно переговариваясь, покидали зал.

На следующий день Сергей появился в общежитии поздно и, чем-то расстроенный, пригласил меня и Володю к себе в комнату.

— Я только что с заседания комитета, — начал он, усевшись по обыкновению на кровати, — обсуждалось вчерашнее чрезвычайное происшествие, как именуют теперь комсомольское собрание. О его результатах и существе дела вопрос не стоял. Всех ин-

тересует, особенно дирекцию и партком, кто организовал собрание. Я сказал, что это моя работа и готов отвечать, но мне не поверили, потребовали назвать остальных. Я, конечно, отказался. Секретарь парткома дает собранию политическую оценку, считает, что в академии действует подпольная группа инакомыслящих, которую необходимо выжечь каленым железом, пока не поздно. Одним словом, собрание — это бунт. Уже поставлены в известность райком и обком комсомола, а также горком партии. Нам придется теперь туго, давайте поэтому вместе решать, как дальше себя вести. Ребят из комитета комсомола, которые знали о готовящемся собрании и помогали в его организации, подводить не станем, тем более они сегодня промолчали. Будем выкручиваться самостоятельно. В крайний исход не верится, но выговорешники нам обеспечены.

— Я считаю, надо поступить так, — Володя начал сразу, будто готов был к этому разговору. — Прежде всего следует подумать о нашей идее, чтобы она не пострадала. Если дело с собранием получило в верхах огласку и ему дается политическая оценка, то дирекция и партком половинчатыми мерами не ограничатся, иначе они окажутся не на высоте. Это же абсолютно ясно, и строить иллюзии в отношении выговоров, мне кажется, наивно. Мы взяли на себя слишком большую ответственность по созданию комсомольского лесхоза, чтобы не предусмотреть все возможные последствия. В этой ситуации необходимо любой ценой вывести из-под удара вас обоих, поскольку на одном висит организация лесхоза, на другом — экспедиции. Если что-нибудь не удастся осуществить, погибнет целиком замысел, который, возможно, принесет народному хозяйству большую пользу.

Володя заметно волновался, даже снял и протер носовым платком стекла очков, чего никогда не делал, затем продолжил все тем же ровным голосом:

— Однако основная жертва, и достаточно аргументированная, должна быть. Я предлагаю следующее. Завтра я пойду в комитет комсомола и возьму всю вину по части организации собрания на себя. Ты только не обижайся, Сергей, но вести собрание сможет любой, а главное — его организовать, и поэтому не случайно тебя спрашивали, кто это сделал. В действительности так и было, что не ты, а другие ходили по факультетам, встречались с секретарями комсомольских бюро и обо всем договаривались. Правда, делалось это с участием некоторых членов комитета комсомола, но это, собственно, уже детали. Свое участие в организации ЧП я докажу очень просто. Во-первых, личность моя не рядовая, уже два года руковожу советом СНО факультета. Во-вторых, всем известна моя причастность к идее создания комсомольского лесхоза и заинтересованность в ее реализации. Ну а в-третьих, я расскажу, с какими трудностями мы столкнулись из-за отказа руководства академии помочь экспедиции материально и какую роль в этом деле должен был сыграть профессор Губин. То есть ничего выдумывать не буду, а скажу, как было на самом деле и что все это побудило меня на такой путь защиты профессора.

Я и Сергей понимали, конечно, что Володя идет на сознательную жертву не только из-за нас, а ради большого общего дела, которое задумывалось вместе и в которое он беспредельно верил. Сможем ли мы эту жертву оправдать? У Сергея тогда увлажни-

лись глаза, а у меня в горле застрял комок, даже говорить, не только переубеждать, было трудно.

— А потом я не вижу особых оснований отчаиваться, — помолчав, тихо продолжал Володя, — жизнь у нас вся впереди, и если задумка с лесхозом осуществится, мы все равно соберемся вместе, тогда нас уже ничто и никто не остановит. Главное, чтобы идея начала жить, не допустить, чтобы она погибла.

Мои слабые попытки возразить, что экспедицию мог бы с успехом возглавить и сам Володя, он парировал моментально:

— Экспедицией должен руководить обязательно дипломант, который на четвертом курсе уже прошел курс лесоустройства и может, кроме того, задержаться на преддипломную практику, чтобы завершить обследование и принять участие в составлении проекта.

С доводами Володи спорить было трудно, и, как ни тяжело было, пришлось предложение его поддержать.

А дальше произошло все так, как предполагалось. Через три дня Володя Ульянов был исключен из комсомола, а еще через день изумленные студенты прочитали вывешенный возле деканата приказ директора об отчислении его из академии. Сергея со строгим выговором вывели из состава комитета комсомола.

Трудно передать, что пришлось пережить в те дни. В мае месяце начинался полевой сезон, и Володя, устроившись в лесоустроительную экспедицию, отправился через неделю в Иркутскую область на прорубку квартальных просек. Он был совершенно спокоен, по-деловому готовился к отъезду, а на перроне перед самым отправлением поезда он сказал:

— Теперь многое будет зависеть от вас. Если все завершится удачно и в нас поверят, через год может появиться шанс вернуться в академию. Желаю успехов и до скорой встречи.

Мы твердо пообещали добыть этот шанс любой ценой.

Но на горизонте уже сгущались новые тучи. Утром Сергея пригласил к себе декан Андрей Владимирович Преображенский и, поинтересовавшись, в каком состоянии диплом, настоятельно посоветовал ускорить его защиту. Сергей лишь недавно разделался с «хвостами», которые приобрел после поездки на Алтай. Окна в рабочей комнате на пятом этаже общежития светились до утра, но предстояло еще написать заключительную главу. По графику защита намечалась в конце июня, времени оставалось больше месяца, и можно было вполне успеть.

Однако Андрей Владимирович, видимо, знал то, что неведомо было Сергею и нам.

— Четвертого июня нам разрешили провести досрочную защиту двух дипломных работ, и будет заседать государственная комиссия. С членами комиссии я договорюсь, чтобы пропустили еще одну, причину какую-нибудь придумаю, с рецензиями тоже постараемся помочь. Надо к этому сроку успеть.

До этого срока оставалось десять суток.

А двадцать шестого мая у нас, четверокурсников, началась учебная практика в Лисинском лесхозе, и Сергей остался наедине со свалившимися неожиданно новыми проблемами.

Нервные переживания последних дней не прошли бесследно для Володи Ивахненко. У него внезапно обострилась язва желудка, и, чтобы не сорвать защиту, корчась от боли, он дорабатывал дипломную работу, лежа в постели, а Николай Новожилов и Дина, несмотря на работу над своими проектами, все же находили вре-

мя побегать по магазинам и приобрести для него диетические продукты. И Сергей иногда выкраивал минуту, навещал и подбадривал больного друга. А роковая развязка неукротимо приближалась.

События развивались столь стремительно, что даже декан Преображенский не смог всего предусмотреть. Прошло четыре дня, как мы покинули академию, выехав на практику, и вот возвращаемся уже обратно, намереваясь в отчаянье хоть что-нибудь предпринять, чтобы спасти Сергея, а заодно Володю Ульянова и нашу ставшую недосягаемой теперь Мечту.

Электричка прибыла на Московский вокзал с небольшим опозданием, до начала заседания комитета комсомола оставалось пятьдесят минут. Леня Исаков сразу убежал вперед, чтобы обеспечить такси. Поразительно, как легко он умел проворачивать подобные дела. Не успели мы выйти из здания вокзала, а нас ожидали уже готовые к старту две «Победы».

Через полчаса обе машины, лихо развернувшись, остановились у входа в главный корпус академии, напротив распахнутого настежь окна приемной директора на втором этаже. Прямо из него смотрела на нас испуганно-удивленными глазами член комитета комсомола Нина Королькова с инженерно-экономического факультета. Мы хорошо знали ее, а она нас. Да-а... Это конец! Наше инкогнито не состоялось.

Не успели мы дойти до комитета комсомола длинными коридорами, как увидели бегущих навстречу Андрея Владимировича Преображенского и следом за ним Ивана Наумовича Зарудного. Система оповещения работала оперативно. Нижняя челюсть у декана неестественно опускалась и поднималась, словно захватывала и загоняла в легкие недостающий воздух. Необычайно бледный, он резко остановился перед нами, расставив короткие полные руки в стороны. В выразительных маленьких его глазах застыли боль и страдание.

— К-куда? З-зачем?

Мы никогда не слышали раньше, чтобы наш декан заикался. Он прекрасно читал лекции и из всех преподавателей обладал, пожалуй, лучшей дикцией и чистотой произношения слов. Пораженные таким его состоянием, мы остановились.

— Вв-вы п-понимаете, что в-вы делаете? К-кто в-вам п-позволил оставлять п-практику?

— Никто, сами решили приехать.

— Сколько вас прибыло? — вмешался Иван Наумович.

— Семеро.

— Вижу, что не пять. Еще кто-нибудь будет?

— Нет пока.

— П-пока! — всплеснул руками Андрей Владимирович. — Значит, б-будут еще?

— Никого больше не будет, — заверил Слава Лесенный.

— Идемте сейчас же в деканат, — решительно потребовал Иван Наумович.

Мы повиновались. Наш путь пролегал мимо комитета комсомола. Недалеко от его двери стоял Сергей Шипунов и, заложив руки за спину, внимательно рассматривал апрельский выпуск сатирической «Колючки». Оказавшись рядом, мы молча поприветствовали друг друга. Было и так все предельно ясно. Он только проводил нас до следующего поворота воспаленными от бессонницы глазами.

В своем маленьком кабинете Андрей Владимирович налил из графина и залпом выпил стакан воды, жестом пригласил рассаживаться, затем сам уселся за темный старинный стол. Крикнув секретарше, чтобы прикрыла дверь, он долго смотрел на нас, думая о чем-то своем, тревожном, челюсть его уже не прыгала, и глаза казались спокойными.

Томительные минуты ожидания прервал наконец Иван Наумович.

— Василий Степанович Моисеев знает о вашем отъезде?

— Нет, конечно.

— Тогда он будет вас разыскивать.

— Ему передадут, что мы уехали.

— Ясно. А зачем вы, собственно, приехали?

— Хотели узнать, как решится вопрос с Сергеем. Нам это не безразлично, ведь вместе собирались новый лесхоз создавать.

— О том, что будет комитет сегодня, стало известно лишь вчера вечером. Откуда вы узнали об этом?

Мы внимательно рассматривали развешенные на стенах портреты лесных корифеев.

— Не задавайте глупых вопросов, уважаемый Иван Наумович, — неожиданно вмешался Андрей Владимирович. Он уже не заикался и говорил ровным, спокойным голосом. — Меня волнует сейчас другое. — И, обращаясь к нам, спросил: — Неужели вы, разумные люди, не понимаете, чем может кончиться для вас эта мальчишеская выходка? Мы потеряли уже двоих лучших студентов и с вашей помощью можем потерять еще. Я не говорю даже об основных мотивах вашего приезда, только одно то, что вы самовольно сбежали с практики, заслуживает строгого наказания. С таким шиком прикатили на такси, что о вашем появлении знает уже вся академия. Видимо, богато стали жить?

— Мы боялись опоздать.

— Защитники тоже нашлись. Без вас бы здесь не управились.

В этот момент зазвонил телефон.

— Да, да, это я. Слушаю. У меня сидят, у меня. Нет, все спокойно. Сами пришли, сами. Я только собрался их встречать. Ну что вы! Бунта никакого нет, сидим, тихо-мирно беседуем. Приехали просто поинтересоваться, что и как. Решили перенести заседание? Понял, понял. Хорошо. Конечно, конечно, они сейчас же выезжают обратно. Да, немедленно.

Андрей Владимирович положил трубку.

— Директор звонил, — в голосе его была тревога. — Все слышали? Заседание комитета пока перенесли, но не радуйтесь, вы только усложнили обстановку. Думаю, что теперь спасти Шипунова будет невозможно.

Мы это поняли уже без его слов.

— Что же будет теперь с комсомольским лесхозом?

— Затрудняюсь что-нибудь сказать, — развел руками Андрей Владимирович. — Комсомольский лесхоз должны создавать комсомольцы, а не исключенные из комсомола. Это, пожалуй, все. — Он поднялся из-за стола. — А сейчас немедленно возвращайтесь в Лисино. Я прошу вас — немедленно, и не мозольте никому глаза.

Расстроенные покинули мы деканат. Сергея в коридоре уже не было, не оказалось его в общежитии, и куда он девался, никто не знал. Володя Ивахненко, бледный и худой, сидел на своей постели, а рядом на придвинутой кровати валялись исписанные мел-

ким почерком бесчисленные листы. Он продолжал работать над дипломом, категорически отказываясь ложиться в больницу. Сергей к нему тоже не приходил, а Николай и Дина уехали на Невский проспект за продуктами в диетический магазин.

Понурые и молчаливые возвращались мы назад, отчетливо сознавая, что собственными руками задушили последнюю надежду своей Мечты.

* * *

Эта поездка ускорила трагическую развязку. Мы выбили из рук тех, кто готовился защищать Сергея и нашу идею, последние козыри. Мы не знали, что деканат, ученый совет, комсомольское бюро факультета и Олег Попцов уже проделали основательную работу, чтобы ограничиться ранее вынесенным взысканием. Никто не предполагал, что на старое ЧП сможет наложиться новое, и всплывшая было надежда разом пошла ко дну.

Заседание комитета состоялось на следующий день в шестнадцать часов в присутствии уже секретаря парткома, представителей райкома и обкома комсомола. Вопрос об исключении Сергея из рядов ВЛКСМ был предрешен, и ничего сделать было уже нельзя. Через день бюро райкома утвердило решение комитета, а второго июня появился приказ директора об отчислении его из академии. До защиты готового диплома оставалось всего два дня.

Весть о последних событиях в академии привез в Лисино Гена Еруков, ездивший на кафедру почвоведения за препаратами для своих научных исследований, которые он не прекращал даже во время практики. Я снова помчался в Ленинград в надежде повидать Сергея и, если еще не все погибло, обдумать с ним дальнейшие действия. Но Сергея уже не было. Он исчез в тот же день, как прочитал вывешенный приказ о своем отчислении. Жившие с ним в комнате ребята рассказали, что Сергей появился вечером, бросил с размаху на стол переплетенный диплом, ни с кем не разговаривая, сложил в чемодан скудные пожитки и ушел, хлопнув дверью. Даже постельные принадлежности сдавать не стал.

У входа в общежитие я случайно столкнулся с Борисом Отставновым, секретарем факультетского комсомольского бюро. Он учился на третьем курсе вместе с Володей Ульяновым и секретарствовал уже два года, сменив на этом посту Сергея Шипунова, избранного в состав академического комитета. Борис принадлежал к редкой категории людей, которых любят буквально все. Чуть выше среднего роста, узколицый, с красивым разрезом глаз, всегда аккуратно подстриженный и причесанный, весь какой-то изящный и элегантный, он привлекал внимание не только внешностью, но и особенным умением общения с людьми. Всегда со всеми ласковый, внимательный и предупредительный, он готов был выслушивать каждого хоть до утра, глубоко вникая в существо вопроса, что очень импонировало собеседнику и заставляло раскрываться до конца. Идею организации молодежного хозяйства он решительно поддерживал и всячески старался в этом деле помочь.

Увидев меня, взял под руку и отвел в сторону.

— Ты опять здесь, зачем? — спросил учтиво.

— Хочу с Сергеем повидаться, кое-что обговорить.

— Он уже уехал. Жалко парня, не удалось отстоять. В этом, кстати, и вы виноваты, — упрекнул Борис.

— Знаю.

— Хочу тебя предупредить, что кутерьма с собранием и вашим приездом, который тоже рассматривается как ЧП, еще не закончилась. Могут последовать дальнейшие оргвыводы. Если это случится, то тебе несдобровать тоже, сам понимаешь. Даже если будут официально вызывать из Лисина, в том числе и я, — не приезжай. Пусть не окажется тебя в тот момент на месте. Понял?

— Понял.

— И еще. Ваша учебная практика заканчивается в конце месяца, и до начала военных сборов будет свободная неделя. В эти дни появляться здесь тоже не советую, пережди в Лисине или съезди домой. Делай, в общем, что хочешь, только не приезжай сюда.

— Ясно. Но в экспедицию мы все-таки собираемся поехать, надо же готовиться, добыть хоть немного денег, кое-что закупить.

— Пусть это делают Леня Исаков, Эдик, другие ребята. Действуй, в общем, через них. Командировки на Алтай на производственную и преддипломную практику вам выписаны, я интересовался. Надо, конечно, съездить, а там обстановка может измениться, будем, во всяком случае, надеяться.

— Хорошо, Боря, понял все. Спасибо тебе.

В тот день я все же рискнул навестить доцента кабинета биологии лесных зверей и птиц Виктора Ивановича Дементьева, который в свое время сыграл немаловажную роль при определении моей будущей специальности и которому я искренне верил и доверял. Мой крестный, как я его называл, всегда относился ко мне неплохо.

И на этот раз Виктор Иванович от души обрадовался моему приходу:

— А-а, бунтовщик! — пошутил он невесело. — Заходи, заходи. С чем пожаловал?

— Хочу поговорить. Плохи, в общем, наши дела.

— Знаю, наслышан.

— Опасаюсь за экспедицию, как бы не сорвалась. На нее наша последняя надежда.

— Экспедиция должна состояться при любых обстоятельствах, — поддержал Виктор Иванович.

— Вот и я так думаю. Но сейчас многое осложнилось. Володя Ульянов, вы знаете, вышел из игры, а ведь он должен был возглавлять первую партию ребят, отъезжающих на Алтай. Замена ему нужна. Из оставшихся членов экспедиции я не вижу подходящих кандидатур, и со стороны подобрать теперь сложно. Все шарахаются от нас, как от чумных, фамилии Ульянова и Шипунова, так же как и Губина, стали нарицательными, их даже стараются не упоминать. Может, вы кого порекомендуете?

— Непростая задача, — задумался Виктор Иванович. — Ты прав, человек должен быть авторитетный и обладать, кроме того, определенными навыками руководства людьми. А знаешь что? Попробую-ка я поговорить с Пукинским, если он согласится, лучшей кандидатуры сейчас не подобрать. Ты ведь знаешь его?

Я хорошо знал Юрия Болеславовича Пукинского, лаборанта кабинета биологии лесных зверей и птиц. Он пришел в академию с полгода назад из Ленинградского университета, где работал на той же должности, был прекрасным препаратором, великолепно

изготавливал чучела животных и за короткий срок значительно пополнил ими музей. В этом деле нас связывали общие интересы. Юрий был старше нас, самозабвенно любил природу, часами мог просиживать с фотоаппаратом возле гнездовий птиц, выжидая удачный момент, чтобы отснять один-два кадра. У него собралась большая коллекция уникальных снимков о жизни пернатых, которую мы с бесконечным интересом всегда рассматривали на практических занятиях.

— Думаю, что он не упустит возможности побывать на Алтае, тем более что по части орнитологии это малоизученный край, — размышлял Виктор Иванович. — Лесными делами он, конечно, заниматься не будет, так как по специальности биолог узкого профиля, но ребята до вашего приезда с ним не пропадут. А что касается изучения фауны, сбора коллекций, то тут ему равных нет.

Виктор Иванович слово свое сдержал, и Юрий Пукинский стал участником экспедиции. А вскоре произошло событие, ставшее переломным в наших делах.

Шестого июня 1958 года газета «Комсомольская правда» опубликовала статью Сергея Шипунова, которую он отправил в редакцию месяц назад. В ней рассказывалось о богатствах кедровых лесов, приводились интересные сведения о их ресурсах, используемых в мизерных объемах и хищническими методами. Это была первая публикация в центральной печати из многосотенной серии статей по конкретной тематике Кедрограда. Завершалась она так:

«...Выпускники Ленинградской лесотехнической академии предлагают один лесхоз, создаваемый на Алтае, объявить комсомольским. Эта идея находит всеобщую поддержку. К сожалению, отдельные работники Министерства сельского хозяйства РСФСР, в частности заместитель начальника Главного управления лесного хозяйства тов. Курносов, почему-то затягивают окончательное решение вопроса.

Время же не терпит. Комсомольский лесхоз должен начать работать этим летом».

В конце следовала подпись с полным титулом: «С. Шипунов, студент пятого курса Лесотехнической академии им. С. М. Кирова».

А называлась статья «Создадим комсомольский лесхоз».

Если бы знали в редакции газеты и все те, кто в тот день читал эту публикацию, что автор ее, оповестивший о благих делах, происходящих в академии, уже не студент, а исключенный из нее и комсомола как опасный для общества человек! С выходом статьи руководство академии попало в пикантное положение. С одной стороны, оповещалось на всю страну о родившейся здесь интересной идее создания комсомольского лесхоза, которая нашла всеобщую поддержку, с другой — некому стало эту идею претворять в жизнь.

Мне же статья во многом помогла. Ставшее сразу заметным общее потепление климата вокруг почти погибшего замысла о молодежном хозяйстве постепенно развеяло вновь собравшиеся грозовые тучи, о которых предупреждал Борис Отставнов. Стало легче вести работу и среди студентов по доукомплектовыванию экспедиции. Удалось уговорить принять в ней участие еще двух ребят с третьего курса, которые проходили учебную практику в Лисине. Это крайне необходимо было сделать, так как окончательно разболелся Слава Лесенный и рассчитывать дальше на него оказалось нельзя. Анатолий Кавин и Алексей Вейнерт жили не в общежитии,

и я их почти не знал, но в той ситуации мы благодарны были каждому, кто открыто решался поддержать «опальную группировку» в ее делах.

Совсем просто решился вопрос с обеспечением экспедиции. Собравшись, наконец, в укомплектованном составе после завершения практики, участники ее единодушно постановили внести в общий котел по 800 рублей (в старом исчислении) из летней стипендии и полевых. Немного удалось заработать за свободную неделю в городском порту. Ружья, фотоаппараты, у кого не было, обувь, телогрейки, непромокаемые куртки должен был приобрести каждый самостоятельно. Палатками и спальными мешками решили не обременяться в надежде на теплоту таежных костров. Благодаря настойчивым усилиям Виктора Ивановича Дементьева и Юрия Пукинского академия все же выдала два высотомера, шестьдесят метров фотопленки и солидный комплект охотничьих боеприпасов, что позволило сэкономить значительную часть средств. Так, с «миру по нитке», собралась «голому рубаха».

А самое главное — возродилась надежда, которая казалась утраченной навсегда. Вновь появилась на горизонте полузабытая Мечта, и вновь приобрел магическую силу отрадный лозунг «Создадим комсомольский лесхоз!»

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Тошно, если человек один... В академии уже никто не верил в их мечту... Выдержка, упорство нужны были, чтобы победить материальные затруднения... консерватизм, собственные сомнения.

В. ЧИВИЛИХИН, 1960 год

Я никогда не вел дневников, за исключением единственного случая, когда многострадальная экспедиция на Алтай все же состоялась. И трудно сейчас объяснить, что побудило меня на это — романтическая детская мечта о путешествиях или впечатления от поездки в неведомый далекий край.

Были исписаны простым карандашом три толстые счетоводческие книги. На титуле каждой из них название: «Дневник первой научно-студенческой алтайской экспедиции», а вверху крупными буквами — желанный призыв: «Создадим комсомольский лесхоз!»

Владимир Чивилихин, когда впервые посетил нас в сентябре 1959 года, уже обосновавшихся на Алтае, читал эти записи всю ночь, а утром категорически заявил, что заберет их с собой, «дабы не затерялись они в суматохе таежных будней». В течение двадцати лет он хранил дневники у себя, и только по причине особых обстоятельств, о которых расскажу позже, вернул их мне в 1979 году.

Писались они по самым свежим впечатлениям в августе — октябре 1958 года и освещают наиболее ответственный период рождения Кедрограда. В сентябре того же года мне исполнился двадцать один год, я был, конечно, малоискушен в жизни, которая сразу и широко распахнула дверь к многочисленным своим проблемам, взращенным на почве тогдашней противоречивой действительности. Поэтому записи полны, на мой искушенный взгляд сейчас, непо-

средственности, романтики, подчас наивности, но именно эти особенности мировосприятия, должен заметить, были присущи той студенческой среде, где родилась Мечта. Сделанные экспромтом, они точнее всего отражают событиях тех лет, и я решился привести этот документ как можно полнее.

* * *

17 августа

С утра куча дел. Обычные сборы в дорогу и в то же время необычные. Лучше лишний час потратить, но предусмотреть все необходимое. Нас всего трое (первая партия выехала раньше), а взять надо много, так как уехавшие ребята не захватили того, что могли бы... Эта ошибка стоила нам, оставшимся, много лишних хлопот, и сил, и, что самое неприятное, дополнительных средств, которые так нужны будут на Алтае...

Три дня продолжались закупки в магазинах, получение со склада вещей, которые все же решила выдать академия, и мы изрядно устали. Наконец последний день. Готовы к отправке два огромных чемодана. Им предстоит покинуть Ленинград раньше нас на несколько часов в багажном вагоне. Вчера усилиями Лени Исакова отправлен малой скоростью на Алтай ящик с книгами и бланками весом 84 килограмма...

Меня вчера вызывали в обком комсомола для беседы с корреспондентом «Комсомольской правды» Ингой Преловской по поводу организации комсомольского лесхоза и нашей экспедиции, по поводу дела Губина и участия в нем Шипунова, Ульянова, Стародумова и меня. Пришлось рассказать многое. Здесь же, в присутствии Нины Корольковой (члена комитета комсомола академии), я выразил возмущение принятыми мерами по отношению к указанным товарищам и высказал свое мнение по этому вопросу.

Видимо, клубок начал распутываться в обратную сторону. В начале сентября намечается заседание бюро обкома комсомола, на котором будет разбираться вопрос о Шипунове. Думаю, что обком отменит решение райкома. Беседа длилась два с половиной часа, и расстались мы хорошими друзьями. Инга, пожимая мне руку, выразила уверенность в успешном выполнении поставленной нами задачи и завершении экспедиции.

...За багаж с нас взяли 228 рублей, а мы ожидали 30—40. Какой удар по карману, обман наших расчетов!

В 21 час «прощальный обед» в одной из комнат общежития на Новороссийской, 12. Прощание... В 23 часа мы уже у Эдика Кобака на квартире. Последние сборы, самые последние. А на улице дождь, проливной... В коридоре стоят три рюкзака пудика по два, а то и больше. У каждого ружье и фотоаппарат. Решено взять такси. В час ночи мы на вокзале. Перед нами допотопный пассажирский состав, но мы согласны ехать на чем угодно: нас ждет и зовет Алтай, а с ним трудности и преграды. Мы молоды и полны сил, а для молодых счастье — в труде и лишениях.

Занимаем полки для лежания, хотя у нас только один плацкарт и два сидячих места. Нам повезло: два плацкартных места, которые мы заняли, оказались свободными. А теперь спать. После многих хлопот и волнений, почти бессонных ночей... Спать...

18 августа

Первый день пути. С каждым часом и километром мы ближе к цели... Когда поезд стоит, пишу дневник...

Москва! Столица нашей Родины. Центр всего прогрессивного человечества. Это воодушевляет, наполняет сердце гордостью за свое советское гражданство, за свою столицу. Выходим из вагона. Вид у нас экзотический: огромные, объемистые рюкзаки, ружья и фотоаппараты через плечо. Люди оборачиваются и провожают нас удивленными взглядами. Мы даже гордимся своим видом. Настроение отличное. Вот и площадь, замком скрепившая три крупнейших вокзала Москвы: Ленинградский, Казанский и Ярославский.

Справочное бюро дает необходимые сведения, можно ехать с двух вокзалов. Идем сначала на Ярославский...

Вот касса для транзитных пассажиров — толчея, билетов нет. Пробуем воспользоваться командировочными удостоверениями. Получаем ответ: в порядке общей очереди. Значит, остается ждать. День, два ждать, как эти измученные дорогой люди. Ну, нет! Выход должен быть! Ведь есть еще Казанский вокзал. Через пять минут мы там, перешли только через площадь.

Высокие залы залиты электрическим светом, такое же огромное количество в беспорядке сидящих и лежащих людей, если не больше, и у касс толпа, билетов нет. И вдруг... Глаза наши вырывают так нужное нам: «Студенческая касса». Леня становится в хвост очереди. А что если попробовать без очереди? Улучив момент, я сунул в окно билеты. Раздался ропот недовольных. Но поздно, барьер взят. Конечно, с нашей стороны нехорошо: ведь студенты — свои ребята. Но что поделаешь, мы не можем ждать — нас ждет Алтай.

Поезд отправляется в половине второго ночи. Еще пять часов в нашем распоряжении. Надо поесть и посмотреть Москву.

В 22 часа 15 минут мы на Красной площади. Пробили куранты, извещая об ушедших в прошлое еще пятнадцати минутах. На башнях Кремля горят рубиновые звезды. Мавзолей, Кремль. Лобное место, собор Василия Блаженного унесли нас в мир прошлого. Выйдя на Москворецкий мост и обозревая с него старинную крепость, мысленно представили себе такую картину.

Начало двенадцатого века. Вся земля покрыта дремучими лесами, рассеченными кое-где полноводными реками. Вот одна из таких рек. К ее берегам вплотную подходят высоченные деревья, в гуще которых полно дичи и зверей, а даль за ними неизвестна и опасна, но она разжигает любопытство бородатых людей, находящихся на корме больших лодок с белыми парусами. Уже много дней плывут они по неведомой реке, порядком устали, надо бы отдохнуть. Здесь, кажется, удобное место для причала. И на том самом месте, где мы сейчас стоим, весело запылал костер, бородатые люди собрались вокруг него, обсуждая пережитые трудности и невзгоды.

Так на берег, где суждено было возникнуть крупнейшему городу, впервые ступила нога человека, и загорелся огонь — источник жизни и великих дел. Какой контраст предстоит пережить нам! Сегодня — Москва, а через несколько дней — горы, безлюдье, тайга. Почти то же самое, что было здесь более 800 лет назад. Возможно, что через следующие 800 лет и на месте глухой тайги,

куда едем мы, появится огромный город, начало которому будет положено нами.

20 августа

Черт побери — самые интересные места проезжаем ночью. Вчера проскочили Казань и Волгу, сегодня — Урал. Ничего не удалось сфотографировать. Одна надежда — на обратный путь, но будет уже зима.

Выбегаем на каждой остановке размяться. Лично я чувствую себя плохо от такой застойной жизни. Сказал об этом ребятам. Они чувствуют себя не лучше.

Днем читаю «Численность животных и ее регуляция в природе» Дэвида Лэка. До Новосибирска ехать еще завтра и послезавтра. Как утомительна езда в поезде дальнего следования. Гораздо лучше чувствовал себя, когда добирались в Казахстан на целину в товарных вагонах и делали частые продолжительные остановки. Всего нам надо проехать от Ленинграда более 5000 километров, осталась еще половина — самая трудная...

22 августа

За час до прибытия в Новосибирск нам удалось закомпостировать билеты на поезд, который отправлялся в сторону Барнаула вскоре по приходу нашего. Пока нам везет. Ребята здоровы и чувствуют себя хорошо

Расставшись тепло со своими попутчиками, мы заторопились к поезду, стоявшему уже под парами. Оставалось всего 25 минут. Все-таки успел сбегать на вокзал и отправить ребятам телеграмму в Чою: «Выезжаем Новосибирска встречайте Горно-Алтайске много багажа». А еще через несколько минут мы ехали навстречу самому интересному, навстречу трудностям и невзгодам, навстречу зовущему нас Алтаю...

23 августа

Поезд Новосибирск — Ташкент мчится на юг. В вагоне жарко, нечем дышать и негде сесть. Интересуемся у проводника, почему так много народу. Оказывается, приказ министра путей сообщения: в связи с перегрузкой железных дорог в один вагон можно сажать по 100 человек.

В семь часов утра сходим на станции Алтайская, не доезжая всего одну остановку до Барнаула. Отсюда последний, двухсоткилометровый перегон — и Бийск. Там железнодорожный путь кончается, и дальше надо добираться на машинах.

На станции узнаем, что бийский поезд отошел полчаса назад, следующий будет вечером. Целый день ждать! И это почти у цели. Нет, надо искать выход.

Оператор станции подсказал, что с шестого пути отправляется на Бийск товарный поезд. Только чтоб никто не знал: о графике движения товарных поездов говорить не велено. Но раз вы студенты... Все ясно, мы поняли, не подведем.

К Бийску подъехали черные как негры. Угольная пыль оседала на одежду, лицо, руки, попадала в рот, скрипела на зубах. Почти пять часов длилось это утомительное путешествие. Потом долго отряхивали с одежды, смывали с лица и рук угольную пыль. Наконец пошли получать отправленные из Ленинграда чемоданы. Нас встретили удивленно — багаж появится не раньше чем через два дня. Оставалось одно — следовать дальше, в Горно-Алтайск.

В автобусе все сиденья заняты, в проходе — вещи пассажиров

и наши огромные рюкзаки. Солнце печет нещадно. Здорово! Теплом и светом встречает нас Алтай. А как, интересно, будет провожать?

Катим на юг по Чуйскому тракту — великолепному шоссе, которое, петляя в горах, тянется до самой Монголии. Мы сидим у открытых окон как заправские туристы и вглядываемся в мелькающие пейзажи. Красота кругом неописуемая. Вот дорога пошла на подъем, да так круто, что мотор тянет с трудом. Мгновение — и перед нами открывается удивительная панорама горной местности. Внизу, в долине, серебром блестит и теряется в дальних берегах река Катунь, а на горизонте — покрытые синеватой дымкой горы, которые постепенно растворяются в голубом безоблачном небе. Так вот почему — голубой Алтай!

Три часа мы наслаждались видами из автобуса. Наконец извилистая дорога снова взбежала на перевал, и перед нами внезапно предстал в залитой солнцем долине Горно-Алтайск.

На конечной остановке у краеведческого музея Эдик остается у вещей, а я и Леня заходим в здание узнать, как можно добраться теперь до Чои. В музее встречаем алтайца, с городским вкусом хорошо одетого. Узнав, кто мы, он чрезвычайно любезно поздоровался с нами и добровольно вызвался помочь. По телефону он ругался, кого-то требовал, клал и снова поднимал трубку, пока к величайшему своему изумлению не узнал, что грузотакси ежедневно отправляется в Чою как раз от здания музея в 9, 13 и 18 часов. Значит, у нас сегодня свободный вечер и можно отдохнуть после утомительной дороги. Мы собрались уже уходить, вдруг в дверях появился Эдик:

— Ребята, Гешка Еруков здесь.

— Да ну!

У вещей нас ожидал с улыбкой до ушей довольный Гена Еруков. Мою телеграмму лесхоз получил и передал содержание по телефону в Кара-Кокшу, где сейчас находятся ребята. Село это имеет самолетную связь с Большой землей, и аэродром рядом. Поэтому Гена через полтора часа был уже в Горно-Алтайске... И вот мы встретились. Весело взвалив рюкзаки на плечи, пошагали в гостиницу. На улице, в столовой, в комнате мы засыпали друг друга вопросами. Оказывается, ребята неплохо поработали месяц и попутно собрали большую коллекцию по фауне, ботанике и фитопатологии.

24 августа

Девятый час. Воскресенье. Вставать не хочется, но надо — много дел... В 13 часов Эдик и я выехали на грузотакси в Чою. Леня и Гена остались, завтра поедут в Бийск за вещами.

Дорога сильно разбита. Машину вести трудно, и шофер на полпути делает остановку, дает отдых себе и пассажирам: многие действительно устали от жары и сильной тряски. Наконец в 16 часов въезжаем в Чою. Селение словно вымерло от невыносимой духоты — нигде ни души. Взваливаем свои рюкзаки на плечи, а третий, Ленин, за лямки тащим в руках. Тяжело. С тремя рюкзаками это больше ста килограммов. Гена сказал, что у конторы лесхоза живет директор. Выбрали самый хороший дом и не ошиблись. На крыльце нас встретил симпатичный молодой мужчина с вьющимися волосами. Назвали себя. Он представился:

— Жданов, директор лесхоза.

— Прибыло пополнение... — я не успел договорить.

— Вижу. Вот вам ключ, идите в контору, располагайтесь.

Когда умылись и привели себя в порядок, подошел Жданов и стал рассказывать о Шипунове, что назначают его старшим лесничим и что он уже поцапался с ним на лесосеке. Вот и Сергей объявился. Значит — живет Мечта!

Под вечер решили с Эдиком прогуляться по окрестным местам. Взяли ружья и разошлись в разные стороны. Я не думал, что в горах так сильно скрадываются расстояния. До подножия сопки, которая казалась совсем близко, пришлось идти полчаса. На вершину ее думал забраться за 20 минут, а лез полтора часа. С непривычки сильно устал, вспотел, сильно захотел пить, но до речки, которая, казалось, текла совсем рядом, пришлось спускаться еще дольше. Трава в рост человека и плотные заросли спиреи будто нарочно мешали движению. Измучившись вконец, я достиг долины и, раздевшись, с ходу бросился в реку. Но тут же задохнулся от ледяной воды и выскочил на берег, как ошпаренный. Вот это Горный Алтай! Все здесь необычно и ко всему надо исподволь привыкать.

25 августа

Сегодня понедельник, пасмурно, жара спала. Чтобы не мешать работникам лесхоза, решили побродить по округе до 18 часов. Плотно позавтракав в чайхане, снова разошлись в разные стороны: я вверх по реке Чойке, Эдик — вниз. Лазил по горам. В отличие от вчерашнего дня усталости никакой. Удивительное дело. Если бы столько походить по Невскому, неделю бы лежал больной. Видимо, прохладный горный воздух — лучшее средство от усталости.

Далеко прошел вверх по долине, обратно возвращался по склонам гор. Сколько же здесь медоносов! Можно разместить не одну пасеку и ведрами качать мед. Собрал десятка два видов растений для гербария. Добыл бурундука и сойку. Необычная сойка, почти красная голова. Надо отстрелять их побольше, возможно, здесь новый подвид или даже вид. Мы как раз исследуем ту часть Горного Алтая, где не был еще ни один орнитолог.

Странно, но почти не встречается кедр, видел лишь несколько экземпляров, и то совсем молодых, в основном же — пихта, береза и осина. Но кедр здесь был! На склоне наткнулся на два огромных, давно упавших кедровых ствола, уже поросших лишайником и мхом.

Эдик принес глухаря и бекаса. В километре от села он обнаружил великолепный экземпляр могучего кедра. Это подтверждает мою догадку, что здесь были кедровые насаждения, но почему-то исчезли... До 24 часов занимались гербарием и препарированием. Итак, вторая партия экспедиции начала свою работу.

26 августа

Сегодня должны прибыть лошади из лесничества за нашими вещами, сами пойдем пешком.

В 14 часов приехали Леня и Гена, вещи оставили в чайхане, а сами пришли за лошадьми. Леня увидел дичь и загорелся желанием немедленно пойти на охоту. Иду с ним. Спускаемся вниз по Чойке к реке Ише. В припойменном ивняке встретили выводок сорок, и Леша подстрелил одну, но больше ничего не добыли. Вымокли до нитки. Трава после дождя влажная, и пройтись по ней сто метров — то же самое, что переплыть в одежде реку. Раздосадованные, совершенно мокрые и замерзшие вернулись в контору.

27 августа

Сегодня уходим в Кара-Кокшу. Это 36 километров по горным тропам и необычайно липкой грязи после дождя. Лошади идут с вьюками. На одной из них проводник — средних лет мужчина с нечесаными волосами, на другой — Гена, у которого нет сапог, а без них здесь делать нечего.

Штурмом берем один подъем за другим. На перевалы взбираемся мокрые, тяжело дыша. Все чаще встречаются кедры, целые древостои — уже не редкость. По дороге стараемся не упустить интересных птиц. Эдик идет без ружья, в руках у него котелок с глухарем — это наш обед на сегодня. На полпути делаем привал. Мы с Лешей долго не задерживаемся и уходим вперед. Километров за семь до Кара-Кокши подходим к Ынырге — небольшому алтайскому поселку. Здесь уже ждут Гена и Эдик с лошадьми, проводник где-то отстал, но он дорогу знает и беспокоиться нечего. Решаем двигаться дальше. Эдик предлагает мне лошадь. Отказываюсь, хочу испытать себя: выдержу ли. Усталости пока нет, а какая-то слабость. Дорога исключительно тяжелая. Но мы должны ее осилить в один переход. Иначе из нас не получится настоящих таежников. В Кара-Кокшу пришли, когда было совсем темно. Эдик и Геша приехали на лошадях давно. Все ребята с нетерпением ждали нас, разведя у тропы на краю села огромный костер, на который мы и вышли. Была радостная встреча. Сразу сели ужинать, и взаимным расспросам не было конца. Спать легли одетыми на сеновале, накрывшись ватниками. Наконец на десятые сутки мы достигли конечной цели. С завтрашнего дня — с головой в работу.

28 августа

К утру замерз и проснулся раньше всех. Бегло осмотрел уложенные в ящики и развешенные по сеновалу экспонаты коллекций. Все-таки не зря ребята провели время.

Когда все встали, пошли в леспромхозовскую столовую. На второе нам подали гуляш с прокисшей лапшой, которую мы вынуждены были отдать Шалому, Юриному псу — лайке. Леня распетушился и стал требовать жалобную книгу, но его успокоили — не стоит осложнять отношения. С нас взяли 50 рублей. Решили больше в столовую не ходить, а готовить самим, лучше и дешевле. В Бубучак, где растут основные кедрачи, думаем тронуться завтра или послезавтра, когда будет машина. Лошадей не дают, говорят, раз есть дорога, нечего их гонять. Ну что ж, на машине лучше.

В 12 часов я, Леня, Юра Пукинский и Толя Кавин вышли на обследование близлежащих насаждений.

Прошли по тайге километров двадцать. Кедровых древостоев здесь тоже мало, в основном пихта. Надо забираться дальше. В одном месте наткнулись на вырубленный участок, где раньше рос, судя по пням, великолепный кедрач, а теперь остался невообразимый хаос из сучьев, брошенных откомлевок по три-пять метров длиной, изломанных стволов. Пройти внутрь лесосеки оказалось настолько непросто, что мы решили не расходовать зря силы. Обследовали с краю несколько оставленных бревен: толщина — от полуметра и больше, в середине у некоторых — небольшие дупла или слегка загнившая древесина. Великолепный шпальник и тарный кряж, даже пиловочник. Сотни таких бревен. Какое варварство! Разве для этого природа взращивала кедры,

чтобы бросать такие куски, превращая их в рассадники короедов и усачей?

Сегодня добыли попутно семь новых видов птиц, на один недовыполнили план...

29 августа

Встали рано. После завтрака Эдик и Толя Щуревич отправились на обследование лесосек за 17 километров. Ушли на два дня. Ушли в лес и остальные ребята. Я решил никуда не ходить. Вместе с Томой и Яной обработали сегодня восемь птиц. Молодцы девчата, делают все, что попросишь. К вечеру Яна сварила великолепный суп из трех рябчиков, чирка и кедровки.

Спать легли опять поздно. Что-то плохо чувствует себя Алексей Вейнерт. У него болит бок, а сегодня еще ходил в лес. Завтра его никуда не пущу. Послезавтра думаем уйти в тайгу на 15 дней и начать работу по изучению ресурсов и научным темам.

30 августа

Сегодня приезжал в Кара-Кокшу директор лесхоза Жданов. Зашел к нам. Полчаса извинялся, что забыл захватить письма. Очень жаль, мы так их ждали, а теперь уйдем на полмесяца в тайгу без весточек от родных и близких. Жданов добирался на самолете через Горно-Алтайск. Случайно видел там Сергея. Его назначили уже старшим лесничим. Даже без диплома! Значит, молодежное хозяйство все-таки будет? Жданов сам загорелся теперь нашей идеей. С ним прилетел какой-то товарищ из краевого управления. Он долго поражался, когда залез на сеновал, который мы превратили в первоклассную лабораторию. На вертикальных балках висели ружья, фотоаппараты, высотомеры, бинокли. Под крышей на полках разложены весы и колбы с препаратами для взвешивания и анализа образцов почв, содержимого желудков добытых животных, трехокулярный микроскоп, гербарные папки, всевозможные древесные грибы, коробочки с почвенными срезами, коллекциями насекомых, минералов, семян растений. В противоположном углу — книги, тетради, патроны, черепа, банки с заспиртованными желудками и многое другое, а на особых широких нарах разложены для просушки набитые тушки зверей и птиц разных видов и окрасок.

31 августа

Очень рано поднялся Юра Пукинский — он дежурный. Когда проснулись мы, ведро с уже готовой вермишелью стояло у костра, закутанное в одеяло. Кипятился еще чугун с водой для манной каши. Решили утром хорошо поесть и на весь день уйти в тайгу. В Бубучак не выехали — забыли, что сегодня воскресенье и машины не ходят. Фиксируем лишь числа, дни недели нас не интересуют — и вот результат.

Вчера поздно вечером вернулись из двухдневного похода Эдик и Толя Щуревич. Эдик собрал интересный материал и очень доволен экскурсией. Кедр с лесосеки не вывозится, его сплавляют весной по реке, и сейчас срубленные стволы остаются прямо на месте рубки. Это вопиющее безобразие. По исследованиям Эдика, 60 процентов древесины уже поражено усачами, короедами и фитофлорой, образовался огромный рассадник насекомых-вредителей и грибных заболеваний. О подробностях узнаем из его доклада на конференции.

Перед завтраком ходили с Юрой в магазин. Хотели восполнить запасы манки и сахара, которые вчера и сегодня брали из фон-

дов, предназначенных для тайги, а также закупить хлеб на первые дни, чтобы сэкономить сухари.

Пошли с ружьями, кроме Гены, у которого ружья нет и он сегодня за проводника. Обследуя недавно старую лесосеку, Гена обнаружил, что из каких-то углублений, видимо, нор грызунов, вырастают молоденькие кедрушки. Мы уже обратили внимание, что кедр возобновляется плохо под материнским пологом на возвышенных местах, но удовлетворительно — под пологом пихты и очень хорошо — в понижениях и на старых болотных участках. В чем тут дело? Гена же нашел возобновление на склоне. Его умозаключение простое: грызуны натаскали в норы орехов, и они проросли. Идея заманчива, но надо все осмотреть в натуре.

По дороге нашли несколько капа-корней и убедили наконец Толю Щуревича, что эти наплывы у корневой шейки берез как раз то, что он так упорно разыскивает по заданию кафедры дендрологии. Ребята и раньше находили эти капы и сообщали о них Толе, но он их все браковал. И даже написал профессору Богданову, что капа-корня здесь нет. Теперь Толя будет брать пробы всех кап и описывать условия их роста, а уж специалисты сами разберутся, где капа-корень, а где просто капа. Эти наплывы на березах — ценнейшее сырье для поделочных работ, и нам важно установить их наличие, а по возможности и запасы.

Гена не ошибся. Кедр вырос из углубления действительно не случайно. Но только ли полевки и мыши причастны к этому? Многие выросшие пучком деревца уже имели возраст от 3—5 до 15 и более лет. Значит, процесс такого возобновления идет непрерывно уже длительное время. Кто же так упорно высевает кедр гнездами? Неужели кедровка?

Оставив на лесосеке Гешу и Эдика проводить исследования, пошли дальше. Толя Щуревич отстал еще раньше брать пробы с капа-корней. Пройдя несколько перевалов, очутились у реки Кара-Кокши. Решили перейти ее. Река шумела и бурлила у крутого склона, на котором мы стояли, а за ней простиралась манящая нас долина.

Нашли брод. У ребят высокие болотные сапоги, у меня — кирзовые и те дырявые. Плохо дело. Но раздумывать некогда, разуваюсь. Вода ледяная. Ноги мгновенно немеют, словно их оковали холодным железом. Но торопиться нельзя, надо идти осторожно, нащупывая каждый камень на дне. Малейшая оплошность — и ты в воде. А пройти необходимо метров тридцать. Река настолько стремительна, что даже волосы шевелятся, когда подумаешь, что можно поскользнуться. Тогда уже не встать, пока не выбросит на тихую заводь или не прибьет к берегу. Но переходим удачно. Только Кавин хотел приподнять края болотных сапог, потерял равновесие и сразу оказался в воде. Это случилось у самого берега, и он, собравшись с силами, рывком добрался до него.

Пока Толик раздевался и выжимал мокрую одежду, мы в бинокли осмотрели местность. Я время от времени тер онемевшие ноги, которые потеряли чувствительность. Наблюдая в бинокль, заметил на одной из вершин деревьев кедровку. В клюве у нее была шишка. Воровато осматриваясь по сторонам, она быстро поднимала и опускала голову, потом вдруг нырнула вниз, видимо, нашла место, где спокойно можно ее ошелушить.

На обратном пути реку переходили вброд пониже, и, чтобы обойти глубокие места, пришлось двигаться против течения метров

пятьдесят. Это был исключительно трудный переход, во всяком случае для меня, так как шел я совершенно не чувствуя ног и с трудом мог нащупывать камни на дне для надежного упора. Оставалось пройти метров пятнадцать, как внезапно хлынул ливень. Ребята уже перешли и спрятались под скалу, не в силах помочь мне. И поторопиться было нельзя, за минуту я был уже мокрый, словно выкупался в реке.

Дождь переждали под скалой. Я отжал одежду, но напрасно — возвращаться пришлось по высокой сырой траве. За весь день убили рябчика, трехпалого дятла и четырех белок, одна из которых попалась черная — алтайская. Белки — это для Лени, он составляет шкалу их расцветки, от ярко рыжей до самой темной. В лагерь пришли уже ночью, мокрые до нитки и голодные. Девчата вмиг ощипали и бросили в закипавший суп нашего рябчика, двух еще добыл Эдик. Так что похлебка получилась на славу. На второе была каша и жареные древесные грибы, которые я никогда не ел и не думал даже, что их можно есть. В общем, грибы понравились: на безрыбье и рак — рыба. Ребята спать легли поздно, а я долго еще отогревался у костра.

1 сентября

Сегодня в нашей стране праздник. Везде можно увидеть опрятно одетых ребятишек с новыми портфелями. Вот и сейчас мы сидим у конторы леспромхоза в ожидании машины, а напротив — школа, возле которой бегают забавные малыши и стоит невообразимый гвалт.

По привычке мы поднялись рано, старательно упаковали и уложили на сеновале собранные коллекции и все то, что не берем с собой в тайгу. Быстро погрузили на лошадь объемистые вещи, взяли по здоровенному рюкзаку и через полчаса были на месте, но напрасно — прибывшая из Бубучака утром машина уже ушла. Следующая прибудет вечером, привезет людей на партийное собрание и после его окончания, уже ночью, пойдет обратно. Опять нам не повезло — ждать придется весь день. Встречаем Жданова, он сочувствует, но помочь не может. Подумав, написал записку: «Помощнику лесничего тов. Медведевой В. Г. Срочно организуйте двух-трех лошадей для заброски вверх по Учулу, Кылаю или Цынагаму груза студентов Ленинградской лесной академии. Пошлите с лошадьми лесника, знающего эти места. Прошу оказывать в решении всех вопросов полное содействие. Жданов». Самого лесничего на месте нет, он сейчас в Чое. Записка адресовалась помощнику лесничего — его жене.

Я решил не терять день. Написал письмо Н. О. Соколову (доценту кафедры дендрологии) на шести листах, подробно рассказал о наших делах и попросил через профком выслать нам денег. Их осталось всего 105 рублей, и это на 10 человек. Правда, у нас закуплены продукты на 15 дней. Но сколько еще затрат впереди? Сегодня тоже получили от Соколова письмо, которое шло из Ленинграда 13 дней. Он расписал, что нужно сделать еще. Этого задания хватило бы на целую самостоятельную экспедицию. Будто мы приехали сюда изучать одну флору.

Два раза ходили в столовую и проели 70 рублей. На ужин заказали только лапшу — двадцать восемь порций (45 копеек каждая), а их оказалось всего десять. Нас это не устраивало, и пришлось ждать, когда отварят ведро специально для нас.

Наконец прибыла машина с людьми из Бубучакского лесопункта

на партийное собрание. Собрание проходило в красном уголке, было открытым, и мы решили тоже послушать, как обстоят дела в леспромхозе. Из доклада уловили, что планы систематически не выполняются, за первое полугодие леспромхоз принес убыток государству в 690 тысяч рублей. После перерыва встал один из членов президиума и сообщил, что в зале присутствуют посторонние люди, и мнение президиума, чтобы они немедленно покинули собрание. Меня это удивило, а из дальнего угла вдруг раздался громкий голос Юры:

— Собрание ведь открытое, и мы здесь не такие уж посторонние, о чем известно многим, в том числе, полагаю, и вам.

Мы, однако, демонстративно встали и вышли, не дав никому вымолвить слова. Пусть знают наших. На улице ужасно холодно, пал иней. Залезли в машину, где находились уже вещи, и стали терпеливо ждать...

2 сентября

В Бижельбик приехали в четыре утра. Разделились на три группы. Девчат взяла ночевать к себе завклубом, которой мы помогали в Кара-Кокше грузить электромотор. Вторую группу увел технорук, а третью — меня, Юру, Леню и Толю Щуревича — мастер участка. Спать в тепле, даже на полу, было величайшим блаженством. Уже много дней ночевали мы на улице в сырой одежде, закутав плечи и головы в ватники, а ноги в плащи.

Но в восемь часов поднял своих ребят. Надо было сходить в Бубучак за лошадьми и узнать у лесника, в какой части его обхода находятся не тронутые подсочкой и рубкой кедрачи. После беседы с лесником я и Толя отправились в Бубучак, а Юра с Леней — в тайгу по направлению к горе Кулиган, чтобы подыскать место для будущего лагеря. Поесть сегодня так и не удалось. Молока не нашли. Взяли с собой сухарей и банку баклажанной икры. И это на двоих на целый день. По дороге в Бубучак сделали привал у реки, подкрепились размоченными сухарями. Здесь Толя рассказал о наших ребятах то, что я уже и сам начал замечать.

Большинство из них — городские, не знали, что такое голод, и были явно не приспособлены к трудной походной жизни. Замечая, что деньги расходятся неимоверно быстро, я настоял, чтоб прекратили ходить в столовую и перешли на самообслуживание. Затем урезал дневной паек, уменьшил нормы расхода круп и сахара. Городские ребята заропгали первыми. И в данный момент, когда пишу эти строки, я нахожусь в ужасном положении. Продуктов закупили на 15 дней, но их явно не хватит с нашими потребностями на этот срок. Когда все рассчитывали и приобретали, исходя из возможностей, договорились сдерживаться в еде. Но так не получается. Деньги из академии раньше 27—28 сентября не придут, а может, их и вообще не будет. Сейчас наличными осталось 35 рублей. И это на десять человек и две собаки — один раз средненько пообедать. А что делать остальные десять дней, когда выйдем из тайги? Ребята успокаивают себя тем, что к этому времени подошлют денег родители. А если не подошлют? Ведь почта идет сюда почти полмесяца. Что тогда? От такой безысходности все находятся в возбужденно-нервном состоянии. Даже я начинаю выходить из себя, хотя держусь изо всех сил.

В составе экспедиции только четверо из общежития, считая Леню, который, женившись, покинул его сравнительно недавно.

Кроме меня, еще Толя Щуревич и Гена Еруков. К спартанскому образу жизни им не привыкать, и они держатся пока спокойно. Эдик больше молчит, старается весь день пропадать в лесу, ему тоже нелегко, но он терпит. Сильно раздражает меня Юра, хотя опыта общения с тайгой у него больше всех. Виктор Иванович, правда, предупреждал, что Юру вряд ли будут интересовать общие задачи экспедиции, кроме орнитологии. И все же нельзя быть таким недальновидным, думать только о том, чтобы поохотиться и набить желудок. Тома и Яна хотя стараются, но девчонки есть девчонки, и претензий особых к ним предъявлять нельзя. Кто мог знать, что безденежье и голод такая серьезная штука! А вот Алексей Вейнерт и Толя Кавин — хуже девчонок, больше всех возмущаются и проявляют недовольство. Собственно, они и породили бузу в нашей маленькой группе. Не зря говорят — раскрываются люди в трудную минуту.

В Бубучаке не застаем помощника лесничего — вся лесная охрана на сенокосе. Терять еще день? Идем с Толиком в лес проводить пока исследования. Чувствуется бессонная ночь, глаза слипаются на ходу. Закладываем пробную площадь на склоне, описываем тип леса, собираем гербарий всех древесных, кустарниковых пород и трав. В двадцать часов спускаемся с горы. Медведева дома. «Но лошади будут только завтра к вечеру, сейчас они на покосе», — заявила она, прочитав записку Жданова. Ждать еще день? Ну нет! Прошу выдать хотя бы топор, пилу и пару мешков. Получаю добро. Теперь можно возвращаться в Бижельбик. Уже темно. По дороге нас догнал МАЗ. Сели в кабину. Шофер оказался молоденьким пареньком. Увидев ружья, поинтересовался, кто мы. Узнав об экспедиции, сказал, что ходят слухи, будто закроют леспромхоз.

— Ну и пускай, — заметил он через некоторое время, — ничего хорошего в нем нет, а комплексный лесхоз — дело стоящее.

У въезда в Бижельбик нас поджидал Гена, который сразу повел на реку, где кучкой у костра сидели ребята. Мы с Толей набросились на манную кашу: ведь сегодня почти ничего не ели. За костром — мир и согласие.

Вдруг поднялся Гена:

— Ты как хочешь, Виталька, а я с Томой работать не буду. Она постоянно ноет, совсем перестала помогать, и я не могу с ней нянчиться.

У меня даже каша застряла в горле. Быстро соображаю, что ответить.

— Ничего, Геша, Тома будет работать, — с усилием нажимаю на последние слова.

Решаем завтра подняться с рюкзаками по реке Бельче до бондарной избушки, на которую наткнулись сегодня Юра и Леня, и обосноваться в ней. Это примерно в десяти километрах, и там глухая кедровая тайга. В поселке останутся Толя Щуревич, Гена и Тома. Они обследуют ближайшие склоны на возобновление, соберут гербарий, а потом с лошадьми и тюками прибудут к нам. В избушке думаем устроить базу и уже из нее делать вылазки по маршрутам. Берем с собой продуктов на три дня.

3 сентября

С первыми лучами солнца вскакиваю — и за дневник. Пока спят ребята, надо обработать полевые записи. В восемь часов, рассовав продукты по рюкзакам, тронулись в путь.

Тропа все время идет на подъем, проходим вдоль шумной реки километра три. Вдруг Эдик замечает на склоне горы картофельное поле. Неплохо бы нам рюкзачок! Делаем остановку, я быстро вытряхиваю содержимое рюкзака, и Эдик, захватив его и ружье, теряется в кустах. Мы отдыхаем. Неожиданно из-за вершины ближайшей горы вынырнула и стала стремительно приближаться в нашу сторону крупная птица. Хищник!

— А ну, братва, хватай ружья! — кричу ребятам.

— Бесполезно, — флегматично отвечает Юра, — слишком высоко.

Понимаю, что безразличие у Юры от накопившейся усталости и голода. Но пассивность такая вызвала непонятную злобу.

— Высоко, говоришь? — решительно вскидываю ружье, стреляю.

Птица перевернулась, но затем, расправив крылья, застыла в воздухе.

— Есть, попал!

Но не сбил, черт возьми. Ведь у меня всего один ствол.

— Стреляйте, чего смотрите!

Но никто не отреагировал. Птица, пошевеливая крыльями, начала медленно уходить ввысь. Хватаю первое попавшееся под руку ружье. Двустволка. Заряжена или нет? Уже поздно искать патроны. Взвожу курок — выстрел! Значит, все в порядке. Птица остановилась и камнем пошла вниз, сложив крылья.

— Молодец, — вскочил на ноги Алексей Вейнерт.

Молодец-то молодец, да попробуй найди ее теперь в двухметровой траве. Никто не ожидал, что попаду, и не заметил точно, в какое место она упала. Искали долго, но безрезультатно.

— Может, в реку угодила, а течение сильное, унесло? — предположил Вейнерт.

Возможно. Птица падала как раз сюда.

— Если это ястреб-тетеревятник, — не согласился Юра, — то он просто нас надул. Испуганный выстрелом в полете, он часто падает вниз камнем, а затем у земли расправляет крылья и сразу исчезает среди деревьев и кустов.

Юра прекрасно знает повадки птиц, и спорить с ним бесполезно. Пока поджидали Эдика, добыли двух кедровок, у одной из них оказался огромный зоб, набитый орехами. Девяносто два отборных ореха! Вот так труженица! Ясно, что столько враз ей не съесть, будет прятать, а это значит — рассеивать семена. Природа специально создала эту птицу, чтобы обеспечивать возобновление кедра. Удивительный симбиоз!

Эдик приволок картошки килограммов двадцать. Берусь тащить ее добровольно, сверх нормы.

Добрался до избушки весь в пене. Два раза останавливался, обмывал в реке вспотевшие лицо и шею. На месте уже горел костер и варилась манка. Потом сварили и съели ведро картошки. Ведь голодали два дня. После обеда решаюсь сходить на ближайшую гору и подняться на голую вершину, чтобы осмотреть сверху местность, наметить более рациональные маршруты. Начинаю, наконец, свою научную тему — учет птиц по типам леса в зависимости от вертикальной зональности. Юра говорит, что ничего не получится, если вести исследования по типам леса. Посмотрим.

Юра, Леня Исаков и Толя Кавин отправляются на два дня на солонцы, о которых рассказал лесник, и попытаются решить проб-

лему питания. Эдик и Яна тоже уходят на пару дней на фитопатологическое обследование. В избушке остается Алексей Вейнерт.

Начинаю подъем. Со всех сторон слышится резкий свист. Долго смотрю на деревья, пытаюсь отыскать виновника. Но свист раздается у поверхности земли. Наконец догадываюсь — это те самые пищухи, или сеноставки, а по-местному — емуранки, о которых я много слышал. Их не так просто увидеть. При малейшем шорохе похожий на крупного хомяка рыжеватый зверек издает пронзительный свист и скрывается в норе. Нор здесь множество по всему склону, особенно возле вывороченных корней деревьев, и между ними — утоптанные тропы. Везде потешно расставлены стожки сена из вейника и папоротника. Много сорванной травы сушится на упавших стволах и корневых лапах растущих деревьев. Недаром в Монголии практикуется сбор сена сеноставок для домашних животных.

Определяю тип леса, фиксирую высоту и веду учет птиц до самой вершины. Подъем проходит сравнительно легко. Я уже привык к большим нагрузкам. В конце маршрута взбираюсь на почти отвесную скалу, как заправский альпинист. С вершины великолепный вид. Между двумя длинными хребтами видна как на ладони вся долина реки Бельчи, в верховьях которой на полянке среди высоких деревьев затаилась наша избушка, похожая на маленький посылочный ящик. В синеватой дымке виднеется Бижельбик. И море темно-зеленой кедровой тайги. Говорят, именно здесь в тридцатые годы действовал тот самый кедропромхоз, который хотел осуществить почти то же, что и мы. Тогда замысел не осуществился. Что ожидает нас?

6 сентября

На улице дождь. Все-таки решил пройтись по маршруту на две горы, которые находятся в километре от лагеря. Надел плащ, но скоро был уже мокрый до нитки, так как пришлось пройти по участку с высокой травой. Вернулся в 20 часов. План на сегодня выполнил, хотя и сильно замерз. Получил интересные данные учета птиц по типам леса. В дождливую погоду они менее активны, но все же довольно часто встречаются. Все больше прихожу к выводу, что определенному типу леса соответствует вполне определенный видовой и количественный состав пернатой фауны, а не только одной флоры, как считается до сих пор. Взаимосвязь и взаимозависимость в природе составных ее элементов более глубокая. Если вывод подтвердится, то можно будет составить шкалу: какому типу леса какой видовой состав животных и в каком количестве больше всего должен соответствовать. Вот тогда... Очень заманчивая появляется перспектива в части научного обоснования необходимости ведения охотничьего хозяйства в комплексе с лесным.

Сегодня добыл трех рябчиков и ястребиную сову — исключительно редкую и интересную птицу. Буквально перед моим приходом вернулись из трехсуточного похода Юра, Леня и Толя Кавин, тоже насквозь мокрые, замерзшие и страшно усталые. Две ночи они просидели безуспешно на солонцах, а днем, немного отоспавшись у костра, занимались обследованием плодоношения кедровников, пройдя маршрутами несколько десятков километров. Оказывается, больше всего шишек на кроне у кедров, которые растут на средних участках склонов гор, гораздо меньше — на нижних. Странно, казалось, должно бы быть наоборот. В субаль-

пийской зоне урожай неплохой, но шишка совсем зеленая и, видимо, недозревает. Это, конечно, интересные сведения, но многое в них непонятно. Попутно ребята добыли соболя, девять белок, сеноставку, две кедровки и черного дятла-желну. Не густо. Сегодня за день я один встретил двенадцать белок, но отстреливать не стал — таких расцветок у нас уже много. В более высокой местности, где были ребята, белок, видимо, меньше.

Вечер провели у костра за чаем и обсуждением дальнейших планов. Завтра шестеро останутся в лагере, а Эдик, девчата и Алексей отправятся в тайгу на три-четыре дня. У меня начало складываться впечатление, что Вейнерт больше симулирует, ссылаясь на разные недомогания, что он просто не хочет ничего делать, кроме как бродить с ружьем. Наверное, крупного разговора мне с ним не миновать.

7 сентября

Еще затемно начались сборы — четыре человека уходят в тайгу на несколько дней. Проводив ребят, садимся с Юрой за работу. Леня и Толя Кавин отправились в Бижельбик за продуктами — благо Гена получил перевод. Как я и предвидел, продукты наши преждевременно кончились. Гена с Щуревичем решили обойти окрестности, ознакомиться с возобновлением кедра и собрать гербарий местных растений. В лагере остались я и Юра. Поговорили о наболевшем. Он парень вроде ничего, но делает, по его словам, все «ради собственного удовольствия». Теперь я многое понял. Без нас Юра направлял усилия ребят по нужному лишь для него руслу: на охоту и коллекционирование. Незаметно за разговорами я набил семь тушек белок, а Юра сделал великолепного соболя. Отличный он все-таки препаратор.

Леня и Толя Кавин принесли 10 килограммов манки, 8 килограммов сахару, несколько буханок хлеба, спички, соль, чайную заварку. Сразу поставили кипятить чай в ведре и пили «до победы». Работали сегодня исключительно хорошо, сделали 20 тушек. Трудились дотемна, пока можно было в руках держать иголку. Ночью пришли Толя Щуревич и Гена, промокшие насквозь, но тоже довольные результатами.

8 сентября

Уже двадцать один день как покинули мы, дипломанты, Ленинград. Дни летят стремительно, и город на Неве становится уже чем-то далеким, полузабытым. Проводили в тайгу Гену и Толю Щуревича на несколько дней, пока хватит продуктов. В избушке остались вчетвером.

До полудня занимался анализом и консервацией содержимого желудков рябчиков. Важно выяснить, чем они здесь питаются. В 12 часов к лагерю подошли с вьючной лошадью двое бородатых староверов-кержаков с женами. Один из них был знаком Юре и Лене, они встречались с ним в тайге, когда ходили в разведку. Вышли на его стоянку случайно усталые и голодные. А в тайге единый закон — пришел к обеду, садись за стол. Этот обычай оказался очень кстати нашим ребятам, ведь когда я с Щуревичем ходил в Бубучак за лошадьми, они ушли в тайгу, не взяв продуктов. Теперь настала наша очередь проявить гостеприимство.

Кержаки шишкарили в тайге и рассказали, что урожай орехов в этом году хороший. Местами прошел сильный ветер — тушкен и сбил шишку на землю, ходи и собирай готовые деньги. Но народу в тайге мало, конец квартала, и леспромхоз штурмует план по ле-

созаготовкам. Рабочих на орехозаготовки не пускают даже в отпуск. Все внимание только кубометрам древесины. Им, местным жителям, трудно понять психологию руководителей — за убытком гонятся, а чистой прибылью пренебрегают. Что за логика? Вдвоем они собрали за неделю с земли более ста кулей шишек, это примерно полторы тонны чистого ореха. Но нынче по приметам ожидается ранняя зима, и шишка может уйти под снег. Столько добра пропадет! Они решили потерять сутки, сходили к начальнику лесопункта, рассказали о тушкене и об огромном количестве шишек на земле. Леспромхоз враз бы поправил свое скудное финансовое положение, если бы на пару недель послал людей в тайгу собрать хоть тютельку бросового богатства. Но начальник лесопункта ниспроверг на них и господа бога такую скверну, какой они отродясь не слыхивали, и выставил их из кабинета, обвинив в подстрекательстве невыполнения государственного плана. Пришлось возвращаться назад несолоно хлебавши. Правда, продуктов и жен своих прихватили — все какая ни на есть помощь будет. Одно утешение — орех не пропадет враз, птицы и звери лесные им питаться будут, сытно зиму проживут. И то слава богу!

Жены кержаков оказались весьма любопытными особами, пришлось показать им тушки животных и рассказать, как они делаются. Несмотря на явный интерес к нашей работе, одобрение она, однако, не получила. «За убиенных невинно и не по нужде бог не простит», — объяснила одна из них. Какой-то смысл в этих словах есть.

Кержаки наш чай, заваренный баданом, пить отказались. Достали из своего мешка большой закопченный котелок и закипятили воду отдельно, заварив ее листьями смородины и какими-то засушенными травами. Пили тоже из собственных металлических кружек. Мы знали, что кержаки пользуются всегда собственной посудой, поэтому не обиделись. Но сахарком нашим они потчевались с удовольствием. Отогревшись чаем, поблагодарив за приют, быстро собрались и ушли вверх по Бельче. «Время — деньги», — сказал, прощаясь, Юрин и Ленин знакомый.

9 сентября

Сегодня второе мое дежурство за время экспедиции. Первое прошло не очень удачно — все дело испортил Леня. Теперь он даже боится подойти к костру.

Наварил каши полное ведро. Половину съели, остальное оставили на ужин. Так что вечером буду кипятить только чай. Дежурному стало легче, продуктов мало, и во многом помогает подножный корм: кедровые орехи и ягоды красной смородины — их в лесу тьма. С голоду не пропадешь.

Ребята ушли. Я сел за препарирование и записи. Привел в порядок маршрутный материал за несколько дней. Похолодало. Часто идет дождь. Но когда из-за туч появляется солнце — становится по-летнему тепло. Облака плывут низко, почти над самой головой, и гор не видно. Так и должно быть, ведь лагерь наш находится на высоте почти тысяча метров.

На препарирование ушло семь часов. Сегодня холодно, и работать одно удовольствие. А то, когда тепло, донимают осы, которых привлекает мясо обесшкуренных животных, и синие, огромные мухи, старающиеся отложить свои яйца в набитые уже тушки.

10 сентября

Юра сегодня дежурный и остается в лагере. Леня должен за-

няться обмером сена, заготовленного на зиму сеноставками. В километре от лагеря мы обнаружили их большую колонию, где сена не меньше, чем на добром колхозном дворе. Вне всякого сомнения, этими запасами зимой пользуются маралы. Еще раз убеждаюсь, как взаимосвязано все в природе.

Утром и вечером стараемся пить один чай или кофе с сухарями. Продуктов мало, мы их приберегаем, думаем уйти в тайгу на четыре дня. Поздно вечером появился Эдик, у них там работа идет полным ходом, но продуктов уже нет, и он пришел за припасами. Группа собирается продолжать исследования, пока еще держится сносная температура. Завтра Эдик отправится в Бижельбик за покупками. Выдал ему пятьдесят рублей из Гениного перевода. Осталось всего двадцать пять. Что делать будем дальше без денег, не знаю.

12 сентября

Уходим в тайгу, ночевать будем у костра. В горах холодней, чем здесь, в долине. Похоже, в ближайшие дни выпадет снег. Берем с собой ватники и теплые свитера. Продуктов мало, поэтому варить будем два раза в день, а днем обходиться орехами. Дверь избушки подперли березовым колом. В тайге это означает, что хозяев на месте нет и посторонним входить нельзя. Для своих на столе положили записку, куда и насколько уходим, что делать без нас, где оставлены продукты и... последние двадцать пять рублей: в случае, если будет голодно, могут сбегать в Бижельбик.

Весь день посвятили обследованию северного склона на подступах к вершине горы Индек. Попутно отстреляли шесть белок, и сразу обнаружилась разница между ними: добытые на высоте более 1300 метров уже наполовину оделись в зимнюю шубу, а в долине и нижней части склона — еще в летнем наряде и не приступали к линьке.

После 20 часов наступила темнота, но у нас уже было все готово. Мы сидели у веселого костра, сушились, варили беличью похлебку, кашу и кипятили чай. Меня подташнивало, чувствовалась усталость. Трудно, когда приходится мало есть и много ходить.

Спать легли парами у двух костров, сооруженных из толстых сухих бревен длиною около двух метров, чтобы равномерно обогревалось все тело. С обеих вытянутых сторон каждого костра наложена толстая подстилка из пихтового лапника. Так обычно ночуют в тайге бывалые таежники. В 23 часа равномерный огонь двух костров освещал на небольшой поляне, окруженной высокими кедрами, четырех крепко спящих людей.

13 сентября

К часу ночи бревна прогорели и костер начал затухать. Спавший напротив меня Леня замерз, вскочил и стал подтаскивать заготовленные с вечера дрова. Ему было холодней, чем мне. Ветер дул в мою сторону, обдавая жаром костра, и я спал спокойно. Только изредка что-то мягкое и холодное касалось лица, не нарушая сон.

Леша наложил на тлеющие угли огромную кучу поленьев, чтобы больше не вставать до утра, улегся на остывшую пихтовую перину, накрылся ватником и сразу уснул. Костер постепенно разгорался, высота пламени увеличивалась, жар усиливался.

Очередной порыв ветра — и моя постель из пихтового лапника вспыхнула как факел. К счастью, волосы на голове оказа-

лись прикрытыми ватником, а то остался бы от них один пепел. От обожженной бороды и усов противно пахло паленым. Не разобравшись толком в обстановке, я ватником начал сбивать огонь с постели, а тлевшая в нескольких местах вата только разгоралась от резких взмахов. Сбив пламя с постели, торопливо начал мять и обивать тлеющие места ватника. Но было уже поздно: на спине и правом плече выгорели огромные дыры.

Еще два раза загоралась моя постель в эту ночь, но я был начеку и огонь не причинил существенного вреда, если не считать еще обгоревших бровей и ресниц. Юра и Коля Кавин провели ночь удачно, без приключений.

Утро приготовило нам сюрприз. Когда проснулись, в глаза ударил странный белый свет. Под плотным лесным пологом было совсем светло. Пушистый, непривычный снег обильно покрыл зеленую траву на поляне, мохнатые лапы пихт и кедров. Мы заснули почти летом, а проснулись зимой. Вот что может ожидать в горах человека, нашедшего в середине сентября ночлег на высоте более 1400 метров.

Весь день медленно бродили по склону, обивая ногами снег с густой зеленой травы. К полудню все были мокрые и здорово замерзли. Ребятам еще ничего: у них высокие болотные сапоги, а у меня кирзовые, поэтому брюки мокрые, хоть выжми. Напуганная внезапно выпавшим снегом, белка сидит плотно, и пока добыли только две. Тайга затихла, птиц не видно и не слышно, словно они вымерли.

Терпеливо хожу с ребятами, хотя понимаю, что зря теряю время. Маршрут продолжаем вдоль склона по горизонтали на постоянной высоте 1400 метров, а для моей темы надо ходить вниз-вверх, чтобы фиксировать изменения, связанные с вертикальной зональностью. Обследовать состояние и характер плодоношения кедровников на заданной стабильной высоте очень, конечно, важно, но с этим можно управиться и втроем. Поэтому решаю оставить ребят, взяв у них свою долю манки и сахара, спуститься к избушке, а с утра начать восхождение по южному склону с противоположной стороны долины.

Высказываю ребятам свои соображения. Те глубокомысленно молчат. Понимаю, что промокли и замерзли, ночевать им в тайге в сырой одежде и по такому холоду не очень хочется. Поэтому предлагаю возвращаться в лагерь всем. Предложение с радостью принимается. По дороге отстреляли еще двух белок, и теперь похлебка на вечер обеспечена.

14 сентября

Небо чистое, без единого облачка. Солнце греет вовсю. Снег в долине не выпадал, поэтому по-летнему тепло. Вытащили из ящиков и разложили на одеялах для просушки собранные коллекции. Это очень важное мероприятие перед походом в обратный путь, и погода сегодня — наш союзник.

Завтра мы оставляем избушку. Жаль, но ничего не поделаешь. Вчера после сытного ужина выяснилось, что продуктов осталось всего на день. Главное — кончились сухари и сахар. Без них на орехах и мясных похлебках долго не протянешь. Денег тоже нет. Как будем выкручиваться, пока не знаю.

Даже обидно, такое солнце — и последний день. Решили использовать его с максимальной пользой. После легкого завтрака дружно сели за обработку добытых животных, их накопилось мно-

го за это время. Сегодня будет на ужин вдоволь мяса. К полудню около двадцати свеженабитых тушек уже сушились под лучами солнца. А теперь — скорее в лес. У избушки остается Тома. Ее задача — отгонять от тушек назойливых мух и приготовить мясной ужин. Немного оставшейся манки сохраним до утра.

Эдик и Яна ушли в Бижельбик продавать дробь. На вырученные деньги они должны купить продуктов. Я отправился на обследование южного склона горы, намеченного вчера. Тепло и удивительно хорошо в лесу. Настоящий отдых после холодов последних дней. Птиц кругом множество, только успевай считать. Совсем не хочется покидать тайгу, но увы...

Мы сидели у костра и в ожидании мясной похлебки пили кофе без сахара. Неожиданно из мрака окружавшей тьмы вынырнул и предстал перед нами молодой парень из поселка, о котором мы знали только, что зовут его Иваном. Иван пришел просто так, в гости, не поленился проделать после работы столь нелегкий путь. Он много слышал об экспедиции и давно, оказывается, хотел навестить нас. Его интересовало все — цель и характер исследований, наш лагерный быт. А сегодня узнал от Эдика, что завтра мы уходим отсюда, и вот пришел. Удивительная любознательность!

Иван сообщил малоутешительные вести. Эдик продал дроби всего на тринадцать рублей. Желающих купить ее много, но ни у кого нет денег перед получкой. Дробь купил лишь он — Иван, на все деньги, что у него были. Эдик и Яна остались ночевать в поселке, а завтра попытают счастья еще раз. На тринадцать рублей можно купить два килограмма манки и полкилограмма сахара, как раз на завтрак. О лошадях для транспортировки грузов пока ничего не известно. Не исключено, что придется тащить собранные экспонаты на себе. И это почти десять километров с переходом вброд пять или шесть раз через бурную реку.

Иван просидел недолго. От похлебки отказался наотрез, выпил кружку кофе и стал собираться домой — завтра рано на работу. Одному идти ночью по лесной тропе и переходить реку вброд небезопасно. Не хочет ли кто пройтись до Бижельбика и переночевать там? А то можно и двоим, места в его доме хватит на всех.

Неплохо бы. У нас в избушке на сделанных Алексеем нарах с трудом помещаются восемь человек. Предыдущую ночь мы бросали жребий, кому спать на холодном полу.

С Иваном согласился идти Гена. Ему все равно надо в ту сторону. Он хочет заскочить на пару дней в урочище Яжияшь, обследовать там почвы и возобновление кедра. Маршрут как раз лежит через Бижельбик, здесь он заночует и с рассветом в путь. Геша быстро собрал вещмешок. Все его пробы почв и оставшиеся вещи мы захватим завтра с собой.

Спать сегодня на полатях просторно — нет троих. Но долго не могу уснуть. Лежу размышляю... Наше положение — хуже некуда. Продуктов нет, денег нет. Непомерно увеличился багаж за счет собранных экспонатов. Как его транспортировать? Если в ближайшие дни не окажется хоть одного перевода на почте, нам будет очень туго. Ребята все понимают, но пока молчат, на что-то надеются.

Я тоже надеюсь... Но может нам помочь теперь только чудо.

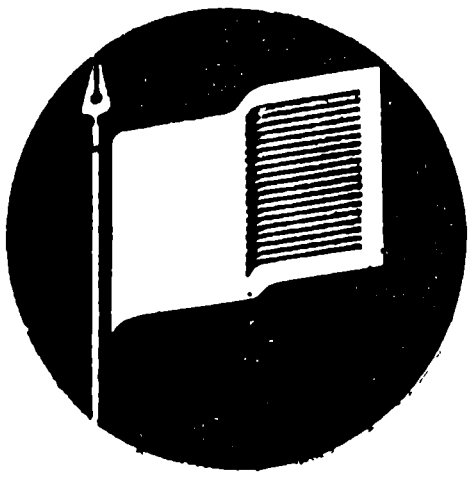
* * *

Здесь я прерву временно записи дневника и ради объективности отмечу, что, несмотря на попытку отразить сложность обстановки в экспедиции, они все-таки слишком оптимистичны. Видимо, срабатывало тогда во мне, неопытном человеке, чувство самосохранения. Сознание не воспринимало очевидную безвыходность положения, а точнее — не хотело мириться с ней. Что-то внутри решительно восставало и старалось подавить панические настроения, заставляло надеяться, верить в лучший исход.

Из описанных событий многое, очень многое не сохранилось бы в памяти, не будь они зафиксированы тогда на бумаге. А вот из последней ночи, проведенной в избушке, мне памятна до сих пор каждая минута. Трудно даже передать словами то мое душевное состояние. Несколько раз за ночь, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, я сползал с нар, стараясь не разбудить ребят, выходил наружу в бодрящую темноту и прогуливался по сырому берегу реки Бельчи. Но все было тщетно, навязчивые, упорные размышления о нашем бедственном положении не подсказывали выхода из тупика. Пугало понимание реальной ситуации и нависшей новой угрозы над Мечтой. Хорошо помню, как в ту безветренную ночь я смотрел на притихшие кедры, и слезы отчаяния заволакивали глаза.

И все же усилия, кажущиеся бесперспективными, но оправданные жизнью, бесследно не пропадают. Рано или поздно они реализуются. И то, что происходит потом, похоже бывает на случайность, но при более глубоком анализе событий, они, оказывается, обретают неожиданную закономерность в своем развитии. Именно это и было тем самым «чудом», на которое я надеялся в ту ночь и которое стало для нас спасением.

Продолжение следует



ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

СВЕРЯЯСЬ С ЛЕНИНЫМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИЖНОЙ СЕРИИ „МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА"

Разговор о книжной серии, посвященной В. И. Ленину, так и хочется начать словами: «В наше очень ответственное время...» Но тут же обрываешь себя вопросом — а разве было ли когда-нибудь время «не очень ответственное»? Начинаешь перебирать в памяти факты истории и не можешь себе сказать, когда, в каком году не стояли перед человечеством «самые главные», «самые важные» вопросы.

И вспоминаешь годы гигантских социальных битв, решавших вопросы «быть или не быть». Да и критикуемые ныне застойные годы были не менее ответственными для определения путей развития нашей страны.

И всегда вставал вопрос о смысле жизни. Вроде бы сугубо теоретический, он имел и имеет постоянный и непосредственный выход на жизненную практику, определяет пути и цели общественного прогресса.

Вот и мы, прокладывая свою историческую дорогу, ищем смысл своего существования, ищем ориентиры движения. А точки отсчета и системы координат всегда предлагаются разные. Да так и должно быть, ведь человек только тогда

найдет себя, когда сравнит жизненные подходы и определит систему ценностей, подходящую для него. Сложность положения человека, и особенно молодого человека, обостренно ищущего правду жизни, и заключается в том, что он обязательно должен **выбирать.** И чей жизненный идеал окажется сегодня влиятельнее, надежнее, сильнее — это еще проблема.

С такими мыслями перелистываешь страницы небольших по объему и формату книжек из серии «Молодогвардейская Ленинана» (издательство «Молодая гвардия»). Книжек этих уже более двадцати, а сама серия через год отметит свое десятилетие. И подобные мысли возникают не зря. Ведь разговор о жизненном идеале, о смысле жизни должен быть главным в серии, основная тема которой — «Ленин и молодежь». Почему? Потому что важнейшая задача такой серии — раскрыть перед молодым читателем образ Владимира Ильича Ленина, человека и гражданина, мыслителя и революционера.

Принципы издания серии, заложенные в нее с самого начала, дают богатые возможности для исполнения этой задачи. Так, одной из самых сильных сторон серии является жанровое разнообразие. Повесть здесь соседствует с публикацией документов, воспоминания — с научными исследованиями, стихи — с документальными очерками.

И все-таки форма изложения есть лишь средство, избираемое автором для передачи каких-то своих мыслей. Вот мы и поведем речь о содержании, о сути книг. Как помогают книги из серии «Молодогвардейская Ленинана» найти молодому человеку ответы на извечные вопросы: для чего живет человек? Во имя чего?

Для определенного упрощения своей задачи попробуем несколько классифицировать всю серию, тем более что ее книги условно можно распределить по трем группам. Первая — это книги, рассказывающие о личности В. И. Ленина, о его человеческих качествах. Вторая — это биографические хроники, повествования о семье и родственниках В. И. Ленина, о людях, его окружавших. И третья группа — книги, которые вводят читателя в мир ленинской мысли, в его творческую лабораторию.

Ленин как личность, как «самый человечный человек» — это одна из самых важных и поистине бездонных тем нашей литературы — и художественной, и общественно-политической. Книг написано огромное количество, книг разных — и талантливых, умных, и не очень талантливых. И, к сожалению, этих, вторых, наверное, больше, чем первых. Уж слишком часто в последние годы Ленином больше клялись и прикрывались вырванными из его работ цитатами. Применение же ленинской жизненной методологии к своей жизни было довольно редко.

Причин тому много. И первая — мы мало знаем и редко воспринимаем Ленина как **живого** человека, с присущими каждому человеку страстями, сомнениями, жизненными радостями и невзгодами. Образ его, увы, очень уж залакировали. Утеря **человеческой** связи с **личностью** Ленина вполне естественно перенеслась на отношение к его **мыслям и делам.**

Вернуть обостренное человеческое восприятие Ленина, помочь читателю приобрести такое отношение — в этой благородной и необходимой работе «Молодогвардейской Ленинане» принадле-

жит достойное место. Видимо, правильным было решение о переиздании в числе первых книг серии работ Мариэтты Шагинян «Ленинпиана» (М., 1980) и «Четыре урока у Ленина» (М., 1981), а также сборника воспоминаний о В. И. Ленине «Великий друг молодежи» (М., 1980), уже получивших признание читательской аудитории. Из новых книг хотелось бы отметить небольшую книгу М. Поляновского «Мы видим Ильича» (М., 1985), воссоздающую эпизоды, связанные с историей киносъемок Владимира Ильича для хроники. Воспоминания и рассказы кинооператоров и людей, лично знавших Ленина, невелики по объему, но очень жизненны. А одна из самых больших удач книги — публикация четырех фотографий-кинокадров, на которых Ленин снят во время работы III Конгресса Коминтерна сидящим на ступеньках трибуны. Кадры эти достаточно известны, но, право, опубликованные рядом и фиксирующие Владимира Ильича в момент напряженнейшей работы мысли они настолько выразительны, что над ними можно просто сидеть и думать без каких-либо комментариев.

Более традиционными оказались два сборника стихов «Ленинцы» (М., 1981) и «Стихи о Ленине» (М., 1980), не отмеченные оригинальными принципами составления или публицистическими размышлениями, привлекшими бы интерес молодого читателя. Не отличается оригинальностью и сборник воспоминаний, стихов, рассказов под общим названием «Товарищ Ленин» (М., 1986). К сожалению, эти книги не стали открытием в исследовании образа Владимира Ильича Ленина.

Но вот об одной из книг хочется сказать особо. Она о двух великих людях — о В. И. Ленине и А. М. Горьком — и называется «Мой друг, великий человек» (М., 1980). Книга эта из разряда таких, которые вызывают размышления, может быть, и не связанные непосредственно с ее содержанием.

С первых же строк начинаешь думать, разбираться в ленинском отношении к человеку. Не только к Максиму Горькому, а вообще к человеку. Что сближало, например, что разделяло писателя и политика? Как переплетались их судьбы? Максим Горький, натура мятущаяся, в политике был он немалым путаником, нередко случались с ним, по ленинскому выражению, «политические зигзаги». И Ленин, еще со времен «Искры» заслуживший репутацию политика «твердого», несгибаемого. И несмотря на порой серьезные политические разногласия, они дружили, тянулись друг к другу.

Выделить же хотелось бы одно наблюдение, выносимое из чтения опубликованных в книге строк самого А. М. Горького о В. И. Ленине, воспоминаний об этих двух пролетарских мыслителях. Насколько же бережным, деликатным, уважительным было ленинское отношение к писателю! А для нас важен здесь именно принцип — Ленин всегда уважал чужие убеждения, он признавал право человека на ошибку, на идейное заблуждение. Это принципиальная ленинская позиция во всех идейно-политических сражениях.

Конечно, Ленин оставлял за собой право критиковать ту или иную ошибочную, по его мнению, позицию, критиковать по-ленински жестко. Он мог даже требовать каких-то организационных выводов в отношении лица, эту ошибку совершившего, если она приносила в данной конкретной ситуации вред революцион-

ной борьбе. Однако признание права человека иметь свое собственное мнение и отстаивать это мнение в открытой дискуссии — непреложно.

И в этом огромная сила ленинского мировоззрения, ведь нужно быть очень уверенным в правоте своего метода мышления, чтобы признать право на самостоятельное мышление за своим идейным оппонентом. Открытой полемики Владимир Ильич никогда не боялся, всегда шел на нее, потому что понимал — надо помочь соратникам по партии в их теоретическом становлении, помочь им понять, разобраться в сути марксистского учения — в материалистической диалектике. Ведь только тогда они смогут воспринимать марксизм в его целостности, поймут сердцем и умом великую нравственную сущность марксизма — жить необходимо для людей, но не для абстрактных «масс», а для конкретных живых людей. И жить так сегодня, не откладывая до победы мировой революции.

Вот только беда была в том, что слишком многие последователи марксистского учения, оставаясь активными участниками практической работы большевистской партии, в теории были гораздо ближе к метафизике, позитивизму, махизму, чем к диалектическому материализму.

Еще во время составления конспекта гегелевской «Науки логики», в 1914—1915 годах В. И. Ленин в одной из своих «Тетрадок по философии» записал такой «афоризм»: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв **всей** Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса $^1/_2$ века спустя!!» Чуть позже, несколько в иной форме, он повторил эту мысль: «Диалектика **и есть** теория познания (Гегеля) и марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а **суть** дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах».

Сколько горечи в этих словах Ленина. Позднее, к сожалению, не стало легче. Вчитайтесь внимательно в строки знаменитого «Письма к съезду». Лидеры и теоретики партии того времени подвергаются Лениным критике именно за **теоретическую** несостоятельность. «Небольшевизм» Троцкого, непонимание диалектики Бухариным, теоретические воззрения которого, по мнению Ленина, «очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»; увлечение «администраторством» Пятакова; неслучайность «октябрьского эпизода» Зиновьева и Каменева — все это видел Ленин, всего этого опасался, обо всем этом требовал уведомить партию.

Он видел, что разноголосица в теории, при очень сложных личных взаимоотношениях внутри ЦК, может привести к расколу руководящего партийного органа. Видимо, ясно было ему и другое — возможные последствия применения к жизни схоластических теорий Троцкого, Бухарина и других. Отсутствие диалектического восприятия действительности в процессе сознательного использования объективных закономерностей (то есть в процессе строительства социализма) ведет к крайне одностороннему пониманию этих закономерностей, не позволяет видеть действительность во всей ее противоречивости и целостности. Ведь диалектичность мышления и есть всего лишь понимание диалектичности окружающего мира. Вот только бы подняться до этого «всего лишь»...

Из декабрьских записок 1922 года, к которым относится и «Письмо к съезду», нам становится ясной отмеченная Лениным прямая связь между слабостью философского осмысления реальности и узостью арсенала средств практического действия. Сразу после «Письма к съезду» Владимир Ильич диктует записки, в которых с тревогой фиксирует всеобщее увлечение руководящих кадров администрированием, видит в этом одну из самых больших опасностей для Советского государства, ищет меры для пресечения развивающегося бюрократизма. Меры эти только в расширении демократизма, в увеличении роли народных масс в управлении государством.

Конечно, все это тема отдельного и большого разговора, но здесь хотя бы часть этого разговора необходима потому, что опять же на первый план выступает вопрос о смысле жизни — «Для чего? Во имя чего?». И хотя поиск этих ответов бесконечен как мир, одно можно сказать все же с уверенностью: диалектический материализм, соединяющийся по сути своей с нравственностью, указывает путь в процессе поиска, помогает найти ответы. Такой, в общем-то, совсем не новый вывод. Но он доказан всей жизнью Владимира Ильича Ленина.

А хорошо ли мы знаем историю его жизни? Изучаем ее, начиная с детского сада, а знаем ли? Задумываемся ли над процессом становления великого мыслителя и революционера?

«Молодогвардейская Лениниана» оказывает весомую помощь читателю, стремящемуся полнее и четче представлять себе жизненный путь Ленина.

Сразу же хочется выделить две книги Ж. А. Трофимова — «Великое начало» (М., 1979) и «Казанская сходка» (М., 1986). Первая рассказывает о гимназических годах Владимира Ульянова, вторая — о времени обучения в Казанском университете. Почти три десятилетия занимается Ж. А. Трофимов поиском сведений о В. И. Ленине и семье Ульяновых в архивах, музеях, библиотеках многих городов. Им собрано много новых фактов, деталей из жизни семьи Ульяновых, фактов подлинных, научно обоснованных, аргументированных. Его книги вообще привлекают внимание своей строгой документальностью, отсутствием вымышленных эпизодов и лиц.

Своеобразное продолжение книг Ж. А. Трофимова — сборник воспоминаний родных и соратников Ленина, его писем и отрывков из работ «Ленин в Шушенском встречает XX век» (М., 1980). В этой книге мы видим и веселого молодого человека, любящего песни, шутки, и мощнейшего теоретика молодой российской социал-демократии, создавшего во время шушенской ссылки более 30 работ, в том числе капитальный труд «Развитие капитализма в России».

В жанре документальной повести написаны книги — сборник «Студенты Ульяновы» (М., 1985) и книга О. В. Васильевой «Отчизне посвятим...» (М., 1984). Они не столь строго документальны, как работы Ж. А. Трофимова, но в них больше страстности, чисто психологического понимания своих героев. Такие исследования тоже необходимы, тем более что о жизни и деятельности родственников Владимира Ильича мы знаем все же меньше, чем о его собственной жизни.

А одной из самых интересных книг, повествующих об окружении В. И. Ленина, можно назвать работу Н. И. Зубова «Они охра-

няли Ленина» (М., 1981). Она о тех рабочих и крестьянах, солдатах и красногвардейцах, партийных и беспартийных, кто охранял и защищал жизнь Владимира Ильича.

Однако повторюсь — биографические книги о великих людях интересны прежде всего потому, что читатель имеет возможность примерить на себя, соотнести с собой их жизненный опыт, а значит, и лучше понять себя. Хороша та книга, которая вызывает размышления о самом себе. Таковы и лучшие книги из серии «Молодогвардейская Ленинианa». Они будят читательскую мысль, мысли появляются разные, зачастую далеко уводящие в сторону от предмета нашего сегодняшнего разговора. Но одна мысль, один вывод, проходящий через все книги серии, нам необходим. Сформулировать его можно так: Ленин — человек из мира большой человеческой культуры!

Споры о ленинском отношении к культурному наследию не утихают. Разобраться в них молодому читателю и должна помочь умная книга. Как уже, наверное, заметил читатель, таковы лучшие книги из «Молодогвардейской Ленинианы». О некоторых уже рассказано. Теперь о тех, которые помогают нам проникнуть в мир ленинской мысли. Сегодня, когда столь огромна тяга к Ленину, такие книги особенно нужны.

Вполне заслуженно выдержала в рамках серии уже два издания книга В. В. Чикина «Круг на великом круге» (М., 1979, 1987). Книжка ведь необычная, основную часть ее составляют конспекты ленинских работ. Именно этим привлекает она внимание. Автор делится с молодым читателем своим личным, вынесенным из кропотливой работы над ленинскими текстами, проверенным и перепроверенным опытом изучения творческого наследия В. И. Ленина.

Этим качеством — раскрытием личного опыта постижения ленинского образа мысли — близки друг другу и книги Е. А. Амбарцумова «Ленин и путь к социализму» (М., 1982), Н. В. Трущенко «Сплоченные словом Ильича» (М., 1980), В. И. Десятерика «Найти свой путь» (М., 1987). Это не значит, что они похожи, нет, темы книг различны, неравны они по стилю. Но в них есть важная общность — каждый из авторов ищет свою дорогу к Ленину, а значит, раскрывает перед читателем какие-то новые грани образа Владимира Ильича.

Однако не стоит преувеличивать различия подходов авторов «Молодогвардейской Ленинианы» к изучению Ленина. Иначе может сложиться впечатление о их чуть ли не полной методологической противоположности. Сегодня это особенно важно подчеркнуть, потому что сейчас на страницах книг, газет, журналов публикуется немало материалов с разнообразным и, зачастую, противоположным толкованием Ленина. Одни из них привлекают внимание бережным отношением к ленинским мыслям. Другие же требуют серьезного анализа, так как вызывают большие сомнения в их истинности.

Такие сомнения возникают после чтения последней пьесы известного драматурга М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше...» («Знамя», 1988, № 1). Имеет ли кто из нас право перекраивать историю по собственному усмотрению, а потом эту собственную абстрактную конструкцию самому же осуждать, но только уже от лица В. И. Ленина? Правомерно ли объявлять ленинскими свои собственные оценки конкретных исторических событий, о

которых В. И. Ленин ничего не мог сказать, потому что они произошли после его смерти? Какие результаты даст такой подход? Сможем ли мы лучше понять Ленина?

Честно говоря, вряд ли. Скорее, это приведет к снижению уровня ленинской мысли, к искажению образа Ленина. Ведь получается, что Ленину приписывают свои мысли, им прикрывают свои рассуждения и оценки...

«Постойте, — должен заметить проницательный читатель, — но ведь это методология краткого курса «Истории ВКП(б)»!» Верно. Методологические принципы, лежащие в основе пьесы, те же, что и в «Кратком курсе». И если драматург не замечает своей методологической близости к наверняка нелюбимому и неуважаемому им произведению, то читателю от этого не становится легче. Потому что такая методология не поможет ему найти дорогу к истине. Наоборот, она ведет к искажению истории, к замене одной субъективной схемы исторического развития другой такой же субъективной схемой.

В пьесе немало натяжек, неоправданных перекрашиваний и подкрашиваний. Зачем, в частности, навязывать читателю свое понимание образа Н. И. Бухарина, как едва ли не единственного истинного ленинца и великого гуманиста? Бухарин был ведь лидером «левых» коммунистов и теоретически обосновывал идею прямого насилия в процессе создания социалистического общества. В книге «Экономика переходного периода» он писал: «...Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Думается все же, что путь постижения Ленина, предлагаемый «Молодогвардейской Ленинианой», более плодотворен. Несмотря на свое внутреннее разнообразие в целом, серия предлагает читателям путь бережного прочтения Ленина. Путь, с одной стороны, взвешенного, аргументированного научного исследования, а с другой стороны, путь художественного, эмоционального восприятия ленинского образа.

Поле деятельности для серии огромно. Обязательно надо продолжить издание книг, рассказывающих о биографии В. И. Ленина. Интересными могут оказаться и публикации документов и воспоминаний. Большее внимание, чем прежде, стоило бы уделить книгам-исследованиям, анализирующим ленинские позиции по тем или иным вопросам, причем в этих изданиях добиваться максимальной яркости, публицистичности изложения. Сохранить необходимо главное — принципиальный подход к изучению биографии Ленина. Тогда книги серии помогут молодому человеку в поиске ответов на древние и всегда современные вопросы — «Для чего? Во имя чего?». Помогут ему сверять свой путь в поиске смысла существования с Лениным.

●

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

СМЫСЛ НАШЕЙ ЖИЗНИ

ПИСЬМО ВЕТЕРАНА КПСС

Гласность... Слово это, как и другие, с недавних пор часто повторяющиеся слова — «ускорение» и «перестройка», — во многих зарубежных странах сейчас произносится без перевода. Поэтому наши зарубежные друзья с нескрываемым любопытством вслушиваются, вчитываются во все, что стоит за этим словом, что наполняет его конкретным содержанием. А недруги устраивают вокруг сложных процессов, происходящих в нашей стране, идеологический, политический и духовный стриптиз, орут на все голоса, что из перестройки и гласности ничего не выйдет, она принесет только вред советскому народу. Они клевещут на нашу историю, на героические свершения советских людей, пытаются под шумок подсунуть нам затхлые буржуазные ценности.

Я не ученый, занимающийся общественными науками, не литературный критик и не политик, но я старый коммунист, более 60 лет состою членом КПСС, мой трудовой стаж насчитывает почти 70 лет, столько, сколько существует наше государство рабочих и крестьян, я участник гражданской и Великой Отече-

ственной войн, с винтовкой в руках защищал завоевания Революции, мой труд вложен в общее дело строительства социализма в нашей стране. И потому я не могу молчать, видя, как иногда со страниц наших журналов и книг, с экранов телевизоров и кино, радио и трибун пропагандистов высказываются несправедливые обвинения, а то и клевета на поколение людей, отдавших жизнь за нашу Революцию, укрепивших наш социалистический строй, выведших отсталую страну на передовые рубежи, спасших мир от фашизма, восстановивших из руин нашу Родину, сделавших ее великой державой.

Некоторые литераторы почему-то постоянно шельмуют строителей-первопроходцев социалистического общества, изображая их то тупоголовыми бюрократами и человеконенавистниками, то «тварью дрожащей», то ничего не знающими и не понимающими примитивами, строившими якобы государство новой формации на костях народа, душивших интеллигенцию и извращающих линию В. И. Ленина.

В художественных произведениях и критических статьях, даже в отдельных научных публикациях стала прослеживаться тенденция взвалить огрехи в экономике, промышленности и духовной жизни последних десятилетий на плечи людей моего поколения. И все это якобы из любви к исторической правде и под лозунгом гласности. Прикрывшись этим словом, ставят под сомнение не только достижения нашего социалистического общества, но и личные заслуги тех, кто по праву имеет награды Родины, звания, ордена и медали отличия.

Что же такое, с моей точки зрения, гласность? Это важнейшая составная часть нашей перестройки, призванная укреплять наш социалистический строй и потому давать всестороннюю информацию об истинном положении дел на любом участке нашей сегодняшней жизни. Это доступность для общественного ознакомления и обсуждения многих вопросов нашего прошлого, в том числе сложнейших моментов истории, нашего настоящего и будущего. Но вот ей-то, нашей истории, больше всего и достается, кое-кто использует гласность лишь для того, чтобы вымазать 30—40-е годы только черной краской. И на голову падкого на сенсации обывателя или неосведомленного молодого читателя выплескивается немало произведений сомнительной ценности.

Очень характерен в этом отношении роман А. Рыбакова «Дети Арбата». Судя по откликам нашей печати, я, вероятно, буду плыть против течения в оценке этого романа. Хотя в личных беседах многие были со мной солидарны. И поэтому прошу дать мне право высказаться. За всю свою долгую жизнь я не припомню ни одного случая в советской литературе, чтобы еще до выхода какого-нибудь произведения средства массовой информации не просто создавали ему общественное мнение, но и определяли официальное отношение к нему. О романе заговорили как о значительном явлении литературы, безоговорочно присвоив ему высокий Знак качества.

Особенно постарался журнал «Огонек». Вспоминается подборка восторженных откликов на только что вышедший роман. Какие имена собрал Рыбаков! В. Быков, В. Каверин, Д. Гранин, Г. Баклапов, М. Ульянов, Г. Товстоногов, Л. Аннинский и другие. Вот только некоторые выдержки из писем, адресованных автору «Детей Арбата» и напечатанных в «Огоньке»: «Вы написали

грандиозное произведение о 30-х годах, дали углубленный разрез общества от ЦК партии «до самых до окраин»...»; «Я бы сравнил роман с холстами наших лучших передвижников — Сурикова, или Ге, или Ярошенко»; «В романе «Дети Арбата» счастливо совпадают высокий идейный замысел и совершенство художественного воплощения»; роман «прибавит силы нашему обществу, поднимет его престиж»; «Появление этого романа станет великим событием нашей жизни», и так далее, в том же духе.

Если бы в этих письмах не был назван автор произведения, о котором критик Д. Иванов в том же журнале пишет, что «язык романа не слишком выразителен, а многие образы «плоские» и «неинтересные», то можно было бы подумать, что речь идет о произведении советской классики. Тогда зачем же солидные люди называют художественно несовершенный роман «великим событием», вводя тем самым в заблуждение читателей? Зачем журнал устроил только что вышедшему роману невиданную рекламу? Ответ может быть только один: чтобы «Детям Арбата» дать зеленую улицу, а людям, которые с недоверием встретят это произведение, заранее зажать рот. И в дальнейшем критических отзывов на роман было две-три строчки, а статей, восхваляющих «Детей Арбата», море разливанное. Таким образом, прыткая литературная критика, еще недавно осудившая комплиментарность, без удержу восхваляет слабый роман, создавая иллюзию всенародной его поддержки.

Я живой свидетель тех событий, о которых рассказывается в романе А. Рыбакова «Дети Арбата». И хочу рассказать о моем поколении партийцев, о нашей юности — ведь многих из них нет уже в живых и они не могут защитить себя. Хочу, чтобы мой голос был услышан и понят.

В те памятные годы я находился далеко от Москвы, от рыбаковского Арбата. Сын рабочего, я принял Революцию всем сердцем и уже в 14 лет с винтовкой в руках защищал нашу молодую Советскую Республику от внутренней контрреволюции и иностранной интервенции во время гражданской войны. Был одним из первых комсомольцев на Сумском машиностроительном заводе имени Фрунзе, где я тогда работал. Там я стал высококвалифицированным рабочим, закончил без отрыва от производства вечерний машиностроительный институт, там учился комсомольской и партийной работе. Сейчас, вспоминая свои общественные нагрузки, учебу в институте, работу на заводе, я удивляюсь, как нас хватало на все это. А ведь тогда нас было очень мало, молодежных вожаков, носивших комсомольские и партийные билеты. Но мы не сгибались, понимая, что наши заботы перекладывать не на кого. Когда мы спали и ели, как умудрялись еще любить, веселиться и повышать свой культурный уровень?! Наши подруги-комсомолки совмещали работу, учебу, общественные дела и еще умели быть очень красивыми, милыми, скромными, милосердными. Успевали управляться и дома, не чураясь никакой работы. А какими целомудренными были отношения между девушками и ребятами! Мы боялись обидеть своих молоденьких подруг неловким ухаживанием, нескромным словом, грубым поступком. Я помню, как часто мы глубоко прятали свои нежные чувства, зная, что нам нужно скорее восстановить разрушенное гражданской войной, закладывать фундамент нового общества и строить социализм, а наши личные дела должны отойти на вто-

рой план. Мы учились и учили несоюзную молодежь, вовлекая ее в нашу среду. Бывало, и ошибались, тогда нас поправлял народ.

Нет, мы не были забитыми, примитивными, бессловесными роботами, бездумно выполняющими чужую волю, как нас пытается кое-кто изобразить. Наш трудовой энтузиазм был осознанным, никто никогда ничего не делал из-под палки. Сейчас нас упрекают, что социалистические преобразования в 30-е годы шли слишком ускоренными темпами, все делалось «любой ценой», как любят выражаться некоторые наши критики, забывая, что такие темпы диктовались самой жизнью, решался вопрос, быть или не быть нашему социалистическому государству. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается» говорится об этом периоде нашей истории: «Это были годы упорного труда на пределе человеческих возможностей, острой и многоплановой борьбы. Индустриализация, коллективизация, культурная революция, укрепление многонационального государства, утверждение международных позиций СССР, новые формы управления экономикой и всей общественной жизнью — все это пришлось именно на этот период. И все это имело далеко идущие последствия (...). Ибо тогда начиналось, строилось первое в мире социалистическое общество. Это был подвиг исторических масштабов и исторического значения».

По ночам мы спали крепко: очень уставали от тяжелого и напряженного труда, не прислушивались к стуку в дверь, да и дверь-то в доме редко запиралась, потому что всегда была открыта для друзей и соседей, а воры на наше скудное имущество не зарились. Сейчас среди молодежи принято, если что не так в быту или на работе, писать, требовать, жаловаться во все инстанции. В мое время такого просто не могло быть: жаловаться было некому и некуда. Что не мог сделать сам — делали коллективом. Мы не ждали, что дядя со стороны организует наш досуг. Пустующие помещения в городе мы сами оборудовали под Дворцы культуры, клубы, красные уголки, которые, кстати, были почти в каждом доме, вечерние школы, избы-читальни, библиотеки. Все это работало на политико-воспитательную деятельность среди трудящейся молодежи. Проводились интереснейшие и острейшие диспуты на политические, религиозные, литературные, бытовые темы. Я не помню, чтобы на них пустовал зал или слушатели сидели безучастными, не проявляли заинтересованности. А выступления «живых газет» и «синей блузы», которые сейчас презрительно называют «агитками»! Это были яркие и веселые спектакли на злободневные темы, с нелицеприятной критикой бюрократов-руководителей, лодырей, бракоделов, пьяниц, спекулянтов, рвачей, обывателей-мещан! А наши комсомольские и партийные собрания, где все было по самому высокому счету: и критика и самокритика! Проходили они бурно, без регламента, всем давали выговориться вволю.

А как мы боролись за чистоту своих рядов — здесь никому не было скидок: только беззаветно преданный делу Революции, социализма, смелый и самоотверженный коммунист мог быть членом нашей партии. Были, может быть, некоторые «перехлесты» в требовательности к себе и товарищам; позором было посещение ресторанов, осуждались разводы, неоформленные браки, модная,

вызывающая одежда. Но зато очень ценились труд, знания, дружба, патриотизм, общественная активность, дисциплинированность и пролетарский интернационализм. О наркомании и проституции в нашей рабочей среде просто не слышали, а пьянство и прогулы наказывались жестоко. Мы создавали новые обряды, не менее торжественные, чем старые, церковные: комсомольские свадьбы, красные «крестины» новорожденных, устраивались вечера-маскарады, политические карнавалы, встречи Нового года с широким использованием народных традиций, летом и весной — выезд всех работников завода от директора до рабочего за город, на пикник, с оркестром, с самоварами и пирогами.

Я понимаю, что каждое время ставит свои условия перед комсомольцами и членами партии, но некоторые традиции моего времени, думаю, не мешало бы вспомнить, возродить.

Наша жизнь не была идиллией: было много трудностей. Голод и холод, разруха после гражданской войны и малая механизация, острая идейная борьба и саботаж, и диверсии (да, да, диверсии, их не выдумали страдающие повышенной подозрительностью государственные деятели, они были, и довольно часто), и трудные поиски нового, с ошибками, с ночными бдениями и бесконечная работа над собой. Мы хотели всесторонних знаний: изучали философию, литературу, интересовались новинками науки, вникали в политику, познавали музыку и изобразительное искусство, все то, что не могла нам дать семья и школа. Но самое главное: мы ежедневно, ежечасно углубляли и расширяли наши профессиональные знания. Так выковывалась качественно новая интеллигенция, давшая стране множество выдающихся ученых, конструкторов, руководителей производства, государственных деятелей, новаторов, людей творческого труда, прославивших наше Отечество. Слова «быть хозяином своей страны и судьбы» ею понимались буквально.

Но вот я читаю А. Рыбакова — совсем другой мир: у молодежи — «моей» молодежи — другие интересы, другие помыслы, другие нравственные критерии, другие моральные ценности. Я не исключаю, что на Арбате жила и такая молодежь, для которой свободная любовь, погоня за тряпками, рестораны, проституция, связь с жуликами и иностранцами, драки, презрение к «малограмотным» труженикам, ненависть к Советской власти и чекистам были нормой жизни. Но зачем их делать символом эпохи? Нет, простите, дорогой Л. Аннинский, не эти «железные мальчики» являются «первыми детьми социализма», не они «вынесли на своих горбах войну»! Это не дети Арбата выполнили первые пятилетки досрочно и с высоким качеством, это не они за считанные годы построили и ввели в строй 1500 новых предприятий, среди них были Магнитка, Кузбасс, Днепрогэс, «Уралмаш», Хибинский комбинат, автомобильные заводы в Москве и Горьком, авиационные заводы, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, «Ростсельмаш»; это не они заново создавали современную черную металлургию, тракторную, автомобильную, химическую, авиационную и оборонную промышленность. Не они строили Комсомольск-на-Амуре, Турксиб и Большой Ферганский канал. Не они проводили коллективизацию, которую почему-то сейчас стало модно охаивать, хотя, по словам М. С. Горбачева, она укрепила позиции социализма в деревне, «она создала социальную базу для модернизации аграрного сектора и перевода его на рель-

сы культурного хозяйствования, позволила значительно повысить производительность труда, высвободила значительную часть рабочих рук, необходимых для других сфер социалистического строительства». Не они участвовали в ликвидации кулачества как класса, в ожесточенной борьбе с которым погибли многие мои товарищи, лучшие люди партии и комсомола. Не они способствовали исчезновению в стране безработицы, которая, особенно в период нэпа, лишила сотни тысяч рабочих средств к существованию. Когда страна в поте лица созидала новое общество, иные по углам и закоулкам злорадствовали над каждой нашей бедой, над каждым нашим просчетом, избрав позицию сторонних наблюдателей.

Но не выбор тематики удивил меня в этом романе, а то, как автор легко обращается с историческими государственными деятелями, с фактами нашей истории. И взялся, по словам критика Дм. Иванова, продолжить, ни много ни мало, «великое дело XX партийного съезда». И далее: «Рыбаков рискнул проникнуть в душу и ум (Сталина), в которые до него войти не решались». Я уже не говорю о том, что фигура, выбранная автором для «проникновения в душу и ум», слишком сложна, неоднозначна и противоречива, а не так односторонне-упрощенна, как у А. Рыбакова. В докладе о 70-й годовщине Октября М. С. Горбачев сказал: «Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением...»

Классовая, политическая и особенно психологическая трактовка исторических событий и личностей — очень ответственное и тонкое дело. Здесь прежде всего нужны знание, широкий и объективный взгляд автора, ибо нельзя, как говорил Бальзак, рассматривать величайшие события и личности в уменьшительное стекло. И хотя Рыбаков в своем интервью «Литературной газете» заверяет читателей, «что ни одно действие Сталина в романе не вымышлено, все они обоснованы», и для большей убедительности скромно проводит параллель между собой и... А. С. Пушкиным, а свой роман сравнивает... с «Борисом Годуновым» и «Капитанской дочкой», он не убедил меня. Во-первых, фигуры авторов, скажем прямо, несоизмеримы; во-вторых, Пушкин, создавая свои великие творения, объехал пол-России, знакомясь с местами, связанными с пугачевским бунтом, изучил документы той эпохи, о которой писал (советую Рыбакову ознакомиться с «Набросками предисловия к «Борису Годунову», где Пушкин подчеркивает, что работал над трагедией, «не смущаемый никаким светским влиянием», то есть объективно подходил к изображаемым событиям, при этом основательно проштудировал Карамзина и старые летописи); в-третьих, у Пушкина в его рассуждениях об исторической прозе превалирует мысль, что история многослойна и многолика, поэтому ни отдельные личности, ни периоды, нельзя красить только одним цветом — черным или белым. И еще забытый Рыбаковым пушкинский принцип — создавая портрет исторической личности в художественном произведении, нужно стремиться, чтобы он полностью соответствовал историческим реалиям.

К сожалению, пушкинские заповеди нарушены в романе «Дети Арбата». Писатель упростил образ Сталина, вложив ему в уста

свои ординарные, а чаще и просто примитивные мысли, не удосужившись ознакомиться с многочисленными воспоминаниями о нем, посмотреть кадры кинохроники тех лет, прочитать внимательно его работы и письма, просто поговорить с людьми, хорошо и всесторонне знавшими этого человека.

Чего стоят, например, придуманные Рыбаковым рассуждения Сталина о страданиях человеческих, на которых стоит спекулировать, чтобы построить новое общество: «Киров — опасный идеалист, требует для рабочего класса материальных благ, не понимает, что человек, материально обеспеченный, не способен на жертвы, на энтузиазм, превращается в мещанина. Только страдания вызывают величайшую народную энергию, ее можно направить и на разрушение и на созидание. Страдание человеческое ведет к богу — на этом главном постулате христианской религии народ воспитывался столетиями, это вошло в его плоть и кровь. Социализм — земной рай, более привлекателен, чем мифический рай на небесах, хотя для этого тоже надо пройти сквозь страдания, но народ, конечно, должен быть убежден, что страдания его временны, служат достижению великой цели...»

Нет сомнения, и в феномен Сталина, и в понятие «культ личности» должны внести ясность наши ученые, руководствуясь не конъюнктурой, а исторической правдой. Мне лично по службе не раз приходилось встречаться со Сталиным, слышать о нем отзывы крупнейших ученых, писателей, конструкторов, военачальников, руководителей производства уже после XX съезда, мнения в чем-то расходились, но в одном совпадали — это была яркая личность. Не случайно ему отдали дань великие его современники: М. Горький, А. Толстой, М. Торез, К. Готвальд, Г. М. Димитров, Ф. Рузвельт, У. Черчилль и многие другие. Среди них был и А. Твардовский, вспомним «Страну Муравию».

В романе нам прозрачно намекают, что убийство С. М. Кирова было подстроено Сталиным, который видел в нем соперника. Так это подается в романе. И тут я хочу привести слова историка В. А. Козлова: «Право морального суда над прошлым — это, бесспорно, проблема исторического знания». А какими такими историческими знаниями располагает Рыбаков, делая подобного рода предположения? Какими документами?

Есть у Рыбакова и другие перехлесты. М. С. Горбачев и наши ведущие ученые-историки говорят, что социализм у нас был построен в конце 30-х годов, а писатель убеждает нас, что «Сталин создал совсем другой режим, похлеще царского» (вспомните слова «покорной» и «робкой» Софьи Александровны, которой Рыбаков почему-то вложил в уста известное изречение Александра Невского, не понимая, что ли, что в контексте романа оно звучит, по крайней мере, смешно). Здесь я согласен с заведующим отделом Института философии и права АН БССР В. Бовшем, который, критикуя рецензию на роман «Дети Арбата» О. Кучкиной, сказал: «Рецензентка использует в положительном смысле буржуазное понятие сталинизма и одобряет трактовку А. Рыбаковым нашей политической системы при Сталине, попадающую под злобную антисоветскую теорию тоталитарного общества». Не имея аргументов, чтобы возразить Бовшу, А. Адамович, который привел эту цитату в своей беседе с корреспондентом «Литературной газеты», патетически восклицает: «И это произносится после XX, XXII, XXVII съездов!» Хочется спросить писателя, а разве пар-

тийные съезды разрешили нам печатать статьи, которые дискредитируют наш социалистический строй? И потом, зачем сразу вешать ярлыки: «белорусский ортодокс», «вандей», стыдить ученого. Демократизация предполагает борьбу разных точек зрения. Я тоже высказываю свою точку зрения.

В. И. Ленин, разрабатывая систему нэпа, рассчитывал только на переходный период, а не на эпоху построенного социализма, а Рыбакову что, хотелось бы, чтобы нэп существовал вечно, «всерьез и надолго»? В этом он видит отход Сталина от заветов Ленина? А ведь именно Ленин очень мечтал о том времени, когда «из России нэповской будет Россия социалистическая».

Для академической науки и проблема культа личности, и проблема раскулачивания, и многое другое — все «белые пятна» нашей недавней истории, которые долгое время были вне изучения. Рыбаков же, в духе понятого по-своему ускорения, перекрасил белые пятна в черные и сам решил все исторические проблемы, не утруждая себя долгими исследованиями.

Как же восстанавливается историческая справедливость в некоторых журналах, в некоторых публикуемых статьях? Наша история обрастает мифами, вырываются из контекста событий отдельные факты и преподносятся нам как знамение времени. Зачастую это даже не одна сторона исторического явления, это полуправда, которая по своей сущности опасней лжи, так как она является камуфляжем правды — правдоподобием. А правдоподобие очень часто вводит в заблуждение читателя.

Каким образом подтасовываются факты, видно из публикации отрывка из книги З. Шейниса о М. М. Литвинове, опубликованной в «Огоньке». С радостью я отметил, что наконец-то вспомнили глубоко уважаемого мною человека, выдающегося советского дипломата. Но, с интересом прочитав статью «Максим Максимович возвращается в строй», удивился: зачем редакция крупным и жирным шрифтом предпослала публикации преамбулу довольно странного содержания. Дав несколько общих сведений о Литвинове (даты жизни и смерти и его должность), авторы преамбулы в лучших традициях детектива пишут: «В одну из майских ночей 1939 года здание Народного комиссариата иностранных дел (находившееся тогда в Москве, на Кузнецком мосту) было оцеплено НКВД. Прибывшие уже под утро Молотов, Маленков и Берия сообщили Литвинову о его отстранении с поста народного комиссара». Всего две фразы, но они дают соответствующий настрой для восприятия дальнейшего, в общем-то более или менее объективного повествования. По логике вещей, что должно было быть коротко рассказано о человеке, о котором современный читатель почти ничего не знает, во вступительной заметке к фрагменту из книги Шейниса: о том, как еще в начале 30-х годов на всех уровнях боролся Литвинов за всеобщее разоружение в мире (в недавно показанном телевидением документальном фильме вопреки исторической правде создатели «Риска» стараются убедить зрителей, что Советский Союз начал борьбу за всеобщее разоружение в лице Н. С. Хрущева только в 60-х годах; эту же мысль развивает академик А. Сахаров в «Московских новостях» (№ 45, 8 ноября, 1987, с. 14), о его титанической работе по созданию антигитлеровской коалиции, о подписании с президентом Ф. Рузвельтом соглашения об установлении дипломатических отношений между СССР и США, об отстаивании независимости

Эфиопии и Испании в Лиге Наций и о многом другом, что характеризовало внешнюю политику нашей страны в 30-е годы, делавшую все, чтобы предотвратить вторую мировую войну. Литвинов был в авангарде борьбы Советского Союза за мир.

Казалось бы, именно эти факты биографии Литвинова созвучны нашему времени, и на них стоило остановиться, рассказывая об этой яркой и самобытной личности. Но редакция журнала акцентировала внимание читателей на политической клубничке, сгустив краски и не объяснив действительные причины отстранения Литвинова с поста наркома иностранных дел. А причины были в том, что Советскому правительству пришлось на время изменить внешнюю политику и идти на зыбкое, но столь необходимое для страны соглашение с фашистской Германией (об этом очень глубоко и подробно говорится в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Октября). Каждому здравомыслящему человеку понятно, что вести переговоры с Риббентропом не мог дипломат, стремившийся создать в мире систему коллективной безопасности против фашизма, выступающий с обличительными речами против агрессоров в Лиге Наций.

Именно поэтому Литвинова сменил В. М. Молотов. Обстоятельства замены наркома иностранных дел, которая была вынужденной акцией нашего правительства, не за семью печатями: они известны и автору статьи, и редакции журнала «Огонек». Но, заклинившись только на одной стороне жизни 30-х годов, публикаторы решили вырвать из контекста объективных обстоятельств факт биографии государственного деятеля и представить его как пример «злой воли», беззакония. Способствует ли такой подход к нашей истории установлению истины?

Или вот еще одна неправда, одетая в одежды правдоподобия. Л. Лукьянова в своей небольшой информации «Первый» старается убедить читателей, что благотворительный концерт, средства от которого должны пойти на восстановление здания церкви Большого Вознесения в Москве, первый в нашей стране. Что благотворительность у нас была запрещена «тем, кто долгое время строго решал за нас с вами, что говорить громко, а что шепотом, что устарело, а что, напротив, актуально». Благотворительность не рекомендовали, «поскольку это не у нас, у них...». По тем банальным истинам, которые преподносятся нам как новации («благотворить — благодетельствовать, делать добро», «еще древние вывели: отдавая, приобретаешь сам»), по главному пафосу статьи (благотворительность возрождается только сейчас) видно, что все это имеет очень далекое отношение к истине. Иначе автор сообщил бы нам, что благотворительность существовала в нашем социалистическом обществе во все времена. Рабочие и служащие предприятий, воинские части брали шефство над детскими домами, над одинокими стариками, над инвалидами, над малообеспеченными и неблагополучными семьями, материально и морально помогая им, целые бригады отдавали часть своего труда в их пользу.

Я знаю людей, переводивших свои Государственные премии в детские дома, но не стану подробно останавливаться на примерах благотворительности, которая в мое время имела широкое распространение, но не имела такой широкой и шумной прессы; добрые дела делаются обычно людьми скромными. Скажу только: запрета на благотворительность никогда не было, другое де-

ло, всегда ли находились бескорыстные благотворители. Я привел только два примера, мягко говоря, «неточностей», которыми изобилуют публикации в журнале «Огонек».

Под флагом демократизации и гласности в каждом номере «Огонька» печатается «разворот» читательских писем «Слово читателя». В. Юмашев, редактор отдела морали и писем, патетически восклицает: «Пожалуй, ничем мы в новом «Огоньке» так не гордимся, как вашими письмами...» Ничего не скажешь — хорошее начинание, если бы отдел морали и писем повнимательнее отбирал письма для публикации. Но вот в № 33 «Огонька» за 1987 год некто В. Чайкин сетует на то, что после войны его репрессировали за изучение немецкой классической философии. Но позвольте, товарищи редакторы, вам-то, как людям, работающим на идеологическом фронте, следует знать, что Собрание сочинений Гегеля в 14-ти томах начали издавать в Советском Союзе в 1929 году, и только война помешала завершить это издание (последние тома выходили уже в конце 40-х — начале 50-х годов), а лучшие переводы работ Шеллинга, за которые пострадал Чайкин, были сделаны в 1934—1936 годах. Все произведения представителей немецкой классической философии во все времена находились в свободном доступе Библиотеки имени Ленина, где с ними знакомился и ваш покорный слуга. Входило их изучение и в программы гуманитарных вузов. Чайкину вторит читатель журнала Ю. Лобов. Не желая признать, что он не получил «философского и исторического образования» по своей лености и «невежественному бездействию», он прозрачно намекает: «Кому-то было выгодно наше философское невежество и замалчивание исторической правды, а сейчас пришло время, когда теоретическое наследие марксизма будет снято с полки и пущено в действие. Но это не произойдет само по себе, без ожесточенной борьбы». Проснитесь, дорогой электромонтер и спортивный тренер, поберегите свои бицепсы для борьбы с хулиганством, неонацистами, проституцией, наркоманией, пьянством! Классики марксизма-ленинизма ждут не дождутся вас вот уже 70 лет, в миллионных тиражах, на всех языках нашей страны, во всех библиотеках и книжных магазинах на селе и в городе. В худших традициях мелодрамы — еще одна сенсация, подписанная В. Ланских. Здесь автор рассказывает, что в советской школе расстреливали портреты репрессированных маршалов, а «добрейший, грамотный учетчик тракторной бригады» принял мученическую смерть за любовь к Ленину.

Партия на своем XXVII съезде и в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, посвященном 70-й годовщине Октября, не забыла по достоинству оценить все доброе, разумное, прогрессивное, содеянное народом в период строительства социализма. Мне думается, промахи 1937—1938 годов и преступления, которые мы не имеем права забывать, не тема для смакования, как каждый крупный просчет в нашей жизни, это сама боль народа, нашей партии. И если каждый из нас будет выплескивать на социалистический строй «затаенные обиды, жажду расплаты, ощущение необходимости справедливого возмездия» («Огонек», 1987, № 40, с. 23), то никакой перестройки не произойдет, все сведется к идеологической вседозволенности, которая неминуемо ведет в таких случаях к анархии, к раскачиванию социалистических устоев. В причинах тех ошибок должны разобраться

и мы сами, и компетентные партийные органы, и наши историки на основе глубокого и непредвзятого изучения документов, объективного научного осмысления их.

Литературные критики сейчас очень легко и лихо перечеркивают литературу и искусство 30—50-х годов, утверждая, что тогда выходили книги посредственные, конъюнктурные, художественно беспомощные, изобразительное искусство только прославляло сапоги и гимнастерку культа, а все киноискусство свелось к «Кубанским казакам», лакирующим действительность. В наше время принцип подхода к искусству нередко таков: что тогда подвергалось критике и отрицалось — теперь стало, по меньшей мере, гениальным; что тогда было нашей гордостью — теперь подвергается сомнению или отрицается.

Перекос в освещении предвоенного периода в истории нашего государства не имел бы места, если бы наши общественные науки всерьез занялись его изучением. А. Рыбаков безапелляционно заявил в печати: «В тридцатые годы экономика развивалась прежде всего административно, силовыми средствами. Люди стали всего бояться, старались не принимать самостоятельных решений и ждали лишь, что скажут «сверху». Ростки, пущенные тогда, в большой мере сохранились до наших дней. Боязнь «кабы чего не вышло» существует и поныне». Досужие домыслы писателя если не простить, то понять можно, но, когда вслед за ним об этом же говорят историки с высокими учеными степенями, становится неловко за них.

Приведу только один пример. В 1936—1939 годах я работал главным технологом и одновременно начальником отдела организации труда и нормирования Коломенского паровозостроительного завода имени В. Куйбышева. Это огромное предприятие насчитывало уже тогда 22 тысячи рабочих, на нем работали знаменитые наши конструкторы тепловозов, электровозов и паровозов Н. М. Урванцев, А. И. Гаврилов, Л. С. Лебедянский, М. Н. Щукин и другие, выведшие советское паровозостроение на передовые рубежи. Не ищите их имена в справочниках и энциклопедиях — их там нет. Правда, именем Гаврилова был назван кратер на обратной стороне Луны, а в Коломне — улица. Кто эти имена знает сейчас, кто о них помнит? А они достойны того, чтобы о них узнала вся страна, эти самородки были и есть гордость талантливого русского народа. Вот о ком нужно писать книги, уважаемые наши писатели, хочется сказать.

Завод работал и учился, за два года, 1938-й и 1939-й, повысили свой технический уровень 13 801 человек. Из рабочей среды вышли высококвалифицированные инженеры и техники. Технической интеллигенцией и рабочими завода решались большие и сложные проблемы. Одной из главенствующих было повышение качества выпускаемой продукции. В августе 1937 года рабочие цеха ДМ-1 В. Дюжин, В. Копылов, С. Беляев и их товарищи попросили директора завода разрешить им сдавать продукцию со своим клеймом. Руководство поддержало эту инициативу: и вот, минуя приемщиков ОТК, стали сдавать не только готовые отдельные детали, но и целые машины: так, в октябре 1937 года коллектив паровозосборочного цеха выпустил готовый к эксплуатации паровоз серии СУ № 130. К 1 января 1938 года 214 человек имели свое личное клеймо и сдавали продукцию только отличного качества.

Поддержали на заводе и стахановское движение: 1560 рабочих выполняли нормы на 200—500 процентов. В результате роста производительности труда (она возросла на 23,5 процента) в 1938 году, по сравнению с предшествующим годом, цикл производства паровоза СУ сократился в 1,6 раза, электровоза — почти в 3 раза, сборка малых дизелей — в 3,4 раза. Выпуск товарной продукции поднялся на 35 процентов.

В начале 1938 года бригадиры слесарей цеха ДМ-2 В. И. Сироткин, Л. В. Соколов и Е. А. Яворский разработали новый способ сборки дизелей, ускоривших работу в 3—4 раза. Они выпускались с личным клеймом бригад и получили оценку «отлично». В том же году по инициативе передовиков производства С. А. Старостина, А. Б. Панкратова и Ф. Г. Сазонова начал проводиться общественный смотр по цехам. В первом туре (июль — август) было собрано 2724 предложения, направленных на ликвидацию неисправности станков и инструментария, на переделку и усовершенствование конструкции некоторых машин. Более 80 процентов предложений были тут же задействованы и осуществлены, остальные включены в план предупредительного ремонта. В октябре — ноябре 1938 года состоялся второй тур смотра оборудования, во время которого было собрано 2139 рационализаторских предложений. Если в первом туре смотра общезаводская комиссия аттестовала лишь 36 процентов станков и агрегатов с оценкой «отлично», то во втором туре такую оценку получило уже 90 процентов. В результате чего сократились простои машин, количество аварий. С каждым годом общественные смотры оборудования набирали силу, обогащались новыми рационализаторскими предложениями: здесь имели место и бережливость, и хозяйственный подход к своей работе. Этот почин коломенцев одобрительно встретили и подхватили все машиностроительные заводы страны. Я думаю, что общественные смотры принесли бы большую пользу и в наше время, они могли бы помочь Госприемке в борьбе за качество продукции.

И знаменательно, что многие начинания сегодняшнего дня на производстве и в сельском хозяйстве имеют корни в творческих исканиях первых пятилеток. Сюда можно отнести и бригады коммунистического труда, и личное клеймо, и Знак качества, и хозрасчет. Первые хозрасчетные бригады появились на Коломенском заводе в чугунолитейном цехе еще в июне 1931 года. Тогда их было только 17, а на следующий год на заводе действовало уже 789. Не буду об этом писать много: это тема большая и сложная и требует самостоятельного исследования.

В заключение хочу подчеркнуть, пример Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева показывает, что индустриализация в нашей стране не могла проходить такими фантастически быстрыми темпами, если бы наш рабочий класс не почувствовал себя хозяином предприятия, на котором работал, если бы он творчески не подходил к своему труду, если бы он не видел разительных перемен к лучшему в окружающей его жизни.

Как свидетельство благотворных истоков нашего строя, могу с уверенностью утверждать, что именно в 30-е годы воплощалась в жизнь ленинская идея соревнования трудовой деятельности, использование материальной заинтересованности рабочих и крестьян в повышении производительности труда.

Сейчас нередко встречается мнение, что конец 50-х — начало 60-х годов были «золотым веком» нашей истории. С этим нельзя не согласиться. К этому времени в основном были залечены раны страшной войны, заново построены города и села, восстановлены разрушенные фабрики и заводы. М. С. Горбачев в своем докладе о 70-й годовщине Октября отмечает: «В героизме трудовых будней нелегких послевоенных лет — источник наших достижений, экономического и научно-технического прогресса, освоения атомной энергии, первых стартов космических кораблей, роста материального и культурного благосостояния народа». Восстановив народное хозяйство, стало возможным развивать сельское хозяйство, жилищное строительство, легкую промышленность, сферу обслуживания. Стало возможным удовлетворять более полно насущные потребности человека. Но если мы закроем глаза на трудности, просчеты и жертвы этого периода, мы погрешим против правды. С моей точки зрения, для нашей перестройки было бы очень важно разобраться в ошибках, последовавших после очистительных, как теперь принято говорить, XX и XXII съездов партии.

Не отрицая их положительного значения в разоблачении культа личности и его последствий, в восстановлении социалистической законности (об этом много говорилось и говорится сейчас), хочу вместе с тем напомнить, если многие забыли или делают вид, что забыли: в некоторых дружеских нам социалистических странах начались негативные процессы, подняли головы контрреволюционные силы. Сколько преданных делу социализма коммунистов сложили тогда головы, скажем, в Венгрии, в Чехословакии? Я живой свидетель тех страшных событий. Появилось нигилистическое отношение к рабочему коммунистическому движению. Некоторые наши зарубежные друзья, к сожалению, отвернулись от нас. Все это факты истории, и мы не должны на это закрывать глаза, сейчас мы со всей серьезностью должны и во всем этом разобраться, и сделать выводы. А внутри страны активизировались «инакомыслящие», проповедующие всяческую идеологическую скверну, на основе которой затем пышным цветом расцвела бездуховность и общественная апатия некоторой части молодежи, пошлость и цинизм обывательского отношения к жизни, начали формироваться антипатриотические и националистические настроения. Думаю, что не прав А. Адамович, утверждая, что наш «позор и беда» — повсеместное пьянство, причина которого-де в том, что люди, «скинув» гнет сталинизма после XX съезда, «вдруг ощутили такую опустошенность от перенапряжения», что запили. Подобное тенденциозное упрощенчество меня очень удивило. Действительность сложнее предвзятых схем. Тогда без оглядки разрушали одни ценности, а другие так и не обрели статуса святынь — отсюда нигилизм и пустота. Люди постепенно теряли веру не только в реальных и литературных героев, но и веру в человека как такового. Скорее всего, на почве утраченных идеалов и расцветали пьянство и вещизм.

После XX съезда партии были сняты политические обвинения против ряда деятелей партии и государства, против многих коммунистов и беспартийных, хозяйственных и военных кадров, ученых и деятелей культуры. Тысячи безвинно пострадавших были полностью реабилитированы. К сожалению, процесс восстановления справедливости часто проходил в спешке, а иногда и без

должной ответственности. Вместе с честными людьми были оправданы и те, кто был виновен и в незаконных репрессиях, кто преднамеренно охаивал достойных людей. Помню, когда в 1939 году я был избран первым секретарем Коломенского городского комитета ВКП(б), моя деятельность на этом посту началась с того, что в горком на мое имя пришло письмо ЦК ВКП(б) и правительства, адресованное всем ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам ВКП(б) (странно, что сейчас это письмо нигде не упоминается, как и другие документы партии того времени), например, решение Пленума ЦК ВКП(б) (январь 1938 г.). В этом письме содержалась директива всем партийным органам пересмотреть дела незаконно репрессированных. К тому времени нарком внутренних дел Ежов и его подручные были осуждены и понесли заслуженное наказание. Руководствуясь этим письмом, я добился пересмотра дел осужденных в 1937—1938 годах и их освобождения из заключения. Вслед за этим совместное бюро Коломенского горкома и райкома партии исключило из своих рядов начальника управления внутренних дел Коломны за нарушение советских законов. Дело было передано в суд, он был осужден. Каково же было мое удивление, когда в конце 50-х годов я встретил этого человека на свободе, в чинах и узнал, что он числится в жертвах сталинского деспотизма. Навсегда запомнились его циничные слова в мой адрес: «Жалею, что в 37-м не подвел тебя «под вышку», а дело уже было готово». Знал я известного журналиста, возглавлявшего в свое время центральную газету, а затем толстый журнал, с которым после его возвращения из мест заключения честные люди старались не здороваться, хотя он тоже ходил в мучениках сталинизма. На его совести было несколько жизней наших писателей. А один ученый муж, не успев еще вернуться из ссылки, по пути в столицу занялся антисоветской деятельностью, пересылая для публикации за границу компрометирующие наших государственных деятелей и известных писателей пикантного свойства материалы. Этим грязным делом он безнаказанно занимался почти десять лет, пока не был схвачен за руку органами безопасности. Эти «публикации» стоили здоровья многим честным и уважаемым людям. После разоблачения он не угомонился: разложил коллектив московского научного института, всеми средствами помогая его отдельным работникам перебираться за рубеж. Кстати, совсем недавно об этом «ученом» с любовью вспоминал В. Каверин, рассказывая о тыняновском кружке в Ленинграде.

На торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном Великому Октябрю, М. С. Горбачев в своем докладе заявил, что Политбюро ЦК создало комиссию для рассмотрения дел осужденных в 1930—1950-х годах, чтобы восстановить справедливость по отношению к тем, кто стал невинной жертвой беззакония и произвола. Это отрадное решение, хотелось бы, чтобы к работе этой комиссии привлекались и живые свидетели тех лет — старые большевики. Для максимальной объективности в этой ответственной работе требуется, с моей точки зрения, большая открытость: ознакомление партийной общественности с документами и фактами, относящимися к делам осужденных.

Имена деятелей партии и государства, военачальников и ученых, хозяйственных работников и деятелей культуры, коммунистов и беспартийных, всех тех, кто был ложно обвинен и погиб,

должны быть восстановлены и по достоинству оценены. О них нужно писать, их должен знать наш народ. Необходимо, чтобы наша история перестала быть безликой: ни один государственный или партийный деятель не должен замалчиваться, какую бы идеологическую позицию он ни занимал. Но только упоминание их не значит, что мы всех оправдываем, каждый должен получить объективную политическую оценку.

В 1987 году в печати я трижды встретил портрет Ф. Раскольникова. Он был реабилитирован после XX съезда КПСС. Журнал «Огонек» посвятил ему большую статью доктора исторических наук В. Поликарпова, где Раскольников предстает перед нами жертвой культа личности. И это говорится о человеке, который пренебрег советскими законами, бросил доверенный ему Советским правительством пост посла, бежал под защиту родственника-миллионера во Францию, где стал сотрудничать в белогвардейской и правой французской прессе. Его заявление «Как меня сделали «врагом народа» и его открытое письмо Сталину от 17 августа 1939 года пронизано злобой и клеветой на наш общественный строй. В свое время С. П. Трапезников дал объективную, политически точную характеристику Ф. Раскольникову, которую сейчас, уже после смерти оппонента, пытается оспорить Поликарпов. Я уже не говорю о том, что доводы, с которыми выступает доктор наук против Трапезникова, весьма не убедительны. Какое имеет значение, напечатал Раскольников свое письмо к Сталину в «Новой России» Керенского или в «Последних новостях» Милюкова? А уж тон дискуссии совсем не выдерживает критики, здесь и «приспособленческая «научная» мысль», «угодничество», «повторная расправа» над Раскольниковым, и «борец против трубадуров буржуазной идеологии» и «апологетов буржуазии», каким старался зарекомендовать себя Трапезников. С каких пор борьба против буржуазной идеологии стала криминалом для советского ученого? Почему принципиальная партийная позиция ставится ему в упрек? Я уж не говорю, что весь этот пыл направлен против умершего коммуниста и ученого. Но будем считать, что это не существо, а форма. По существу же, Поликарпов пытается оправдать Раскольникова не вновь найденными документальными материалами, а выдержками из письма самого же Раскольникова. Это уже что-то новое в научной аргументации! Но, может, письмо Раскольникова действительно содержит в себе объективную истину, к которой стоит прислушаться? Обратимся к письму, которое Поликарпов постарался опубликовать почти полностью. В чем упрекает Раскольников Сталина?

1. «Вы воскресили институт политических комиссаров». А разве этот институт упразднен сейчас, разве он не оправдал себя во время Великой Отечественной войны, разве сейчас он не является в армии опорой нашей партии? Кто подымал в атаку бойцов, кто поддерживал боевой дух армии в самые критические моменты, кто нес во время атаки знамя и погибал с ним первый — комиссары. Разве не так, уважаемый доктор наук?!

2. «Вы зажали искусство в тиски, от которых оно задыхается и вымирает». И это было сказано тогда, когда происходило становление национальных искусств народов, до революции не имевших не только искусства, но даже письменности. В период расцвета многих театральных коллективов, кино, изобразительного и музыкального искусства. Когда речь идет о «бездарных графома-

пах», вероятно, имеются в виду М. Горький с «Климом Самгиным» и со своими гениальными пьесами, М. Шолохов с «Тихим Доном» и «Поднятой целиной», А. Толстой с «Хождением по мукам» и «Петром I», В. Маяковский, К. Федин, А. Фадеев, Ф. Гладков, А. Гайдар, Л. Леонов, В. Катаев, Н. Островский, Ильф и Петров, и несть числа им — вся классическая советская литература пришла к нам из 30—50-х годов. Или это Вам неизвестно, уважаемый ученый, солидаризирующийся с каждым словом письма Раскольникова? Напомнить Вам наших музыкантов, композиторов, художников, скульпторов, режиссеров, артистов тех времен, ставших достоянием не только нашей, но и мировой культуры? Или Вы сами, с помощью популярной литературы, восстановите пробелы в Вашей памяти?

3. «Вы лишили советских ученых (...) минимума свободы научной мысли». А как же без научной мысли создавались труды В. И. Вернадского, А. Н. Крылова, А. Е. Ферсмана, И. П. Павлова, С. А. Чаплыгина, И. В. Мичурина, С. Н. Бернштейна, А. Е. Фаворского, В. А. Стеклова, Н. Д. Зелинского, Н. С. Курнакова, Д. С. Рождественского, Л. В. Писаржевского, П. Л. Капицы, Л. Д. Ландау, Н. Н. Семенова, А. Ф. Иоффе, И. В. Курчатова, И. Е. Тамма, Н. Е. Жуковского и многих других ученых, которых я не назвал не потому, что не чту или не помню, а потому, что список бы был слишком велик? Каждое имя — это научная школа мирового значения. Именно эти люди заложили основы нашей современной советской науки. Так что утверждение Раскольникова — «лучшие ученые бегут из Вашего «рая», также не имеет под собой почвы. Факт измены Родине двух химиков-органиков академиков В. Н. Ипатова и А. Е. Чичибабина никак нельзя связывать с культом личности, один сбежал за границу в 1927 году, другой — в 1930-м. Да, молодое Советское государство как могло старалось обеспечить им нормальные условия для научной работы и жизни, но за границей им заплатили больше, и они продали свои знания и талант, а вместе с ними и Отчизну. Разве такое случалось только в 30-е и 40-е годы?! Хочу особо отметить — все лучшее в науке, что они сделали за свою жизнь, было сделано ими у себя на Родине.

Я допускаю, что гуманитарий В. Поликарпов не знаком с историей всей нашей науки, поэтому и в этом вопросе солидарен с Раскольниковым. Но знать историю гуманитарных наук человек с научными степенями обязан. Напомню ему только несколько славных имен наших обществоведов, успешно работавших в то время: Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, В. С. Немчинов, А. М. Деборин, П. Ф. Юдин, Д. Н. Ушаков, К. Н. Корнилов, П. П. Блонский, В. В. Виноградов, В. Ф. Асмус, К. В. Островитянов, Д. Д. Благой, Н. К. Гудзий. Список можно было продолжить. Сейчас, пожалуй, некому сравниться с этими корифеями научной гуманитарной мысли. Работы академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле поражают не только огромной эрудицией, глубиной исследований, но и блестящим литературным стилем: ими зачитывались и неспециалисты. Это были настоящие популяризаторы науки. Я не хочу сказать, что в то время не было псевдоученых и конъюнктурщиков, они были во все времена в большей или меньшей степени. Сравнивая сегодняшнюю науку с тогдашней, могу с уверенностью сказать: как ни странно, в 20—50-х годах — в меньшей.

4. На риторический вопрос Раскольникова: «Где лучший конструктор советских аэропланов Туполев?», можно ответить однозначно: великий патриот и гражданин, авиаконструктор и ученый А. Н. Туполев всегда был со своим народом. Ему он служил верой и правдой всю свою жизнь. Я знал этого замечательного человека и смею это утверждать. Даже тогда, когда Туполев был несправедливо взят под стражу: чья-то вражеская рука передала в фашистскую Германию чертежи его новых военных самолетов, он оставался верным сыном своей Родины.

5. «Агенты гестапо и японская разведка (...) в изобилии подбрасывают Вам подложные документы, порочащие самых лучших, талантливых и честных людей». Все было не так просто. О существовании заговора среди военных и сторонников Л. Д. Троцкого и его последователей сообщил нашему правительству президент Чехословакии Э. Бенеш, а не агенты гестапо и японская разведка. Была ли это провокация или преднамеренная фальсификация? Без авторитетных документов на этот вопрос трудно ответить, если мы хотим установить объективную истину. Для установления исторической правды эту версию не трудно проверить при помощи наших чехословацких товарищей, изучив архив Бенеша. Следует обратить также внимание на гипотезу, предложенную историком В. А. Козловым, она мне кажется перспективной и требует дальнейшей научной разработки (см.: «Коммунист», 1987, № 12, с. 75). «Подложные документы», о которых пишет Раскольников, если они сохранились, также, во избежание кривотолков, следует предать огласке и серьезно заняться ими.

Надо отдать должное Раскольникову — в своем письме он бывает объективнее своего защитника. Поликарпов пишет: «Сталин пребывал в плену иллюзий о возможности предотвращения военного конфликта с Германией», а Раскольников утверждает, что в 30-х годах мы «преобразовали Красную Армию по последнему слову техники и сделали ее непобедимой». К слову, об «иллюзиях» Сталина. Пора снять пелену с глаз. Страна лихорадочно наращивала военную мощь, отказывая себе во всем необходимом, а наши историки уверяют нас, что глава государства не верил в возможность войны. А как же быть с цифрами? Самолетов в 1931 году мы имели 860 штук, в 1938 — 5469, танков соответственно 740 и 2271, орудий 1911 и 12 340 и т. д. Это было на пределе наших производственных возможностей. Проводилась колоссальная работа по военной подготовке всего населения нашей страны. А тщетные попытки наших дипломатов создать противогитлеровскую коалицию? Ведь только безрезультатность этих настойчивых усилий заставила СССР пойти на соглашение с гитлеровской Германией, чтобы хоть немного выиграть время, укрепить армию, создать производственные мощности по оснащению ее боевой техникой. Этот период нашей истории блестяще проанализирован в докладе М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября.

Думаю, что дальнейшие комментарии к письму Раскольникова излишни. Хочу только подчеркнуть, что письмо бывшего советского дипломата было направлено не столько против Сталина, сколько против нашего социалистического строя. Поэтому вызывает недоумение вывод В. Поликарпова: письмо Раскольникова «служит ценным источником» для исследования «причин и усло-

вия возникновения культа» и исторического опыта борьбы против него. Здесь наш ученый несколько запоздал: задолго до него подобного рода «источниками» пользовались в своих «трудах» советологи на Западе, не чураются они ими и сейчас. Если советская историческая наука будет преодолевать застойные явления в своей среде при помощи подобного рода писем, то потомки никогда не узнают правду о нашей истории.

Вернусь опять к перекосам в хозяйственной и партийной сферах, которые наблюдались в конце 50-х — начале 60-х годов.

В партийных органах было введено «двоевластие» — сельские и промышленные райкомы и обкомы, — которое не только способствовало непомерному раздуванию штатов, но и затрудняло руководство регионом как политически, так и экономически. Необдуманная директива «об укрупнении» колхозов, когда повсеместно, без разбора, началось выселение крестьян с хуторов, из деревень и аулов, где они жили веками, где сложился их уклад, традиции, трудовые навыки, на центральные усадьбы, не принесла ни экономического, ни духовного, ни нравственного эффекта. Сейчас мы тщетно пытаемся воскресить заброшенные деревни и аулы. Продовольственная программа, которую наметила наша партия, фактически исправляет ошибки того времени: именно тогда были ликвидированы индивидуальные подсобные хозяйства, как в сельской местности, так и в городских поселках. Это нанесло государству не только материальный (исчезли с прилавков магазинов многие продукты животноводства и сельского хозяйства), но и нравственный ущерб.

Не буду останавливаться на совнархозах, которые практически ничего не изменили к лучшему в нашем народном хозяйстве, а только потребовали при перестройке огромных денежных средств, на пресловутой кукурузе и на других реформах тех лет, которые в конце концов себя не оправдали. Коснусь только похвального слова академика А. Сахарова в адрес Хрущева, напечатанного в «Московских новостях», 1987, № 45, 8 ноября. Он пишет: «Одним из его шагов было значительное сокращение армии и вооружения в СССР». Хочу поставить точки над «и» в этом вопросе. В 1955—1957 годах (я в это время работал заместителем Председателя Госплана СССР и занимался военной промышленностью) некоторым ответственным руководителям вскружили голову успехи оборонной промышленности в создании атомного, реактивного и других видов нового вооружения — они стали недооценивать развитие авиации, классического вооружения, бронетанковой техники, судостроения. «За ненадобностью» тогда нами было односторонне уничтожено огромное количество современной военной техники.

Мне думается, что в разговор о том, что же мы берем и развиваем из политического, экономического и духовного опыта 1960-х годов и от какого наследства нам полезно отказаться, какие уроки нам необходимо извлечь из ошибок того периода, должны наконец подключиться наши общественные науки.

Ученый может любить или не любить тот или иной факт истории, ту или иную историческую личность, но он не должен тенденциозно относиться к ним или игнорировать их. Если вырывать отдельные звенья из истории, замалчивать их, сваливать все в одну кучу, то это приведет к тому, что пропадет правда истории.

Не уяснив теории, мы не поймем сущности достижений и оши-

бок прошлого, а следовательно, не сможем правильно ориентироваться в нем. Однако если ученый одержим одной мыслью — все, что делалось раньше в теории нашей партии, плохо, что тогда процветал догматизм, субъективизм, аксиоматизм, конъюнктурщина, эклектика, то от такого исследователя нельзя ждать работ, правильно отражающих действительное положение дел.

То там, то тут в периодической печати появляются лихие высказывания, плохо продуманные скороспелые обобщения, за которыми стоят некомпетентность и предвзятость. Договорились до того, что призывают спорить с десятиклассниками, при каком строе мы живем. Вот диалог между Дм. Губиным и учителем волоколамской школы («Огонек», № 42, 1987, с. 15):

«— Меня спрашивают, — невесело произнес учитель, — при каком строе мы живем? Раньше я диктовал им, что мы живем в обществе развитого социализма, потому что его в основном построили, затем — что приступили к строительству, а что я должен диктовать сейчас?

— А ничего диктовать не надо. Что словами бросаться? Посоветуйтесь...» Вот так-то... Губин даже не понимает, что берет под сомнение название нашей страны: Союз Советских Социалистических Республик. С легкой руки лихого корреспондента нам придется, видимо, его изменить.

Литература и публицистика часто перечеркивают марксистско-ленинскую методологию в оценке исторических событий, утверждая, что она не дает раскрыть правду, отрицает ее необходимость в философии. А как же быть с такими понятиями, как идейность, партийность, народность? Они тоже устарели и потеряли свою значимость? Об этом речи нет. А ведь наука должна чураться и безыдейности, с одной стороны, и догматизма, вульгарного социологизма — с другой. Я знаю, что со всем этим злом бороться трудно, ибо сверхактивность некоторых ретивых литераторов не имеет границ. Но это делать нужно, так как все эти идеологические наскоки не служат воспитанию в людях социальной и гражданской активности, патриотизма, интернационализма, политической сознательности, духовности.

Задача публициста, писателя помочь человеку понять великий смысл строительства коммунизма, обрести веру в реальность наших целей, найти свое место в борьбе за перестройку, помочь стать ему гражданином и патриотом. Нам нужна публицистика высокого класса, умеющая видеть суть стоящих перед перестройкой проблем, поддержать новое, осудить негативное, помогающая преодолевать самоуспокоенность, инертность, равнодушие, желание потреблять, не созидая. О назначении же исторической науки хорошо сказано в журнале «Коммунист»: «Надо, чтобы история социалистического Отечества щедро питала чувство гражданского долга каждого советского человека, надо, чтобы это была честная, мужественная, увлекательная история, не обходящая драматизма событий и человеческих судеб, чтобы во всей полноте и величии был показан героический путь страны и партии — путь Октября, путь первопроходцев» (1987, № 12, с. 79).

Надо развивать и укреплять гласность в интересах народа, в интересах социализма. Иного смысла, иного пути для нас нет и быть не может.

М. И. МАЛАХОВ,
г. Москва

«ХОЧУ ВЫСКАЗАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ...»

(ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ)

...Я человек, родившийся в военное время, детство мое было не из легких, но я не сетую на судьбу. Не буду рассказывать о своей жизни, но хочется остановиться и излить душу о тех давних временах. О них сейчас много говорят. Говорят разное.

В наше время — время гласности, перестало быть секретом, да это было вообще-то и раньше известно, что в 30-е годы у нас внутри страны политическая обстановка была очень тяжелая, и если бы не твердая рука тов. Сталина, то неизвестно чем бы все это кончилось. Завоевания Октября были укреплены! Сейчас можно это время и критиковать, и очернять — все дозволено. Если руководство нашей партии было такое плохое, то и родители (отцы, матери, деды) были плохими воспитателями моего поколения? Отец у меня был коммунист, воевал с фашизмом, был ранен, имел награды, а потом за восстановление сельского хозяйства был удостоен звания Героя Социалистического Труда. И я думаю, что мне стоило учиться у него честности и порядочности. А он, как Вы поняли, был человеком сталинской закалки. И до последней минуты оставался честным коммунистом, человеком.

Я видел в детские годы, как наша страна поднималась из руин! Как люди с большим подъемом и энтузиазмом работали на восстановлении хозяйства Советского государства. Одеть, обуть, поесть — не было, а люди были счастливы. Жизнь с каждым годом улучшалась где-то до 60-х годов, но потом все пошло почему-то на спад. Почему? Главное — упала дисциплина, а отсюда все вытекающие последствия.

Не берусь судить бывших руководителей нашей страны, у них были и положительные и отрицательные стороны, но ясно, что и заслуги у них перед партией и народом немалые и зачеркивать их не надо...

Э. П. ЧАЛИН,
г. Красноярск

...Хочу высказать свое мнение.

1. До тех пор, пока какие-то негативные явления нашей жизни существуют, замалчиваются, не исследованы, именно к ним будет привлечено внимание честных писателей. Так в России было и, надеюсь, будет всегда.

2. До тех пор, пока наша история фальсифицируется и обеляется, именно к негативным ее фактам будет привлечено внимание честных историков, писателей, публицистов. Это ложь и самообман, что ложью, полуправдой и замалчиванием можно воспитать молодежь, «заставить» ее поверить в социализм.

3. До тех пор, пока в нашей литературе будут существовать незаслуженно забытые имена и произведения, именно к ним будет привлечено внимание честных читателей, интересующихся историей страны и ее литературой. Только люди и время могут дать объективную оценку писателям и их работе, но для того, чтобы это произошло, люди должны читать и оценивать эти работы сейчас, а не через 300 лет. И не следует объявлять прежние приговоры таким именам и работам приговорами истории. Стоит вспо-

мнить, кто формировал эту «историю» путем наклеивания ярлыков антипатриотизма на несогласных.

4. Среди руководителей Советской страны было много порядочных людей, имена которых сейчас возвращаются нам на страницах «Нового мира», «Огонька», «Известий» и ряда других периодических изданий. С некоторыми из этих имен связаны такие образцы героики и патриотизма, которые единственные могут служить гарантией того, что черные страницы нашей истории останутся в прошлом.

5. Среди тех, кто пишет о наших недостатках, есть конъюнктурщики. Еще больше их среди тех, кто о недостатках не пишет. И что же это доказывает?

Не как писатель, а как гражданин хотел бы присоединить свое имя к списку тех, кто думает, что мы должны снять грубые, бессовестные, лживые обвинения с Мандельштама, Ахматовой, Зощенко и других писателей, которых отличал не только талант, но и мужество не торговать своими убеждениями.

А. РОЙТМАН,
г. Москва

...Литература в нашей стране должна быть партийной, она всегда должна воспитывать благородство человеческой души, любовь к родному Отечеству, к труду. В ней не должны иметь место ни обывательская накипь, ни субъективные страсти, ни злорадные эмоции.

И если отдельная кучка людей, имеющих доступ к средствам негативной информации, пытается организовать натиск в направлении очернения нашей родной истории, пытается втоптать в грязь имя матери-Родины, то этой кучке надо давать отпор... Люди, легко предающие свое прошлое, в удобный для них момент предательски отрекутся и от настоящего.

И. П. РЕКАДЗЕ,
г. Ленинград

...Жесток был Сталин? Жесток, были ошибки, даже тяжелые. Оценка Сталину дана нашей партией. Но сколько можно третировать его? Разве не под руководством Сталина наш народ победил злейшего врага человечества — фашистскую Германию? И далее — все политические деятели: Хрущев, Брежнев и другие (не говоря уже о руководителях меньшего ранга) — были так уж плохи? Да, были у них недостатки, ошибки. Но разве они только в них повинны? Всем им партия дала тоже принципиальную оценку. Но зачем же без конца смаковать, нагнетать неуважительное отношение к ним?

Предвзято очерняя наше прошлое, наших всех бывших политических деятелей, выпячивая негативные явления прошлых лет и делая это методично через нашу печать, радио и телевидение, мы убиваем у молодежи то, чем мы всегда гордились, — веру, убежденность, преданность идеалам коммунизма. При нехватке в первые месяцы войны оружия мы шли в бой с верой и убежденностью в свою победу, и в конце концов мы победили! А ныне мы охаиваем почти все, чем раньше жили. Поэтому нет ничего удивительного, когда молодежь спрашивает со страниц «Комсомольской правды» — как нам жить дальше? Кому и во что верить?

...Не секрет, что, открывая газету или журнал, ныне ищут — где критика политических руководителей прошлого? И начинаются суды и пересуды. Все это обывателю лишь на руку.

Причем, критикуя бывших политических руководителей, стоявших у власти и много сделавших для Отчизны, некоторые стараются обелить Троцкого и других. Вроде бы и не Ленин, а он, Троцкий, совершил революцию. Печатают о них материалы на страницах центральных газет. А надо ли это делать? Зачем создавать мнение о необходимости изучения вновь концепции Троцкого, ее переоценки? Что тут не ясно? Дел других нет у нас?

...Я не за то, чтобы не осуждать ошибки прошлого, нет. Но надо знать и меру, и такт. Надо воспитывать наш народ, особенно молодежь на героике прошлых и настоящих лет, на патриотизме, которым славится наш народ. Вспомните времена, когда, холодные и голодные, мы отстояли нашу революцию, наше государство! А как трудились в мирные дни! Разве не показывал наш народ образцы героизма на строительстве Магнитки и Днепрогэса, в шахтах и на колхозных полях. Этим надо восхищаться и на этом воспитывать молодое поколение...

И. СЕИН,
г. Курск

...Мне жаль прожитой жизни... Что мы с вами видели?

Отцов расстреливали, детей заставляли отрекаться от них. Отучали от личных мыслей. Вдолбили психологию муравьев, мировоззрение «винтиков». Превратили в безнравственных роботов, живущих, чтобы работать.

Скрывали мировую литературу, кинематограф, живопись. Вместо литературы нас заставляли читать «Балуева», «Секретаря обкома», «Кавалера», «Алтунина...» Заставляли восторгаться «Свинаркой», рабской мазней бродских, ефимовых, налбандянов... Услужливо подсовывали «плодово-выгодное» — лишь бы люди не думали... Господи! Мы уже до того дошли, что стали ставить памятники... доносчикам! Он до сих пор стоит, несчастный парнишка — на Пресне — вечный наш стыд и позор...

И весь этот кафкианско-оруэлловский ирреальный мир вы беретесь защищать? Мир посредственностей, холуев...

Лепечут в оправдание: мол, Магнитки, Днепрогэсы, балет, шахматы... Да сотня Магниток и балетов не перетянут одного ГУЛАГА!

М. М. ГОСТЕВ,
г. Воронеж

...Сейчас гласностью, как великим завоеванием народа, хотят воспользоваться (и уже пользуются!) бездарные людишки, примазавшиеся к советской, русской литературе...

Почему им предоставляется место на страницах наших журналов и газет?

Почему им позволено плевать на признанные народом нашим духовно-нравственные ценности?

С. В. БЛОХИН,
г. Ростов-на-Дону

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

Творчество выдающегося советского поэта, лауреата Ленинской и Государственных премий Александра Трифоновича Твардовского вызывает непреходящий интерес советского литературоведения. Монография воронежского ученого В. М. Акаткина посвящена малоизученному раннему периоду творчества А. Т. Твардовского.

«О крупном художнике мы судим по его вершинным творениям, большую реку представляем по широкому и могучему течению. Однако они имеют свои начала, свои истоки», — читаем в книге. Исследование Акаткина ценно стремлением «увидеть, как рождается поэт, как складывается его художественный мир». И преимущественное внимание здесь уделено проблемам становления личности поэта, формирования образной, жанровой системы (они удачно рассмотрены на фоне советской поэзии 20-х и начала 30-х годов). Гражданское и писательское становление Твардовского прослеживается в русле постижения идейно-эстетических задач («старое и новое», «дом и мир») его поэзии.

Работа Акаткина полемична. Существовало вполне устоявшееся мнение, что Твардовский пришел в большую литературу сразу «Страной Муравией», что он мгновенно взошел на литературный Олимп. Даже С. Я. Маршак считал: «Твардовского мы «начинающим» не помним». Добавим, что и сам Александр Трифонович часто просил не брать в расчет его ранних произведений.

Есть определенный риск в подобном разговоре, но воронежский ученый имел основания опираться в спорах о раннем Твардовском на самого Твардовского: «Все написанное и напечатанное в эти годы, а также мои рабочие записи и незаписанные впечатления поездок, встреч — все это было как бы подготов-

В. Акаткин Ранний Твардовский. Проблемы становления. Воронеж, Изд-во Воронежского государственного университета, 1986.

кой к «Стране Муравии» («О «Стране Муравии»). Исследователь самым кропотливым образом изучил напряженное десятилетие сложного становления Твардовского-художника.

Прав автор предисловия А. М. Абрамов, считая, что и сам Твардовский, и его раннее творчество — это следствие огромной работы, которая проводилась Советской властью по осуществлению социальных, культурных перемен на огромных пространствах России. Судьба вчерашнего селькора А. Твардовского и его путь в большую литературу типичен для первых послеоктябрьских десятилетий. Читая книгу, как бы входишь в бурлящую атмосферу послереволюционной нови, когда тысячи юношей и девушек из глубинки шли в поход за знаниями.

Поражает работоспособность молодого Твардовского-поэта, газетчика. Его статьи, очерки, стихотворения появляются на страницах газет и журналов («Рабочий путь», «Смоленская деревня», «Красноармейская правда», «Наша деревня», «Октябрь», «Огонек», «Крокодил», «Лапоть»). Активно печатался он в молодежно-комсомольской печати.

Исследователь отмечает многообразие жанров, тем в идейно-эстетических поисках молодого Твардовского. В своих корреспонденциях, стихах и поэмах он затрагивал «болевые» проблемы времени. Справедливо указывается, что без учета динамики, сложных поисков своего пути в творчестве трудно понять позднего Твардовского. Рядом с юношескими, робкими, порой незрелыми вещами («Новая изба», «Наш праздник», «Селькоровское», «Тихий дом») уже появляются стихи «Урожай», «В глуши», «Ночной сторож», «Перевозчик», «Весенние строчки», «Матери», отмеченные свежими приметами новой жизни. Если напомнить, что за десятилетие (1925—1936) им было опубликовано более трехсот стихотворений и прозаических произведений, то становится понятной и очевидной чрезмерная строгость поэта к своему раннему творчеству. Объективный подход исследователя выявляет обратное известному утверждению Твардовского о себе: «Писал я тогда очень плохо, ученически беспомощно, подражательно». В. Акаткин доказывает, что были в его стихах свои скромные находки, заметен настойчивый поиск, кропотливый поэтический труд.

Работа юного селькора и поэта не всегда встречала понимание в окружающей литературной жизни. На большом материале Акаткин воссоздает своеобразие идейно-эстетических поисков А. Твардовского. Поистине в те сложные годы многие одаренные авторы, в том числе и молодой смоленский поэт, выбирали героя «не завершенного, а находящегося в процессе социального становления». Действительно, эти герои к читателю повернуты своими противоречиями, сомнениями. Именно это, считает автор, становилось причиной массированных критических атак на его творчество. В работе представлены нелегкие перипетии борьбы вокруг Твардовского, характеризующиеся крайними полюсами похвал и «разносов». В 1930 году они завершились исключением молодого поэта из рядов Смол-АППа. Определенная часть критики сочла его поэзию образцом «буржуазной расхля-

банности». В некоторых статьях в «лоб» спрашивалось: «Барчук или пролетарский поэт?» Все крупные вещи Твардовского — «Дневник председателя колхоза», «Вступление», «Мужичок горбатый» — наталкивались на волну предвзятых оценок.

Обоснованно в эти годы А. М. Горький, А. Н. Толстой, М. С. Шагинян, А. Воронский говорили о тревожном положении дел в критическом «цехе» (как верно отмечает Акаткин, на многих диспутах «неистовые ревнители» открыто утверждали о «пользе битья» молодых писателей). «Чем больше его бьют, дергают, подстригают и уничтожают и чем неосновательнее это битье, дергание и истребление, тем для него, таланта, лучше», — считали некоторые критики в эти годы.

К счастью, была и другая критика, которая существенно влияла на становление таланта Твардовского. В эти годы о его творчестве писали А. Тарасенков, В. Смолин, Д. Осин, Е. Марьенков, А. Македонов. Я. Синельников видел в его выступлениях «бесспорное достижение нашей областной художественной литературы, свидетельство ее значимости и актуальности». Существен вывод Акаткина о том, что в целом смоленская критика к Твардовскому была довольно внимательна. За десять лет (1926—1936) появились восемьдесят критических откликов о поэте.

Развивая живительные традиции эпоса и лирики Пушкина, Кольцова, Некрасова, удивительно перекликаясь и в чем-то споря с Есениным, Маяковским и другими современниками, Твардовский находил новые формы и краски в решении темы социалистической нови. На малоизвестном материале исследователь показывает, что в творчестве автора поэмы «Путь к социализму» главным героем стихов и поэм становится человек труда. Заметен спор с критиками, которые без достаточного обоснования признали ранние поэмы Твардовского неудачными.

Глава «Формирование художественного мира (старое и новое)» открывает новую страницу в литературе о А. Т. Твардовском. Абсолютно верно подмечена недостаточная изученность проблемы историзма на материале истории советской поэзии. Проблема старого и нового в литературе и искусстве позволяет существенно прояснить некоторые аспекты. «Лишь диалектическое понимание старого и нового, — считает автор, — приближает нас к научному постижению литературного процесса, необходимых и надуманных противоречий в нем». Эта проблема действительно сквозная, и рассмотрение ее позволяет уяснить важные грани современного литературоведения. Юный Твардовский, в отличие от многих так называемых крестьянских поэтов, наблюдает деревню изнутри, а поэтому не прихорашивает ее, напротив, иногда сгущает темные краски. Социалистическая новь нашла в нем своего страстного певца (Акаткин справедливо называет Твардовского поэтом, тяготеющим не только к крестьянскому, а общенародному характеру). «Мир трудящихся людей, в основе которого народная этика, становится главным объектом изображения, своего рода центром художественного мира Твардовского», — считает Акаткин.

Обновление традиционных мотивов русской поэзии ярко ощутимо в разработке темы труда, памяти, старости, женской доли. Появление новых образов давало возможность поэту рельефно представить процесс духовного обновления человека, который становится «генеральной» темой. Социализм дал возможность обновить и свои чувства, мысли, движения души, задуматься о прошлом, настоящем и будущем. «Постоянная устремленность к будущему и неизменное внимание к прошлому <...> становятся у Твардовского ведущей идейно-творческой доминантой, цементирующим началом его творчества» — таков существенный вывод исследователя.

Важен и другой вывод о том, что еще в ученический период закладывались «основы художественного мира, формировалась проблематика, образная и жанровая система стиха».

Если художественный мир Твардовского рассмотрен литературоведом на проблемном уровне, то образная и жанровая система стиха — на структурном. Убедительное выявление особенностей формирования образа героя (эпического и лирического), образа дома и мира, категории жанра, фиксирующего поиски раннего Твардовского, — все это сделано автором интересно. Проблема форм выражения авторского сознания поэта привлекала исследователя и раньше, но здесь она прослеживается в свете становления художественного мира раннего Твардовского. Как характерная тенденция эволюции поэта отмечается наличие процесса эпизации лирики. У автора «Страны Муравии» он протекал своеобразно — от лирики к эпосу, от субъективно-оценочных форм выражения к изобразительно-эпическим, от героя лирического к эпическому. Верно указывается, что творческие поиски подкреплялись опытом и других поэтов (П. Васильев, М. Исаковский, А. Прокофьев, Я. Смеляков).

Идейно-эстетическими поисками Твардовский был на путях к эпосу, большой социально и эстетически значимой теме строительства социализма. Фактическим и теоретическим материалом своей монографии Акаткин как бы дает понять читателю, что мысли А. Фадеева о возможности создания нашего социалистического эпоса, высказанные на Первом съезде советских писателей, легли на подготовленную «почву» творческих поисков автора «Страны Муравии».

Работа ученого ценна стремлением «реконструировать» ранний этап становления крупного художника, имеющего немаловажное значение не только для истории, но и практики современной литературной жизни. Действительно, это школа для молодых литераторов. Ведь за десять лет Твардовским было написано 224 стихотворения, 112 прозаических произведений, шесть поэм, две повести, четыре пьесы. Как видим, у поэта на раннем этапе преобладает число стихотворных произведений. Твардовский, бесспорно, мог развиваться в лирического поэта, но сама эпоха диктовала свои формы. Поистине Твардовскому «эпос был внушен его временем». Поэтические циклы, многие стихотворения тяготели к поэмам. Очень многое уже в раннем творчестве выдает в нем будущего автора «Страны

Муравии», «Василия Теркина», поэмы «За далью—даль». Всей суммой решенных проблем автор книги демонстрирует, что становление личности и таланта А. Т. Твардовского неразрывно связано с общим ходом жизни и литературным процессом 20-х и начала 30-х годов, с утверждением социалистических идеалов в сознании крестьянства и народа, метода социалистического реализма в литературе. Концептуальность, историзм, богатый фактический материал, основательное владение методом исследования актуальной проблемы — все это дает основание считать работу Акаткина заметным вкладом в изучение жизни и творчества Александра Твардовского, крупнейшего мастера русской советской поэзии.

Н. МУРАДЫМОВ

ОСТАНЕТСЯ ЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ?

Взгляните на полку научной фантастики в любой библиотеке. Переплеты книг скажут вам, что почти каждая из них читана не один раз...

Что же такое научная фантастика и в чем ее притягательная сила? Большой знаток и поклонник этого жанра космонавт Виталий Севастьянов так определяет ее сущность. «Научная фантастика,— пишет он, — это литературный жанр, описывающий события, явления, которые подвластны законам, еще не открытым или недостаточно исследованным». Но чем можно удивить и увлечь нашего читателя — свидетеля бурного прогресса современной науки и техники, когда подобных явлений становится катастрофически мало? Дело в том, что рост возможностей науки укрепляет в е р у в безграничность этих возможностей, тем самым поддерживая и развивая такое свойство человеческой психики, как склонность к фантазированию и интерес к фантазии, которые В. И. Ленин назвал «качеством величайшей ценности».

История науки дает нам немало примеров того, как смелые, стоящие на грани правдоподобия идеи прогрессивных ученых опережали свою эпоху на несколько поколений. И самый удивительный из них — Константин Эдуардович Циолковский, который на рубеже XIX и XX столетий, невзирая на насмешки и скептицизм окружающих его людей, говорил и писал о предстоящем запуске искусственного спутника Земли, о полетах к Луне и Марсу, об исследованиях космического пространства, стал создателем теоретической космонавтики, первым указал реальный путь проникновения человека в безграничные просторы Вселенной.

Он обладал удивительной глубиной мышления, огромным разнообразием творческих интересов, занимался философией, биологией, геоло-

---

К. Э. Ц и о л к о в с к и й. Грезы о Земле и небе. Сборник научно-фантастических произведений. Приокское кн. изд-во. Тула, 1986.

гией, много труда им было вложено в астрономические исследования, в решение ряда проблем физики. Но существует еще одна грань творческой личности: он создавал прекрасные научно-фантастические произведения, бывшие как бы первой, начальной «прикидкой» разработки его революционных идей.

Однако современный читатель, особенно молодой, с этой стороной творчества Циолковского почти не знаком. Это величайшая несправедливость! Больше четверти века назад небольшим тиражом вышел сборник научно-фантастических произведений К. Э. Циолковского «Путь к звездам», да недавно для юных читателей была издана повесть «На Луне».

В этих условиях появление книги К. Э. Циолковского «Грезы о Земле и небе» не только своевременно, но представляет огромный интерес. Книга является антологией научно-фантастических произведений К. Э. Циолковского, ее составитель, писатель Юрий Медведев, поставил перед собой благородную цель — напомнить людям о «фантазиях» великого ученого: «Пусть это всего лишь частица, крупица творческого наследия, но крупица-то воистину золотая. Ибо освящена вдохновением гения».

Уже в своей первой фантастической повести «На Луне» (1887 г.) К. Э. Циолковский проявил не только свой гений ученого, но и талант писателя-фантаста. «На Луне» — живой, эмоциональный рассказ о необычном мире ближайшего к нам космического тела. Известные данные об этой планете преподнесены читателю в занимательной форме фантастического путешествия героя повести и его друга-физика, волею судьбы оказавшихся вместе с привычным земным домом в необычайных условиях лунного мира.

Несмотря на то что высказанные автором догадки о природе спутника, состоянии его поверхности, отсутствии атмосферы и жизни на Луне, бывшие в то время фантазией автора, сейчас известны каждому школьнику, повесть воспринимается с огромным интересом. Главное в ней то, что удаленный от нас на тысячи километров загадочный мир описан как бы изнутри человека. Мысль Циолковского «улетела на Луну», и наше воображение заставляет нас вместе с героями повести испытывать необычное состояние уменьшения силы тяжести, воздействие прямых лучей открытого Солнца, тоску одиночества и сказочную радость новых открытий. Мы «скользим, как тени, как привидения, бесшумно касаясь ногами приятно согревающей почвы», и перед нашим пораженным взором открываются величественные картины небесного пейзажа: «Солнце было ослепительно и казалось синеватым. Закрыв глаза руками от солнца и блиставших отраженным светом окрестностей, можно было видеть звезды и планеты, также большей частью синеватые. Ни те, ни другие не мерцали, что делало их похожими на вбитые в черный свод гвозди с серебряными головками».

Необычайный «эффект присутствия» усиливается достоверностью, научностью повествования. Фантастика использована автором лишь как художественный прием, как форма, которая позволяет ярче, нагляднее показать слож-

ность реального лунного мира.

Существует мнение, что Циолковский при создании своих произведений чрезмерно фантазирует, особенно когда переходит к описанию воображаемой жизни разумных существ на всевозможных планетах — Меркурии, Марсе, Весте и т. д. («Изменение относительной силы тяжести»). Мы должны признать это замечание справедливым. Да и сам Константин Эдуардович писал в «Научной этике»: «Предполагать существование органической жизни на иных планетах не фантазия, но сообщать какую-либо определенную характеристику будет уже сказка». Но какая же это увлекательная сказка! Покинув Луну, мы волей автора переносимся на другие планеты Солнечной системы и на каждой встречаем жизнь, особенную и неповторимую: вот очаровательные маристы, которые «очень милы, но очень осторожно обходились со мной, боясь обжечься... Ласкали меня страшно...» А это жители Паллады: «Пожалуй, скажу, что их тела, снабженные изумрудными крыльями, были изящны, как драгоценные малахитовые вазы, что глаза их блистали как алмазы; ...они питались солнечными лучами, как растения, и были невинны, как цветы...» Однако «сказочное» описание диковинных планетян и цивилизаций дает простор не только фантазии, но и размышлениям о реальных проблемах, научным и нравственным обобщениям. Об этом же говорил известный советский писатель-фантаст А. Казанцев: «Тема внеземных цивилизаций интересует меня не столько как предмет фантазии, сколько как фундамент для осмысления многочисленных странных объектов, явлений и происшествий». В этом произведении, как и во всех других творениях Циолковского, немало научных идей, например, в путешествии к Весте он высказывает идею использования разумными существами солнечной энергии и даже описывает простейший тип солнечных моторов.

Как сын Земли, К. Э. Циолковский неизбежно распространяет на иные космические цивилизации общие закономерности и оценки, применимые к человеку и человечеству, выражает свое «стремление к идеалу». Уже первые работы Циолковского проникнуты пафосом добра и созидания, в них, как и во всем последующем творчестве, он «имел мирные и высокие цели: завоевать Вселенную для блага человечества, завоевать пространство и энергию, испускаемую Солнцем».

Этот дух любви к человечеству и могучее желание ему добра особенно ярко проявились в первом произведении К. Э. Циолковского, появившемся при Советской власти. «Вне Земли» (1920 г.) — произведение, наиболее ярко характеризующее творчество Циолковского в этой области. Оно повествует о том, как шестеро ученых различных национальностей объединились в замке на Гималайских горах для производства научных исследований. Мысль этих «отчаянных мечтателей» «тянулась к небу», их роднило стремление к смелым путешествиям по небесным пространствам. И хотя каждый имел отличительные особенности, это только помогало им в достижении своей цели. «Ньютон был глубокий мыслитель... с оттенком практичности и религиозности Франклин..,

рассеянный до того, что забывал, где у него правая, где левая рука ученый физик Гельмгольц.., восторженный астроном и страстный любитель искусств Галилей, по преимуществу математик Лаплас.., Иванов был большой фантазер, хотя и с огромными познаниями». Своих героев Циолковский назвал символическими именами великих ученых прошлого разных стран. Это не просто литературный прием, а отражение глубокой мысли, что завоевание космического пространства человечество может осуществить лишь коллективно. В то же время он, как патриот, страстно желал, чтобы первый запуск ракеты произошел в Советском Союзе, недаром инициатором и вдохновителем космического полета в повести является русский ученый.

В повести «Вне Земли» К. Э. Циолковский в популярной форме излагает теорию движения ракеты в космическом пространстве, образно описал условия обитания землян на космическом корабле. С юмором автор рассказывает, как люди справляются со ставшим из-за состояния невесомости непослушным миром вещей, приспосабливаются к новым условиям жизни и делают их не только пригодными, но и комфортными. Путешественники побывали на искусственном спутнике Земли, на Луне, на астероидах. Это была популярно изложенная программа освоения космоса.

Как и предыдущие произведения К. Э. Циолковского, повесть «Вне Земли» прежде всего была кличем, обращенным к неведомым единомышленникам. Но если до революции обращения ученого по большей части не получали отклика, то теперь новый читатель сразу принял идеи Циолковского с большим энтузиазмом.

Уже одно название этой научно-фантастической повести, напечатанной на первой странице тоненькой книжицы, приводило молодых горячих мечтателей в сильное волнение, она увлекала своей научностью. Казалось, если бы удалось достать все те материалы, о которых упоминалось в книге, применить данные автором расчеты, то можно было бы, не медля ни одного дня, приступить к делу.

Одним из тех, кто воплотил идеи Циолковского в жизнь, был конструктор ракетных двигателей В. П. Глушко. На него, еще юношу, книга К. Э. Циолковского произвела неизгладимое впечатление. Об этом можно судить из письма юного В. Глушко, которое он отослал ученому в те годы: «...очень и очень хорошая книга, она очень реально представляет всю картину межпланетного путешествия...»

Однако самого ревностного, самого настойчивого и самого талантливого исполнителя идеи, выпестованные Циолковским, нашли в лице гениального конструктора космических кораблей С. П. Королева. Началась эра практического освоения космоса.

В повести «Вне Земли» запуск ракеты осуществляется в 2017 году. Потрясенные жители Земли видели, «как ракета сорвалась и устремилась в наклонном положении в пространство». Люди не расходились, ожидая от своих товарищей какого-либо сигнала из космоса, когда одна из звезд «стала исчезать и появляться через равные промежутки времени.

— Нет более сомнений, — сказал Гельмгольц, — это наши. Вот они сигнализируют по азбуке Морзе... Они сообщают, что все обошлось счастливо...

Поднялся невообразимый шум, послышались радостные крики, торжествующие речи, споры, блестели глаза, сильно вздымались груди...»

А вот воспоминания очевидца старта первого искусственного спутника Земли: «Все ждали... И вот раздался радостный голос оператора-связиста:

— Есть сигнал!

И тут же из динамиков раздались позывные спутника: «бип-бип-бип». Трудно описать словами, что творилось в этот момент. Все поздравляли друг друга, обнимались, кричали «ура!». Стихийно возник митинг...»

К. Э. Циолковский счастливо ошибся на полвека. Первый искусственный спутник Земли был запущен в 1957 году, ко дню его столетия. Это было первое подтверждение его пророчества. Штурм космоса начался.

Выход человека в космос не сравним ни с одним из прежних научно-технических поворотов, поскольку он означает принципиально новые отношения между «земным обществом» и природой, которая практически выступает теперь в своих истинных масштабах Вселенной. Произведения К. Э. Циолковского «Монизм Вселенной», «Воля Вселенной», «Причина космоса», «Космическая философия», «Научная этика» трудно назвать фантастическими. «Можно ли считать в этой статье что-либо фантастическим? — писал ученый в «Научной этике». — Ровно ничего. Я исхожу из принципа бесконечной сложности материи». В этих произведениях Циолковский пытается найти ответ на извечный философский вопрос: «Зачем существует мир, Вселенная, Космос, Человек?»

Опираясь на космическую практику, мы теперь вновь «открываем» для себя Циолковского, который впервые связал космос с реальным бытием человека, приоткрыл пути научно-технического и социального движения человечества за пределы нашей планеты.

Космические воззрения Циолковского представляют собой мысленный рывок далеко вперед от весьма приземленной действительности, окружавшей его. Сейчас, реально побывав в космосе, человек понял, что главная задача не покинуть свою планету и освоить иные миры, как об этом мечтал Циолковский, а п о з н а т ь Землю из космоса, использовать космос для улучшения жизни на самой Земле. Это не означает, что мечты основоположника теоретической космонавтики нереальны, лишены смысла, просто всему свой черед.

Во второй раздел книги «Грезы о Земле и небе» включена автобиография К. Э. Циолковского «Черты моей жизни», которая впервые издается массовым тиражом. «Эти заметки, — пишет Ю. Медведев, — содержат множество сведений о личности самого Циолковского и окружавших его людей, дают представление о тех трудных условиях, в которых жил и творил в дореволюционной России наш гениальный соотечественник». Здесь же отмечено, что в издании сохранены особенности стиля, присущие К. Э. Циолковскому.

Каковы же эти особенности? В неопубликованной работе «Беседы о Земле» К. Э. Циолковский писал о своем стиле: «Мне просто удобно писать так, как я пишу... Дело ведь в том, чтобы сообщить как можно короче и проще то, что людям нужнее всего знать».

Язык автора прост, эмоционален, полон красочных, неожиданных метафор, наглядных сравнений. Для убедительности он часто пользуется древним литературным приемом — диалогом. Каждая строка, написанная Циолковским, дышит, за каждым его словом — нравственное обаяние великого оптимиста, который призывал своих современников и призывает нас: «Мы мало знаем. Нас ждут бездны открытий и мудрости».

А. УКРАИНСКАЯ

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Сергей БОБКОВ, Валерий ГАНИЧЕВ, Вячеслав ГОРБАЧЕВ** (заместитель главного редактора), **Александр ИГОШЕВ** (ответственный секретарь), **Виктор КИРЮШИН, Борис ЛЕОНОВ, Михаил ЛОБАНОВ, Владимир МАЛЮТИН, Борис ОЛЕЙНИК, Александр ПОПОВ, Петр ПРОСКУРИН, Владимир СЕМЕНОВ, Владимир ФЕДОСОВ, Владимир ФИРСОВ, Евгений ЮШИН, Виктор ЯКОВЕНКО** (первый заместитель главного редактора).

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 29.01.88. Подп. в печ. 11.03.88. А00957.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 710 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 36.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ПЕРЕНОСНЫЙ
ТРАНЗИСТОРНЫЙ
РАДИОПРИЕМНИК
III ГРУППЫ СЛОЖНОСТИ

«НЕЙВА-304»

обеспечивает прием радиопередач в диапазонах ДВ и СВ. Радиоприемник имеет внутреннюю магнитную антенну. В нем предусмотрена возможность подключения внешней антенны и миниатюрного телефона. Питание — от батарей типа «Крона ВЦ», «Корунд» или от аккумулятора 7Д-0,115.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251

Письменный стол В. И. Ленина.

Кабинет и квартира В. И. ЛЕНИНА в Кремле.

Фото В. Чудакова

Комната М. И. Ульяновой (нижний снимок слева).

Диван с вышивками — подарками детей.